Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Книга мертвых

Глава 1

Утреннее солнце золотило мощеную подъездную аллею, ведущую к служебному входу Нью-Йоркского музея естественной истории, ярко освещало стеклянную будку охраны у гранитной арки. В крохотном помещении, развалившись на стуле, сидел старик, знакомый каждому сотруднику музея. Он с видимым удовольствием посасывал трубку, наслаждаясь одним из тех теплых предвесенних дней, которые иногда выпадают в Нью-Йорке в феврале, заставляя нарциссы, крокусы и фруктовые деревья распускаться раньше времени – лишь для того, чтобы неминуемо замерзнуть в конце месяца.

– Доброе утро, док! – снова и снова повторял Керли, одинаково приветливо кивая спешившим на службу клерку из отдела писем и директору по науке. Хранители назначались и уходили в отставку; директора вступали в должность, получали славу и почести, а потом с позором изгонялись. Каждый человек, возделывающий землю, обречен в конце концов оказаться погребенным под нею, но невозможно себе представить, чтобы Керли когда-нибудь покинул свою будку. Он был такой же неотъемлемой частью музея, как ультразавр, встречающий посетителей в Большой ротонде.

– Здорово, приятель!

Услышав непривычно фамильярное обращение, старик нахмурился и, подняв глаза, успел заметить посыльного, швырнувшего в окно увесистый пакет, который приземлился как раз на маленькую полку, где охранник держал табак и рукавицы.

– Послушайте! – воскликнул Керли и, выглянув из окна, замахал руками. – Эй, я вам говорю!

Но посыльный уже мчался прочь на велосипеде с толстыми шинами, и старик разглядел лишь туго набитый рюкзак у него на спине.

– О Господи! – пробормотал Керли, уставившись на сверток длиной примерно двенадцать, а шириной и толщиной восемь дюймов. Грязная коричневая оберточная бумага была перевязана старинной бечевкой, какой уже давно никто не пользуется, и выглядела так, словно посылка вместе с доставившим ее человеком побывала под колесами грузовика. Надпись, сделанная неровным детским почерком, гласила: «Музей естественной истории, хранителю коллекции камней и минералов».

Задумчиво глядя на сверток, старик вытряхнул трубку. Каждую неделю дети присылают в музей сотни посылок с «пожертвованиями» – от раздавленных жуков и самых обычных, не представляющих никакого научного интереса камней до наконечников для стрел и мумифицированных трупов животных, погибших под колесами автомобилей. Вздыхая, Керли с трудом поднялся со стула и сунул сверток под мышку. Положил трубку на полку, открыл дверь и, моргая, вышел на солнечный свет. Потом направился в сторону отдела корреспонденции, который находился всего в нескольких футах от его будки, – чтобы попасть в него, нужно было лишь перейти подъездную аллею.

– Что это у вас, мистер Таттл? – раздался голос у него за спиной.

Керли обернулся и увидел Дигби Гринлоу, недавно назначенного помощником директора по административным вопросам, – тот выходил из туннеля, ведущего от служебной парковки.

Керли ответил не сразу. Ему не нравился Гринлоу с его снисходительным «мистер Таттл». Несколько недель назад помощник директора сделал ему замечание – дескать, он недостаточно тщательно проверяет пропуска у сотрудников, «практически не заглядывает в них». Черт возьми, ему и не нужно в них заглядывать! Он в лицо знает каждого служащего музея.

– Посылка, – нехотя пробормотал старик.

В голосе Гринлоу зазвучали менторские нотки:

– Посылки полагается сдавать непосредственно в отдел корреспонденции. А вы не должны покидать свой пост.

Керли продолжал идти. Достигнув определенного возраста, он обнаружил, что самый верный способ бороться с неприятностями – делать вид, что их нет. Вот и сейчас он слышал, что шаги помощника по административным вопросам у него за спиной ускорились, но не остановился.

Решив, что старик глуховат, Гринлоу заговорил громче:

– Мистер Таттл! Я сказал, что вы не должны покидать свой пост!

Керли наконец остановился и резко обернулся.

– Спасибо, доктор! – С этими словами он протянул посылку Гринлоу.

Гринлоу посмотрел на сверток и отвел глаза.

– Я не говорил, что собираюсь отнести его сам.

Керли стоял, насмешливо глядя на помощника директора.

– О Господи! Ну ладно. – Гринлоу раздраженно потянулся за свертком, но в последний момент отдернул руку. – Странная штуковина! Что это такое?

– Не знаю, доктор. Ее доставил посыльный.

– Скорее всего он ошибся адресом.

Керли пожал плечами. Гринлоу не спешил взять сверток в руки – наклонившись, он стал внимательно его разглядывать.

– Упаковка порвана… Вот дыра… Глядите-ка! Из нее что-то сыплется!

Керли посмотрел вниз и увидел, что угол пакета действительно надорван и из него тонкой струйкой высыпается какой-то коричневый порошок.

– Черт, что это?! – воскликнул он.

Гринлоу отступил на шаг.

– Это какой-то порошок. – Его голос стал громче. – О Господи! А это что?

Керли не двигался с места.

– Боже милостивый! Керли, бросьте его! Это сибирская язва! – Гринлоу сделал еще несколько шагов назад, лицо его исказилось. – Это террористическая атака! Кто-нибудь, вызовите полицию! Я заразился! О Господи, я заразился!

Споткнувшись, помощник директора упал на брусчатку и вцепился руками в булыжники, потом резко поднялся и бросился бежать. Почти сразу же Керли увидел двух мчавшихся к ним охранников: один перехватил Гринлоу, второй направлялся к нему.

– Что вы делаете? – пронзительно закричал административный помощник. – Не подходите! Вызовите Службу спасения!

Керли продолжал стоять со свертком в руках. Все произошедшее настолько потрясло старика, что он не мог сдвинуться с места.

Охранники побежали назад, Гринлоу последовал за ними. На несколько мгновений в маленьком дворике вновь воцарилась тишина. Внезапно ее разорвал сигнал тревоги, показавшийся оглушительным в замкнутом пространстве. Менее чем через пять минут воздух заполнился воем сирен, и началось что-то невообразимое: двор залил свет фар прибывших полицейских машин, повсюду раздавался треск работающих раций; люди в униформе быстро натягивали желтую оградительную

ленту и возводили защитные барьеры; голоса, усиленные громкоговорителями, призывали зевак разойтись и одновременно приказывали Керли бросить сверток и отойти, немедленно бросить сверток и отойти.

Однако старик не бросил свою ношу и не отошел. Он застыл в полном смятении, уставившись на тонкую коричневую струйку, продолжавшую течь из места разрыва и уже успевшую образовать небольшую горку у его ног.

И тогда появились два человека в странных белых костюмах и шлемах с пластиковыми масками. Они приближались медленно, растопырив руки, как персонажи старого фантастического фильма, который Керли видел когда-то очень давно. Одно из существ мягко взяло старика за плечи, а другое – осторожно потянуло за сверток, который тот продолжал сжимать в руках, и с величайшей осторожностью поместило его в синюю пластмассовую коробку. Затем Керли отвели в сторону, тщательно почистили его одежду, водя по ней вверх-вниз каким-то устройством, после чего надели на него такой же странный белый костюм. Все это время существа приговаривали низкими механическими голосами, убеждая Керли, что ничего страшного не произошло: сейчас его отвезут в больницу, где возьмут кое-какие анализы, а потом все будет просто прекрасно. Когда на голову старика водрузили шлем, он почувствовал, что мозг его начал оживать, а тело вновь обрело способность двигаться.

– Простите, доктор, – обратился он к одному из фантастических существ, когда его подвели к стоявшему внутри полицейского оцепления фургону с распахнутыми задними дверцами.

– Да?

– Моя трубка. – Керли кивнул в сторону своей будки. – Не забудьте захватить мою трубку.

Глава 2

Доктор Лорен Уилденстайн наблюдала, как члены команды быстрого реагирования внесли в лабораторию пластиковый контейнер и поставили его под вытяжной колпак. Звонок поступил двадцать минут назад, и они с ассистентом Ричи успели приготовить все необходимое. Поначалу казалось, что наконец-то случилось нечто серьезное, нечто, напоминавшее классическую атаку биотеррористов: в крупнейшее научное учреждение Нью-Йорка доставлен пакет, из которого сыпался коричневый порошок. Но проведенный на месте происшествия анализ показал, что находившееся в нем вещество не содержало спор сибирской язвы, и Уилденстайн не сомневалась, что имеет дело с очередной ложной тревогой. За те два года, что она возглавляла лабораторию, в нее

более четырехсот раз присылали казавшиеся подозрительными порошки, но ни один из них, к счастью, не оказался веществом, используемым биотеррористами. Пока. Лорен бросила взгляд на висевшую на стене распечатку: сахар, соль, мука, питьевая сода, героин, кокаин, перец и пыль – именно в таком порядке. Этот список был свидетельством всеобщей паранойи и, черт возьми, слишком большого числа ложных сигналов о терактах.

Команда быстрого реагирования покинула лабораторию, и Лорен несколько секунд разглядывала запечатанный контейнер. Поразительно, какую панику в наши дни может вызвать пакет порошка! Его доставили всего полчаса назад, а охранник и администратор музея уже помещены в изолятор и им оказывается психологическая помощь. Причем оказалось, что в большей степени в ней нуждается именно администратор.

Она покачала головой.

– Ну и что вы думаете? – раздался голос у нее за спиной. – Террористический коктейль?

Уилденстайн не обратила на слова никакого внимания. Ричи превосходно выполнял свою работу, даже несмотря на то что в эмоциональном развитии остановился где-то между третьим и четвертым классами школы.

– Давайте попробуем рентген.

– Уже.

Из возникшего на мониторе изображения можно было заключить лишь, что в свертке находилась аморфная субстанция; он не содержал писем или каких-либо других предметов.

– Детонатора не видно, – сказал Ричи. – Черт!

– Я собираюсь вскрыть контейнер. – С этими словами Уилденстайн сорвала печати и осторожно вынула сверток из пластиковой коробки. От ее внимания не ускользнули ни неровный детский почерк, которым была сделана надпись на пакете, ни витки грубо обвязанной вокруг него бечевки, ни отсутствие обратного адреса. Все это словно специально было рассчитано на то, чтобы вызвать подозрение. Содержащаяся в посылке субстанция не была похожа ни на одно из исследованных ею веществ, применяемых террористами. Не снимая толстых перчаток, Уилденстайн с трудом перерезала бечевку и развернула сверток.

– Нам прислали мешок с песком, – фыркнул Ричи.

– Мы должны обращаться с этим веществом как с представляющим опасность, пока не докажем обратное, – возразила Уилденстайн, хотя в душе была с ним согласна. Но, в конце концов, всегда лучше перестраховаться.

– Каков вес?

– Один килограмм двести граммов. Показатели биологической опасности и опасности взрыва на нуле.

С помощью специальной ложечки Уилденстайн взяла несколько десятков крупинок вещества, разложила их в полдюжины пробирок, которые запечатала и установила на специальных подставках, а одну из них передала Ричи. Не дожидаясь указаний, тот приступил к выполнению привычной процедуры исследования.

– Приятно работать с такой уймой песка, – проговорил он, ухмыляясь. – Можно его жечь, печь, растворять, и все равно этого дерьма останется еще достаточно, чтобы построить замок.

Уилденстайн терпеливо дожидалась, пока он закончит.

– Все результаты отрицательные, – наконец доложил Ричи. – Матерь Божья, что же это такое?

Уилденстайн взяла с полки вторую партию образцов.

– Теперь нагрей их в чистом кислороде и закачай газ в газовый анализатор.

– Обязательно. – Ричи взял следующую пробирку, воткнул в нее трубку, которую подсоединил к газовому анализатору, и медленно нагрел на горелке Бансена. К удивлению Уилденстайн, образец вещества тут же воспламенился и через несколько секунд полностью сгорел, не оставив ни пепла, ни каких-либо других частиц.

– Гори, милый, гори!

– Что у тебя получилось, Ричи?

Ассистент внимательно изучил показания прибора.

– Чистая двуокись углерода, одноокись и следы испарения воды.

– Должно быть, вещество представляет собой чистый углерод.

– Помилуйте, босс! С каких это пор углерод стал иметь форму коричневого порошка?

Уилденстайн внимательно посмотрела на крупинки, лежащие на дне одной из пробирок.

– Пожалуй, надо взглянуть на них в стереомикроскоп.

Вытряхнув несколько песчинок на предметное стекло, она поместила его на предметный столик, включила свет и посмотрела в окуляры.

– Что там видно? – нетерпеливо спросил Ричи.

Уилденстайн, не отвечая, продолжала смотреть в микроскоп, пораженная открывшимся перед ней зрелищем. При многократном увеличении отдельные крупинки вовсе не были коричневыми – они оказались крошечными частицами стекловидного вещества, окрашенными в множество цветов – синий, красный, желтый, зеленый, коричневый, черный, пурпурный, розовый… Не поднимая головы от микроскопа, Уилденстайн взяла металлическую ложечку, придавила ею несколько песчинок и слегка нажала. Послышался едва уловимый скрежет – это крупинки царапнули стекло.

– Что вы делаете? – вновь спросил Ричи.

Уилденстайн поднялась из-за микроскопа.

– У нас здесь где-нибудь есть рефрактометр?

– Да, завалялась какая-то рухлядь, оставшаяся еще со Средних веков. – Ричи порылся в шкафу и вытащил из него пыльный прибор в пожелтевшем от времени пластиковом чехле. Установив его на столе, включил штепсель в розетку. – Умеете обращаться с этой штуковиной?

– Как-нибудь справлюсь. – Взяв крупицу вещества, Уилденстайн опустила ее в каплю минерального масла, после чего установила предметное стекло в камеру считывания рефрактометра. После нескольких неудачных попыток она наконец разобралась, как пользоваться прибором. Когда Лорен наконец подняла голову, на лице ее сияла торжествующая улыбка.

– Все в точности так, как я и думала: показатель рефракции две целых четыре десятых.

– И что же из этого?

– Теперь все ясно.

– Что ясно, босс?

Уилденстайн бросила на него быстрый взгляд.

– Ричи, какой минерал состоит из чистого углерода, имеет показатель рефракции больше двух и настолько твердый, что может разрезать стекло?

– Алмаз?

– Браво!

– Вы хотите сказать, что в этом мешке алмазный песок?

– Именно так.

Ричи снял шлем и вытер лоб.

– С таким я еще никогда не сталкивался. – Отвернувшись, он потянулся за телефонной трубкой. – Пожалуй, позвоню в больницу, скажу им, чтобы сняли карантин. А то, говорят, администратор музея наделал в штаны.

Глава 3

Спускаясь на лифте в подземные помещения Нью-Йоркского музея естественной истории, его директор Уотсон Коллопи ощущал неприятное покалывание в затылке. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он был здесь в последний раз. Интересно, подумал Коллопи, почему этот сукин сын Уилфред Шерман, хранитель отдела минералогии, так настаивал на его визите в лабораторию, вместо того чтобы самому подняться в офис директора, расположенный на пятом этаже?

Коллопи быстро шел по посыпанному песком коридору, и его ботинки, касаясь пола, издавали резкий скрежещущий звук. Наконец он свернул за угол и оказался перед дверью, которая вела в лабораторию отдела минералогии. Коллопи повернул ручку – заперто – и ощутил новый острый приступ раздражения.

Шерман почти тут же открыл дверь и так же быстро запер ее за директором музея. Волосы его были взъерошены, на лбу выступили капли пота – сейчас он больше всего напоминал человека, пережившего катастрофу. «Поделом же тебе», – подумал Коллопи, быстро окинув взглядом помещение лаборатории и задержавшись на злополучной посылке, завернутой в мятую, покрытую пятнами бумагу. Помещенная в прозрачную пластиковую сумку, застегнутую на две молнии, она стояла на столе возле стереомикроскопа, а рядом с ней лежало несколько белых конвертов.

– Доктор Шерман, – начал директор, – недопустимый способ, которым этот материал был доставлен в наш музей, уже стал для нас причиной серьезных неприятностей. Все произошедшее с полным правом можно назвать возмутительным. Я хочу знать имя отправителя, хочу знать, почему посылка не была отправлена по обычным каналам, а также – почему со столь ценным материалом обращались с такой небрежностью, что это вызвало настоящую панику. Насколько мне известно, один фунт

алмазного песка технического назначения стоит несколько тысяч долларов.

Шерман ничего не отвечал – лишь стоял молча и потел.

– Так и вижу заголовок в завтрашней газете: «Паника, вызванная биотеррористической атакой в Музее естественной истории». Не скажу, что я жажду прочитать такую статью. Мне только что позвонил репортер из «Таймс»[1] – Гарриман или как его там. И через полчаса мне нужно будет ему перезвонить и дать какие-то объяснения.

Шерман сглотнул и продолжал молчать. По лбу его скатилась капля пота, и он поспешно вытер лицо носовым платком.

– Ну и как, есть у вас объяснение? И существует ли причина настойчивости, с которой вы просили меня спуститься в вашу лабораторию?

– Да, – наконец заговорил Шерман и кивнул в сторону стереоскопа. – Я хотел, чтобы вы… чтобы вы взглянули на это.

Коллопи поднялся, подошел к микроскопу и, сняв очки, посмотрел в окуляры, но не увидел ничего, кроме размытого белого пятна.

– Я ни черта не вижу!

– Просто нужно отрегулировать фокусировку.

Коллопи немного повозился с микроскопом, наводя фокус, и наконец перед его глазами предстала изумительной красоты картина – тысячи разноцветных осколков кристаллов, образующих причудливую яркую мозаику.

– Что это?

– Образец песка, который содержался в посылке.

Коллопи выпрямился.

– Неужели? Разве вы или кто-то еще его заказывали?

– Нет, никто из сотрудников отдела его не заказывал, – после короткого колебания ответил Шерман.

– Тогда скажите мне, мистер Шерман, почему посылка с алмазным песком стоимостью несколько тысяч долларов была адресована и доставлена именно вам?

– Я знаю почему. – Шерман дрожащей рукой взял один из белых конвертов. Коллопи ждал объяснений, но хранитель молчал, устремив застывший взгляд в одну точку.

– Доктор Шерман!

Тот не шелохнулся. Потом наконец опять достал из кармана платок и вытер лицо.

– Доктор Шерман, вам плохо?

Шерман вновь сглотнул.

– Не знаю, как и сказать вам.

Голос Коллопи зазвучал резче:

– У нас серьезные проблемы, – он посмотрел на часы, – а через двадцать пять минут мне нужно звонить этому Гарриману. Так что выкладывайте все, что вам известно.

Шерман безмолвно покачал головой и еще раз вытер лицо носовым платком. Несмотря на раздражение, Коллопи ощутил укол жалости. Хранитель отдела минералогии напоминал ему пожилого ребенка, так и не переросшего своего детского увлечения – собирания камней. И вдруг Коллопи понял, почему тот непрерывно вытирал лицо: причиной этого был не пот – из глаз Шермана текли слезы.

– Это не алмазный песок технического назначения, – наконец произнес он.

Директор музея нахмурился:

– А что же это?

Ученый набрал в легкие побольше воздуха.

– Алмазный песок технического назначения состоит из черных или коричневых кристаллов, не имеющих эстетической ценности. И под микроскопом они выглядят именно такими – темными кристаллическими частицами. Здесь же мы видим множество цветов. – Голос Шермана задрожал.

– Да, именно это я и видел, – согласился Коллопи.

Шерман кивнул:

– Крохотные кристаллы и фрагменты кристаллов всех цветов радуги. Убедившись, что это действительно алмазы, я спросил себя… – Казалось, силы вновь покинули его.

– Ну же, мистер Шерман.

– …Я спросил себя: откуда, черт возьми, мог взяться целый мешок песка, состоящего из фрагментов отличных разноцветных камней? Мешок весом два с половиной фунта?

В лаборатории повисла напряженная тишина, и Коллопи вдруг стало холодно.

– Я не понимаю, – тихо сказал он.

– Это не алмазный песок, – решительно, на одном дыхании произнес Шерман. – Это коллекция алмазов из музея.

– Черт, вы понимаете, что говорите?

– Это дело рук человека, который на прошлой неделе украл наши алмазы. Он измельчил их. Все до одного. – Слезы вновь потекли по щекам Шермана, но он и не думал их вытирать.

– Измельчил? – Коллопи посмотрел по сторонам, его взгляд казался безумным. – Как можно измельчить алмазы?

– Молотком.

– Но считается, что алмаз – самый твердый материал в мире.

– Твердый – да. Но это не значит, что его нельзя раздробить.

– Почему вы так уверены, что это коллекция музея?

– Многие наши алмазы имеют уникальную окраску. Взять хотя бы «Королеву Нарнии». Ни у одного другого камня нет такого голубого цвета с оттенком фиолетового и зеленого. Я сумел идентифицировать каждый, даже самый крохотный фрагмент. Именно этим я здесь и занимался – сортировал их. – Шерман открыл белый конверт, который держал в руках, и высыпал его содержимое на предметный стол – на листе бумаги выросла небольшая кучка голубого песка. Пожилой ученый указал на нее: – Это «Королева Нарнии». – Затем опорожнил другой конверт и ткнул пальцем в кучку пурпурного цвета: – А это «Сердце вечности». – Один за другим он высыпал содержимое оставшихся конвертов: – «Призрак индиго», «Ултима туле», «Четвертое июля», «Занзибарский зеленый».

Слова звучали как барабанный бой – один оглушительный удар следовал за другим. Коллопи в ужасе уставился на крохотные кучки блестящего песка.

– Дурацкая шутка, – наконец выдавил он. – Это не могут быть музейные алмазы.

– Точный оттенок большинства этих знаменитых алмазов поддается количественному определению, – пояснил Шерман. – У меня имеются данные. Я изучил эти фрагменты, и оказалось, что их цвет полностью совпадает с цветом похищенных камней. Ошибки быть не может – это не что иное, как алмазы, украденные из музея.

– Но ведь наверняка не все, – слабо произнес Коллопи. – Он не мог уничтожить все алмазы.

– Вес песка, содержавшегося в посылке, составляет два фунта сорок две сотых. Это приблизительно пять с половиной тысяч карат. Если учесть, что некоторая часть содержимого высыпалась, получается, что первоначально там было примерно шесть тысяч карат. Я сложил вес всех похищенных алмазов, он составил… – Шерман остановился, чтобы перевести дух.

– Ну и?!. – Коллопи наконец дал выход своему раздражению.

– …Он составил шесть тысяч сорок два карата, – шепотом закончил Шерман.

В лаборатории повисла тишина, нарушаемая лишь слабым гудением ламп дневного света. Наконец Коллопи поднял голову и твердо посмотрел в глаза пожилому ученому.

– Доктор Шерман… – начал он, но голос его сорвался и ему пришлось начать сначала: – Доктор Шерман, эта информация не должна выйти за пределы данной комнаты.

Шерман, и без того бледный, побелел как полотно, но через мгновение молча кивнул, соглашаясь.

Глава 4

Уильям Смитбек-младший вошел в темное, наполненное смесью различных запахов помещение паба, именуемого «Кости», и окинул взглядом шумную толпу. Было пять часов пополудни, и в заведении собралось уже немало работников музея. Они приходили сюда, чтобы расслабиться после долгих часов утомительного труда, проведенных в огромном гранитном здании на другой стороне улицы. Почему, провозившись целый день с ископаемыми останками, эти люди шли отдыхать в заведение, где все стены, до последнего квадратного дюйма, были увешаны костями, оставалось для Билла загадкой. В последнее время сам он приходил в это место по одной причине – здесь можно было выпить отличного выдержанного односолодового пива, которое бармен припрятывал для него под стойкой. Стоило оно, конечно, совсем не дешево – тридцать шесть долларов за кружку, – но не травить же свой организм трехдолларовым «Катти сарк»!

Билл заметил рыжеволосую головку Норы Келли, своей молодой жены, сидевшей на их обычном месте в задней части зала. Помахал ей рукой, неторопливо подошел к столику и замер в картинной позе.

– Но что за проблеск света в том окне?[2] – вопросил он драматическим шепотом и, наклонившись, быстро поцеловал ей руку, гораздо дольше задержался на губах и, наконец, уселся напротив. – Как дела?

– Как обычно. Я по-прежнему уверена, что музей – самое потрясающее место работы.

– Ты имеешь в виду сегодняшнюю угрозу биотеррористической атаки?

Нора кивнула:

– Кто-то отправил в отдел минералогии посылку, и из нее высыпался неизвестный порошок, который приняли за споры сибирской язвы или что-то столь же ужасное.

– Я слышал об этом. А старик Брайс даже написал статью. – Брайс Гарриман был коллегой Смитбека из «Таймс» и его извечным конкурентом. Правда, опубликовав недавно несколько сенсационных сообщений, Билл сумел немного обойти соперника.

Подошел официант и молча встал рядом со столиком, дожидаясь, пока они сделают заказ.

– Мне, пожалуйста, немного «Глен Грант», – сказал Смитбек. – Отличная вещь!

– А мне бокал белого вина, – попросила Нора.

Официант тут же исчез.

– Эта история наделала много шума? – поинтересовался Смитбек.

Нора хихикнула:

– Ты бы видел Гринлоу – парня, обнаружившего посылку. – Он был настолько уверен, что вот-вот отдаст концы, что спасателям пришлось нести его на носилках, да еще напялить на него защитный костюм.

– Гринлоу? Не слышал о таком.

– Это новый вице-президент по административным вопросам. Перешел к нам из «Кон-Эд».

– И чем же она оказалась? Я имею в виду сибирскую язву.

– Шлифовальным порошком.

Официант принес напитки.

– Шлифовальный порошок! – Смитбек расхохотался. – О Господи, какая прелесть! – Взяв пузатый бокал, он осторожно взболтал янтарную жидкость и сделал глоток. – Но как все это произошло?

– Вероятно, упаковку повредили во время транспортировки, и порошок стал высыпаться. Посыльный оставил пакет Керли, ну а Гринлоу как раз в это время проходил мимо.

– Керли? Тот старик с трубкой?

– Тот самый.

– Он все еще работает в музее?

– Он не уйдет никогда.

– И как он ко всему этому отнесся?

– Как всегда – спокойно. Через несколько часов уже сидел в своей будке, словно ничего и не произошло.

Смитбек покачал головой.

– И кому же понадобилось отправлять с посыльным мешок песка?

– Даже не могу себе представить.

Билл сделал еще глоток.

– Думаешь, это было сделано специально? – задумчиво спросил он. – Чтобы вызвать в музее панику?

– Да ты настоящий детектив.

– Известно, кто отправил посылку?

– Кажется, на ней не было обратного адреса.

Эта маленькая деталь вдруг заинтересовала Смитбека, и он пожалел, что не потрудился прочитать статью Гарримана, хотя легко мог это сделать, поскольку она была размещена во внутренней сети «Таймс».

– Ты знаешь, сколько сейчас стоят услуги посыльного в Нью-Йорке? Сорок долларов.

– Может, это был какой-то ценный песок.

– Тогда почему отправитель не назвал себя? Кому была адресована посылка?

– Если не ошибаюсь, просто отделу минералогии.

Смитбек задумался и сделал еще один глоток «Глен Грант». Журналистское чутье заставило его насторожиться: что-то во всей этой истории было не так. «Интересно, удалось ли Гарриману что-нибудь раскопать? – подумал он и сам себе ответил: – Черта с два!»

Достав свой мобильный, Смитбек спросил:

– Не против, если я позвоню?

Нора нахмурилась:

– Если это так уж необходимо…

Смитбек набрал номер музея и попросил соединить его с отделом минералогии. Ему повезло: кто-то из сотрудников еще оставался на месте. Смитбек быстро заговорил в трубку:

– Это мистер Гарриман из офиса… – Тут он произнес нечто нечленораздельное и продолжил: – У меня всего один вопрос: что за порошок содержался в посылке, которая вызвала такой переполох сегодня утром?

– Простите, я не понял… – ответили ему.

– Послушайте, у меня очень мало времени. Директор ждет ответа.

– Я ничего об этом не знаю.

– Но ведь кто-нибудь знает?

– Доктор Шерман.

– Позовите его к телефону.

Через мгновение в трубке послышался задыхающийся голос:

– Доктор Коллопи?

– Нет-нет, – откликнулся Смитбек. – Это Уильям Смитбек, репортер из «Нью-Йорк таймс».

Некоторое время его собеседник молчал, потом напряженно спросил:

– И чего же вы хотите?

– Я хочу задать несколько вопросов по поводу сегодняшней паники в связи с угрозой биотеррористической атаки…

– Ничем не могу вам помочь, – тут же послышалось в трубке. – Я уже рассказал все, что мне было известно, вашему коллеге мистеру Гарриману.

– Это всего лишь рутинная проверка, доктор Шерман. Вы не возражаете? – Тишина. – Посылка была адресована вам?

– Всему отделу, – последовал скупой ответ.

– На ней не был указан обратный адрес?

– Нет.

– И в ней содержался песок?

– Совершенно верно.

– Какой именно песок?

Мгновенная пауза.

– Корундовый.

– Сколько стоит такой песок?

– Я не могу назвать точную цифру, но думаю, что немного.

– Понятно. Это все. Спасибо.

Смитбек отсоединился и поймал на себе внимательный взгляд Норы.

– Не слишком-то вежливо разговаривать по мобильному телефону в общественном месте, – заметила она.

– Послушай, я же репортер, и это моя работа – нарушать приличия.

– Узнал все, что хотел?

– Нет.

– В музей была доставлена посылка с песком, который просыпался и напугал кое-кого до смерти. Все, конец истории.

– Не знаю... – Смитбек сделал большой глоток «Глен Грант». – Человек, с которым я только что беседовал, почему-то очень нервничал.

– Доктор Шерман? Он просто легковозбудим.

– Мне показалось, что он был не просто возбужден. Он был по-настоящему испуган. – Смитбек вновь открыл телефон.

Нора издала стон.

– Если ты собираешься опять звонить, я лучше пойду домой.

– Ну пожалуйста, Нора! Всего один звонок, и мы пойдем ужинать в «Рэтлснейк». Мне действительно очень нужно позвонить. Уже шестой час, скоро все уйдут с работы. – Он быстро набрал номер и произнес в трубку: – Департамент здравоохранения?

Через какое-то время его соединили с нужной лабораторией.

– Лаборатория чрезвычайных ситуаций, – послышалось на другом конце линии.

– С кем я говорю?

– Меня зовут Ричард. А с кем я имею честь?

– Привет, Ричард, это Билл Смитбек из «Таймс». Ты здесь главный?

– Теперь я. Босс только что ушла домой.

– Завидую. Можно задать тебе несколько вопросов?

– Так, говоришь, ты репортер?

– Совершенно верно.

– Я так и подумал.

– Это та самая лаборатория, которая занималась посылкой, доставленной из музея?

– Именно.

– Что в ней было?

Смитбек услышал, как в трубке фыркнули:

– Алмазный песок.

– Не корундовый?

– Нет, именно алмазный.

– Ты лично его исследовал?

– А как же!

– Как он выглядел?

– На первый взгляд обычный песок коричневого цвета.

Смитбек на мгновение задумался, потом спросил:

– Как же ты понял, что это алмазный песок?

– По показателю рефракции частиц.

– Понятно. И его невозможно спутать с корундовым?

– Никоим образом.

– Ты, конечно же, исследовал его под микроскопом?

– Естественно.

– Как он выглядел?

– Замечательно. Как пригоршня цветных кристаллов.

Смитбек внезапно ощутил легкое покалывание в затылке.

– Цветных? Что ты имеешь в виду?

– Это были фрагменты алмазов всех цветов радуги. Никогда не думал, что алмазный песок так потрясающе красив.

– Тебе это не показалось странным?

– Многие вещи, которые представляются отвратительными человеческому глазу, под микроскопом кажутся образцом совершенства. Хлебная плесень, например, или тот же самый песок, если уж на то пошло.

– Но ты сказал, что песок был коричневым.

– Только в общей массе.

– Ясно. И что же ты сделал с этой посылкой?

– Мы отправили ее обратно в музей, и дело было замято.

– Спасибо.

Смитбек медленно опустил крышку телефона. «Невероятно. Этого не может быть!» – подумал он и, подняв голову, встретил пристальный взгляд Норы. На лице жены было явственно написано раздражение. Смитбек наклонился и взял ее за руку.

– Мне действительно очень стыдно, но я просто вынужден сделать еще один звонок.

Нора сложил руки на груди:

– А я-то думала, мы собирались хорошо провести вечер вдвоем.

– Еще один звонок! Пожалуйста! Ты даже можешь послушать. Поверь, это будет очень интересно.

Щеки у Норы порозовели. Смитбек знал: это верный признак того, что супруга вот-вот закипит. Торопливо набрав номер, он включил громкую связь.

– Доктор Шерман?

– Да.

– Это опять Смитбек из «Таймс».

– Мистер Смитбек, – прозвучал резкий ответ, – я уже сообщил вам все, что знаю. А теперь, если вы не против, я пойду. Мне придется поторопиться, чтобы не опоздать на поезд.

– Я знаю, что вещество, доставленное сегодня в музей, не корундовый песок, – произнес Билл. На другом конце линии повисло молчание. – И мне известно также, что это на самом деле. – Шерман продолжал молчать. – Это коллекция алмазов, принадлежавшая музею.

Нора бросила на мужа быстрый взгляд.

– Доктор Шерман, – продолжал тот, – мне нужно с вами поговорить. Я сейчас приду в музей. Если доктор Коллопи еще не ушел, ему лучше тоже присутствовать при нашей беседе – или по крайней мере оставаться доступным по телефону. Не знаю, что вы рассказали моему коллеге Гарриману, но не советую вам пытаться скормить эту же чушь мне. То, что музей не смог уберечь свою коллекцию алмазов – между прочим, самую ценную в мире, – уже и так плохо. Но будет еще хуже, если за кражей последует скандал, связанный с попытками руководства скрыть тот факт, что эта коллекция была превращена в шлифовальный порошок. Думаю, попечителям музея это очень не понравится. Я ясно выразился, доктор Шерман?

Собеседник Билла некоторое время молчал, наконец из трубки послышался его тихий дрожащий голос:

– Мы не собирались ничего скрывать, уверяю вас, просто хотели выждать некоторое время, прежде чем сделать заявление.

– Я буду через десять минут. Никуда не уходите.

Смитбек тут же набрал еще один номер – на этот раз своего редактора в «Таймс».

– Фентон? Ты читал статью Брайса Гарримана об этой истории с сибирской язвой в Музее естественной истории? Лучше уничтожь ее. Я узнал, что случилось на самом деле. Это будет настоящая бомба! Оставь мне местечко на первой полосе.

Билл сложил телефон и посмотрел на жену. Лицо Норы больше не казалось сердитым. Оно было мертвенно-бледным.

– Диоген Пендергаст, – прошептала она. – Это он уничтожил алмазы?

Смитбек кивнул.

– Но почему?

– Это очень хороший вопрос, Нора. Но сейчас я должен идти. Мне нужно еще взять пару интервью и написать статью – и все это до

полуночи, если я хочу успеть в общенациональный выпуск. Прими мои искренние извинения и клятву сводить тебя на ужин в кафе «Рэтлснейк». Мне действительно очень и очень жаль. Ложись спать, не жди меня.

Он встал и поцеловал Нору.

– Ты не перестаешь меня удивлять, – прошептала она.

Смитбек застыл в нерешительности, пытаясь идентифицировать абсолютно новое для него ощущение. Прошло целое мгновение, прежде чем он понял, что покраснел от удовольствия.

Глава 5

Доктор Фредерик Уотсон Коллопи стоял у огромного стола девятнадцатого века в своем кабинете, расположенном в юго-западной башне музея. На обитой кожей столешнице не было ничего, кроме утреннего номера «Нью-Йорк таймс». Коллопи еще не успел развернуть газету, да у него и не было в этом необходимости: все, что он хотел увидеть, было напечатано на первой полосе, как раз над линией сгиба, причем самым крупным шрифтом, который только могла себе позволить эта солидная газета.

Что ж, дело сделано – и ничего изменить нельзя.

Коллопи искренне верил, что занимает самое высокое положение в американской науке: еще бы, директор Нью-Йоркского музея естественной истории! На минуту он отвлекся от темы статьи и вспомнил имена своих великих предшественников: Огилви, Скотт, Трокомортон. Его целью, его единственным желанием было добавить свою фамилию к этому почетному списку, а не покрыть ее позором, как это сделали два предыдущих директора музея – ныне покойный (и не слишком оплакиваемый) Уинстон Райт и не очень-то компетентная Оливия Мерриам.

И вот теперь первую полосу «Таймс» украшал заголовок, который вполне мог сыграть для него роль надгробной плиты. В последнее время на него и так уже обрушилось несколько довольно крупных неприятностей. Подобные скандалы могли бы раздавить более слабого человека, но Коллопи выстоял, потому что повел себя решительно и хладнокровно. Именно так он собирался поступить и на этот раз.

В дверь тихонько постучали.

– Войдите, – откликнулся Коллопи.

В кабинет вошел хранитель отдела антропологии Хьюго Мензис, одетый с большей, чем обычно, элегантностью и меньшей академической

небрежностью; за ним следовали руководитель отдела по связям с общественностью Джозефин Рокко и юрист музея, по иронии судьбы названная Берил Дарлинг,[3] – представитель адвокатской конторы «Уилфред, Спрэгг и Дарлинг».

Подойдя к столу, Мензис молча взял стул. Коллопи остался стоять, глядя на вошедшую троицу и задумчиво поглаживая подбородок. Наконец он заговорил:

– Причины, по которым я пригласил вас на эту незапланированную встречу, вам известны. – Он бросил взгляд на газету. – Полагаю, вы видели сегодняшний выпуск «Таймс»?

Все трое кивнули в молчаливом согласии.

– Мы совершили ошибку, пытаясь скрыть то, что произошло, даже на короткое время. Когда я занял пост директора этого музея, я сказал себе, что буду вести дела по-другому, откажусь от излишне скрытного, а подчас и параноидального стиля руководства некоторых представителей предыдущих администраций. Я знал, что наш музей – величайшее научное учреждение, достаточно влиятельное, чтобы выдержать любые превратности судьбы, любые недоразумения и скандалы. – Коллопи немного помолчал. – Но, надеясь умолчать о пропаже нашей коллекции алмазов, решив скрыть этот факт, я допустил серьезную ошибку. Я изменил собственным принципам.

– Все эти извинения перед нами, конечно, очень похвальны, – своим обычным резким тоном заявила Дарлинг. – Но почему вы не посоветовались со мной, прежде чем принять такое поспешное и непродуманное решение? Неужели вы не понимали, что это не сойдет вам с рук? Своим поступком вы нанесли серьезный ущерб репутации музея и здорово осложнили мне работу.

Коллопи постарался сохранить спокойствие, напомнив себе: музей платит Дарлинг четыреста долларов в час именно за то, что она всегда говорит одну только правду. Он поднял руку, прося внимания:

– Ваши претензии понятны. Однако мне и в самом страшном сне не могло присниться, что такое может произойти – что наши алмазы будут превращены в… – Тут голос изменил ему, и он не смог закончить фразу. В комнате повисло неловкое молчание. Коллопи сглотнул и продолжил: – Мы должны что-то предпринять. Мы должны отреагировать, причем немедленно. Именно поэтому я и пригласил вас на эту встречу. – Он вновь замолчал и прислушался к доносившимся из-за окна, с Мьюзим-драйв, крикам и призывам собравшихся там протестующих, полицейским сиренам и гудкам автомобилей.

Следующей заговорила Рокко:

– Телефоны в моем кабинете прямо-таки надрываются. Сейчас девять? Думаю, до десяти, самое позднее до одиннадцати, мы должны выступить с официальным заявлением. За все те годы, что я занимаюсь связями с общественностью, мне никогда не приходилось сталкиваться с чем-либо подобным.

Мензис заерзал на стуле и пригладил седые волосы.

– Можно я скажу?

Коллопи кивнул:

– Давай, Хьюго.

Мензис откашлялся, переводя взгляд своих ярко-синих глаз на окно и обратно на Коллопи.

– Фредерик, во-первых, мы должны уяснить для себя следующее: произошла катастрофа, и с этим уже ничего не поделаешь. Ты слышишь эти крики? Сама мысль о том, что мы пытались замолчать кражу, привела людей в неистовство. Мы должны принять этот удар, принять прямо и честно. Признать свою ошибку и больше никого не вводить в заблуждение. – Он взглянул на Рокко. – Это первое, о чем я хотел сказать, и надеюсь, все со мной согласятся.

Коллопи вновь кивнул:

– А что же второе?

Мензис чуть подался вперед.

– Одного раскаяния будет недостаточно. Мы должны перейти в наступление.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы должны придумать нечто грандиозное. Сделать какое-нибудь потрясающее заявление, которое напомнит Нью-Йорку и всему миру, что, несмотря ни на что, наш музей остается одним из величайших в мире. Можно, например, снарядить научную экспедицию или запустить какой-то необыкновенный проект…

– Не слишком ли это очевидная уловка? – спросила Рокко.

– Возможно, некоторые именно так все и воспримут. Но через день-два критика стихнет, и у нас будет возможность привлечь интерес к нашему проекту и создать положительное общественное мнение.

– Какого рода проекту? – поинтересовался Коллопи.

– Об этом я пока не думал.

Рокко задумчиво покачала головой.

– Может, это и сработает. По случаю презентации проекта можно устроить гала-вечеринку, на которую пригласить только знаменитостей. Это станет главным событием сезона и заставит прикусить языки журналистов с политиками, которые, конечно же, захотят попасть в список приглашенных.

– Звучит неплохо, – задумчиво пробормотал Коллопи.

Через мгновение вновь заговорила Дарлинг:

– Теоретически все это прекрасно. Не хватает лишь экспедиции, проекта и всего остального.

В этот момент на столе у Коллопи зажужжал интерком, и директор с заметным раздражением нажал на кнопку.

– Миссис Сорд, я же просил нас не беспокоить.

– Я знаю, доктор Коллопи, но… видите ли, это в высшей степени необычное дело.

– Не сейчас.

– Но решение требуется немедленно.

Коллопи вздохнул:

– Ради всего святого, неужели это не может подождать десять минут?

– Речь идет о телеграфном банковском переводе на сумму в десять миллионов евро для…

– Пожертвование в размере десяти миллионов евро? Ну что ж, зайдите.

В кабинет вошла миссис Сорд, полная энергичная женщина, с листом бумаги в руках.

– Простите, это займет не больше минуты, – сказал Коллопи и схватил бумагу. – От кого это и где я должен расписаться?

– От графа Тьерри де Кахорса. Он жертвует музею десять миллионов евро на реставрацию гробницы Сенефа.

– Гробницы Сенефа? Кто этот Сенеф, черт возьми? – Коллопи швырнул бумагу на стол. – Я займусь этим позже.

– Сэр, но здесь написано, что деньги лежат на депоненте и решение должно быть принято в течение часа.

Коллопи схватился за голову.

– Мы уже завалены этими чертовыми предложениями. А нам нужны *просто* деньги – чтобы оплачивать счета. Свяжитесь с этим графом – как его там – и постарайтесь уговорить его перечислить деньги без каких-либо условий. Используйте мое имя и наши обычные доводы. Мы не возьмем деньги, чтобы исполнять его прихоти.

– Хорошо, доктор Коллопи.

Миссис Сорд повернулась, собираясь идти, и Коллопи снова обратился к участникам совещания:

– Кажется, последней говорила Берил?

Дарлинг открыла было рот, но Мензис повелительным жестом заставил ее замолчать.

– Миссис Сорд, – обратился он к секретарше, – пожалуйста, подождите несколько минут, прежде чем связываться с графом де Кахорсом.

Миссис Сорд застыла в нерешительности, вопросительно глядя на Коллопи. Директор кивнул, подтверждая слова Мензиса, и она вышла из кабинета.

– В чем дело, Хьюго? – воскликнул Коллопи, когда дверь за секретаршей закрылась.

– Я пытаюсь вспомнить, – ответил Мензис. – Гробница Сенефа… Что-то знакомое. Имя графа де Кахорса я тоже когда-то слышал.

– Можем мы поговорить о более важных вещах? – нетерпеливо вопросил директор музея.

Лицо Мензиса неожиданно прояснилось.

– Фредерик, это и есть самая важная вещь! Вспомни историю музея! Гробница Сенефа – это египетская экспозиция, которая была представлена в музее вскоре после его открытия и существовала, пока он не закрылся в годы Великой депрессии.

– И что же?

– Если память мне не изменяет, эта гробница была разграблена во время вторжения в Египет наполеоновских войск. Позднее украденные артефакты были захвачены французами. Затем их купил кто-то из попечителей музея, и они были собраны в подземных помещениях как экспонаты одной из первых выставок. Должно быть, они и сейчас там.

– А кто такой этот Кахорс? – спросила Дарлинг.

– Вместе с войсками Наполеон привел в Египет целую армию натуралистов и археологов. Кахорс возглавлял контингент археологов. Думаю, этот парень – его потомок.

Коллопи нахмурился:

– Какое отношение это имеет к нашей проблеме?

– Разве ты не понимаешь? Это как раз то, что нам нужно!

– Старая пыльная гробница?

– Именно! Мы повсюду рассказываем о пожертвовании графа, назначаем дату открытия экспозиции, устраиваем гала-вечеринку и делаем из этого настоящее медиасобытие. – Мензис с надеждой посмотрел на Рокко.

– Да, – ответила она, – пожалуй, это может сработать. Египет всегда привлекал внимание самой широкой общественности.

– Может сработать? Это обязательно сработает! Самое главное – то, что гробница уже существует. Выставка «Священные изображения» слишком затянулась, пора заменить ее чем-то новым. Мы смогли бы подготовить экспозицию за пару месяцев или даже быстрее.

– Многое зависит от состояния гробницы.

– Как бы то ни было, она находится в музее. Не исключено, что с нее достаточно просто смахнуть пыль. Наши хранилища полны всяких египетских штучек, которые можно поместить в гробницу, чтобы пополнить выставку. Граф предлагает огромные деньги – их хватит на любые реставрационные работы.

– Не понимаю, – проговорила Дарлинг, – как можно было забыть об этой гробнице на целых семьдесят лет!

– Во-первых, ее скорее всего заложили кирпичом – так часто поступают со старыми экспозициями, чтобы обеспечить их сохранность. – Мензис улыбнулся, но улыбка вышла невеселой. – В этом музее очень много ценных артефактов, но слишком мало хранителей, чтобы обеспечить им необходимый уход. Вот почему я уже много лет добиваюсь введения здесь должности музейного историка. Кто знает, какие еще тайны скрыты в его далеких уголках?

На короткое время в кабинете повисла тишина. Она была нарушена директором музея, который резко опустил ладонь на столешницу.

– Что ж, так и поступим. – Коллопи взял телефонную трубку. – Миссис Сорд? Передайте графу: пусть переводит деньги. Мы принимаем его условия.

Глава 6

Нора Келли стояла посреди лаборатории, пристально глядя на большой предметный стол с разложенными на нем фрагментами древней керамики культуры анасази. Черепки были не совсем обычными – при ярком освещении они казались почти золотыми из-за бесчисленных вкраплений слюды. Нора привезла их из летней экспедиции, из местности на юго-западе, носящей название Четыре Угла, и теперь раскладывала на огромной контурной карте – каждый именно в той точке, где он был найден.

Она смотрела на блестящие предметы, в который раз пытаясь составить из них полную картину. Целью ее исследования было установление путей распространения оригинальной керамики из центра, находящегося в южной части Юты, на юго-запад и дальше, за пределы штата. Зарождение этой гончарной традиции обычно связывали с религиозным культом Качина, последователями которого были ацтеки Мексики, и Нора не сомневалась, что, установив пути ее перемещения на юго-запад, сможет получить более точное представление и о путях распространении самого культа.

Но черепков было слишком много, к тому же большая их часть датировалась четырнадцатым веком до нашей эры, поэтому собрать все данные воедино представлялось чрезвычайно сложной задачей – а ведь она даже еще не приступила к ее решению. Нора внимательно смотрела на древние артефакты: ответ крылся именно в них, ей нужно лишь найти его.

Вздохнув, она отпила кофе, мысленно порадовавшись тому, что подземная лаборатория служила надежным убежищем от бури, бушевавшей наверху, возле здания музея. Вчера возникла угроза сибирской язвы, но сегодня дела обстояли еще хуже – и в этом была большая заслуга ее мужа Билла, обладавшего настоящим талантом создавать неприятности. Утром в «Таймс» была напечатана его статья, из которой следовало, что порошок, подброшенный в музей, – не что иное, как алмазы стоимостью сотни миллионов долларов, украденные из него и превращенные похитителем в пыль. Эта новость вызвала волнение, подобного которому Нора не могла припомнить. Мэр, застигнутый врасплох телекамерами у своего офиса, уже обвинил во всем директора музея и потребовал его немедленной отставки.

Нора попыталась сосредоточиться на глиняных черепках. Все пути их распространения брали начало в одном-единственном месте – на месторождении редкого вида глины у подножия плато Кайпаровитц в штате Юта, где она обжигалась обитателями больших, спрятанных в каньонах скальных пещер. Именно оттуда керамические изделия

попали в такие отдаленные места, как северная Мексика и западный Техас. Но как и когда это произошло? И кто их туда доставил?

Нора поднялась и, подойдя к шкафу, взяла с полки последний, еще не распакованный пакет с черепками. В лаборатории стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь мирным жужжанием кондиционера. За ее стенами простиралась огромная территория, занятая хранилищами. Здесь стояли старинные дубовые шкафы с застекленными дверцами, битком набитые горшками, наконечниками для стрел, топорами и другими артефактами. Из соседнего помещения, где хранились индейские мумии, потянуло слабым запахом дезинфекции. Нора вновь принялась раскладывать черепки на карте, заполняя ими последний оставшийся свободным угол и аккуратно записывая каталожные номера.

Вдруг она замерла на месте. Ей послышался скрип открываемой двери и звук тихих шагов по покрытому пылью полу. Неужели она не заперла дверь? Конечно, это было глупо, но огромные безмолвные подземные помещения музея с их плохо освещенными коридорами и темными хранилищами всегда внушали Норе страх. К тому же она прекрасно помнила, что случилось с ее подругой Марго Грин всего несколько недель назад в темном выставочном зале, расположенном двумя этажами выше – как раз над тем местом, где она сейчас стояла.

– Кто здесь? – крикнула Нора.

Из полумрака появилась человеческая фигура. Вначале Нора разглядела лишь очертания лица, потом – коротко подстриженную бороду и седые волосы и с облегчением вздохнула. Это оказался всего лишь Хьюго Мензис, хранитель отдела антропологии и ее непосредственный начальник. Он был все еще бледен после недавнего приступа желчнокаменной болезни, а его обычно веселые глаза казались воспаленными.

– Привет, Нора, – сказал смотритель, добродушно улыбаясь. – Можно к тебе?

– Конечно.

Мензис уселся на стул.

– Как у тебя здесь хорошо, тихо. Ты одна?

– Да. Что нового наверху?

– Толпа продолжает расти.

– Я видела этих людей, когда шла на работу.

– Происходит нечто ужасное. Они выкрикивают оскорбления в адрес сотрудников, глумятся над ними. Заблокировали движение на

Мьюзим-драйв. И, боюсь, это только начало. Одно дело – заявления мэра и губернатора, но совсем другое – когда возмущение выражают жители Нью-Йорка. Боже сохрани нас от гнева толпы.

Нора покачала головой:

– Мне очень жаль, что причиной всего этого стал Билл.

Мензис мягко положил руку ей на плечо.

– Он был всего лишь орудием. И оказал музею услугу, рассказав о недальновидном плане руководства, прежде чем тот был исполнен. Правда все равно бы вышла наружу – рано или поздно.

– Не могу себе представить, кому понадобилось сначала украсть все алмазы, а потом уничтожить.

Мензис пожал плечами.

– Кто знает, что творится в голове у сумасшедшего? Ясно одно: этот человек испытывает настоящую ненависть к музею.

– Что же музей ему сделал?

– На этот вопрос может ответить только он сам. Но я пришел сюда не для того, чтобы рассуждать о мотивах, которыми руководствовался преступник, а совсем по другой причине. И эта причина связана с тем, что творится наверху.

– Я вас не понимаю.

– В кабинете доктора Коллопи только что прошло совещание. На нем мы приняли некое решение, и оно непосредственно касается тебя.

Нора молчала, ощущая усиливающуюся тревогу.

– Тебе что-нибудь известно о гробнице Сенефа?

– Никогда о ней не слышала.

– Неудивительно. Мало кто из сотрудников музея о ней помнит. Это была одна из самых первых экспозиций музея – египетская гробница из Долины царей, восстановленная в одном из подземных помещений. В тридцатые годы она была законсервирована, и с тех пор о ней никто не вспоминал.

– И что же?

– Музею сейчас необходимы позитивные новости; нужно бы напомнить людям, что мы делаем и много хорошего. Мы должны отвлечь внимание общественности от скандала. Здесь-то нам и пригодится гробница

Сенефа. Мы собираемся ее открыть, и я хочу, чтобы этим проектом руководила ты.

– Я? Но ведь я и так уже несколько месяцев не занималась собственными исследованиями, помогая готовить экспозицию «Священных изображений»!

На лице Мензиса заиграла насмешливая улыбка.

– Совершенно верно. Именно поэтому я к тебе и обращаюсь. Потому что знаю, какую работу ты проделала со «Священными изображениями». Ты одна в отделе сможешь справиться с этой задачей.

– И за какое же время?

– Коллопи хочет, чтобы выставка открылась как можно скорее. У нас есть шесть недель.

– Вы, должно быть, шутите!

– У нас действительно нет времени. Музей уже давно не получает финансовой помощи, а после этого последнего скандала может случиться что угодно.

Нора замолчала.

– Дело в том, – мягко продолжил Мензис, – что мы только что получили десять миллионов евро – это тринадцать миллионов долларов – на финансирование этого проекта. Но деньги, конечно, не главное. Это даст нам всеобщую поддержку – от попечительского совета до всяких там объединений. Гробница Сенефа законсервирована – следовательно, должна находиться в довольно хорошем состоянии.

– Пожалуйста, не просите меня об этом. Поручите гробницу Эштону.

– Эштон не умеет улаживать конфликты. А ты здорово тогда справилась с протестующими на открытии «Священных изображений». Я все видел. Нора, музей сейчас ведет борьбу за выживание. Ты нужна мне. Ты нужна музею.

В лаборатории повисла тишина. Нора с упавшим сердцем смотрела на свои черепки.

– Я ничего не знаю о Древнем Египте.

– Мы пригласим тебе в помощь лучшего египтолога.

Нора поняла, что у нее нет выбора, и тяжело вздохнула:

– Хорошо, я согласна.

– Браво! Именно это я и хотел услышать! Теперь вот что. Мы, конечно, не успели как следует все обсудить, но поскольку гробница не экспонировалась семьдесят лет, нужно будет придумать что-то новенькое. В наши дни никого уже не заинтересует статичный набор артефактов – необходимы мультимедийные приемы. И, конечно же, торжественное открытие, на которое каждый житель Нью-Йорка с социальными амбициями просто обязан будет купить билет.

Нора с сомнением покачала головой:

– И на все это – шесть недель?

– Я подумал, у тебя возникнут какие-то идеи.

– Когда они вам нужны?

– Боюсь, прямо сейчас. Через полчаса у доктора Коллопи пресс-конференция, на которой он собирается сообщить о выставке.

– О нет! – Нора тяжело опустилась на стул. – Вы уверены, что спецэффекты так уж необходимы? Ненавижу эти компьютерные штучки. Только отвлекают от экспонатов.

– К сожалению, в наши дни музею без них не обойтись. Взять хотя бы новую Библиотеку Авраама Линкольна. Да, согласен, в каком-то смысле это немного вульгарно, но на дворе двадцать первый век и нам приходится конкурировать с телевидением и видеоиграми. Нора, ну пожалуйста, идеи нужны мне прямо сейчас. На директора обрушатся тысячи вопросов, и мне бы хотелось, чтобы он смог хоть что-то рассказать о выставке.

Нора вздохнула. С одной стороны, ее приводила в отчаяние мысль о том, что опять придется отложить исследование, работать по семьдесят четыре часа в неделю и совсем не видеть мужа, с которым она успела прожить всего несколько месяцев. С другой стороны, если уж браться за это – а у нее, похоже, не было выбора, – то надо сделать все как следует.

– Нам не нужны дешевые трюки вроде мумий, встающих из саркофагов, – наконец произнесла она. – Выставка должна носить познавательный характер.

– Совершенно с тобой согласен.

Нора на минуту задумалась.

– Если не ошибаюсь, гробница была разграблена?

– В древности, как и большинство египетских гробниц. Возможно, теми самыми жрецами, которые и хоронили Сенефа. Кстати, он был не фараоном, а визирем и регентом при Тутмосе Четвертом.

Нора молча переваривала услышанное. Она не сомневалась, что предложение возглавить работы по подготовке большой новой выставки, а эта выставка станет особенно заметным событием, – большая честь для нее. Она была заинтригована и даже, помимо собственной воли, начинала испытывать интерес к неожиданно возникшему проекту.

– Если вы хотите нечто эффектное, – сказала она, – давайте воспроизведем сам момент ограбления. Мы можем показать грабителей за работой – их страх быть пойманными, страх перед тем, что их ожидает, если они *будут* пойманы. И все это дополнить комментарием к происходящему и рассказом о том, кто такой был этот Сенеф…

Мензис кивнул:

– Превосходно, Нора.

Нора ощутила растущее возбуждение.

– Если сделать это как следует, с компьютерными эффектами, экспозиция произведет на посетителей незабываемое впечатление – словно сама история оживет в гробнице.

– В один прекрасный день ты станешь директором этого музея.

Нора покраснела. Слова шефа не показались ей неприятными.

– Я и сам подумывал устроить из выставки светозвуковое шоу. Потрясающе! – С нехарактерной для него страстью Мензис схватил Нору за руку. – Это спасет музей. И обеспечит твою карьеру в нем. Как я уже говорил, о деньгах и помощи не думай – их будет столько, сколько нужно. Что касается компьютерных эффектов, позволь позаботиться об этом мне. А ты сосредоточься на артефактах и композиции. Шесть недель как раз хватит, чтобы подогреть интерес публики и поработать с прессой. Надеясь получить приглашение, журналисты не будут поливать грязью музей. – Он взглянул на часы. – Мне нужно успеть подготовить Коллопи к пресс-конференции. Спасибо, Нора, большое тебе спасибо. – И Мензис быстро вышел из лаборатории, оставив Нору одну. Она с сожалением посмотрела на стол, на тщательно разложенные черепки, и стала собирать их – один за другим – и укладывать в пакеты.

Глава 7

Специальный агент Спенсер Коффи свернул за угол и направился к офису начальника тюрьмы. Его ботинки с железными набойками на каблуках громко стучали по гладкому цементному полу, и это доставляло ему немалое удовольствие. Коренастый усатый агент Рабинер почтительно следовал за ним. Остановившись перед тяжелой дубовой дверью, Коффи постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

Секретарь начальника тюрьмы, худенькая женщина с осветленными волосами и следами от угревой сыпи на лице, окинула его удивленно-высокомерным взглядом.

– Что вам угодно?

– Агент Коффи из Федерального бюро расследований. – Он помахал у нее перед носом удостоверением. – У нас назначена встреча с вашим шефом, и мы очень торопимся.

– Я сейчас доложу, – сказала она, и ее голос с провинциальным акцентом заставил Коффи поморщиться.

Он посмотрел на Рабинера и закатил глаза. Ему уже довелось сегодня иметь дело с этой женщиной – тогда она бросила трубку, и нынешняя встреча лишь подтвердила, что секретарша была воплощением всего, что он презирал в людях, – деревенская выскочка, вскарабкавшаяся наверх и решившая, что теперь она важная персона.

– Агент Коффи и… – Секретарь взглянула на Рабинера.

– Специальный агент Коффи и специальный агент Рабинер.

Женщина подняла трубку интеркома с оскорбительной неторопливостью и произнесла:

– Сэр, вас желают видеть агенты Коффи и Рабинер. Они утверждают, что вы назначили им встречу. – Немного подождав, она положила трубку, всем своим видом показывая Коффи, что, в отличие от него, никуда не торопится. – Мистер Имхоф, – сказала она наконец, – примет вас.

Проходя мимо ее стола, Коффи неожиданно остановился.

– Ну и как дела на вашей ферме?

– Похоже, для свиней начинается сезон спаривания, – тут же ответила она, не удостоив его взглядом.

Коффи вошел в кабинет начальника тюрьмы, недоумевая, что имела в виду эта сука и следует ли считать ее слова оскорблением.

Агенты закрыли за собой дверь, и Гордон Имхоф поднялся из-за большого стола со столешницей из огнеупорного пластика. Коффи никогда не видел его лично и подумал, что начальник тюрьмы выглядит гораздо моложе, чем он себе представлял. Это был невысокий подтянутый мужчина с козлиной бородкой и холодными голубыми глазами. Агент Коффи отметил также безупречный костюм и волосы, уложенные феном. Ему трудно было вынести об Имхофе какое-то суждение. В старые добрые времена, чтобы получить эту должность, нужно было прослужить не один десяток лет, упорно карабкаясь по

ступенькам служебной лестницы. Имхоф же выглядел так, словно получил где-то докторскую степень по специальности «управление исправительными заведениями» и не был знаком с удовольствием, которое получаешь, нанося удары дубинкой по человеческому телу. Однако его плотно сжатые тонкие губы заставили Коффи подумать, что у этого человека, возможно, все впереди.

Имхоф поочередно протянул руку Коффи и Рабинеру.

– Садитесь.

– Спасибо.

– Как прошел допрос?

– Дело потихоньку раскручивается, – ответил Коффи. – И уж если такой случай не заслуживает смертной казни по федеральному законодательству, тогда я не знаю… Но этого парня голыми руками не возьмешь. Возникли некоторые осложнения. – Коффи не упомянул, что на самом деле допрос прошел плохо – очень плохо.

Лицо Имхофа оставалось непроницаемым.

– Я хочу кое-что пояснить, – продолжил Коффи. – Одной из жертв этого убийцы стал мой коллега и друг, один из лучших агентов за всю историю ФБР.

Сказав это, Коффи усмехнулся про себя. Старший специальный агент Майк Декер был тем самым человеком, из-за которого семь лет назад, после серии убийств в музее, его с позором отстранили от должности. Радость, которая охватила Коффи при известии о смерти Декера, невозможно было описать словами. Нечто подобное он испытал лишь еще один раз – когда узнал имя убийцы. Это был особый момент в его жизни.

– Таким образом, мистер Имхоф, в вашей тюрьме содержится не совсем обычный заключенный. Это серийный убийца наиболее опасного типа, лишивший жизни по меньшей мере трех человек. Хотя наш интерес к нему вызван только убийством федерального агента. Другими эпизодами пусть занимается администрация штата Нью-Йорк. Тем не менее мы надеемся, что к тому времени, когда и они вынесут ему приговор, преступнику уже будет сделана смертельная инъекция.

Имхоф слушал, склонив голову.

– Этот заключенный, кроме того, наглый ублюдок, – продолжал Коффи. – Мне доводилось работать с ним по одному делу несколько лет назад. Он считает себя выше всех, уверен, что правила существуют не для него. У него нет никакого уважения к власти.

При слове «уважение» Имхоф наконец оживился.

– Если как начальник этого учреждения я чего и требую от остальных, так это уважения. Дисциплина начинается там, где начинается уважение, и наоборот.

– Совершенно с вами согласен, – поддакнул Коффи. Он решил следовать именно этому направлению в разговоре, надеясь в конце концов разозлить начальника тюрьмы и заставить его показать зубы. – Кстати, об уважении. Во время допроса заключенный сказал о вас кое-что. – Тут Коффи наконец заметил интерес, мелькнувший в глазах Имхофа. – Но мне бы не хотелось это повторять. Ведь мы с вами научились не обращать внимания на такие мелочи.

Имхоф подался вперед.

– Если заключенный каким-то образом продемонстрировал отсутствие уважения – речь идет не о чем-то личном, а именно об уважении к данному учреждению, – я должен об этом знать.

– Его слова были обычным дерьмом, и мне не хотелось бы произносить их еще раз.

– И тем не менее мне хотелось бы их услышать.

Заключенный, конечно же, ничего не говорил. В этом-то и заключалась проблема.

– Ну, он назвал вас наливающимся пивом нацистским ублюдком, сравнивал вас с Бошем и Краутом – что-то в этом роде.

Имхоф нахмурился, и Коффи понял, что попал в точку.

– Что еще он говорил? – тихо поинтересовался начальник тюрьмы.

– Очень грубые вещи. Что-то о размере вашего… Впрочем, подробностей я не помню.

В комнате повисла гнетущая тишина. Козлиная бородка Имхофа слегка подрагивала.

– Я же сказал – обычная чушь. Однако это свидетельствует о том, что заключенный не увидел для себя пользы от сотрудничества с нами. А знаете почему? Будет он отвечать на наши вопросы или не будет, будет проявлять уважение к вам и вашему учреждению или нет – для него ничего не изменится. И с этим нужно что-то делать. Он должен понять, что неправильный выбор повлечет за собой серьезные последствия. И еще одно: его необходимо содержать в полной, абсолютной изоляции. Нельзя позволить ему передавать какие-либо сообщения на волю. Появились предположения, что он контактирует со своим братом,

который находится в бегах. Поэтому никаких телефонных звонков, никаких встреч с адвокатом – полное отсутствие общения с внешним миром. Мы ведь не хотим, чтобы отсутствие бдительности стало причиной еще большего зла. Вы понимаете, что я имею в виду, сэр?

– Конечно, понимаю.

– Хорошо. Его необходимо заставить увидеть преимущества сотрудничества. Мне бы очень хотелось поработать с ним резиновой дубинкой и хлыстом – меньшего он не заслуживает, – но, к несчастью, это невозможно. Ведь мы же не хотим, чтобы на суде вдруг всплыли неприятные для нас подробности? Он, может, и сумасшедший, но не идиот. Такому парню, как он, нельзя давать ни одного шанса. У него достаточно денег, чтобы сделать своим адвокатом Джонни Кохрана.

Коффи замолчал, потому что впервые за все время беседы увидел на лице Имхофа улыбку. И эта улыбка, и выражение ледяных голубых глаз начальника тюрьмы обдали специального агента холодом.

– Я понял, в чем ваша проблема, агент Коффи. Заключенному необходимо продемонстрировать ценность сотрудничества. Я лично позабочусь об этом.

Глава 8

Тем самым утром, на которое было назначено вскрытие гробницы Сенефа, Нора вошла в просторный кабинет Мензиса и увидела шефа сидящим в своем любимом кресле и занятым беседой с каким-то молодым человеком. Заметив ее, Мензис и его гость тут же поднялись с места.

– Нора, – сказал Мензис, – разреши представить тебе доктора Эдриана Уичерли, того самого египтолога, о котором я тебе говорил. Эдриан, это доктор Нора Келли.

Уичерли с улыбкой наклонил голову, и Нора отметила, что выглядит он безукоризненно: костюм с Сэвил-роу, дорогие туфли, клубный галстук. Единственной вольностью в его облике казалась густая копна каштановых волос. Завершая беглый осмотр, Нора задержала взгляд на удивительно красивом лице Уичерли: ямочки на щеках, ясные голубые глаза и безупречно белые зубы. На вид ему было не более тридцати.

– Чрезвычайно рад с вами познакомиться, доктор Келли, – произнес он с изысканным оксбриджским акцентом и, осторожно пожав Норе руку, одарил ее еще одной ослепительной улыбкой.

– Взаимно. И, пожалуйста, зовите меня Норой.

– Конечно, Нора. Простите мне этот официальный тон – из-за своего старомодного воспитания я чувствую себя не совсем в своей тарелке по эту сторону океана. Я лишь хотел сказать: просто потрясающе, что я здесь и буду заниматься этим проектом!

Потрясающе! Нора с трудом сдержала улыбку: Эдриан Уичерли казался почти карикатурой на тот тип молодого экстравагантного британца, который, как она считала, вряд ли можно было найти где-то еще, кроме романов Вудхауса.

– У Эдриана потрясающие рекомендации, – сообщил Мензис. – Он защитил докторскую диссертацию в Оксфорде, руководил раскопками гробницы KV-42 в Долине царей, был профессором египтологии в Кембридже, написал монографию «Фараоны Двадцатой династии».

Нора с уважением посмотрела на Уичерли. Он был удивительно молод для ученого с такими заслугами.

– Впечатляет…

Уичерли изобразил смущение:

– Это всего лишь академическая чепуха, не стоит придавать ей значение.

– Не скажите. – Мензис взглянул на часы. – В десять у нас назначена встреча с представителем отдела эксплуатации. Насколько я понимаю, никто точно не знает, где сейчас находится гробница Сенефа. Единственное, что можно сказать с уверенностью, – это что она была заложена кирпичом и с тех пор никто не имел к ней доступа. Нам придется ломать стену.

– Звучит интригующе, – пробормотал Уичерли. – Я ощущаю себя прямо-таки Говардом Картером.

Старая, отделанная медью лифтовая кабинка спускалась вниз, скрежеща и постанывая. Выйдя из лифта у отдела эксплуатации, они миновали машинное отделение, плотницкую и, наконец, подошли к открытой двери, ведущей в тесный кабинет. Сидевший за столом человечек внимательно изучал сложенные перед ним стопкой чертежи. Мензис постучал по филенке, и хозяин кабинета вышел из-за стола.

– Хочу представить вам обоим мистера Симуса Маккоркла, – сказал Мензис. – Он знает о планировке музея, пожалуй, больше, чем кто-либо из ныне живущих людей.

– Хотя и это совсем не много, – произнес Маккоркл. Это был человек невысокого роста, лет пятидесяти на вид, с тонким кельтским лицом и высоким пронзительным голосом.

Закончив церемонию знакомства, Мензис повернулся к Маккорклу.

– Вы нашли нашу гробницу?

– Думаю, да. – Маккоркл кивком указал на кипу старых чертежей. – Не так-то просто отыскать что-либо в этих старых развалинах.

– Почему же? – поинтересовался Уичерли.

Маккоркл скатал верхний чертеж в трубку.

– Музей состоит из тридцати четырех связанных между собой зданий, расположенных на территории свыше шести акров. Общая площадь всех помещений – более двух миллионов квадратных футов, протяженность коридоров – восемнадцать миль, не считая подземных туннелей, которые никто еще не потрудился как следует изучить и нанести на чертежи. Я как-то попытался подсчитать, сколько здесь комнат: дошел до тысячи и бросил. Музей постоянно строился и перестраивался все сто сорок лет своего существования. Такова особенность всех музеев: коллекции переносятся с места на место, одни помещения объединяются, другие разделяются и переименовываются. И многие из этих изменений не отражаются на чертежах.

– Но не могла же потеряться целая египетская гробница! – воскликнул Уичерли.

Маккоркл рассмеялся:

– Это было бы непросто, даже в нашем музее. Проблема лишь в том, где искать вход. Его заложили в тысяча девятьсот тридцать пятом году, когда прокладывали туннель от станции метро «Восемьдесят первая улица». – Он сунул чертежи под мышку и взял старый кожаный портфель, который лежал на столе. – Пойдем?

– Вы первый, – сказал Мензис.

Они пошли по коридору со стенами, выкрашенными в ядовито-зеленый цвет, мимо технических помещений и хранилищ. Это было самое оживленное место подземных владений музея. Проходя мимо того или иного помещения, Маккоркл давал его краткую характеристику:

– Это слесарный цех. Здесь раньше стояли бойлеры, а теперь хранится коллекция скелетов китов. Это хранилище останков динозавров юрского периода… Меловой период… Млекопитающие олигоцена… Млекопитающие плейстоцена… Дугонги и ламантины…

Затем хранилища сменились лабораториями. Их блестящие стальные двери являли собой странный контраст с ветхим коридором, освещаемым тусклыми лампами в проволочных сетках, с проложенными над полом старыми трубами парового отопления.

Они прошли мимо такого количества закрытых дверей, что Нора сбилась со счета. Одни были старыми и отпирались ключами, которые их проводник выбирал из большой связки; другие, более современные, представляли собой часть недавно введенной в музее системы безопасности, и Маккоркл открывал их магнитной карточкой. По мере того как они углублялись в подземные лабиринты музея, коридоры становились все более пустыми, а тишина в них – все более гнетущей.

– Должен сказать, этот музей ничуть не меньше Британского, – нарушил молчание Уичерли.

Маккоркл презрительно фыркнул:

– Больше! Гораздо больше!

Подойдя к старинным двустворчатым металлическим дверям с заклепками, Маккоркл открыл их большим железным ключом. За дверями разверзлась темнота. Маккоркл щелкнул выключателем, и перед ними предстал длинный, некогда нарядный коридор, стены которого покрывали выцветшие фрески. Присмотревшись, Нора поняла, что на них изображены пейзажи Нью-Мексико – горы, пустыни и развалины многоэтажного индейского храма, в котором она узнала Таос-Пуэбло.

– Фремонт Эллис, – пояснил Мензис. – Когда-то здесь был Зал юго-западных территорий. Его закрыли в сороковых.

– Прекрасные фрески, – произнесла Нора.

– Да. И очень ценные.

– Их нужно привести в порядок, – заметил Уичерли. – Видите то безобразное пятно?

– Все упирается в деньги, – ответил Мензис. – Если бы не объявился наш граф с необходимой суммой, гробница Сенефа, возможно, пребывала бы в забвении еще семьдесят лет.

Маккоркл отпер следующую дверь, за которой открылся еще один тускло освещенный зал, превращенный в хранилище. Полки были уставлены ярко расписанными горшками, за застекленными дверцами дубовых шкафов угадывались очертания древних артефактов.

– Юго-западная коллекция, – кивнул Маккоркл.

– Я ничего о ней не знала! – в изумлении воскликнула Нора. – Все это необходимо тщательно изучить.

– Но сначала, как сказал Эдриан, привести в порядок, – вставил Мензис. – И для этого опять же нужны деньги.

– Тут дело не только в деньгах, – возразил Маккоркл, и на его лице появилось странное, болезненное выражение.

Нора и Уичерли обменялись взглядами.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она.

Мензис закашлялся.

– Думаю, Симус хочет напомнить нам, что первые… э-э… убийства, совершенные Музейным зверем, произошли неподалеку от Зала юго-западных территорий.

Все замолчали, а Нора подумала, что неплохо бы взглянуть на эти коллекции позже – лучше в присутствии более многочисленной группы людей. Может, ей удастся получить разрешение на перевод коллекций в современное, хорошо оборудованное хранилище.

За следующей дверью находилась небольшая комната, стены которой от пола до потолка были уставлены черными металлическими ящиками. Ученые также увидели наполовину скрытые ящиками постеры и рекламные плакаты двадцатых—тридцатых годов, украшенные надписями в стиле ар-деко и изображениями сестер Гибсон. В минувшие годы здесь, вероятно, было что-то вроде передней. В помещении пахло дезинфекцией и еще чем-то неприятным – Нора решила, что это запах старой вяленой говядины.

В дальнем углу комната переходила в огромный зал. В отраженном свете Нора смогла рассмотреть, что его стены также покрывают фрески, на этот раз с изображениями пирамид и Сфинкса – но не полуразрушенных, а словно бы только что построенных.

– Мы приближаемся к старым Египетским галереям, – пояснил Маккоркл.

Они вошли в зал, служивший хранилищем. Ряды полок были прикрыты прозрачными листами пластика, которые, в свою очередь, покрывал слой пыли.

Маккоркл развернул чертежи и прищурился, пытаясь в полумраке отыскать на них нужное место.

– Если мои расчеты верны, – сказал он, – вход в гробницу располагался там, где сейчас пристройка, в дальнем конце.

Уичерли подошел к одному из стеллажей и отодвинул пластик. За ним Нора увидела ряды керамической посуды, позолоченные стулья и лежанки, подголовники, плетеные сосуды для воды и небольшие алебастровые, фаянсовые и глиняные фигурки.

– Господи, ведь это одна из лучших коллекций ушебти, которые мне когда-либо доводилось видеть! – воскликнул Уичерли, повернувшись к Норе. – Да здесь материала на две гробницы! – Он благоговейно взял в руки одну из фигурок и внимательно ее осмотрел. – Древнее царство, Вторая династия, правление фараона Хетепсекхемви.

– Доктор Уичерли, согласно правилам обращения с объектами… – начал Маккоркл, и в его голосе прозвучало предостережение.

– Все в порядке, – перебил его Мензис. – Доктор Уичерли – специалист по Древнему Египту. Я за него отвечаю.

– Хорошо, – ответил Маккоркл в некотором смущении.

Нора подумала, что этот маленький человечек, вероятно, уже привык считать коллекции своей собственностью. И в каком-то смысле он имел на это право, поскольку был одним из немногих, кто их когда-либо видел.

Уичерли переходил от одного стеллажа к другому, глаза его алчно поблескивали.

– Смотрите! Здесь есть даже коллекция артефактов эпохи неолита с верховьев Нила! Боже милостивый! Вы только взгляните на этот церемониальный тхатоф! – Он держал в руках вытесанный из серого камня нож примерно в фут длиной.

Маккоркл бросил на Уичерли недовольный взгляд. Археолог с величайшей осторожностью вернул нож на место и задвинул пластик.

У следующей обитой железом двери им пришлось задержаться: Маккоркл не сразу сумел ее открыть и долго подбирал ключи, прежде чем нашел нужный. Когда дверь, громко скрипя, наконец отворилась, с петель посыпалась ржавчина.

Глазам ученых открылось небольшое помещение, заставленное саркофагами из крашеного дерева. Некоторые из них не имели крышек, и внутри Нора увидела мумии – одни были запеленаты, другие не имели погребальных покровов.

– Комната мумий, – произнес Маккоркл.

Уичерли протиснулся вперед.

– Боже! Да их здесь не меньше сотни! – Он отодвинул в сторону лист пластика, за которым скрывался большой деревянный саркофаг. – Смотрите!

Нора подошла поближе. Льняные пелены с лица и груди сорваны, рот приоткрыт, черные сморщенные губы ввалились, словно мумия

кричала, протестуя против насилия. В грудной клетке зияла дыра – не хватало грудины и нескольких ребер.

Уичерли обернулся и посмотрел на Нору, глаза его блестели.

– Видите? – спросил он почти с благоговением. – Эта мумия была ограблена. Они сорвали пелены, чтобы забрать спрятанные в них ценные амулеты. А на месте этой дыры было изображение жука-скарабея из золота и нефрита – символ возрождения. Древние египтяне считали, что золото – это плоть богов, потому что оно никогда не тускнеет.

– Эту мумию можно положить в гробницу, – вмешался Мензис. – Идея – Норина идея – заключается в том, чтобы представить гробницу в момент ее разграбления.

– Блестяще! – воскликнул Уичерли и одарил Нору своей ослепительной улыбкой.

– Мне кажется, – подал голос Маккоркл, – что вход в гробницу был напротив вот той стены. – Поставив сумку на пол, он стал отодвигать пластик, закрывающий стеллажи у дальней стены комнаты. Взглядам присутствующих открылись горшки, чаши и корзины, наполненные какими-то черными сморщенными предметами.

– Что это? – спросила Нора.

Уичерли подошел поближе, чтобы рассмотреть как следует. После недолгого молчания он обернулся к своим спутникам:

– Это сохранившаяся пища. Хлеб, части туши антилопы, фрукты и овощи, финики – все это хранилось для путешествия фараона в загробный мир.

Вдруг за стеной послышался приближающийся шум, раздался громкий скрежет металла, затем все стихло.

– Здесь проходит линия метро, соединяющая Центральный парк с западной частью города. Станция «Восемьдесят первая улица» совсем близко.

– Нужно будет что-нибудь придумать, чтобы заглушить эти звуки, – задумчиво произнес Мензис. – Они испортят все впечатление.

Маккоркл пробормотал нечто нечленораздельное, потом достал из сумки какой-то электронный прибор и направил его на стену. Повернул, опять направил. Затем достал кусочек мела и сделал на стене пометку. Достав из нагрудного кармана другой прибор, приложил его к стене и стал медленно перемещать, считывая показания.

Наконец он отступил на шаг назад и произнес:

– Нашел. Помогите мне разобрать стеллажи.

Они начали переносить артефакты на полки в другой части комнаты. Когда стена наконец освободилась, Маккоркл клещами вынул из осыпающейся штукатурки кронштейны и отложил их в сторону.

– Готовы для момента истины? – обратился он к присутствующим. Глаза его сияли – к нему вернулось хорошее настроение.

Маккоркл достал из сумки молоток и длинный предмет, напоминающий железнодорожный костыль. Приставив костыль к стене, со всей силы стукнул по нему молотком, потом еще раз. Звуки ударов гулко отдавались в замкнутом пространстве, и со стен начали падать куски штукатурки, обнажая кирпичную кладку. Маккоркл продолжал стучать молотком, поднимая облака пыли… Вдруг костыль ушел в стену почти по самую шляпку. Маккоркл стал раскачивать его из стороны в сторону, нанося удары молотком сбоку. Через некоторое время ему удалось вынуть несколько кирпичей, на месте которых остался черный зияющий прямоугольник.

Увидев это, Уичерли бросился вперед.

– Не возражаете, если я воспользуюсь привилегией исследователя? – Он обернулся к своим спутникам с самой очаровательной улыбкой. – Никто не против?

– Вы наш гость, – ответил Мензис. Маккоркл нахмурился, но промолчал. Уичерли взял электрический фонарик и посветил им, приблизив лицо к проему в стене. Повисла долгая тишина, нарушаемая лишь грохотом проходящего поезда метро.

– Что вы там видите? – наконец спросил Мензис.

– Диковинных животных, статуи и золото – блеск золота повсюду.

– Что за черт! – пробурчал Маккоркл.

Уичерли бросил на него быстрый взгляд.

– Я пошутил. Эти слова произнес Говард Картер, когда впервые заглянул в гробницу фараона Тата.

Маккоркл поджал губы.

– Пожалуйста, отойдите немного в сторону – я расширю проем. – С этими словами он вновь подошел к стене и несколькими точными ударами ослабил еще несколько рядов кирпичей.

Менее чем через десять минут в стене зияла дыра, достаточная, чтобы проникнуть внутрь. Маккоркл скрылся в проеме и через минуту вернулся назад.

– Электричество не работает, как я и предполагал. Нам придется воспользоваться фонариками. Я должен идти первым. – Тут он бросил взгляд на Уичерли. – Таковы музейные правила. Там может находиться нечто, представляющее опасность.

– Например, мумия из Черной лагуны, – со смехом сказал Уичерли и посмотрел на Нору.

Они осторожно вошли в проем в стене и тут же остановились, пристально глядя вперед. Лучи фонарей выхватили из темноты огромный каменный порог, а за ним – ведущие вниз ступени, сложенные из неровных плит известняка.

Маккоркл приблизился к первой ступени, немного помедлил, потом с негромким нервным смешком спросил:

– Готовы, леди и джентльмены?

Глава 9

Капитан отдела по расследованию убийств Лаура Хейворд молча стояла в своем кабинете, глядя на безобразные груды, возвышавшиеся на ее столе, на стульях и даже на полу, – здесь были хаотично наваленные кипы бумаги и фотографий, мотки цветной бечевки, CD-диски, пожелтевшие бланки телексных сообщений, этикетки, конверты. Окружавший ее беспорядок, подумала она, был точным отражением состояния ее души.

Замечательно выстроенные ею доказательства вины специального агента Пендергаста – для чего и понадобились все эти мотки цветной бечевки, фотографии и этикетки – рухнули. А ведь все казалось таким логичным. Свидетельств немного, но они были ясными, последовательными и в высшей степени убедительными. Пятнышко крови, крохотные частицы ткани, несколько волосков, завязанный особым способом узел, последовательность собственников орудий убийства. Анализ ДНК не подвел, точно так же как и результаты судебно-медицинской экспертизы и вскрытия. Все они указывали на Пендергаста. Дело против него казалось абсолютно ясным. Может быть, слишком ясным. В этом, если говорить коротко, и заключалась проблема.

В дверь осторожно постучали, и, обернувшись, Лаура увидела в проеме высокую фигуру капитана Глена Синглтона. Это был мужчина под пятьдесят, с уверенными энергичными движениями опытного пловца, удлиненным лицом и орлиным профилем. Угольно-черный костюм

казался слишком дорогим и слишком хорошо сшитым для офицера полицейского управления Нью-Йорка. К тому же каждые две недели Глен оставлял сто двадцать долларов парикмахеру в фойе «Карлайла», доводившему его короткую стрижку до совершенства. Но это свидетельствовало лишь о привередливости Синглтона, а не о его коррумпированности. Несмотря на свою приверженность моде, он был очень хорошим полицейским, одним из лучших в управлении.

– Лаура, можно войти? – Он улыбнулся, обнажив ряд превосходных, очень дорогих зубов.

– Конечно. Зачем ты спрашиваешь?

– На вчерашнем корпоративном вечере нам тебя не хватало. У тебя что, неприятности?

– Неприятности? Нет, все в порядке.

– В самом деле? Тогда я не понимаю, почему ты не воспользовалась возможностью бесплатно поесть, попить и повеселиться.

– Не знаю. Наверное, у меня просто не было настроения.

Оба замолчали, и в наступившей неловкой тишине Синглтон начал оглядываться в поисках свободного стула.

– Прошу прощения за беспорядок. Я как раз занималась… – Лаура замолчала.

– Чем?

Она пожала плечами.

– Именно этого я и боялся. – Синглтон заколебался, словно принимая решение, потом закрыл дверь и подошел к столу. – Это не похоже на тебя, Лаура, – сказал он тихо.

«Так вот как это всегда начинается», – подумала она.

– Я твой друг и не собираюсь ходить вокруг да около, – продолжал Синглтон. – Я очень хорошо понимаю, чем ты «как раз занималась», и уверяю тебя, что ты навлечешь на себя серьезные неприятности.

Хейворд молча ждала продолжения.

– Ты вела это дело так, как описывают в учебниках. Ты сделала все просто великолепно. Так почему же теперь ты себя мучаешь? – Синглтон в недоумении развел руками.

Лаура внимательно смотрела на него, стараясь сдержать вспышку гнева, причиной которого был не он, а скорее она сама.

– Почему? Да потому, что в тюрьме находится невиновный. Агент Пендергаст не убивал Торренса Гамильтона, как не убивал Чарлза Дьючемпа и Майкла Декера. Его брат Диоген – вот кто настоящий убийца.

Синглтон вздохнул.

– Послушай, никто не сомневается, что Диоген украл коллекцию алмазов, принадлежавшую музею, и похитил Виолу. Имеются показания д'Агосты, того гематолога Каплана и самой Маскелин, которые это подтверждают. Однако из этого не следует, что убийца – он. У тебя нет никаких доказательств. С другой стороны, ты проделала отличную работу и доказала, что эти убийства совершил Пендергаст. Почему бы тебе не оставить все как есть?

– Я сделала то, что, как предполагалось, должна была сделать, – в этом-то все дело. Меня направили по ложному следу, а Пендергаста подставили.

Синглтон нахмурился.

– За свою карьеру я видел много сфабрикованных дел, но чтобы они сработали, требуется невероятная ловкость.

– Д'Агоста с самого начала говорил мне, что Диоген собирался подставить своего брата. Пока Пендергаст находился на лечении в Италии, он собрал все необходимые вещественные доказательства: кровь, волосы, волокна ткани – все. Д'Агоста настаивал, что Диоген жив, что именно он похитил Виолу и стоял за кражей алмазов. В этом он оказался прав, и это заставляет меня думать, что он был прав и во всем остальном.

– Д'Агоста празднует победу! – презрительно произнес Синглтон. – Он обманул мое доверие. И твое. Я не сомневаюсь, что дисциплинарная комиссия утвердит решение о его увольнении из полиции. Ты что, хочешь играть на стороне такой «звезды»?

– Я лишь хочу установить истину. Пендергаст оказался в тюрьме из-за меня, и только я могу это исправить.

– Единственный способ сделать это – доказать, что убийцей является кто-то другой. У тебя есть хоть какие-то улики против Диогена?

Хейворд нахмурилась.

– Марго Грин описала напавшего на нее человека, и он…

– На Марго Грин напали в полутемной комнате. Ее показания никто не примет в расчет. – Синглтон немного помолчал и заговорил уже мягче: – Послушай, Лаура, давай не будем друг друга обманывать. Я знаю,

каково тебе сейчас. Вступать в отношения с сотрудником полиции нелегко. А разрывать такие отношения еще труднее. И поскольку в этом деле фигурирует д’Агоста, я прекрасно понимаю…

– Я и д’Агоста – очень старая история, – перебила его Лаура. И мне не нравятся эти инсинуации. Как, кстати, не понравился и твой визит ко мне.

Синглтон поднял кипу бумаг со стула для посетителей, положил ее на пол и уселся, опустив голову и уперев локти в колени. Наконец он вздохнул и поднял глаза.

– Лаура, ты самая молодая женщина-капитан в отделе по расследованию убийств за всю историю полицейского управления Нью-Йорка. И ты стоишь двух парней, имеющих такую же должность. Комиссар Рокер тебя любит. И майор тебя любит. Твои подчиненные тебя любят. В один прекрасный день ты сама станешь комиссаром – я в этом не сомневаюсь. Я пришел сюда не потому, что меня кто-то об этом попросил. Я пришел по собственной инициативе – сказать тебе, что ты опоздала. Делом Пендергаста занимается ФБР. Они считают, что он убил Декера, и не собираются отказываться от своей точки зрения. У тебя есть лишь подозрения и больше ничего… Не стоит из-за этого ломать свою карьеру. Потому что именно это и случится, если ты пойдешь против ФБР – и проиграешь.

Лаура твердо посмотрела на него и набрала в легкие побольше воздуха:

– Ну что ж, значит, так тому и быть.

Глава 10

Члены маленькой группы спустились по ведущей к гробнице Сенефа лестнице, оставив следы на пыльных ступенях, словно на свежевыпавшем снегу.

Уичерли остановился и посветил фонариком.

– Ага. Это то, что древние египтяне называли первым переходом бога по пути солнца. – Он обернулся к Норе и Мензису. – Я еще не надоел вам со своей болтовней?

– Ну что вы! Это очень интересно, – запротестовал Мензис. – Небольшая экскурсия нам только на пользу.

Зубы Уичерли блеснули в тусклом свете.

– Проблема заключается в том, что значение этих древних захоронений все еще остается загадкой для современного человека. Хотя время их создания довольно легко установить. Вот это, например, довольно

типичная гробница периода Нового царства, предположительно конец Восемнадцатой династии.

– В самую точку, – подтвердил Мензис. – Сенеф был визирем и регентом Тутмоса Четвертого.

– Благодарю вас. – Уичерли выслушал комплимент с видимым удовольствием. – Большинство гробниц периода Нового царства состоят из трех частей – внешней, средней и внутренней гробницы – и имеют в общей сложности двенадцать камер, символизирующих проход бога солнца через царство мертвых за двенадцать ночных часов. Фараона хоронили на закате, и его душа сопровождала бога солнца, когда он в своей барке совершал полное опасностей путешествие по загробному миру, чтобы во всем блеске возродиться утром.

Уичерли посветил вперед, и луч фонарика выхватил из темноты еще одну дверь, расположенную в дальнем конце помещения.

– Лестница заваливается булыжником, а за ней находится следующая замурованная дверь.

Они спустились еще на несколько ступеней и наконец оказались перед массивной дверью с изображением огромного глаза Гора. Уичерли направил фонарик на глаз и окружающие его иероглифы.

– Вы можете их прочитать? – спросил Мензис.

Уичерли усмехнулся:

– У меня это очень неплохо получается. Перед нами проклятие. – Он исподтишка подмигнул Норе. – «Да сожрет Аммут сердце всякого, кто переступит этот порог».

Повисшую после этих слов тишину нарушил Маккоркл.

– И все? – спросил он с коротким нервным смешком.

– Расхитителю гробниц, – ответил Уичерли, – вполне хватило бы. Это было самое страшное проклятие для древнего египтянина.

– Кто такой Аммут? – поинтересовалась Нора.

– Пожиратель проклятых. – Уичерли посветил фонариком на роспись на дальней стене, где было изображено существо с головой крокодила, телом леопарда и непропорционально большой задней частью бегемота. Припав к песку, чудовище широко раскрыло пасть, готовясь сожрать несколько лежащих перед ним человеческих сердец. – Дурные слова и поступки утяжеляли сердце, и после смерти Анубис взвешивал его на весах, сравнивая с пером Мата. Если сердце весило больше пера, Тот, бог с головой бабуина, бросал его на съедение монстру Аммуту. Аммут ходил

испражняться в западные пески – там-то и находили свой конец люди, не желавшие вести праведную жизнь. Они просто превращались в кучку дерьма, поджаривающуюся на солнце в Западной пустыне.

– Благодарю вас, доктор. Это даже больше, чем я хотел услышать, – остановил его Маккоркл.

– Для древнего египтянина ограбление гробницы фараона было чудовищным святотатством. И тем, кто все же отваживался в нее войти, проклятие казалось вполне реальным. Чтобы лишить мертвого фараона его магической силы, грабители не только уносили из гробницы ценные вещи, но и ломали и крушили все, что в ней находилось. Только так можно было уничтожить злые чары.

– Нора, это надо будет использовать для нашей выставки, – пробормотал Мензис.

После недолгого колебания Маккоркл шагнул через порог, остальные последовали за ним.

– Второй переход бога, – сказал Уичерли, светя лучом фонарика. – Стены сплошь покрыты цитатами из «Реунупертембру» – египетской Книги мертвых.

– Как интересно! – воскликнул Мензис. – Прочитайте нам что-нибудь.

Уичерли начал негромко читать:

– «Регент Сенеф, чье слово – истина, заклинает: «Хвала и благодарение тебе, о Ра! Тебе, подобному золоту! Тебе, освещающему два царства с самого своего рождения! Твоя мать принесла тебя на руках, и ты осветил путь, по которому следует Диск. О Великий Свет, проплывающий по Ну, ты даешь жизнь многим поколениям, питая их из глубинных источников твоих вод». Это заклинание покойного Сенефа, обращенное к богу солнца Ра. Текст вполне характерен для Книги мертвых.

– Я слышала о Книге мертвых, – сказала Нора, – но знаю о ней очень немного.

– В основе ее лежат заклинания, заговоры и магические формулы. Они помогали умершим преодолеть путь через загробное царство и выйти на Тростниковое поле – древнеегипетский эквивалент Неба. Ночь после погребения фараона его подданные проводили в тревожном ожидании: ведь если бы с ним что-то случилось в царстве мертвых и он не возродился бы утром, солнце больше никогда бы не взошло. Мертвому царю необходимо было знать заклятия, тайные имена змей и прочие колдовские вещи, чтобы благополучно завершить путешествие. Потому-то все это и написано на стенах гробницы – Книга мертвых была набором подсказок для покойников, желающих обрести вечную жизнь.

Уичерли засмеялся и осветил фонариком четыре ряда иероглифов, нанесенных на стену красной и белой красками. Остальные подошли поближе, поднимая клубы серой пыли.

– Это Первые врата мертвых, – продолжал Уичерли. – Здесь изображен фараон, садящийся в барку бога солнца и направляющийся в загробное царство, где его приветствует толпа мертвых. Достигнув Четвертых ворот, они оказываются в ужасной пустыне Сокот, и барка тут же волшебным образом превращается в змею, которая переносит их через раскаленные пески… А вот очень драматический момент: в полночь душа бога Ра соединяется с его телом – мумифицированными останками.

– Простите, что перебиваю вас, доктор, – вмешался Маккоркл, – но нам нужно осмотреть еще восемь комнат.

– Да, конечно. Извините, пожалуйста.

Они направились к дальнему концу камеры. Там, за глубоким проемом, оказались круто уходящие вверх и исчезающие в темноте ступени.

– Этот проход тоже заваливали булыжником, – сказал Уичерли, – чтобы обезопасить гробницу от воров.

– Будьте осторожны, – пробормотал Маккоркл, поднимавшийся первым.

Уичерли обернулся к Норе и протянул ей руку с безупречным маникюром:

– Позвольте вам помочь.

– Думаю, я вполне смогу справиться сама, – ответила она. Такая старомодная учтивость позабавила девушку. Увидев, как осторожно ступает Уичерли в своих еще недавно начищенных до блеска, а теперь покрытых пылью ботинках, Нора решила, что у него гораздо больше шансов поскользнуться и свернуть себе шею.

– Осторожно! – крикнул Уичерли Маккорклу. – Если эта гробница сооружена по обычному образцу, вверху должен быть колодец.

– Колодец? – удивился Маккоркл.

– Глубокая шахта, служившая ловушкой для непрошеных гостей. Кроме того, в колодце скапливалась вода, что предотвращало затопление гробницы в периоды, когда вся Долина царей покрывалась водой. Хотя такое, надо сказать, случалась нечасто.

– Даже если колодец и цел, через него наверняка перекинут мост, – предположил Мензис. – Не забывайте, что здесь когда-то была выставка.

Все осторожно двинулись дальше, и лучи фонариков наконец осветили шаткий деревянный мостик, переброшенный через шахту глубиной по меньшей мере пятнадцать футов. Маккоркл, знаком приказав своим спутникам остановиться, внимательно осмотрел его, светя себе фонариком, потом сделал осторожный шаг вперед. Внезапно раздавшийся громкий треск заставил Нору вздрогнуть. Маккоркл в страхе схватился за перила. Но, к счастью, это был всего лишь звук усаживающегося дерева – мостик выдержал.

– Он все еще вполне надежен, – сделал вывод Маккоркл. – Идите по одному.

Нора осторожно прошла по узкому мостку.

– Невозможно поверить, что когда-то это было частью экспозиции. Как удалось вырыть такой колодец под фундаментом музея?

– Должно быть, была пробита подстилающая порода, – раздался сзади голос Мензиса. – Надо будет все выяснить.

За мостом оказался еще один порог.

– Теперь перед нами средняя гробница, – сказал Уичерли. – Здесь была еще одна замурованная дверь. Какие прекрасные фрески! Вот изображение встречи Сенефа с богами и еще несколько строк из Книги мертвых.

– Опять проклятия? – спросила Нора, глядя на глаз Гора, нарисованный прямо над когда-то замурованной дверью.

Уичерли посветил фонариком:

– Гм-м. Такой надписи я никогда раньше не видел. «Место, которое запечатано. Тот, кто ложится в закрытое место, возрождается душой Ба, находящейся в нем. Тот, кто входит в это место, лишается души Ба. Да решит глаз Гора, остаться мне невредимым или быть проклятым, о великий бог Осирис!»

– Звучит как проклятие, – сказал Маккоркл.

– Думаю, это всего лишь неизвестные строки из Книги мертвых. Чертова книга насчитывает почти двести глав, и еще никому не удалось прочесть ее целиком.

Средняя гробница представляла собой просторный зал со сводчатым потолком и шестью огромными каменными колоннами, густо

покрытыми иероглифами и фресками. Норе показалось невероятным, что помещение такого размера и так богато украшенное могло быть более полувека скрыто от всех в недрах музея.

Уичерли отвернулся. Луч его фонарика один за другим выхватывал из темноты участки росписи, покрывающей стены.

– Это очень необычная камера – Зал колесниц, древние называли ее Залом защиты от врагов. Здесь хранилось военное снаряжение, которое могло понадобиться фараону в загробной жизни: колесница, лук со стрелами, лошади, мечи, кинжалы, дубинки и шесты, шлем и кожаные доспехи.

Луч фонарика замер на фризе с изображением сотен сваленных в кучу обезглавленных тел. Рядом виднелись ряды голов. Земля вокруг была залита кровью. Древний художник не забыл и о такой реалистичной детали, как вывалившиеся языки.

Миновав множество переходов, они оказались в комнате, которая казалась несколько меньше остальных. С одной стороны стену украшала фреска со сценой взвешивания сердец, уже встречавшаяся им ранее, но гораздо большего размера. Рядом располагалось внушающее ужас изображение Аммута.

– Зал истины, – произнес Уичерли. – Суда не мог избежать даже фараон – в нашем случае Сенеф, который обладал почти такой же властью, как фараон.

Маккоркл что-то пробормотал и исчез в соседней камере. Остальные последовали за ним. Это оказался еще один просторный зал со сводчатым потолком, являвшим собой усыпанное звездами ночное небо. Стены зала были сплошь покрыты иероглифами. В центре стоял огромный гранитный саркофаг, оказавшийся пустым. В каждой стене имелась большая черная дверь.

– Это очень необычная гробница, – произнес Уичерли, водя лучом фонарика по полу и стенам зала. – Такого я и представить себе не мог. Получив ваше приглашение, доктор Мензис, я подумал, что гробница будет небольшой, но, конечно, очень красивой. Но это же настоящая громадина! Откуда она здесь взялась?

– Это очень интересная история, – ответил Мензис. – Когда Наполеон в 1789 году завоевал Египет, одним из его трофеев стала эта гробница, которую он разобрал, блок за блоком, чтобы перевезти во Францию. Однако после того как Нельсон разгромил французов в знаменитом сражении при Абукире, один шотландский капитан присвоил гробницу себе. Некоторое время она стояла в его поместье на Шотландском нагорье, но в девятнадцатом веке последний потомок моряка, седьмой

барон Рэттрей, которому очень нужны были деньги, продал гробницу кому-то из первых попечителей музея. Тот, в свою очередь, переправил ее через Атлантический океан и установил на этом самом месте, когда музей еще только строился.

– Этот барон лишил Англию одного из ее национальных сокровищ.

Мензис улыбнулся:

– Он получил за это тысячу фунтов.

– Тем хуже! Пусть Аммут сожрет сердце жадного барона, продавшего такую бесценную вещь! – Уичерли засмеялся, посмотрев на Нору своими сияющими голубыми глазами, но та в ответ лишь вежливо улыбнулась. Интерес к ней молодого археолога становился все более очевидным, и его, казалось, ничуть не смущало обручальное кольцо у нее на пальце.

Маккоркл нетерпеливо топтался на месте.

– Это погребальная камера, – начал Уичерли, – которую древние называли Домом золота. Перед ней располагались Комната ушебти, Комната каноп, где в специальных сосудах хранились внутренние органы фараона, Последняя сокровищница и Место отдохновения богов. Потрясающе! Правда, Нора? Сколько интересного нас ожидает!

Нора ответила не сразу. Она думала о том, как огромна гробница и как много в ней пыли. Им придется здорово потрудиться, чтобы привести ее в порядок.

Мензис, очевидно, размышлял о том же самом, потому что его улыбка, когда он повернулся к ней, показалась Норе немного растерянной.

– Ну что ж, – сказал он, – следующие шесть недель нам наверняка не придется скучать.

Глава 11

Джерри Фекто изо всех сил хлопнул дверью сорок четвертой одиночной камеры, и оглушительный звук разнесся по всему третьему этажу Херкморского исправительного учреждения номер три. Ухмыльнувшись, Джерри подмигнул своему напарнику, и они еще некоторое время постояли за дверью, прислушиваясь к эху, отразившемуся от толстых бетонных стен и замершему вдали.

Все, что касалось заключенного, содержавшегося в сорок четвертой одиночной, было окутано тайной. И это давало повод охранникам беспрестанно о нем судачить. Ясно было одно: птица он непростая. Несколько раз его навещали агенты ФБР, да и сам начальник тюрьмы проявлял к нему интерес. Но больше всего Фекто поразила полная засекреченность любой относившейся к нему информации. Обычно

стоило появиться новому заключенному, как мельница слухов тут же начинала работать, и вскоре все уже знали, какое ему предъявлено обвинение, а также кровавые подробности его злодеяния. Однако на этот раз никому не удалось узнать даже имени арестанта, не говоря уж о его преступлении. В случае необходимости его называли одной-единственной буквой – А.

В довершение ко всему этот парень внушал ужас. Не сказать, что его внешние данные были впечатляющими: высокий, худощавый, очень бледный – настолько, что казалось, он и родился в одиночной камере. Говорил заключенный редко, а если все же открывал рот, то голос его звучал совсем тихо, так что приходилось наклоняться, чтобы разобрать слова. Нет, дело было не в этом. Все дело было в глазах. За двадцать пять лет службы в исправительных учреждениях Фекто никогда не видел таких пронзительно холодных глаз, напоминающих два серебристых осколка сухого льда; казалось, температура их настолько низка, что еще немного, и они задымятся. Видит Бог, даже от мыслей о нем у Джерри выступали мурашки.

Фекто не сомневался, что этот человек совершил действительно ужасное преступление. Или несколько преступлений, как Джеффри Дахмер, хладнокровный серийный убийца. Во всяком случае, выглядел он соответствующе. Вот почему, получив приказ перевести заключенного в сорок четвертую одиночную, Фекто так обрадовался. Больше ему ничего не нужно было объяснять. В эту камеру сажали наиболее упрямых – тех, кого следует разговорить. Не то чтобы эта камера была чем-то хуже остальных в одиночном блоке Херкмора – все они одинаковы: металлическая койка, унитаз без сиденья и кран с холодной водой. Но имелась деталь, делавшая сорок четвертую одиночную особенной и объяснявшая, почему здесь можно было сломать любого заключенного, – близость к сорок пятой одиночной. И к Барабанщику.

Фекто и его напарник Бенджи Дойл бесшумно стояли у двери, ожидая, когда Барабанщик опять возьмется за свое. Сейчас он сделал перерыв – всего на несколько минут, как всегда, когда в соседнюю камеру приводили нового заключенного. Но пауза никогда не длилась долго.

И вот, как по расписанию, из сорок пятой одиночной послышалось тихое шарканье, следом – чмоканье и негромкое постукивание пальцами по металлической спинке кровати. Еще немного шарканья, отрывистое бормотание – и, наконец, барабанная дробь. Вначале она была довольно медленной, потом стала быстро ускоряться, после чего стаккато прервали синкопированные рифы, сопровождаемые опять-таки чмоканьем и шарканьем, – непрекращающийся звуковой поток, проявление неиссякаемой гиперактивности.

Лицо Фекто расплылось в улыбке, взгляд его встретился со взглядом Дойла.

Барабанщик был идеальным заключенным. Он никогда не кричал и не выбрасывал еду из миски. Никогда не ругался и не угрожал надсмотрщикам. В его камере всегда царил порядок, он охотно стригся и следил за чистотой тела. Но у него было две особенности, из-за которых он и содержался в одиночном заключении: он почти никогда не спал, а в часы бодрствования барабанил. Он не делал это громко или вызывающе. Просто не замечал ничего вокруг, в том числе и угроз с проклятиями в свой адрес. Он вообще, казалось, не подозревал о существовании внешнего мира и продолжал барабанить – не делая никаких исключений, ничем не выражая недовольства или обеспокоенности, очень сосредоточенно. Как ни странно, именно приглушенность издаваемых им звуков больше всего действовала на нервы – это была своего рода китайская пытка для уха.

Когда Фето и Дойл получили приказ перевести заключенного А в одиночную камеру, им было велено забрать у него все принадлежавшие ему вещи, особенно, как подчеркнул начальник тюрьмы, письменные принадлежности. Они отобрали все: книги, рисунки, фотографии, журналы, блокноты, ручки и чернила. Заключенному ничего не оставалось, кроме как слушать Барабанщика.

Ба-да-ба-да-дитти-дитти-боп-хуп-хуп-хуппа-хуппа-би-боп-би-боп-ди тти-дитти-дитти-бум! Дитти-бум! Дитти-бум!
Дитти-бада-бум-бада-бум-ба-ба-ба-бум! Ба-да-ба-да-поп! Ба-поп!
Ба-поп! Дитти-дитти-дэтти-шарк-шарк-дитти-да-да-да-дит!
Дитти-шарк-стук-шарк-стук-да-да-дададада-поп!
Дит-дитти-дитти-дитти-дэп! Дит-дитти…

Фекто решил, что с него хватит – пробрало до самых костей. Кивком он указал Дойлу на выход, и они быстро пошли по коридору, оставляя позади звуки, производимые Барабанщиком.

– Думаю, больше недели он не протянет, – сказал Фекто.

– Неделю? – Дойл усмехнулся. – Да этот несчастный ублюдок не продержится и двадцати четырех часов!

Глава 12

Плотно прижавшись к земле, лейтенант Винсент д’Агоста, лежал на вершине высокого холма, возвышающегося над исправительным учреждением в Херкморе, штат Нью-Йорк. Моросил мелкий холодный дождь. Рядом с д’Агостой виднелся темный силуэт человека по фамилии

Проктор. Наступила полночь. Огромная тюрьма раскинулась прямо под ними, в неглубокой долине. Ярко освещенная желтыми фонарями, она являла собой странное сюрреалистическое зрелище, напоминая гигантский нефтеочистительный завод.

Д’Агоста поднял цифровой бинокль и еще раз как следует изучил общую планировку тюрьмы. Херкморское исправительное учреждение занимало площадь по меньшей мере в двадцать акров и состояло из трех низких и очень длинных бетонных зданий, расположенных в форме перевернутой буквы П. Их окружали асфальтированные прогулочные дворики, сторожевые вышки, обнесенные забором служебные территории и помещения охраны. Д’Агоста знал, что первое здание называлось Федеральным подразделением максимальной безопасности и было заполнено самыми закоренелыми преступниками, которых только порождала современная Америка, – и это, мрачно подумал д’Агоста, еще мягко сказано. Второе, гораздо меньшее по размеру, официально именовалось Федеральным учреждением содержания преступников, в отношении которых вынесен смертный приговор. Смертная казнь в штате Нью-Йорк была отменена, однако существовало еще федеральное законодательство, поэтому в корпусе содержались те немногие, кто был осужден федеральными судами.

Третье здание также имело название, которое мог изобрести только тюремный бюрократ: Федеральное учреждение досудебного содержания особо опасных и склонных к побегу заключенных. В нем дожидались суда те, кого обвиняли в наиболее тяжких преступлениях и кому было отказано в освобождении под залог, поскольку считалось, что они обязательно ударятся в бега: наркобароны, террористы, серийные убийцы, действовавшие на территории нескольких штатов, и лица, обвиняемые в убийстве федеральных агентов. На херкморском жаргоне это место называлось «Черная дыра».

Именно в этом здании в настоящее время содержался специальный агент А.К.Л. Пендергаст. Подобно некоторым легендарным тюрьмам, находившимся в ведении штатов, таким как Синг-Синг и Алькатрас, откуда еще никому не удавалось сбежать, Херкмор был единственной федеральной тюрьмой, которая могла похвастаться тем же самым.

Д’Агоста продолжал внимательно рассматривать тюремные постройки и прилегающие к ним участки земли, не упуская ни одной из тех малейших деталей, которые в течение трех недель тщательно изучал на бумаге. Он медленно переводил бинокль от главных зданий к тем, что располагались в стороне, и, наконец, дошел до границ территории тюрьмы.

На первый взгляд границы Херкмора не были чем-либо примечательны. Система охраны включала три стандартные линии ограждения. Первая

представляла собой сетчатый забор высотой двадцать четыре фута, по верху которого проходила колючая проволока, освещаемый ксеноновыми прожекторами мощностью в несколько миллионов свечей. Полоса посыпанной гравием земли шириной в двадцать ярдов отделяла первую линию от второй – стены из шлакобетона с шипами и колючей проволокой наверху. Вдоль стены через каждые сто ярдов располагались сторожевые вышки, где находились вооруженные охранники – д'Агоста видел, как осторожно они двигались, готовые к любой неожиданности. За стеной тянулась следующая полоска земли шириной сто футов, по которой свободно бегали доберманы, а за ней располагался последний барьер ограждения – сетчатый забор, идентичный первому. Примерно в трехстах ярдах от него начинался лес.

Однако уникальным Херкмор делало то, что было скрыто от посторонних глаз, – самая современная электронная система наблюдения, считавшаяся лучшей в стране. Д'Агоста видел техническое описание этой системы, а если точнее, посвятил его изучению несколько дней, но так ничего и не понял. Правда, он не считал это серьезной проблемой: Эли Глинн, его странный молчаливый партнер, сидевший в напичканном электроникой фургоне в одной миле отсюда, прекрасно во всем разобрался, и этого вполне достаточно.

Но дело было даже не в охранной системе, а в менталитете обслуживающего персонала. Хотя Херкмор пережил множество попыток побега, в том числе несколько очень хитроумных, ни одна из них не увенчалась успехом. И каждый охранник, каждый служащий тюрьмы гордился этим. Здесь невозможно было представить себе продажного бюрократа, спящего на посту охранника или неработающие камеры наружного наблюдения. Именно это и беспокоило д'Агосту больше всего.

Он закончил осмотр и взглянул на Проктора. Водитель ничком лежал рядом, ведя съемку цифровой камерой «Никон», оборудованной миниатюрным штативом, 2600-миллиметровыми линзами и специальными CDD-чипами, настолько чувствительными, что они фиксировали движение отдельных протонов.

Д'Агоста пробежал глазами список вопросов, составленный Глинном. Одни были вполне понятными: сколько собак охраняет тюрьму, сколько охранников находится на каждой вышке и сколько – у ворот. Глинн попросил дать ему как можно более подробное описание всех автомобилей, въезжающих на территорию тюрьмы и выезжающих с нее. Он желал иметь максимально точное представление о расположении антенн, «тарелок» и ультракоротковолновых передатчиков на крышах зданий. Но некоторые его просьбы показались д'Агосте несколько странными. Например, он хотел знать, чем покрыты участки земли между стеной и внешним забором – глиной, гравием или травой. Кроме

того, попросил сделать забор воды из ручья, протекающего на некотором расстоянии от тюрьмы. Но самым необычным было поручение собрать весь имеющийся мусор на определенном участке ручья. Глинн велел вести наблюдение за тюрьмой в течение двадцати четырех часов и по возможности записывать все, что они заметят: время, когда заключенных выводят на прогулку, все перемещения охранников, прибытие и отъезд поставщиков, подрядчиков и других посетителей. Он хотел знать, когда зажигают и гасят свет. И требовал, чтобы все эти данные были зафиксированы с точностью до секунды.

Д’Агоста произнес несколько слов в микрофон цифрового записывающего устройства, которое дал ему Глинн. Потом прислушался к тихому жужжанию камеры Проктора, к стуку дождевых капель по веткам деревьев и потянулся:

– Господи, как только подумаю, что Пендергаст там!..

– Ему, должно быть, очень тяжело, сэр, – ответил его спутник в своей невозмутимой манере.

Проктор не был обычным водителем – это д’Агоста понял, увидев, как он менее чем за шестьдесят секунд вскрыл и угнал «Коммандо CAR-15/XM-177», – но на его непроницаемом, как у Дживса,[4] лице невозможно было что-либо прочесть.

Камера продолжала жужжать и пощелкивать. Вдруг запищала рация, пристегнутая к ремню д’Агосты. «Транспортное средство», – послышался из нее голос Глинна, и через минуту голые ветви деревьев осветили фары грузового автомобиля, приближающегося к ним по единственной дороге, ведущей в Херкмор со стороны расположенного в двух милях городка. Проктор стал быстро перемещать объектив камеры, д’Агоста прижал к глазам бинокль – увеличение настраивалось автоматически, с учетом изменения контраста. Грузовик вынырнул из-за деревьев и попал в зону света, окружавшую тюрьму. Д’Агоста подумал, что он принадлежит какой-нибудь службе доставки продуктов, и оказался прав: надпись на его борту гласила: «Мясо и субпродукты от Хелмера». Грузовик остановился у ворот, и водитель достал документы. Охранник махнул рукой, разрешая машине въехать на территорию. Оказалось, что каждые ворота открывались автоматически и только после того, как створки предыдущих полностью задвигались. Затвор камеры продолжал щелкать. Д’Агоста посмотрел на секундомер, продиктовал значение в микрофон и повернулся к Проктору.

– Завтра, похоже, у них будут пироги с мясом, – произнес он, но шутка ни одному из них не показалась смешной.

– Да, сэр.

Д’Агоста попытался представить себе, как утонченный гурман Пендергаст ест то, что привезли для заключенных в грузовике, и в который раз с горечью подумал о том, сколько еще ему придется там находиться.

Грузовик въехал на внутреннюю подъездную дорожку, два раза повернул и, подав задним ходом к крытой погрузочной платформе, скрылся из вида. Д’Агоста сделал еще одну запись и приготовился ждать. Через шестнадцать минут грузовик вновь показался на подъездной дорожке.

Д’Агоста проверил время: почти час ночи.

– Пойду возьму пробу воды и выполню магнитное драгирование.

– Будьте осторожны.

Д’Агоста надел на спину маленький рюкзак и стал спускаться по склону холма, прокладывая себе путь сквозь кустарник и заросли горного лавра. Вода хлюпала у него под ногами, капала с голых веток. Тут и там между деревьями виднелись полоски подтаявшего снега. Внизу фонарь уже не был нужен – мощности прожекторов Херкмора вполне хватало, чтобы осветить всю округу.

Д’Агоста обрадовался возможности немного размяться. Там, на вершине холма, у него было достаточно времени, чтобы подумать. А думать ему хотелось меньше всего. Его угнетали мысли о предстоящем слушании его дела на дисциплинарной комиссии – слушании, которое вполне могло закончиться для него увольнением. Все, что случилось с ним в последние несколько месяцев, казалось невероятным: и неожиданное повышение, и перевод в полицейское управление Нью-Йорка, и роман с Лаурой Хейворд, и новая встреча и дружба с Пендергастом. А потом все рухнуло в один миг. Его карьера полицейского висела на волоске, он отдалился от Лауры, а его друг Пендергаст теперь гнил в этой дыре в ожидании приговора суда, грозившего ему пожизненным заключением.

Д’Агоста споткнулся, но удержался на ногах. Запрокинув голову, он подставил лицо ледяным каплям дождя в надежде, что холод приведет его в чувство. Потом вытер лицо и продолжил путь. Взять образец воды было непросто, поскольку ручей протекал по краю луга, расположенного у самых стен тюрьмы и хорошо просматривавшегося со сторожевых вышек. Но и это было ничто по сравнению со стоявшей перед ним задачей произвести замеры магнитного поля. Глинн пожелал, чтобы Д’Агоста как можно ближе подобрался к тюремному ограждению с миниатюрным магнитометром в кармане. Его целью было установить наличие встроенных датчиков и неизвестных электромагнитных полей, после чего он должен был закопать этот чертов магнитометр в землю.

Но ведь если датчики имелись, они могли его засечь – и тогда неизвестно, чем все закончится.

Д’Агоста продолжал медленно спускаться по склону холма, и земля у него под ногами постепенно выравнивалась. Несмотря на дождевик, он чувствовал, как ледяная вода струйками стекает по ногам, просачивается в ботинки. В ста ярдах впереди виднелись очертания деревьев и слышалось журчание ручья.

Д’Агоста пробирался сквозь заросли лавра, низко наклонившись, а несколько последних ярдов прополз на четвереньках и через несколько секунд оказался на берегу ручья. Было темно, пахло влажными прошлогодними листьями, и кое-где все еще оставалась зубчатая кромка потемневшего льда.

Д’Агоста немного постоял, глядя на тюрьму. Сторожевые вышки находились теперь всего в двухстах ярдах, и яркие прожектора напоминали миниатюрные солнца. Порывшись в карманах, он уже собрался было достать пузырек, который дал ему Глинн, как вдруг внезапная мысль заставила его похолодеть. Его предположение, что охранники не следят за территорией тюрьмы, оказалось ошибочным: он ясно видел, как один из них осматривал край леса, поднеся к глазам бинокль с многократным увеличением. Немаловажная деталь.

Д’Агоста застыл согнувшись в зарослях лавра. Он уже вступил на запретную территорию и теперь чувствовал себя чрезвычайно уязвимым.

Однако охранник, похоже, не заметил его и теперь смотрел в другую сторону. Д’Агоста очень осторожно вытянул руку вперед и опустил пузырек в ледяную воду. Взяв пробу и закрутив колпачок, он пополз вниз по течению ручья, вылавливая из него всякий хлам – пластиковые кофейные стаканчики, несколько пустых банок из-под пива, обертку от жвачки – и складывая его в рюкзак. Глинн несколько раз повторил, что брать нужно все. Это было очень неприятное занятие – переходить ручей вброд, вставать на четвереньки и опускать руки по плечи в ледяную воду. В одном месте переплетение ветвей выполняло роль фильтра, и д’Агоста сорвал джекпот, набрав добрых десять фунтов размокшего мусора.

Закончив, он отправился туда, где Глинн хотел установить магнитометр. Дождавшись, пока охранник отвернется, д’Агоста, низко нагнувшись, перебрался через ручей. За большей частью луга, окружавшего тюрьму, никто не ухаживал, и среди примятой снегом прошлогодней травы попадались высокие жесткие растения, которые могли служить хоть каким-то укрытием.

Д’Агоста пополз вперед, застывая на месте всякий раз, когда охранник направлял бинокль в его сторону. Минуты тянулись бесконечно долго. Он чувствовал, как струйки ледяной воды стекают по шее и спине. Тюремное ограждение приближалось мучительно медленно. Но д’Агоста знал, что нужно идти, причем как можно быстрее, потому что чем дольше он здесь проторчит, тем выше вероятность, что охрана его засечет.

Наконец он достиг места, где трава была скошена. Достав прибор из кармана и просунув руку между стеблями травы, он положил его на землю и начал медленно отступать.

Ползти назад оказалось значительно труднее. Теперь ему приходилось смотреть в другую сторону, и он не мог следить за движениями охранников. Он продолжал ползти, делая частые длительные остановки.

Прошло сорок пять минут, прежде чем д’Агоста вновь перебрался через ручей и опять оказался в сыром лесу. Пробираясь сквозь заросли горного лавра наверх, к их наблюдательному пункту на вершине холма, он чувствовал, что продрог до костей, и ощущал боль в спине из-за тяжелого, набитого сырым мусором рюкзака.

– Задание выполнено? – спросил Проктор, когда он вернулся.

– Да, если не считать того, что пальцы на ногах мне, возможно, ампутируют.

Проктор достал небольшое устройство.

– Сигнал улавливается превосходно. Выходит, от вас до ограды было всего пятьдесят футов. Отличная работа, лейтенант!

Д’Агоста устало обернулся.

– Называйте меня Винни, – предложил он.

– Да, сэр.

– Я тоже мог бы обращаться к вам по имени, но оно мне неизвестно.

– Проктор меня вполне устраивает.

Д’Агоста кивнул. Специальный агент Пендергаст окружил себя личностями, почти такими же таинственными, как он сам: Проктор, Рен… А Констанс Грин, пожалуй, являла собой даже еще большую загадку, чем все они.

Д’Агоста опять посмотрел на часы: почти два. Оставалось еще четырнадцать часов.

Глава 13

Дождь барабанил по ветшающему фасаду сложенного из кирпича и отделанного мрамором особняка в стиле бю-арт, расположенного по адресу: Риверсайд-драйв, 891. Высоко над крышей мансарды молния разрывала ночное небо. Окна первого этажа были заколочены, поверх досок для верности положены листы жести; окна верхних трех этажей надежно закрывали ставни, сквозь которые не проникал ни единый луч света, который мог бы свидетельствовать о том, что жизнь внутри дома продолжается. Огороженный забором передний двор порос кустами сумаха и аилантуса, на подъездной дорожке и у главного входа валялся мусор, по всей видимости принесенный сюда ветром. Одним словом, дом казался покинутым и одиноким, как и многие другие дома на этом неприглядном участке Риверсайд-драйв.

На протяжении долгих лет – просто страшно подумать, насколько долгих! – этот особняк служил убежищем, лабораторией, музеем и хранилищем для некоего господина по имени Инох Ленг. После его смерти дом какими-то неведомыми путями – вместе с необходимостью заботиться о подопечной Ленга Констанс Грин – перешел к его наследнику, специальному агенту ФБР Алоизу Пендергасту.

Но в данный момент агент Пендергаст, обвиненный в убийстве, находился в одиночном заключении в корпусе максимальной безопасности Херкморского исправительного учреждения в ожидании суда. Проктора и д’Агосты тоже не было – они изучали планировку тюрьмы. Странный, весьма экзальтированный человек по имени Рен, который в отсутствие Пендергаста выполнял обязанности опекуна Констанс Грин, также отсутствовал – у него было ночное дежурство в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Констанс Грин находилась в доме совсем одна.

Она сидела перед гаснущим огнем у камина в библиотеке, где не было слышно ни шелеста дождя, ни шума уличного движения, с книгой «Моя жизнь» Джакомо Казавеччо в руках и внимательно изучала воспоминания шпиона эпохи Возрождения о его знаменитом побеге из Лидса. Из этой страшной тюрьмы во дворце герцога Венеции не удавалось сбежать никому – ни до, ни после него. Еще несколько подобных томов стопкой лежали на столике: в них повествовалось о побегах из тюрем, совершенных в самых разных точках земли. Однако большая часть книг рассказывала об исправительной системе Соединенных Штатов. Констанс читала в полной тишине, время от времени делая пометки в обтянутой кожей записной книжке.

Едва она закончила очередную запись, как огонь в камине громко затрещал. Констанс резко подняла голову и испуганно посмотрела на пламя, лизавшее каминную решетку. Ее большие голубые глаза казались слишком серьезными для такого молодого лица – на вид

девушке было чуть больше двадцати. Не увидев ничего подозрительного, Констанс успокоилась.

Нельзя сказать, что она испугалась по-настоящему. В конце концов, случайному человеку или грабителю не так-то просто было попасть в особняк. К тому же она знала секреты этого дома лучше кого бы то ни было и в случае опасности могла сразу же укрыться в одном из множества потайных мест. Констанс прожила в особняке так долго и так хорошо его изучила, что почти чувствовала его настроение. И теперь она ощущала неясную тревогу: казалось, дом хочет что-то сказать ей, предупредить об опасности.

На столике рядом с ней стоял чайник с ромашковым чаем. Констанс отложила документы, наполнила чашку и поднялась. Разгладив кремовый передник, она повернулась и направилась к книжным полкам в дальнем конце библиотеки. Каменный пол был застлан пушистыми персидскими коврами, и девушка двигалась абсолютно бесшумно.

Подойдя к полкам, она наклонилась к одной из них, вглядываясь в тисненные золотом корешки. Поскольку библиотека освещалась лишь горевшим в камине огнем да единственной лампой от Тиффани, стоявшей у кресла Констанс, в противоположной части комнаты было довольно темно. Наконец она нашла то, что искала, – изданное еще в годы Великой депрессии сочинение, посвященное управлению тюрьмами, – и вернулась к камину. Вновь устроившись в кресле, Констанс открыла книгу и перелистала несколько страниц в поисках оглавления. Найдя нужное место, отпила глоток чаю из чашки, потянулась, чтобы поставить ее на стол, – и в этот момент подняла глаза.

В кресле-качалке напротив нее теперь сидел мужчина. Он был высокого роста и имел наружность аристократа: бледное лицо с орлиным носом и высоким лбом, рыжеватые волосы, короткая бородка аккуратно подстрижена. Одет был незнакомец в строгий черный костюм. В тот момент, когда он посмотрел на Констанс, огонь в камине ярко вспыхнул, и девушка увидела, что один глаз у него ореховый, а другой – безжизненного молочно-голубого цвета.

Мужчина улыбнулся, и Констанс сразу поняла, кто это, хотя ни разу в жизни его не видела. С криком вскочив с кресла, она уронила чашку.

Незнакомец стремительно, как атакующая жертву змея, выбросил вперед руку и ловко схватил чашку. Поставив ее на серебряный поднос, снова спокойно откинулся в кресле. Ни одна капля не упала на пол. Все произошло так быстро, что Костанс не смогла бы поручиться, что ей это не привиделось. Она стояла, не в силах сдвинуться с места. Несмотря на пережитый шок, девушке было ясно: этот человек находится между нею и единственным выходом из комнаты.

Словно прочитав ее мысли, незнакомец тихо произнес:

– Не надо меня бояться, Констанс. Я не причиню вам вреда.

Девушка продолжала неподвижно стоять, схватившись одной рукой за подлокотник кресла. Обведя взглядом комнату, она вновь посмотрела на сидевшего перед ней человека.

– Вы знаете, кто я, не так ли, дитя мое? – спросил он, и даже его вкрадчивый голос с новоорлеанским акцентом показался ей знакомым.

– Да, я знаю, кто вы. – На мгновение Констанс стало трудно дышать: настолько зловещим показалось ей сходство этого человека с другим – тем, которого она так хорошо знала. Разными у них были только волосы… и глаза.

Незнакомец кивнул:

– Что ж, я очень рад.

– Как вы сюда проникли?

– Как я проник, не столь важно. Гораздо важнее, почему я это сделал. Почему – вот верный вопрос. Вы не находите?

Констанс, казалось, на минуту задумалась.

– Да, наверно, вы правы. – Она сделала шаг вперед, убрала руку с подлокотника и медленно провела ею по краю стола. – Итак, почему вы здесь?

– Потому что пришло время поговорить – мне с вами. Вы должны меня выслушать. В конце концов, это единственная любезность, о которой я вас прошу.

Констанс сделала еще один шаг, ее пальцы медленно перемещались по полированной поверхности.

– Любезность? – переспросила она.

– Да. В конце концов, я…

Он не успел договорить: Констанс схватила со стола нож для бумаги и бросилась вперед. Это нападение было замечательно не только своей молниеносностью, но и абсолютной внезапностью: Констанс не сказала и не сделала ничего, что заставило бы ее противника насторожиться.

Но она потерпела неудачу. В самый последний момент мужчина чуть наклонился в сторону, и нож по самую рукоятку вошел в потертую кожаную спинку кресла-качалки. Констанс вытащила его, быстро и

опять-таки молча повернулась к незнакомцу и занесла нож над головой для следующего удара.

Она замахнулась, но противник хладнокровно увернулся от удара и, сделав неуловимое движение рукой, схватил ее за запястье. Констанс колотила его свободной рукой и вырывалась, пока наконец оба не упали на ковер. Навалившись, незнакомец прижал ее к полу, нож отлетел в сторону.

Губы незнакомца находились всего в каком-то дюйме от ее уха.

– Констанс, – услышала она его тихий голос, – Du calme. Du calme.[5]

– Любезность! – закричала она. – Как вы смеете говорить о какой-то любезности! Вы убили друзей моего опекуна, оклеветали его, посадили в тюрьму! – Она замолчала и вновь стала вырываться. Из ее горла вырвался негромкий стон, в котором слышалось отчаяние, смешанное с другим, более трудноопределимым чувством.

Мужчина продолжал говорить, и его голос звучал мягко, вкрадчиво:

– Пожалуйста, Констанс, поймите, что я не собираюсь причинить вам боль. И удерживаю вас лишь потому, что вынужден защищаться.

Она снова попыталась вырваться.

– Я вас ненавижу!

– Констанс, пожалуйста! Я должен вам кое-что сказать!

– Я не собираюсь вас слушать! – выпалила она задыхаясь.

Он продолжал прижимать ее к полу – мягко, но достаточно сильно. Наконец Констанс затихла. Она лежала неподвижно, и сердце бешено колотилось у нее в груди. Неожиданно девушка услышала у своей груди биение его сердца – намного более спокойное. Незнакомец продолжал что-то успокаивающе шептать ей на ухо, хоть она и старалась не слушать.

Наконец он немного отстранился.

– Если я вас отпущу, вы обещаете больше на меня не нападать? Вы будете сидеть спокойно и слушать, что я вам скажу?

Констанс ничего не ответила.

– Даже осужденный на смерть преступник имеет право быть выслушанным. К тому же, возможно, вы поймете, что все обстоит не совсем так, как кажется.

Констанс не произнесла ни слова. Через несколько долгих мгновений мужчина поднялся с пола и – очень медленно – отпустил ее запястья.

Она тут же встала и, тяжело дыша, разгладила передник. Ее взгляд вновь заметался по библиотеке. Противник, все еще занимавший стратегическое положение между нею и дверью, указал рукой на кресло-качалку.

– Пожалуйста, Констанс, – попросил он, – присядьте.

Девушка устало опустилась в кресло.

– Можем мы поговорить как цивилизованные люди, без истерики?

– Вы смеете называть себя цивилизованным человеком? Вы? Серийный убийца и вор? – Она презрительно засмеялась.

Мужчина медленно наклонил голову, молча проглотив обвинение.

– Мой брат, естественно, как следует вас обработал. Что ж, это ему всегда удавалось. Он удивительно обаятельный человек, к тому же имеет настоящий дар убеждения.

– Неужели вы думаете, что я поверю хоть чему-нибудь из того, что вы скажете? Вы сумасшедший. Или даже хуже, если творите все это, находясь в здравом рассудке. – Констанс вновь бросила быстрый взгляд мимо него, в направлении двери в гостиную.

Диоген Пендергаст – а это был именно он – внимательно посмотрел на нее.

– Нет, Констанс, я не сумасшедший. И так же, как вы, очень боюсь безумцев. Видите ли, как это ни странно, у нас с вами много общего – и не только этот страх.

– У нас нет ничего общего.

– Несомненно, именно это и хотел внушить вам мой брат.

Констанс показалось, что на лице Диогена появилось выражение бесконечной грусти.

– Не спорю, я далеко не образец совершенства, и у вас нет никаких оснований доверять мне, – продолжал он. – Но, надеюсь, вы поймете, что я не намереваюсь причинить вам никакого вреда.

– Ваши намерения меня не интересуют. Вы напоминаете ребенка, который поймал бабочку и заботится о ней, а на следующий день отрывает у нее крылья.

– Констанс, что вы знаете о детях? У вас такие серьезные и грустные глаза. Не ошибусь, если скажу, что вам пришлось очень многое пережить. Сколько непонятного и внушающего страх вы, должно быть, видели! Как проницателен ваш взгляд! Он наполняет меня грустью. Да, Констанс, я подозреваю – нет, я уверен, – что вам не довелось испытать счастья, которое обычно дарит людям детство. Как, впрочем, и мне самому.

Констанс застыла на месте.

– Как я уже сказал, я пришел сюда, потому что настало время все вам рассказать. Вы должны узнать правду. Настоящую правду. – Он говорил так тихо, что слова почти невозможно было разобрать.

– Правду? – невольно переспросила Констанс.

– Да. О наших с братом отношениях.

В мягком свете гаснущего огня взгляд странных глаз Диогена Пендергаста казался смущенным, почти растерянным. Однако когда он вновь посмотрел на Констанс, лицо его немного просветлело.

– Ах, Констанс, вы, возможно, мне не поверите, но когда я смотрю на вас, мне кажется, я сделал бы все возможное, чтобы избавить вас от боли и страха и взять эту ношу себе. И знаете почему? Потому что, глядя на вас, я вспоминаю себя.

Констанс продолжала сидеть неподвижно, не говоря ни слова.

– Я вижу перед собой личность, которая хочет стать такой, как все, – обычным человеком, но которой суждено всегда быть одной. Я вижу личность, которая чувствует глубже, острее, чем готова это признать… даже самой себе.

Констанс задрожала. Диоген продолжал:

– Я чувствую вашу боль и ваш гнев. Боль из-за того, что вас покинули – и не один, а несколько раз. И гнев на несправедливость богов. «Почему я? Почему опять я?» Ведь это правда – вас оставили еще раз. Хотя вы до конца этого не осознаете. В этом наши судьбы тоже очень похожи. Я остался один, когда мои родители сгорели заживо по милости невежественной толпы. Мне удалось избежать смерти, а им нет. И у меня навсегда осталась уверенность, что умереть должен был я, а не они, что я виноват в том, что они погибли. Вы испытали то же чувство в связи со смертью вашей сестры Мэри – что это вы, а не она, должны были умереть. По прошествии некоторого времени я был покинут во второй раз – теперь уже моим братом. В ваших глазах я вижу недоверие. Но, в конце концов, вы так мало знаете о моем брате. Все, о чем я прошу, – это чтобы вы выслушали меня. – Он поднялся. Констанс порывисто

вздохнула и тоже привстала. – Нет, – произнес он, и девушка вновь опустилась в кресло. В голосе Диогена теперь слышалась лишь бесконечная усталость. – Вам незачем бежать. Я сам сейчас уйду. Позже мы побеседуем еще раз, и я расскажу вам о детстве, которого у меня не было. И о старшем брате, который платил за мою любовь ненавистью и презрением. Который получал удовольствие, разрушая все, что я создавал, – будь то мои детские тетради со стихами или мои переводы Вергилия и Тацита. Который мучил и в конце концов убил моего любимца с такой жестокостью, что даже сегодня мне трудно об этом вспоминать. Мой брат задался целью восстановить всех против меня ложью и оговорами, сделать из меня своего зловещего двойника. Но когда и это не смогло меня сломить, он придумал нечто настолько ужасное… настолько ужасное… – При этих словах голос Диогена дрогнул. – Посмотрите на мой глаз, Констанс. Это самое малое из того, что он сделал.

Некоторое время в библиотеке царила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Диогена, пытавшегося взять себя в руки. Невозможно было понять, куда устремлен его безжизненный взгляд – на Констанс или мимо нее, в пустоту.

Проведя рукой по лбу, он наконец сказал:

– Мне пора идти. Но я кое-что вам оставил – вы найдете это позже. Это подарок от близкого человека, испытавшего такую же боль. Надеюсь, вы примете его с таким же чувством, с каким он был подарен.

– Я ничего от вас не приму, – заявила Констанс, однако вместо ненависти и непримиримости в ее голосе прозвучало смущение.

Задержав на ней взгляд, он медленно – очень медленно – повернулся и направился к выходу.

– До свидания, Констанс, – сказал он тихо, чуть обернувшись. – Не беспокойтесь, я найду дорогу назад.

Констанс неподвижно сидела в кресле, прислушиваясь к звуку удалявшихся шагов, и поднялась лишь после того, как он окончательно стих. Вставая, она почувствовала, как что-то шевельнулось в кармане ее передника, и вздрогнула от неожиданности. Это что-то продолжало шевелиться, и вдруг из кармана появилась усатая мордочка со смешно подергивающимся крошечным розовым носиком, глазами-бусинками и мягкими маленькими ушками. Оцепенев от удивления, Констанс подставила зверьку ладонь, и он тут же забрался на нее. Его передние лапки были прижаты к груди, словно он просил о помощи, усики дрожали, а крохотные бусинки глаз умоляюще смотрели в глаза девушки. Это была белая мышка – крохотная, с блестящей шерсткой и

совершенно ручная. Сердце Констанс вдруг оттаяло – так внезапно, что она чуть не задохнулась, и из глаз ее брызнули слезы.

Глава 14

В неподвижном воздухе читальной комнаты Центрального архива кружились пылинки и довольно приятно пахло старым картоном, пылью, дерматином и кожей. Полированные панели покрывали стены до самого потолка в стиле рококо, с которого свисали две тяжелые люстры из позолоченной меди и хрусталя. У дальней стены виднелся камин, сложенный из кирпича и отделанный розовым мрамором, имевший по крайней мере восемь футов в высоту и столько же в ширину. Центр комнаты занимали три массивных дубовых стола на толстых ножках, застеленные сукном. Это было одно из наиболее впечатляющих помещений музея – и менее всего известное широкой публике.

Прошло уже больше года с тех пор, как Нора заходила в архив в последний раз, и, несмотря на все его величие, воспоминания, которые он пробуждал в ней, отнюдь нельзя было назвать приятными. Но, к несчастью, читальная комната Центрального архива была единственным местом, где она могла получить наиболее ценные исторические сведения.

Послышался тихий стук в дверь, и на пороге появилась плотная фигура Оскара Гиббса, державшего в мускулистых руках огромную кипу перевязанных бечевками старинных документов.

– Здесь очень много информации об этой гробнице Сенефа, – сказал он, с трудом перекладывая бумаги на стол. – Странно, что до вчерашнего дня я ничего о ней не слышал.

– О ней мало кто знает.

– Зато теперь в музее только о ней и говорят. – Гиббс покачал коротко стриженной головой, гладкой как бильярдный шар. – Только в этом подземелье и можно было спрятать египетскую гробницу. – Он постоял, переводя дух. – Вы помните распоряжение, доктор Келли? Мне придется запереть вас здесь. Когда закончите, позвоните четыре-два-четыре-ноль. Нельзя пользоваться бумагой и ручкой, кроме тех, что находятся в шкатулках. – Он бросил взгляд на ее лэптоп. – И не снимайте перчатки.

– Я все поняла, Оскар.

– Если я вдруг вам понадоблюсь, найдете меня в архиве. Не забудьте: четыре-два-четыре-ноль.

Наконец огромная бронзовая дверь закрылась, и Нора услышала, как щелкнул хорошо смазанный замок. Она вернулась к столу. От

аккуратных стопок документов исходил запах тлена. Нора внимательно просмотрела их, чтобы получить общее представление о том, что здесь находилось и какую часть необходимо прочесть. И речи идти не могло, чтобы изучить все документы, – на это ушла бы целая вечность. Она запросила инвентарную опись гробницы Сенефа и все связанные с ней документы – с момента ее обнаружения в Фивах до закрытия выставки в 1935 году. Похоже, Оскар проделал огромную работу. Самые старые документы были написаны на французском и арабском языках, но с того момента, как гробница из собственности наполеоновской армии перешла британцам, преобладающим языком стал английский. Среди документов были письма, чертежи гробницы, рисунки, транспортные накладные, договора страхования, вырезки из журналов, старые снимки и научные монографии. После того как гробница оказалась в музее, количество документов увеличилось в разы. В толстых папках лежали строительные чертежи, карты, синьки с чертежей, доклады о проведении работ по консервации, различная переписка и бесчисленные счета, относящиеся ко времени открытия выставки. Кроме того, здесь были письма от простых посетителей выставки и ученых, внутренние доклады сотрудников музея и смета на проведение работ по консервации гробницы. В нижней папке оказались документы, имеющие отношение к новой станции подземки, и просьба музейного руководства к городскому совету Нью-Йорка о строительстве пешеходного туннеля, который соединит станцию «Восемьдесят первая улица» с новым подземным входом в музей. Самым последним документом был краткий отчет какого-то давно забытого хранителя об окончании работ по консервации выставки, датированный 14 января 1935 года.

Нора посмотрела на разложенную на столе груду документов и вздохнула. Мензис хотел к завтрашнему утру получить их краткое описание, с тем чтобы наконец приступить к работе над «сценарием» выставки и описанием экспонатов. Она проверила время: ровно час дня. Во что же она позволила себя втянуть?

Включив лэптоп, Нора стала ждать, пока он загрузится. По настоянию своего мужа Билла она недавно сменила ПК на «Мак», после чего время загрузки компьютера сократилось во много раз, составив восемь и девять десятых секунды вместо долгих двух с половиной минут. Разница была такой, словно она пересела из «форда-фиесты» в «мерседес». Увидев появившееся на экране монитора яблоко – логотип компании «Эпл Макинтош», Нора подумала, что хоть что-то в ее жизни идет так, как положено.

Надев жесткие льняные перчатки, она начала развязывать бечевку, которой была перевязана первая пачка документов, но ей не удалось

справиться с узлом вековой давности: бечевка порвалась, и над столом поднялось облачко пыли.

С величайшей осторожностью Нора раскрыла первую папку и вынула из нее пожелтевший документ, написанный по-французски причудливым витиеватым почерком, и углубилась в процесс его расшифровки, время от времени делая пометки на компьютере. Несмотря на то что почерк разобрать было очень трудно, а познания Норы во французском языке оставляли желать много лучшего, вскоре она с удивлением обнаружила, что ее по-настоящему захватила история, вкратце рассказанная Мензисом накануне, во время их визита в гробницу.

Когда Наполеон вел войны в Европе, в голову ему пришла потрясающая идея – пройти по всему Среднему Востоку тем же путем, которым во время своих завоевательных походов шел Александр Македонский. В 1798 году началось вторжение в Египет, в нем были задействованы четыреста кораблей и пятьдесят пять тысяч солдат. Наполеон также воплотил в жизнь радикально новую по тем временам идею: он привел с собой более ста пятидесяти гражданских ученых и инженеров, на которых возлагалась задача всестороннего изучения Египта и его загадочных руин. Одним из тех ученых и был молодой энергичный архитектор по имени Бертран Магни де Кахорс.

Де Кахорс одним из первых исследовал величайшую находку египтологов всех времен – Розеттский камень, который откопали наполеоновские солдаты, возводившие укрепления вдоль береговой линии. Это открытие вдохновило его, показав, какие еще находки могут ждать впереди. Де Кахорс последовал за французской армией на юг, вверх по течению Нила, где были обнаружены величественные храмы Луксора, а на другом берегу реки – Долина царей, древнее ущелье в пустыне, которому суждено было стать самым знаменитым кладбищем в мире.

Большинство гробниц Долины царей были высечены в скале, и перевезти их не представлялось возможным. Однако усыпальницы менее могущественных фараонов, регентов и визирей, находившиеся в верхней части долины, являли собой сооружения из известняковых блоков. Одну из таких гробниц – а именно гробницу Сенефа, визиря и регента Тутмоса IV, – де Кахорс и решил разобрать, чтобы потом переправить во Францию. Это был рискованный и даже опасный технический проект, поскольку блоки весили по нескольку тонн каждый. Их приходилось по одному спускать со скалы высотой двести футов, затем везти на повозках к берегу Нила, где они перегружались на баржи, и сплавлять вниз по течению.

С самого начала де Кахорса преследовали неудачи. Местные жители отказались участвовать в разборе гробницы, опасаясь проклятия,

поэтому пришлось привлечь к работам группу французских солдат. Первое несчастье произошло, когда вскрыли внутреннюю гробницу, которая еще в древности была повторно замурована после ограбления. Девять человек погибли почти сразу. Позже было высказано предположение, что камеру заполнил углекислый газ, выделяемый подземными водами, которые протекают в известняке глубоко внизу, и именно он стал причиной смерти трех солдат, первыми вошедших в гробницу, а также еще шестерых, отправленных на их поиски.

Однако де Кахорс был настроен решительно, и гробницу в конце концов разобрали, блоки пронумеровали и доставили по Нилу к Абукиру, где они были выгружены на берег и разложены на песке в ожидании отправки во Францию.

Знаменитое сражение при Абукире нарушило планы де Кахорса. После того как адмирал Горацио Нельсон встретился с огромной флотилией Наполеона и наголову разбил ее в одном из самых важных в истории морских сражений, Наполеон бежал на маленьком судне, оставив свою армию отрезанной от Франции. Наполеоновские войска вскоре сдались, и по условиям капитуляции вся сказочная коллекция египетских древностей, включая Розеттский камень и гробницу Сенефа, отошла британской стороне. Через день после подписания договора де Кахорс покончил с собой – нанес себе удар мечом прямо в сердце, стоя на коленях между известняковыми блоками на раскаленном песке Абукира. Тем не менее память о нем как о первом в мире египтологе сохранилась, а его потомок предложил музею финансировать работы по восстановлению гробницы.

Нора отложила первую стопку документов и взялась за следующую. Некий шотландец, офицер королевского флота капитан Алисдаир Уильям Артур Кьюмин, впоследствии барон Рэттрей, сумел присвоить гробницу Сенефа в результате какой-то грязной сделки – в документах упоминались игра в карты и две проститутки. Барон Рэттрей переправил гробницу в свое поместье на Шотландском нагорье и собрал ее там, в результате чего разорился и был вынужден продать часть родовых земель. Последующие бароны Рэттреи с трудом сводили концы с концами вплоть до середины девятнадцатого века, пока последний представитель этого рода в отчаянной попытке спасти то, что осталось от поместья, не продал гробницу американскому железнодорожному магнату Уильяму С. Спрэггу. Спрэгг, один из первых попечителей музея, перевез ее через Атлантику и воссоздал в первозданном виде в музее, строительство которого тогда еще не было закончено. Этот проект захватил его целиком, и он месяцами маячил на строительной площадке, подгоняя рабочих и путаясь у них под ногами. По жестокой иронии судьбы, всего за два дня до торжественного открытия выставки в

1872 году Спрэгг был раздавлен колесами конной кареты «Скорой помощи».

Нора отложила документы, решив сделать небольшой перерыв. Еще не было и трех часов, а она уже успела просмотреть больше бумаг, чем рассчитывала. Если удастся покончить с ними до восьми, она даже успеет поужинать с Биллом в «Костях». Ему понравится эта мрачная, покрытая пылью история. Перед открытием выставки из нее получится неплохой материал для раздела культуры.

Нора взяла в руки следующую связку – это были музейные документы, находившиеся в гораздо лучшем состоянии. В первой папке оказались бумаги, имеющие отношение к открытию выставки, и несколько приглашений с золотым тиснением.

Президент Соединенных Штатов Америки почтенный генерал Улисс С. Грант,

Губернатор штата Нью-Йорк почтенный Джон Т. Хоффман,

Президент Нью-Йоркского музея естественной истории д-р Джеймс К. Моретон,

попечители и директор музея сердечно приглашают вас на обед и бал по случаю открытия

Великой гробницы Сенефа, регента и визиря Тутмоса IV,

правителя Древнего Египта в 1419–1386 гг. до н. э.

Примадонна Элеонора де Граф-Балконски исполнит арии из новой знаменитой оперы Джузеппе Верди «Аида».

Гости приглашаются в египетских костюмах.

Нора держала пожелтевшее приглашение в руке, с изумлением думая о том, какую, оказывается, важную роль музей играл в общественной жизни в прошлом, раз приглашения подписывал сам президент. Она перебрала еще несколько бумаг и нашла второй документ – меню званого обеда.

Разнообразные закуски

Консоме «Ольга»

Кебаб по-египетски

Филе-миньон «Лили»

Овощное пюре Farcie

Жаркое из голубя с кресс-салатом

Фуа-гра en Croute

Baba Ghanouj

Уолдорфский пудинг

Персики в желе «Шартрез».

Насчитав дюжину чистых приглашений, Нора взяла одно и вместе с меню положила в папку с надписью «Снять фотокопию». Надо обязательно показать это Мензису. Еще она подумала, что было бы здорово воспроизвести церемонию первоначального открытия гробницы – конечно, без костюмированного бала – и предложить то же меню для обеда.

Нора принялась читать пресс-релизы торжественного вечера. Как оказалось, это было одно из тех знаменательных общественных событий Нью-Йорка конца девятнадцатого века, которым уже никогда не суждено повториться. В списке приглашенных значились все великие фамилии начала Золотого века: Асторы и Вандербильты, Уильям Батлер Дункан, Уолтер Лэнгдон, Уард Макалистер и другие. В этой же папке обнаружились фотографии из «Харперс уикли» со сценами бала – на танцующих были самые причудливые и нелепые версии египетского костюма…

Однако нужно было спешить. Нора отложила просмотренные бумаги в сторону и открыла следующую папку. В ней тоже оказалась вырезка, на этот раз из «Нью-Йорк сан» – одной из самых скандальных газет того времени. На фото был запечатлен темноволосый человек со светлыми глазами, в феске и длинном ниспадающем одеянии. Нора быстро пробежала глазами содержание статьи.

Специально для «Сан»:

На гробницу в Нью-Йоркском музее естественной истории наложено заклятие

Египетский бей предостерегает

Проклятие глаза Гора

Нью-Йорк. В ходе недавнего визита в Нью-Йорк его высочества Абдула эль-Мизара, бея Болбоссы, что в Верхнем Египте, этот джентльмен из страны фараонов был потрясен, узнав, что в Нью-Йоркском музее естественной истории открылась выставка, посвященная гробнице Сенефа.

Высокопоставленный египтянин и его свита, осматривавшие экспозицию, в ужасе бежали прочь от гробницы, предупредив других посетителей, что если те войдут в гробницу, то тем самым обрекут себя на неминуемую и ужасную смерть.

«На эту гробницу наложено заклятие, хорошо известное на моей родине», – позже сказал эль-Мизар корреспонденту «Сан».

Нора улыбнулась. Автор статьи продолжал в том же духе, мешая откровенные угрозы с чудовищно искаженными историческими фактами, и закончил, как и следовало ожидать, «требованием» предполагаемого «бея Болбоссы» немедленно вернуть гробницу в Египет. В заключение были приведены слова некоего официального представителя музея, заявившего, что гробницу ежедневно посещают несколько тысяч человек, но пока еще никаких «неприятных инцидентов» не произошло.

За статьей следовал шквал писем, по большей части от людей откровенно ненормальных. В них рассказывалось о неких таинственных существах, присутствие которых они ощутили во время посещения гробницы. Несколько человек жаловались на ухудшение состояния здоровья: одышку, испарину, учащенное сердцебиение, нервные расстройства. В одном письме, самом примечательном из всех, рассказывалось о ребенке, упавшем в колодец и сломавшем обе ноги (одну ногу впоследствии пришлось ампутировать). После длительных переговоров с участием адвокатов было достигнуто полюбовное соглашение, по которому музей должен был выплатить родителям ребенка компенсацию в размере двухсот долларов.

Нора открыла следующую, очень тонкую, папку и с удивлением увидела внутри один-единственный пожелтевший кусочек картона с наклейкой, на которой значилось следующее:

Содержимое этой папки отдано на ответственное хранение 22 марта 1938 года.

Подпись: Люсьен П. Стробридж, хранитель отдела Древнего Египта.

Нора удивленно вертела карточку в руках. Ответственное хранение? Должно быть, это то же самое, что в настоящее время называется сохранной зоной, где находятся самые ценные из принадлежащих музею артефактов. Что же находилось в этой папке, коль скоро ее пришлось убрать под замок?

Вернув кусочек картона на место, Нора отложила папку, решив заняться ею позже. Непросмотренной оставалась одна пачка. Развязав ее, Нора обнаружила, что она состоит главным образом из писем, относящихся к строительству пешеходного туннеля, который соединял музей со станцией метро «Восемьдесят первая улица».

Корреспонденция была чрезвычайно обширной, и, изучая ее, Нора начала понимать, что рассказанная Мензисом история о консервации гробницы в связи со строительством туннеля не вполне соответствует действительности. Все было как раз наоборот: городские власти предлагали протянуть пешеходный переход от ближайшей к музею части станции, в стороне от входа в гробницу, – это было бы самым дешевым и простым решением. Однако музейное начальство по каким-то причинам захотело направить туннель к дальней части станции метро, после чего заявило, что туннель отрежет вход в гробницу и поэтому ее необходимо законсервировать. Создавалось впечатление, что руководство музея желало закрытия выставки.

Нора продолжала читать. На самом дне папки ей попалось письмо какого-то городского чиновника, спрашивавшего, почему администрация музея так категорически настаивает на более дорогостоящем проекте строительства туннеля. На полях письма имелась приписка, сделанная тем самым Люсьеном Стробриджем, который отправил на ответственное хранение содержимое предыдущей папки:

Скажите ему что-нибудь. Я настаиваю на закрытии гробницы. Мы не можем упустить последний шанс избавиться от этой проклятой проблемы.

Л.П. Стробридж

««От проклятой проблемы»? Интересно, что Стробридж имел в виду?» – подумала Нора. Она вновь перебрала содержимое папки, но не нашла ничего, что указывало бы на какие-то проблемы, связанные с гробницей, помимо уже упоминавшегося выше недовольства бея Болбоссы и спровоцированного им потока писем от не вполне здоровых людей.

Ответ на этот вопрос, решила Нора, нужно искать в сохранной зоне. В конце концов, все это не слишком важно, а она и так уже опаздывает. Можно продолжить поиски потом, когда будет побольше времени. Если она сейчас же не приступит к написанию доклада, то так и не поужинает с Биллом.

Нора придвинула к себе лэптоп, открыла новый файл и начала печатать.

Глава 15

На следующий день капитан отдела по расследованию убийств Лаура Хейворд, предъявив удостоверение, была почтительно препровождена в кабинет Джека Манетти, начальника службы безопасности Нью-Йоркского музея естественной истории. Хейворд с удовлетворением отметила тот факт, что руководитель охраны музея, администрация которого казалась чрезмерно озабоченной своим статусом, выбрал для своего кабинета маленькое помещение без окон, расположенное в задней части здания, и обставил его в высшей степени функциональной мебелью – металлическими столами и стульями. Это свидетельствовало о наличии у него положительных качеств – по крайней мере Лаура на это надеялась.

Манетти совсем не обрадовался ее появлению, но постарался проявить гостеприимство, предложив гостье стул и кофе, от которых та отказалась.

– Я здесь в связи с делом о нападении на Грин, – сказала она, – и хочу попросить вас проводить меня на выставку «Священные изображения» и ответить на несколько дополнительных вопросов, связанных со входом и выходом посетителей, обеспечением безопасности и тому подобными вещами.

– Но мы ведь все это обсудили несколько недель назад, – удивленно заметил Манетти. – Я думал, расследование закончено.

– *Мое* расследование продолжается, мистер Манетти.

Манетти облизал губы.

– Вы беседовали с директором? У нас существует правило координировать все…

Лаура, не дав ему договорить, встала и с раздражением произнесла:

– У меня не слишком много времени. Думаю, у вас тоже. Пойдемте.

Она шла за начальником службы безопасности по лабиринту коридоров и пыльных залов, пока наконец не оказалась у входа на выставку. Музей еще не закрылся, и все двери, ведущие к экспозиции, оставались распахнутыми, но посетителей уже почти не было.

– Давайте начнем отсюда, – предложила Хейворд. – Я несколько раз мысленно воспроизвела все произошедшее, но кое-что для меня осталось непонятным. Преступник должен был войти в зал через эту дверь. Правильно?

– Да.

– Дверь в противоположном конце зала открывается только изнутри, а не снаружи. Так?

– Совершенно верно.

– А система безопасности должна была фиксировать всех, кто входил в помещение и выходил из него, поскольку в каждой магнитной карточке-ключе закодировано имя владельца.

Манетти кивнул.

– Однако система сделала единственную запись – о том, что в зал вошла Марго Грин. Следовательно, преступник потом украл у нее карточку и воспользовался ею, чтобы выйти с выставки.

– Таково было наше предположение.

– Грин могла войти и выйти через уже открытую кем-то дверь.

– Нет. Во-первых, это противоречит правилам, во-вторых, система зафиксировала, что она этого не делала. Через несколько секунд после того, как она вошла, дверь вновь автоматически закрылась. У нас имеется соответствующая запись.

– Получается, что преступник прятался в зале с пяти часов вечера, когда выставка закрывается для посетителей, до двух часов ночи, когда было совершено нападение.

Манетти кивнул.

– Либо он сумел каким-то образом обмануть систему безопасности.

– Мы считаем, что это практически невозможно.

– А я почти уверена, что именно так и было. Я много раз бывала в этом зале после нападения и считаю, что преступнику здесь практически негде спрятаться.

– В тот момент строительные работы еще не были завершены, и в зале оставалось полно всякого хлама.

– Нападение произошло за два дня до открытия выставки. Почти все уже было убрано.

– Наша система безопасности практически не дает сбоев.

– А как же Алмазный зал? – Лаура заметила, как Манетти сжал губы, и почувствовала внезапный укол совести. Подобные замечания были не в ее характере. Она знала, что в последнее время ведет себя как самая настоящая стерва, и это ей не нравилось. – Спасибо, мистер Манетти, – сказала она, – я хочу еще раз осмотреть зал, если вы не возражаете.

– Вы – наша гостья.

– Я с вами свяжусь.

Манетти исчез, и Хейворд задумчиво прошлась по залу, где было совершено нападение на Марго Грин, в который раз пытаясь представить себе каждый шаг преступника – как в некоем мысленном подобии замедленной съемки. Она старалась не слушать голос, нашептывавший ей, что это бесполезная затея: невозможно найти что-то важное через несколько недель после преступления, да еще когда здесь побывала добрая сотня тысяч человек. Голос внушал ей, что она занимается совсем не тем, чем надо, и лучше бы ей, пока не поздно, подумать о своей жизни и своей карьере.

Она сделала еще один круг по залу, и тихий голос наконец замолк, заглушаемый громким стуком ее каблуков. Подойдя к стеллажу, возле которого было обнаружено пятно крови, она вдруг увидела отделившуюся от шкафа фигуру в темном костюме. Человек двигался согнувшись, готовый вот-вот наброситься на нее.

Нора выхватила оружие и прицелилась.

– Не двигаться! Полицейское управление Нью-Йорка!

Человек выпрямился, издав булькающий звук и взмахнув руками, непокорная прядь волос упала на глаза. Лаура узнала в нем Уильяма Смитбека, журналиста «Нью-Йорк таймс».

– Не стреляйте! – крикнул репортер. – Я просто хотел кое-что осмотреть. Господи, как же вы меня напугали этой штукой!

Хейворд смущенно убрала оружие в кобуру.

– Простите, я немного нервничаю.

Смитбек прищурился:

– Вы капитан Хейворд, верно?

Она кивнула.

– А я освещаю дело Пендергаста для «Таймс».

– Мне это известно.

– Хорошо. А знаете, я ведь хотел с вами поговорить.

Лаура посмотрела на часы.

– Я очень занята. Позвоните в управление и запишитесь на прием.

– Я уже пытался. Мне сказали, что вы не общаетесь с журналистами.

– Это правда. – Лаура мрачно посмотрела на него и сделала шаг вперед, но Смитбек продолжал стоять на месте, не давая ей пройти.

– Позвольте…

– Послушайте, – быстро заговорил он, – я думаю, мы можем помочь друг другу. Обмен информацией и все такое – ну, вы понимаете.

– Если вы располагаете какой-то информацией, имеющей отношение к делу, лучше выкладывайте ее сейчас, иначе я привлеку вас за попытку воспрепятствовать правосудию, – резко ответила она.

– Нет, я совсем не о том! Дело в том, что… Видите ли, пожалуй, я знаю, почему вы сюда пришли. Вы не удовлетворены результатами расследования. Вы думаете, что, возможно, на Марго напал не Пендергаст. Я прав?

– С чего вы это взяли?

– Капитан отдела по расследованию убийств не станет тратить свое драгоценное время на посещение места преступления, если дело закрыто. Значит, у вас имеются сомнения.

Хейворд ничего не сказала, чтобы не выдать своего удивления.

– Вы думаете: а не мог ли быть убийцей Диоген Пендергаст, брат специального агента? Вот почему вы здесь.

Хейворд продолжала молчать, ее удивление росло.

– И, между прочим, я здесь по той же самой причине. – Смитбек помолчал и с любопытством посмотрел на нее, словно желая увидеть, какой эффект произвели его слова.

– С чего вы решили, что это был не агент Пендергаст? – осторожно спросила она.

– Потому что я хорошо знаю агента Пендергаста. Я, так сказать, освещал его деятельность со времени музейных убийств, произошедших семь лет назад. И я также знаком с Марго Грин – она звонила мне из больницы. Марго клянется, что напавший на нее человек не Пендергаст. Она сказала, что у нападавшего глаза были разного цвета: один ореховый, другой – молочно-голубой.

– Пендергаст известен как мастер перевоплощений.

– Да, но это описание указывает на его брата. Зачем агенту выдавать себя за своего брата? К тому же нам уже известно, что именно его брат совершил кражу алмазов и похитил ту женщину – леди Маскелин. Из всего этого напрашивается единственный вывод: Диоген напал на Марго и подставил своего брата. Что и требовалось доказать.

И вновь Хейворд, стараясь ничем не выдать своего изумления, подумала, насколько одинаково они мыслили. Наконец она позволила себе улыбнуться.

– Ну что ж, мистер Смитбек, вижу, вы очень любознательный журналист.

– Да, я такой, – поспешил подтвердить Смитбек, убирая назад свой непокорный чуб, который вновь упал ему на глаза.

Лаура немного помолчала, обдумывая услышанное.

– Что ж, хорошо. Может быть, мы действительно сможем помочь друг другу. Мое участие, естественно, будет неофициальным и должно остаться в тайне.

– Естественно!

– Кроме того, обо всем, что вы раскопаете, вы должны будете сразу же сообщить мне. До того как напишете об этом в своей газете. Я соглашусь работать с вами только на таких условиях.

Смитбек быстро закивал головой:

– Да-да, конечно!

– Очень хорошо. Похоже, Диоген Пендергаст исчез. Его след обрывается у его убежища на Лонг-Айленде – в том месте, где он удерживал леди Маскелин. Такое бесследное исчезновение в наши дни практически невозможно – за одним исключением: он скорее всего принял другое обличье. Обличье, в котором существовал задолго до всего этого.

– У вас есть какие-то соображения?

– Никаких. Однако если вы напишете о нем, возможно, какая-нибудь зацепка появится: какой-то намек, сигнал от любопытных соседей. Вы понимаете, о чем я говорю? Естественно, мое имя не должно упоминаться.

– Конечно, понимаю. А что… что я получу взамен?

Улыбка Хейворд стала шире.

– Вы неправильно меня поняли. Это я делаю вам одолжение, и вопрос в том, что вы сделаете для меня в ответ. Мне известно, что вы пишете о краже алмазов, и я хочу знать все детали этого дела – важные и не очень. Потому что вы правы: я действительно считаю, что за кражей алмазов и убийством Дьючемпа стоит Диоген. Мне нужны все имеющиеся улики, а поскольку я работаю в отделе по расследованию убийств, мне довольно трудно получить доступ к информации на уровне полицейских участков.

Лаура не сказала, что капитан Синглтон, занимающийся делом о краже алмазов, вряд ли поделится с ней информацией.

– Нет проблем, договорились.

Хейворд повернулась, чтобы идти, но Смитбек окликнул ее:

– Подождите!

Она обернулась, удивленно приподняв бровь.

– Когда мы увидимся в следующий раз? – спросил журналист. – И где?

– Мы не увидимся. Просто позвоните мне, если… если узнаете что-то важное.

– О’кей.

И она ушла, а Смитбек остался стоять в полутьме выставочного зала, торопливо записывая что-то на клочке бумаги.

Глава 16

Джей Липпер, специалист по компьютерным эффектам, стоял в пустой погребальной камере, всматриваясь в темное пространство. С тех пор как музейное начальство громко объявило о новом открытии гробницы Сенефа, прошло четыре недели, три из которых Липпер уже отработал. На сегодня было намечено важное совещание, и он пришел на десять минут раньше, чтобы успеть обойти гробницу и наглядно, а не на чертеже, представить себе, как все будет выглядеть: где протянуть волоконно-оптический кабель, где установить светодиоды, микрофоны, как расположить подсветку и голографические экраны. До торжественного открытия выставки оставалось всего две недели, а сделать еще предстояло очень и очень много.

Откуда-то со стороны входа в гробницу доносился гул голосов. Он эхом отражался от стен многочисленных камер, искажаясь и смешиваясь с ударами молотков и визгом пил, – это не покладая рук трудились бригады рабочих. Руководство музея не жалело денег – в том числе и на оплату услуг Липпера, которые стоили сто двадцать долларов в час. А если учесть, что работал он по восемьдесят часов в неделю, то при

расчете должен был получить целое состояние. С другой стороны, он отрабатывал каждый потраченный на него цент. Тем более что в помощники ему дали какого-то придурка. Человек, которого музей выделил ему в качестве прокладчика кабеля, наладчика электронного оборудования и, так сказать, мальчика на побегушках, был полным идиотом, и если это – типичный представитель местного технического персонала, то музею можно только посочувствовать. Амбиции у этого куска дерьма непомерные, а серого вещества в его тупой башке небось не больше, чем у спаниеля. Наверняка этот парень все свободное время проводит в спортивном зале, вместо того чтобы с утра до ночи изучать технологию, в которой он, по правде говоря, ни черта не смыслит.

Как раз в этот момент в коридоре раздался голос придурка.

– Темно как в могиле, правда, Джей? – С этими словами Тедди де Мео, тяжело ступая, появился из-за угла. В руках у него была огромная кипа чертежей.

Липпер поджал губы и в очередной раз напомнил себе, что ему платят сто двадцать долларов в час. Хуже всего было то, что Липпер, еще не зная, что представляет собой де Мео, рассказал ему о своей любимой сетевой компьютерной игре «Страна Даркмуд». И де Мео тут же присоединился к играющим. Персонаж Липпера, странствующий эльф в волшебной шляпе из оникса и с целой книгой страшных заклятий, несколько недель готовил военную экспедицию к далекому, хорошо укрепленному замку. Только он начал набор в свою армию, как откуда ни возьмись возник де Мео в образе тупого орка с дубиной в руке. Он записался добровольцем и стал вести себя как старый приятель Липпера: задавал идиотские вопросы и сыпал дурацкими шутками, позоря его перед остальными игроками.

Де Мео остановился перед ним, тяжело дыша и воняя какой-то тухлятиной. По лицу его катился пот.

– Ну-ка посмотрим. – Де Мео развернул лист бумаги, как и следовало ожидать, вверх ногами, и потратил еще несколько секунд на то, чтобы придать чертежу нужное положение.

– Дай-ка мне. – Липпер расправил чертеж и посмотрел на часы. До совещания оставалось еще пять минут. Ничего страшного: когда платят два доллара за минуту, можно и подождать. Он потянул носом. – Надо что-то делать с этой влажностью. Я не могу устанавливать электронику в парилке.

– Да, – произнес де Мео, оглядываясь. – Посмотри-ка на это дерьмо. Интересно, что это? У меня прямо мурашки бегут по коже.

Липпер взглянул на фреску, на которую указывал де Мео: на ней было изображено человеческое существо с черной головой насекомого и в одеждах фараона. Погребальная камера вообще была не слишком приятным местом: стены казались черными от покрывавших их иероглифов, потолок был расписан в виде ночного неба – на темно-синем фоне причудливые желтые звезды и луна. Но, по правде говоря, Липперу нравилось ощущение, которое он испытывал, находясь в гробнице. Каждый раз, приходя сюда, он представлял, что попал в Даркмуд.

– Это бог Хепри, – сказал он. – Человек с головой скарабея. Он помогает солнцу плыть по небу.

Работа над проектом доставляла Липперу удовольствие, и последние несколько недель он с головой погрузился в изучение египетской мифологии, пытаясь найти нужный фон и интересные визуальные решения.

– Мумия встречается с Насекомым, – захохотал де Мео.

Их разговор был прерван приближающимися голосами: в погребальную камеру вошла группа людей во главе с Мензисом.

– Джентльмены, рад, что вы уже здесь. У нас не так много времени. – Подойдя поближе, Мензис по очереди пожал им руки. – Уверен, что вы знакомы.

Все присутствующие кивнули. Еще бы им не быть знакомыми – ведь они практически не расставались несколько последних недель! Среди пришедших была Нора Келли – по крайней мере с ней Липперу было приятно работать, – самодовольный, напыщенный британец по имени Уичерли и самая примечательная личность – куратор отдела антропологии Джордж Эштон. Таким образом, явились все члены комитета.

Когда новоприбывшие обменивались короткими репликами, Липпер неожиданно почувствовал сильный толчок. Обернувшись, он увидел де Мео – тот стоял с открытым ртом, подмигивая ему и ухмыляясь.

– Ты только глянь, – зашептал он, кивая в сторону доктора Келли. – Да ради такой штучки я облазил бы здесь все вдоль и поперек!

Липпер отвернулся и выразительно поднял глаза вверх.

– Ну что ж, – вновь обратился к ним Мензис, – пройдемся?

– Конечно, доктор Мензис, – откликнулся де Мео.

Липпер смерил идиота взглядом, который, как он надеялся, заставит того заткнуться. Все здесь было воплощением его плана, результатом его

мастерства и умения. Де Мео занимался лишь прокладкой кабеля да установкой и подключением оборудования.

– Давайте начнем с самого начала, – произнес Липпер, приглашая всех вернуться ко входу в гробницу и украдкой бросив еще один предостерегающий взгляд на де Мео.

Все двинулись в обратном направлении – мимо строителей и незаконченных объектов. Когда они приблизились ко входу в гробницу, раздражение, которое Липпер испытывал в присутствии де Мео, сменилось возбуждением. Сценарий светозвукового шоу был написан Уичерли и серьезно дополнен Мензисом и Келли. Конечный результат оказался удачным – очень удачным. А когда он воплотится в реальность, то будет еще лучше. Эта выставка обещает стать настоящим событием.

Достигнув первого перехода бога, Липпер обернулся и посмотрел на остальных.

– Светозвуковое шоу запускается автоматически. Главное, чтобы посетители шли не по одному, а группой. Скрытые от посторонних глаз датчики будут реагировать на их приближение и поочередно включать фрагменты шоу. Когда один закончится, зрители перейдут в другую камеру и увидят следующий. После окончания шоу у них еще останется пятнадцать минут на то, чтобы осмотреть гробницу, после чего их проводят к выходу. – Липпер указал на потолок. – Первый датчик будет располагаться здесь, в углу. Когда посетители достигнут этой точки, он сработает, и через тридцать секунд – чтобы подтянулись все остальные – начнется первый фрагмент, который я называю первым актом.

– Как вы спрячете кабель? – поинтересовался Мензис.

– Это не проблема, – тут же встрял де Мео. – Он будет проложен в черной трубке диаметром один дюйм, которую никто не увидит.

– К покрытой краской поверхности ничего прикреплять нельзя, – тут же заявил Уичерли.

– Нет-нет, трубка выполнена из стали, крепится на специальных опорах. Нужно лишь зафиксировать ее по углам. Она пройдет в двух миллиметрах от стены, даже не коснувшись ее.

Уичерли удовлетворенно кивнул, а Липпер с облегчением перевел дух, довольный тем, что де Мео не выставил себя идиотом – по крайней мере пока.

Специалист по компьютерным эффектам провел своих спутников в следующую камеру.

– Когда посетители достигнут середины второго перехода бога, – мы сейчас как раз находимся в этой точке, – свет внезапно погаснет, послышатся шум, приглушенные голоса, удары кирок о камень. Вначале это будут лишь звуки в темноте, никаких визуальных эффектов. Голос диктора сообщит, что гробница Сенефа вот-вот будет разграблена теми же самыми жрецами, которые похоронили его несколько месяцев назад. По мере того как злоумышленники станут приближаться к первой замурованной двери, удары будут звучать все громче. Грабители будут стучать по ней кирками, и наконец одному из них удастся проникнуть внутрь. Вот тут-то и включится видеоаппаратура.

– Момент, когда они взламывают дверь, особенно важен, – перебил его Мензис. – Здесь должен раздаться гулкий удар киркой, грохот падающих внутрь гробницы камней, а за ними последует ослепительная вспышка света, напоминающая молнию. Это ключевой момент, и его нужно сделать максимально эффектным.

– Он будет эффектным. – Неожиданно Липпер почувствовал раздражение. Мензис, несмотря на все свое обаяние, любил совать нос в технические детали, и Липпер опасался, что ему захочется поруководить установкой оборудования.

– Затем зажжется свет, и голос диктора предложит всем пройти к колодцу, – продолжал он, ведя ученых по длинному коридору и широкой лестнице. Все подошли к вновь построенному мосту через колодец – достаточно широкому, чтобы по нему могла одновременно пройти довольно большая группа людей. – Когда посетители подойдут к колодцу, – объяснил Липпер, – датчик среагирует на их приближение, и начнется второй акт.

– Именно так, – вмешался де Мео. – Каждый акт контролируется двумя двухпроцессорными компьютерами «Пауэр-Мак Джи-пять», соединенными с третьим «Джи-пять», который одновременно является дублирующим и выполняет роль ведущего регулятора.

Липпер закатил глаза: де Мео только что слово в слово произнес то, что должен был сказать он сам.

– Где будут располагаться эти компьютеры? – спросил Мензис.

– Мы хотели протянуть кабель сквозь стену…

– Послушайте, – подал голос Уичерли. – Никто не имеет права сверлить стены этой гробницы.

Де Мео повернулся к нему:

– Видите ли, дело в том, что давным-давно их уже просверлили – причем в пяти местах! Отверстия потом были зацементированы, но мне

удалось найти их и очистить. – Де Мео сложил на груди мускулистые руки с видом ребенка, только что швырнувшего песком в лицо более слабому противнику.

– Что находится в дальнем конце? – спросил Мензис.

– Хранилище, – сообщил де Мео. – В настоящее время оно пустует. Мы собираемся переоборудовать его в диспетчерскую.

Липпер откашлялся, не собираясь дольше терпеть вмешательство своего помощника.

– Во втором акте посетители увидят цифровое изображение грабителей, строящих мостки через колодец, чтобы вскрыть следующую замурованную дверь. В этот момент напротив колодца опустится экран – естественно, так, что посетители ничего не заметят, и благодаря установленному в дальнем конце голографическому прожектору на нем появятся изображения преступников – как они с горящими факелами идут по проходу, а потом вскрывают и выбивают внутреннюю дверь и вваливаются в погребальную камеру. Идея заключается в том, чтобы зрители представили себя членами воровской шайки. Они последуют за грабителями во внутреннюю гробницу, где начнется третий акт.

– Лара Крофт отдыхает! – воскликнул де Мео, оглядывая присутствующих и радуясь собственному остроумию.

Все вошли в погребальную камеру, где Липпер вновь остановился.

– Прежде чем что-либо увидеть, посетители услышат звуки – падение камней, крики. Войдя в погребальную камеру, они наткнутся на ограждение – вот здесь. И тут развернется основное действие. Вначале – темнота, наполненная испуганными, возбужденными голосами. Затем вновь раздадутся удары и звуки падения. Потом внезапная вспышка, за ней вторая – зажигаются факелы, и при их свете все видят покрытые потом, испуганные и алчные лица жрецов. И золото! Повсюду блеск золота! – Он повернулся к Уичерли. – Именно так, как вы написали в сценарии.

– Превосходно!

– После того как зажгутся факелы, начнет сверкать молния, выхватывая из темноты различные части погребальной камеры. Грабители сталкивают и разбивают каменную крышку саркофага. Потом они поднимают крышку внутреннего саркофага, отлитую из золота, – и один из них запрыгивает внутрь и срывает с мумии погребальные бинты. После этого они с торжествующим воплем достают скарабея и разбивают его об пол, уничтожая, таким образом, его сверхъестественную силу.

– Это кульминационный момент, – возбужденно вставил Мензис. – Мне бы хотелось, чтобы здесь раздался раскат грома и вспыхнула молния.

– И вы это получите, – успокоил его де Мео. – У нас имеются звуковые системы «Долби сурраунд» и «Пролоджик два», а также четыре стробоскопа «Шове мега два» мощностью семьсот пятьдесят ватт с множеством прожекторов – все управляется полностью автоматизированной двадцатичетырехканальной световой консолью ЦМК. – И он обвел присутствующих гордым взглядом, словно действительно понимал, о чем говорит, а не воспроизводил слово в слово текст, написанный его боссом.

Липпер уже почти не мог его выносить. Подождав несколько секунд, он продолжил свою речь:

– После грома и молнии вновь включаются голографические проекторы, и мы видим самого Сенефа, вылезающего из саркофага, и жрецов, в ужасе отпрянувших назад. Это картина, которую они мысленно представляют себе, – так по крайней мере написано в сценарии.

– Вам не кажется, что все это будет выглядеть слишком неестественно? – нахмурившись, спросила Нора. – Как дешевый фокус?

– Фигуры будут объемными. К тому же голографические изображения немного напоминают призраков – они становятся прозрачными, если за ними установить мощный источник света. Мы тщательно отрегулируем освещение, чтобы добиться такого эффекта. Используем видео и компьютерную графику. Итак, Сенеф поднимается и указывает пальцем на грабителей. Под грохот грома и вспышки молнии он начинает рассказывать о своей жизни: о том, что он сделал, каким был классным регентом и визирем для Тутмоса. И, конечно, дальше идет учебный материал.

– Кстати, – опять встрял де Мео, – в саркофаге спрятаны аппараты нагнетания тумана «Джем гласиэйтор» мощностью пятьсот ватт. Производительность – две тысячи кубических футов в минуту.

– В моем сценарии ничего нет про искусственный туман, – возразил Уичерли. – Он может повредить роспись на стенах.

– В системе «Джем» используются только экологически чистые жидкости, – заверил его Липпер. – Сто процентов гарантии, что они не окажут никакого химического воздействия.

Нора Келли вновь нахмурилась.

– Простите, что задаю этот вопрос, но неужели подобная театральность столь уж необходима?

– Послушай, Нора, – обратился к ней Мензис, – начнем с того, что это была твоя идея.

– Я представляла себе нечто более скромное, без стробоскопов и искусственного тумана.

Мензис хихикнул:

– Если уж мы пошли по этому пути, Нора, нужно сделать все как следует. Поверь мне, это будет незабываемое шоу и к тому же очень познавательное. Отличный способ скормить vulgus mobile немного знаний таким образом, что они даже этого не заметят.

Нора в сомнении покачала головой, но ничего не сказала. Липпер продолжил свой рассказ:

– Когда Сенеф начинает говорить, жрецы в ужасе падают на пол. Затем он возвращается в саркофаг, грабители исчезают, голографический экран поднимается, включается свет – и вот гробница опять становится такой, какой была до ограбления, – музейным экспонатом. Ограждение убирают, и посетители осматривают гробницу, словно ничего и не произошло.

Мензис поднял палец:

– Кроме того, что они узнали, кто такой Сенеф, и получили незабываемые впечатления. Теперь вопрос на миллион долларов: вы сможете уложиться в срок?

– Мы привлекли столько людей, сколько смогли. Электрики работают не покладая рук. Думаю, через четыре дня мы закончим установку оборудования и подготовим все для испытаний.

– Это было бы очень хорошо.

– А потом займемся отладкой.

Мензис удивленно вскинул голову:

– Отладкой?

– Это самое главное. Как правило, отладка занимает в два раза больше времени, чем сама установка.

– Восемь дней?

Липпер кивнул, ощутив неловкость под внезапно помрачневшим взглядом Мензиса.

– Четыре плюс восемь – получается двенадцать. То есть до торжественного открытия остается всего два дня. Нельзя ли как-то закончить отладку за пять дней?

Что-то в тоне Мензиса подсказало Липперу, что это скорее приказ, чем вопрос. Он нервно сглотнул – сроки и так были почти нереальными, – но вслух произнес:

– Мы постараемся.

– Отлично. Давайте теперь немного поговорим об открытии. Доктор Келли предложила воспроизвести первоначальное открытие выставки в 1872 году, и я полностью ее поддерживаю. Сначала коктейль, потом немного оперы, после чего гостей проводят в гробницу на светозвуковое шоу, и в завершение – обед.

– Сколько примерно человек будет присутствовать? – спросил Липпер.

– Шестьсот.

– Вряд ли мы сможем запустить в гробницу шестьсот человек одновременно, – с сомнением произнес Липпер. – Я рассчитывал на группы из двухсот человек, при том, что шоу длится двадцать минут. Что ж, в день открытия можно увеличить группы – скажем, до трехсот человек.

– Превосходно, – заявил Мензис. – Мы разделим гостей на две группы. В первую, разумеется, войдут приглашенные из списка А: мэр, губернатор, сенаторы и конгрессмены, руководство музея, попечители, звезды кино. Два посещения гробницы – и за час мы разделаемся со всей толпой. – Он перевел взгляд с Липпера на де Мео. – Я очень рассчитываю на вас обоих. Не должно быть никаких ошибок. Все зависит от того, сумеете ли вы вовремя закончить подготовку шоу. Четыре плюс пять – итого девять дней.

– Со мной проблем не будет, – заявил де Мео, улыбаясь и излучая уверенность – прямо не мальчик на побегушках и укладчик кабеля, а посол по особым поручениям.

Взгляд пронзительных синих глаз вновь устремился на специалиста по компьютерным эффектам.

– А вы что скажете, мистер Липпер?

– Сумеем.

– Рад это слышать. Надеюсь, вы будете информировать меня о том, как продвигается работа?

Липпер и де Мео кивнули.

Мензис взглянул на часы:

– Извините, Нора, но мне нужно успеть на поезд. Я позвоню вам позже.

Мензис и остальные ушли, вновь оставив Липпера наедине с де Мео. Липпер посмотрел на часы.

– Что ж, де Мео, я, пожалуй, тоже пойду. Хоть сегодня для разнообразия лягу в постель до четырех утра.

– А как же Даркмуд? – спросил де Мео. – Ты обещал собрать воинов к полуночи.

– Черт! – простонал Липпер. Нет уж, сегодня им придется штурмовать Сумеречный замок без него.

Глава 17

Когда Марго Грин проснулась, в окна клиники Фившэм уже светило яркое послеполуденное солнце. С больничной кровати ей было видно, как огромные, напитанные влагой облака лениво плывут по синему небу. Откуда-то с реки Гудзон доносились крики водных птиц.

Марго зевнула, потянулась и села в постели. Взглянула на часы – без четверти четыре. Скоро придет медсестра с послеобеденной чашкой мятного чая.

На столике возле ее кровати лежали старые выпуски «Естественной истории», недочитанный роман Толстого, портативный аудиоплейер, лэптоп и номер «Нью-Йорк таймс». Взяв в руки газету, она открыла ее на странице с кроссвордом: может, удастся закончить его прежде, чем Филлис принесет чай.

Теперь, когда ее состояние перестало внушать опасения, процесс выздоровления в клинике приобрел упорядоченность, и она с удивлением поняла, что с нетерпением ждет четырех часов, когда можно будет поболтать с Филлис. Марго мало кто навещал – только мать и капитан Лаура Хейворд, и ей очень не хватало общения, почти так же, как работы.

Взяв карандаш, Марго занялась кроссвордом, но это оказалась одна из головоломок, публикуемых в воскресных приложениях, – с малопонятными определениями и туманными намеками, – а она была еще слишком слаба для серьезных умственных усилий. Через несколько минут Марго отложила кроссворд, и ее мысли вернулись к последнему визиту Хейворд и неприятным воспоминаниям, которые он пробудил.

Она очень смутно помнила все, что было связано с нападением, и это ее беспокоило. В памяти остались лишь не связанные между собой обрывки, из которых невозможно было составить целостную картину, –

так бывает после кошмарного сна. В тот день она зашла на выставку «Священные изображения», желая еще раз проверить экспозицию индейских масок. Уже находясь рядом с ней, она почувствовала чье-то присутствие: в выставочном зале кто-то прятался. Этот кто-то следил за ней. Сначала крался следом, а потом напал. Она смутно помнила, как обернулась и, пытаясь защититься, замахнулась ножом для резки картона. Ранила ли она того, кто ее преследовал? Нападение злоумышленника было молниеносным: Марго почувствовала обжигающую боль в спине – и пришла в себя уже в больнице.

Она сложила газету и бросила ее на стол. Нападавший говорил ей что-то, но она ничего не помнила, и это угнетало больше всего. Его слова пропали, исчезли в темноте. Однако, как ни странно, она запомнила его глаза – они словно врезались в ее сознание, – и его отвратительный холодный смех.

Она заворочалась в постели, недоумевая, почему Филлис до сих пор не приходит, и продолжая размышлять о визите Хейворд. Та задала массу вопросов об агенте Пендергасте и его брате – человеке с необычным именем Диоген. Все это казалось странным: Марго не встречалась с Пендергастом уже несколько лет и вообще не знала, что у того есть брат.

Наконец дверь палаты открылась, и вошла Филлис. Однако в руках у нее не было подноса с чаем, а ее лицо, обычно дружелюбное, имело официальное и озабоченное выражение.

– Марго, к вам посетитель, – сказала она.

Марго не успела никак отреагировать – в дверях появилась знакомая фигура хранителя отдела антропологии доктора Хьюго Мензиса, одетого с обычной для него небрежной элегантностью. Его густые седые волосы были зачесаны назад, яркие синие глаза быстро обежали палату и наконец остановились на ней.

– Марго! – воскликнул он, быстро приблизившись к ее кровати, и его благородное лицо озарила улыбка. – Как я рад вас видеть!

– Я тоже, доктор Мензис, – ответила она. Ее удивление при виде посетителя уступило место смущению: для встречи с боссом она выглядела не лучшим образом.

Мензис, почувствовав неловкость больной, постарался ее успокоить. Поблагодарив Филлис, он подождал, пока сестра скроется за дверью, и присел у кровати Марго.

– Какая прекрасная палата! – воскликнул он. – И какой изумительный вид на Гудзон! Здесь волшебное освещение, которое уступает только Венеции. Вот почему река привлекает так много художников.

– Персонал больницы очень внимателен ко мне.

– Еще бы! Знаете, дорогая, я очень беспокоился о вас, как, впрочем, и весь отдел антропологии. Мы ждем не дождемся вашего возвращения.

– Я тоже.

– Ваше местонахождение было практически государственной тайной. До вчерашнего дня я даже не подозревал о существовании этой больницы. По правде говоря, чтобы проникнуть сюда, мне пришлось очаровать половину сотрудников. – Он улыбнулся.

Марго улыбнулась в ответ. Мензису нельзя было отказать в обаянии. Ей очень повезло с боссом. В то время как другое музейное начальство вело себя с подчиненными как феодалы с вассалами, Мензис был исключением – дружелюбный, восприимчивый к чужим идеям, всегда готовый прийти на помощь. Марго не могла дождаться, когда ее выпишут, это была чистая правда. «Музеология» – периодическое издание, которое она редактировала, без нее осталось совсем заброшенным. Вот если бы она только не уставала так быстро…

Сознание Марго стало туманиться. Усилием воли вернув его к действительности, она взглянула на Мензиса и увидела, что тот смотрит на нее с озабоченным видом.

– Простите, – сказала она, – я все еще немного слаба.

– Вполне естественно. Может быть, именно потому эта штука все еще вам необходима? – Он кивнул на капельницу у кровати.

– Доктор сказал, что это всего лишь мера предосторожности. В настоящее время я получаю достаточно жидкости.

– Хорошо, очень хорошо. Потеря крови стала тяжелым потрясением для вашего организма. Вы потеряли очень много крови, Марго. А ведь ее не зря называют жизненно необходимой жидкостью, вы согласны?

Она вздрогнула, по ее жилам словно прошел электрический ток. Слабость и оцепенение как рукой сняло.

– Что вы сказали? – спросила она.

– Я спросил: вы знаете, когда вас выпишут?

Марго успокоилась.

– Врачи очень довольны моими успехами. Через неделю-другую я смогу покинуть клинику.

– Но потом, наверное, вам еще какое-то время придется пробыть дома, чтобы окончательно окрепнуть?

– Да. Доктор Винокур – это мой лечащий врач – сказал, что для полного восстановления сил мне нужно будет отдохнуть еще месяц, прежде чем выйти на работу.

– Он наверняка знает что говорит.

Тихий голос Мензиса действовал на нее усыпляюще, и Марго невольно зевнула.

– Ой! – воскликнула она смущенно. – Простите!

– Ну что вы! Я совершенно не хочу вас утомлять и скоро уйду. Вы, наверное, устали?

– Да, немного. – Она слабо улыбнулась.

– Вы хорошо спите?

– Да.

– Прекрасно. А то я боялся, что вас мучают кошмары. – Мензис оглянулся и посмотрел на раскрытую дверь и видневшийся за ней коридор.

– Нет, почти не мучают.

– Молодец! Вы храбрая девочка.

Марго вновь вздрогнула. Голос Мензиса неуловимо изменился: теперь он казался одновременно чужим и пугающе знакомым.

– Доктор Мензис, – заговорила она, пытаясь приподняться.

– Нет-нет, лежите отдыхайте. – И он, взяв ее за плечи, мягко, но решительно заставил опять лечь на подушку. – Я был очень рад услышать, что у вас хороший сон. Не всякий человек способен в короткое время забыть о таком потрясении.

– Не могу сказать, что я о нем забыла, – сказала Марго. – Просто не очень хорошо помню подробности того, что произошло, – в этом все дело.

Мензис ободряюще похлопал ее по руке.

– Может, оно и к лучшему. – С этими словами он сунул другую руку во внутренний карман пиджака.

Внезапно Марго почувствовала необъяснимую тревогу. Наверное, все дело в усталости. Как бы Мензис ей ни нравился и как бы она ни была благодарна ему за визит, ей пора отдохнуть.

– В конце концов, кому нужны такие воспоминания? Неясный шум в пустом выставочном зале. Ощущение того, что тебя преследуют. Шаги невидимого человека, грохот падающей мебели – и внезапная темнота.

Марго охватила паника, она уставилась на Мензиса, не в силах уловить смысл его слов. А антрополог продолжал говорить тихим, успокаивающим голосом.

– Смех, раздающийся из черноты. А потом удар ножа... Нет, Марго, такие воспоминания не нужны никому. – И тут Мензис рассмеялся. Но это был не его голос. Этот голос принадлежал совсем другому человеку. Как и отвратительный холодный смех...

Внезапно навалившаяся на нее сонливость уступила место смертельному страху. Нет! Этого не может быть!..

Мензис сидел на стуле и пристально смотрел на нее, словно оценивая эффект сказанного. Потом вдруг подмигнул ей. Марго подалась назад и открыла рот, собираясь закричать. Но в этот момент на нее навалилась свинцовая усталость, сковавшая все ее члены и не дававшая произнести ни слова. Внезапно она поняла, что это состояние не было естественным, что с ней творилось что-то неладное.

Мензис отпустил ее руку, и в этот момент она с ужасом увидела, что в другой его руке был крохотный шприц, наполненный прозрачной жидкостью, игла которого проткнула трубку капельницы у ее запястья. На ее глазах он вытащил шприц и сунул его в карман.

– Моя дорогая Марго, – сказал он незнакомым голосом, откидываясь на спинку стула, – неужели вы действительно надеялись больше никогда меня не увидеть?

Паника и отчаянное желание выжить наполнили все ее существо, однако она была совершенно бессильна против химического вещества, которое, растекаясь по венам, лишало ее возможности двигаться и говорить. Мензис быстро поднялся на ноги и, приложив палец к губам, прошептал:

– Пора спать, Марго...

Навалившаяся темнота заволокла зрение и мысли, и она больше не чувствовала ни страха, ни шока, ни изумления – даже обычный вздох давался с большим трудом. Неподвижно лежа на кровати, Марго видела, как Мензис повернулся и вышел из палаты; слышала, как он негромко позвал сестру. Но вскоре и его голос потонул в глухом шуме, наполнявшем ее голову. В глазах у нее потемнело, сознание погрузилось в черноту вечной ночи, и больше она уже ничего не помнила.

Глава 18

Через четыре дня после совещания с Мензисом светозвуковая аппаратура для шоу была наконец установлена и можно было приступать к отладке. В этот вечер они прокладывали последние участки кабеля и завершали подключение. Джей Липпер скрючился у отверстия, проделанного у самого пола Зала колесниц, прислушиваясь к доносившимся оттуда разнообразным звукам: шепоту, сопению и приглушенным ругательствам. Они работали уже третью ночь подряд, и Липпер устал как собака. Долго он так не выдержит. Выставка подчинила себе всю его жизнь. Союзники из «Страны Даркмуд», забыв о нем, продолжали играть. Они уже перешли на следующий уровень, а то и на два, и Джей безнадежно от них отстал.

– Поймал? – раздался из отверстия в стене сдавленный голос.

Посмотрев вниз, Липпер увидел торчащий из черноты конец оптико-волоконного кабеля.

– Да, – ответил он, схватил его, потянул к себе и стал ждать, пока подойдет де Мео.

Вскоре плотная фигура помощника появилась в проходе. Свет падал сзади, поэтому лицо его рассмотреть не представлялось возможным: видны были лишь очертания крупного тела де Мео с мотком кабеля на массивном плече да слышалось его тяжелое дыхание. Помощник протянул ему конец кабеля, и Липпер воткнул его в гнездо на задней панели лежавшего на соседнем столе лэптопа. Позже, когда все экспонаты расставят по местам, компьютер будет спрятан за позолоченным и покрытым росписью сундуком, а пока он стоял на виду – там, где до него легко добраться.

Де Мео отряхнул пыль с колен, широко улыбнулся и протянул руку:

– Держи пять, брат. Мы сделали это!

Липпер сделал вид, что не заметил протянутой руки, и с трудом сдержал раздражение. Как надоел ему этот болван! Два музейных электрика, несмотря на уговоры, в полночь ушли домой, и в результате Липперу пришлось самому ползать на четвереньках, помогая де Мео.

– До конца еще далеко, – хмуро произнес он.

Рука де Мео неловко повисла.

– Да, но по крайней мере кабель проложен, программы установлены и все идет по графику. Лучше и быть не может, ведь правда, Джей?

Липпер включил компьютер и выбрал последовательность начальной загрузки. Он отчаянно надеялся, что компьютер увидит сеть и все удаленные устройства, но в глубине души знал, что этого не произойдет.

Такие вещи никогда не получаются с первого раза; к тому же чертовой сетью занимался де Мео, а значит, ожидать можно было чего угодно.

Компьютер завершил загрузку, и Липпер с замирающим сердцем начал отправлять специальные сигналы на сетевые адреса, чтобы проверить, какие из двух дюжин периферийных устройств доступны, а с какими еще придется повозиться. Можно считать везением, если при первой загрузке компьютер увидит хотя бы половину, – ничего не поделаешь, такова специфика этого бизнеса.

Липпер последовательно кликал по сетевым соединениям, и его охватывало все большее изумление. Казалось, все было на месте. Он просмотрел список. Невероятно, но факт: все сетевые устройства видны и готовы к работе. Вся периферия, вся светозвуковая аппаратура реагировала на обращение и казалась безупречно синхронизированной. Создавалось впечатление, что кто-то уже проверил соединения и устранил неполадки.

Липпер вновь прошелся по списку – результат был тем же.

Изумление уступило место сдержанному ликованию: он не мог припомнить ни одного случая, когда бы такая сложная сеть заработала с первого раза. И не только сеть: вся работа над этим проектом была необычайно успешной, все выходило словно по волшебству. Конечно, на нее ушло несколько дней, показавшихся ему бесконечными, но на самом деле это обычно занимало больше времени – гораздо больше. Липпер глубоко вздохнул.

– Ну и как? – спросил де Мео, нависая сзади, чтобы рассмотреть значки на маленьком экране, и Липпер почувствовал исходящий от него запах лука.

– Неплохо, – ответил Джей и отодвинулся.

– Класс! – завопил помощник, и его возглас разнесся по всей гробнице, а у Липпера чуть не лопнули барабанные перепонки. – Я молодец! Настоящий сетевой монстр! – Де Мео неуклюже запрыгал по камере, молотя воздух кулаками, потом обернулся к Липперу. – Давай устроим пробный прогон.

– У меня есть идея получше. Почему бы тебе не сходить купить нам пиццу?

Де Мео удивленно посмотрел на него:

– Как, прямо сейчас? Ты что, не хочешь провести альфа-тестирование?

Конечно же, Липпер хотел протестировать систему. Но только не в присутствии помощника, который дышал ему в затылок, орал на ухо и

вообще вел себя как осел. Липпер хотел насладиться плодом своего труда в тишине, полностью сосредоточившись. Ему было просто необходимо отдохнуть от де Мео.

– Мы проведем тестирование после пиццы. Даю слово. – Он наблюдал за помощником, обдумывавшим его предложение.

– Хорошо, – наконец сказал тот, – тебе какую?

– Неаполитанскую. И большую бутылку холодного чая.

– А я возьму гавайскую двойную с ананасом, обжаренным в меду беконом и чесноком. И два «Доктора Пеппера».

Де Мео, как обычно, говорил так, словно Липперу было очень интересно, что именно он выберет. Джей вынул из кармана две двадцатидолларовые купюры и протянул их помощнику:

– Спасибо, брат.

Липпер смотрел, как де Мео медленно поднимается по каменным ступеням. Вскоре он скрылся в темноте, и звук его удаляющихся шагов постепенно смолк.

Наконец-то Липпер мог насладиться благословенной тишиной! А на обратном пути де Мео, возможно, попадет под автобус.

С этой приятной мыслью Джей повернулся к монитору. Щелкнув поочередно по иконкам всех периферийных устройств, убедился, что все они функционируют, и вновь удивился безотказной слаженности сети: словно кто-то уже провел настройку вместо них. Ему пришлось признать, что де Мео, несмотря на свои идиотские шутки, справился с работой – и справился великолепно.

Неожиданно Липпер замер, нахмурившись. Иконка одной из программ лихорадочно мигала. Каким-то образом светозвуковые режимы загрузились автоматически, хотя в программе была предусмотрена ручная загрузка – по крайней мере для альфа-тестирования, чтобы поочередно проверить каждый модуль.

Так что проблема все-таки возникла. Естественно, он ее устранит, но чуть позже. Программное обеспечение загрузилось, вспомогательные устройства функционировали, экраны на месте, машина для нагнетания тумана тоже готова к работе.

Не будет ничего плохого, если он произведет пробный запуск. Липпер глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, и опустил палец на кнопку пуска, но вдруг замер. Из глубины гробницы до него донесся какой-то звук: похоже, он исходил из Зала истины или даже из самой погребальной камеры. Это никак не мог быть де Мео, удалившийся в

противоположном направлении. К тому же помощник должен был вернуться не раньше чем через полчаса, а если повезет, то через сорок минут.

Может, это охранник или кто-то еще из сотрудников музея? Странный звук послышался опять – сухой, напоминающий царапанье. Определенно это не охранник. Может, мыши? Липпер нерешительно поднялся. Наверно, ему просто послышалось. Господи, неужели он поверил во все эти бредни насчет проклятия, о котором шептались охранники? Скорее всего мышь. В конце концов, в старых египетских галереях полно грызунов, и отделу эксплуатации даже пришлось поставить там мышеловки. Но если один из зверьков проник в гробницу – например, через расчищенные де Мео отверстия в стене, – он вполне может пустить в ход острые зубы, и этого будет достаточно, чтобы вывести из строя всю систему и остановить работу на несколько часов или даже дней – ведь придется проверять все чертовы кабели, дюйм за дюймом.

Звук послышался вновь – словно ветер зашуршал сухой листвой. Липпер схватил пальто де Мео, готовясь набросить его на серую тварь, если таковая появится, уменьшил яркость освещения и крадучись направился в глубь гробницы.

Тедди де Мео порылся в кармане, стараясь не уронить пиццу, нащупал магнитную карточку и приложил ее к замку, который недавно установили на дверь, ведущую в Египетскую галерею. Чертовы лепешки уже остыли, потому что охранники при входе тщательно и очень медленно проверили все его вещи, несмотря на то что точно такие же идиоты сделали это всего лишь за двадцать пять минут до них. Меры предосторожности? Нет, скорее обыкновенная тупость.

Дверь Египетской галереи тихо закрылась. Де Мео прошел через зал, свернул в пристройку и с удивлением обнаружил, что вход в гробницу закрыт.

В душе его шевельнулось подозрение: неужели Липпер провел первый пуск без него и спокойно ушел домой? Но де Мео быстро прогнал эту мысль. Пусть специалист по компьютерным эффектам и мнил себя великим мастером и не очень дружил с головой, но в целом был неплохим парнем.

Де Мео вновь достал карточку и приложил ее к замку – раздался характерный щелчок. Просунув в образовавшийся проем локоть и с трудом удерживая пиццу и напитки, Тедди открыл створку, проскользнул внутрь и услышал, как дверь за ним закрылась.

Освещение соответствовало первому уровню – таким оно должно было оставаться после пробного прогона, – и де Мео вновь нахмурился.

– Эй, Джей! – крикнул он. – Пиццу заказывали? – Его голос эхом разнесся по гробнице и замер вдали. – Джей!

Он спустился по ступеням, прошел по коридору и остановился у мостика, переброшенного через колодец.

– Джей! Пицца прибыла! – Де Мео подождал, пока эхо стихнет.

Липпер не мог провести тестирование без него – ведь они столько времени провели вместе, работая над этим проектом. Не такой же он идиот! Просто, наверное, надел наушники: проверяет звук или что-то в этом роде. Или слушает свой «ай-под» – иногда он включал его и во время работы. Перейдя через мост, де Мео оказался там, где они проводили большую часть времени, – в Зале колесниц. И тут же вдалеке услышал звук шагов. По крайней мере ему показалось, что это были шаги. Шаги сопровождались странным глухим стуком и раздавались из глубины гробницы – похоже, из погребальной камеры.

– Джей, это ты? – Де Мео внезапно ощутил страх. Положив пиццу на стол, он сделал несколько шагов по направлению к Залу истины и расположенной за ним погребальной камере. Отметил про себя, что там так же темно – первый уровень освещения, как и в остальных помещениях гробницы. По правде говоря, при таком свете вообще ничего не видно.

Де Мео вернулся к рабочему столу и взглянул на монитор: программное обеспечение загружено и находится в режиме ожидания. Он щелкнул по иконке управления освещением, вспоминая, как прибавить свет. Липпер делал это при нем сотни раз, но де Мео никогда особо не вникал в его действия. В открывшемся окне появились слайдеры, и он щелкнул по одному из них – с надписью «Зал колесниц».

Господи! Свет стал еще более тусклым, погрузив египетские скульптуры в почти полную темноту. Де Мео передвинул бегунок в противоположном направлении – и освещение стало ярче. Воспрянув духом, он принялся регулировать свет в других помещениях гробницы. Глухой стук послышался опять.

– Джей, это ты? – позвал де Мео. На этот раз у него не было сомнений, что звук доносился из погребальной камеры. Де Мео засмеялся. – Эй, Джей, иди сюда! Я принес пиццу.

Странный звук приближался: вжж-бум… вжж-бум… Словно кто-то волочил одну ногу.

– Так, наверное, ходит мумия… Молодец, Джей, здорово меня разыграл! – крикнул де Мео, но вновь не получил ответа. Все еще смеясь, он встал из-за компьютера и направился в сторону Зала истины, стараясь не смотреть на изображение припавшего к земле Аммута – что-то в этом египетском божестве, пожирателе человеческих сердец с головой крокодила и телом льва, внушало ему даже больший ужас, чем все остальное содержимое гробницы.

Де Мео задержался у входа в погребальную камеру.

– Ты чудной парень, Джей, – сказал он и подождал, надеясь услышать смех Липпера или увидеть его худую фигуру, появляющуюся из-за колонны. Но ничего не произошло. Тишина была абсолютной. Проглотив комок в горле, де Мео вошел в камеру и огляделся. Никого. Двери, ведущие из погребальной камеры, погружены в темноту – их освещение не было предусмотрено. Должно быть, он прятался за одной из них, собираясь наброситься на него и напугать до полусмерти.

– Хватит, Джей, перестань! Пицца и так уже остыла.

Внезапно свет погас.

– Эй! – Де Мео резко обернулся, но Зал истины располагался под углом к Залу колесниц, и он не мог его видеть – как не мог видеть и успокаивающего голубого свечения жидкокристаллического монитора.

Он вновь обернулся – на звук странных, медленных шагов, которые раздавались теперь гораздо ближе.

– Джей, это не смешно. – Де Мео полез в карман за электрическим фонариком, но, конечно же, не нашел его – тот остался лежать на столе в Зале колесниц. Почему не видно отраженного света монитора? Неужели электропитание тоже отключилось? Наступившая темнота казалась непроницаемой.

– Послушай, Джей, заканчивай с этим дерьмом. Я не шучу. – Тедди сделал несколько шагов, наткнулся на колонну и попытался спрятаться за ней. Шаги послышались еще ближе.

Вжж-бум… вжж-бум…

– Джей, перестань, хватит придуриваться!

Неожиданно совсем рядом – ближе, чем он себе представлял, – де Мео услышал резкий свистящий звук, словно воздух вырывался из пересохшего горла. Дыхание напоминало шипение и было пропитано чем-то удивительно напоминающим ненависть.

– Господи Иисусе! – Де Мео сделал шаг вперед и разрезал воздух ударом тяжелого кулака, попав по невидимому существу, которое отпрянуло назад, вновь издав шипение, похожее на змеиное.

– Пошла вон! Пошла вон! – Тедди, одновременно услышав и почувствовав, как неизвестная тварь бросилась на него с пронзительным визгом, попытался увернуться, но, к своему изумлению, ощутил сильнейший удар. Резкая боль пронзила его грудную клетку, и он стал падать, хватаясь руками за темноту. Уже ударившись спиной о землю, де Мео почувствовал, как что-то тяжелое и холодное наступило ему на горло, обрушилось на него всем своим весом. Замахав руками, он услышал хруст собственных шейных позвонков, увидел вспышку ярко-желтого, как моча, света – и все исчезло…

Глава 19

Просторная элегантная библиотека в особняке агента Пендергаста на Риверсайд-драйв казалась последним местом, которое можно было бы назвать тесным. И тем не менее, хмуро размышлял д’Агоста, сегодня вечером к ней как нельзя лучше подходило это определение. На столах, стульях, на полу – повсюду лежали чертежи и карты. Кроме того, у стен установлено не менее полудюжины досок с нарисованными фломастером схемами и планом тюрьмы, на которых указаны места въезда и выезда. Результаты разведки традиционными средствами, произведенной в окрестностях Херкмора несколько дней назад, теперь дополнились данными дистанционного наблюдения с применением новейших высокотехнологичных методов, в том числе снимками, сделанными со спутника, и изображениями, полученными с помощью радара и инфракрасного излучения. На придвинутых к стене коробках лежали распечатки – результаты попыток проникнуть в компьютерную сеть Херкмора – и сделанные с воздуха фотографии тюремного комплекса.

В центре этого упорядоченного хаоса находился Глинн. Он почти неподвижно сидел в своем инвалидном кресле и говорил, как всегда, тихо и монотонно. Глинн начал совещание с подробного анализа расположения тюрьмы и используемой в ней системы охраны. В надежности последней д’Агосту убеждать не приходилось: он и так был уверен, что если и существует на земле место, откуда практически невозможно сбежать, то это тюрьма Херкмор. Старые испытанные способы защиты – многочисленные посты охраны и тройное ограждение – дополнялись здесь новейшими технологиями: лазерной «решеткой» у каждого выхода, сотнями цифровых видеокамер и целой сетью подслушивающих устройств. Вмонтированные в ограждение и закопанные в землю, они были способны уловить любой звук – от рытья подкопа до осторожных шагов. Каждый узник должен был носить электронный ножной браслет со встроенным датчиком джи-пи-эс,

сигнал от которого поступал на центральный командный пункт, позволяя следить за перемещениями заключенных. При попытке разрезать браслет тут же срабатывала сигнализация и происходила автоматическая блокировка замков. С точки зрения д’Агосты, сбежать из Херкмора практически невозможно.

Тем временем Глинн перешел к изложению следующего этапа плана побега. И тут уже д’Агоста еле сдержал давно закипавшее в нем раздражение. Мало того что Глинн все упрощал, предлагая никуда не годные идеи, так еще осуществить их предстояло не кому иному, как д’Агосте!

Винсент обвел взглядом библиотеку, дожидаясь, когда же Глинн наконец закончит говорить. Рен явился несколько раньше – он принес комплект архитектурных планов тюрьмы, «позаимствованных» в отделе частных хранений Нью-Йоркской публичной библиотеки, и теперь хлопотал вокруг Констанс Грин. С горящими глазами и почти прозрачной кожей, он походил на одно из тех существ, которые всю жизнь проводят в пещерах, не видя солнечного света, и казался даже более бледным, чем сам Пендергаст… если такое вообще возможно.

Затем взгляд д’Агосты упал на Констанс, сидевшую напротив Рена; на столе перед ней громоздилась стопка книг. Слушая Глинна, девушка делала пометки в блокноте. На ней было строгое черное платье с рядом крохотных жемчужных пуговок, поднимавшихся от поясницы до самой шеи. Увидев их, д’Агоста невольно подумал: интересно, кто же их застегивал? Несколько раз за вечер он замечал, как Констанс незаметно поглаживала одной рукой другую, задумчиво глядя на потрескивающий в камине огонь.

«Вероятно, она, как и я, не верит в успех», – подумал д’Агоста. Окинув взглядом их маленькую группу, состоявшую всего из четырех человек – Проктор, шофер, по какой-то причине отсутствовал, – он подумал, что невозможно представить себе компанию, более неподходящую для осуществления такого дерзкого плана. Если честно, Глинн с его спокойной самоуверенностью никогда не нравился д’Агосте, и лейтенанту вдруг пришло в голову, что тот, возможно, наконец встретит достойного соперника в лице Херкморского исправительного учреждения.

Глинн перестал бормотать и повернулся к д’Агосте:

– У вас есть какие-нибудь вопросы или замечания, лейтенант?

– Да, замечание: весь этот план – чистое безумие.

– Пожалуй, мне стоит по-другому сформулировать вопрос: у вас есть какие-нибудь существенные замечания?

– Вы, похоже, считаете, что я смогу преспокойно туда проникнуть, устроить там представление, а потом уйти как ни в чем не бывало? Не забывайте: мы говорим о Херкморе, – и хорошо бы мне не кончить свои дни в камере по соседству с Пендергастом.

Выражение лица Глинна нисколько не изменилось.

– Если вы будете придерживаться сценария, не возникнет никаких проблем и вы выйдете оттуда «как ни в чем не бывало». Мы продумали все до мелочей и знаем, как охрана и персонал тюрьмы прореагируют на каждый ваш шаг. – Глинн неожиданно растянул тонкие губы в грустной улыбке. – Видите ли, именно в этом и состоит серьезная уязвимость данной тюрьмы. В этом да еще в электронных браслетах, передающих информацию о местонахождении каждого заключенного… очень глупое нововведение.

– Если я проникну на территорию и меня обнаружат, разве это их не насторожит?

– Как я уже говорил, ничего не произойдет, если вы будете в точности следовать сценарию. Вы и только вы можете получить критически важную для нас информацию и провести необходимую подготовительную работу.

– Подготовительную работу?

– Совсем скоро я расскажу о ней.

Д’Агоста ощутил новый приступ раздражения.

– Простите, что говорю вам это, но все ваше планирование пойдет псу под хвост, как только я окажусь за стенами тюрьмы. Это реальный мир, и люди непредсказуемы. Вы не можете знать, как они себя поведут.

Глинн неподвижно смотрел на него.

– Простите, что возражаю вам, лейтенант, но человеческие существа на самом деле до противного предсказуемы. Особенно в таком месте, как Херкмор, где правила поведения расписаны до мелочей. Мой план кажется вам слишком простым, даже глупым, но в этом-то и заключается его сила.

– Уверен, все кончится лишь тем, что я окажусь в еще большем дерьме. – Сказав это, д’Агоста посмотрел на Констанс, но девушка сидела, уставившись на огонь, и, казалось, даже не слышала его слов.

– Мы никогда не ошибаемся, – произнес Глинн. Его голос оставался таким же невозмутимым, и это больше всего бесило д’Агосту. – Это наша гарантия. От вас же, лейтенант, требуется лишь следовать нашим указаниям.

– Я знаю, что нам действительно требуется – помощник из числа персонала. И не говорите мне, что охранников нельзя склонить к сотрудничеству подкупом или шантажом. Господи, да они сами мало чем отличаются от преступников! По крайней мере я других не встречал.

– Только не в Херкморе. Любая попытка договориться с кем-нибудь из них заранее обречена на неудачу. – Гленн подъехал к столу. – Но если я скажу, что у нас там есть свой человек, это придаст вам уверенности?

– Черт возьми, конечно!

– И вы согласитесь с нами сотрудничать, пообещав не высказывать сомнений?

– Если человек достаточно надежный – да.

– Думаю, вы сочтете наш источник сверхнадежным. – С этими словами Глинн взял со стола листок бумаги и вручил его д'Агосте.

Д'Агоста посмотрел на него – столбик цифр, и напротив каждой – два временных значения.

– Что это? – спросил он.

– График смены охранников в одиночном блоке в период, закрытый для посетителей, – с десяти вечера до шести утра. И это лишь один пример того, какой информацией мы располагаем.

Д'Агоста недоверчиво уставился на него:

– Черт! Как вам удалось это получить?

Глинн позволил себе улыбнуться – по крайней мере д'Агоста именно так истолковал слабое движение его тонких губ.

– В этом заслуга нашего внутреннего источника.

– И кто же это, позвольте узнать?

– Вы с ним хорошо знакомы.

Удивление д'Агосты усилилось.

– Вы хотите сказать, что это...

– Совершенно верно, специальный агент Пендергаст.

Д'Агоста чуть не сполз со стула.

– Но как он сумел с вами связаться?

На этот раз на лице Глинна засияла настоящая улыбка.

– Как, лейтенант, неужели вы не помните? Вы же сами принесли мне его сообщение!

– Я?

Пошарив под столом, Глинн вытащил оттуда пластиковую коробку. Д'Агоста заглянул в нее и, к своему изумлению, увидел мусор, собранный им во время вылазки, предпринятой с целью изучения окрестностей тюрьмы. Обертки от жвачки, клочки льняной ткани были тщательно высушены, выглажены и помещены в пластиковые файлы. Внимательнее посмотрев на кусочки ткани, д'Агоста разглядел на них еле заметные надписи.

– В камере Пендергаста, как и в большинстве старых камер в Херкморе, устаревшая система канализации, сток из которой попадает в расположенный за стенами тюрьмы водосбор, а оттуда – в Херкмор-Крик. Пендергаст пишет сообщения на обрывках бумаги и клочках ткани, бросает их в канализацию, и они со сточными водами попадают в ручей. Все очень просто. Эта идея пришла нам в голову, когда департамент охраны природы обвинил Херкмор в загрязнении местных водоемов.

– А где же он взял чернила? И письменные принадлежности? Ведь их отбирают в первую очередь.

– Если честно, мне это неизвестно.

В комнате повисло молчание.

– Но вы были уверены, что он каким-то образом свяжется с нами, – наконец тихо произнес д'Агоста.

– Конечно.

Лейтенант был потрясен.

– Осталось только найти способ самим связываться с Пендергастом.

В глазах Глинна вспыхнули лукавые огоньки.

– Как только мы узнали, в какой камере он содержится, это уже не составляло никакого труда.

Д'Агоста не успел ответить, потому что вдруг услышал странные звуки – тихое, но требовательное попискивание, раздававшееся со стороны Констанс. Повернувшись, Винсент увидел, что она поднимает с ковра маленькую белую мышку, очевидно выпавшую у нее из кармана. Успокоив зверька ласковым шепотом и осторожными поглаживаниями, девушка вернула его в укрытие, потом, заметив воцарившуюся в комнате

тишину и почувствовав устремленные на нее взгляды, подняла глаза и неожиданно покраснела.

– Какое прелестное животное, – через мгновение сказал Рен. – Не знал, что ты любишь мышей.

Констанс робко улыбнулась в ответ.

– Где же ты ее взяла, дитя мое? – продолжал Рен высоким напряженным голосом.

– Я… я нашла ее в подвале.

– Неужели?

– Да, среди коллекций. Там столько вещей – все буквально забито.

– Но она кажется совсем ручной. К тому же белые мыши не бегают сами по себе.

– Может, она убежала от хозяев? – произнесла Констанс с едва заметным раздражением и поднялась. – Я устала. Надеюсь, вы меня извините. Спокойной ночи!

Когда девушка ушла, некоторое время все молчали. Первым заговорил Глинн, и голос его звучал очень тихо:

– Среди тех записок было еще одно сообщение от Пендергаста – очень важное, но не имеющее отношения к тому, чем мы сейчас занимаемся.

– И о чем же в нем говорилось?

– О ней. Он просил вас, мистер Рен, не спускать с нее глаз днем – конечно, в то время, когда вы не спите. А также проверять, дома ли она, и как следует запирать все двери и окна, когда вы уходите на ночное дежурство в библиотеку.

Рен казался польщенным.

– Конечно, конечно! Очень, очень рад это слышать!

Глинн перевел взгляд на д’Агосту:

– Хоть вы и ночуете в доме, он просил вас время от времени наведываться сюда в рабочее время, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

– Похоже, он чем-то обеспокоен.

– Да, и весьма. – Глинн помолчал, потом открыл ящик стола и начал доставать из него различные предметы и раскладывать их на столешнице: походная фляжка для виски, компьютерная «флэшка»,

моток кабеля, свернутый в рулон кусок зеркального пластика, пузырек с коричневой жидкостью, шприц для подкожных инъекций, небольшие кусачки, ручка и кредитная карта. – А теперь, лейтенант, поговорим о подготовительной работе, которую вы должны будете провести, оказавшись в стенах Херкмора…

Когда все карты, чертежи и коробки были убраны, д’Агоста пошел проводить Глинна и Рена до дверей. У парадного входа особняка старый библиотекарь задержался.

– Вы не могли бы уделить мне одну минуту? – попросил он, хватая д’Агосту за рукав.

– Конечно, – ответил д’Агоста.

Рен наклонился к самому его лицу, словно желая поделиться секретом:

– Лейтенант, вам неизвестны все… обстоятельства прошлой жизни Констанс. Я могу сказать лишь, что они… не совсем обычны.

Д’Агоста стоял в нерешительности, удивленный лихорадочным блеском в глазах этого странного человека.

– Да, – сказал он.

– Я хорошо знаю Констанс. Именно я нашел ее в этом доме, где она пряталась ото всех. Она всегда отличалась абсолютной, почти болезненной честностью. Но сегодня она солгала – впервые в жизни.

– Насчет белой мыши?

Рен кивнул.

– Не знаю, почему она это сделала, но уверен: девочка попала в беду. Лейтенант, ее душа напоминает карточный домик. Стоит лишь подуть ветру… Мы оба должны как следует за ней присматривать.

– Спасибо за информацию, мистер Рен. Я буду заходить так часто, как только смогу.

Рен на мгновение задержал на нем умоляющий взгляд, потом кивнул, сжал ладонь д’Агосты своей костлявой рукой и скрылся в холодной темноте ночи.

Глава 20

Заключенный, имя которого состояло из одной буквы А, сидел на койке сорок четвертой одиночной камеры, расположенной в глубине Федерального учреждения досудебного содержания особо опасных и склонных к побегу заключенных – «Черной дыры». Скудным

убранством помещение напоминало монашескую келью – десяти футов в длину и восьми в ширину, со свежепобеленными стенами, цементным полом, туалетом в углу, раковиной для умывания, батареей и металлической кроватью. Единственным источником освещения в ней служила лампа дневного света на потолке, забранная проволочной сеткой. Выключателя в камере не было; лампа загоралась в шесть утра и гасла в десять вечера. В дальней стене, почти под самым потолком, имелось единственное крошечное окно, забранное толстой решеткой.

Заключенный, одетый в аккуратно выглаженный серый комбинезон, уже много часов сидел на матрасе совершенно неподвижно. Его худое лицо казалось бледным и абсолютно бесстрастным, серебристо-серые глаза были наполовину закрыты, очень светлые волосы – зачесаны назад. Без малейшего движения, не мигая, он слушал тихие быстрые звуки, доносившиеся из соседней камеры – сорок пятой одиночной.

Это была дробь сродни барабанной, но необычайной ритмической сложности. Она то ускорялась, то замедлялась, становилась то громче, то тише, переходя с металлической спинки кровати на матрас, потом на стены, сиденье туалета, раковину, оконные решетки – и назад, в обратной последовательности. В настоящий момент Барабанщик стучал по спинке кровати, время от времени шлепая рукой по матрасу, причмокивая губами и щелкая языком. Ритм постоянно менялся, то учащаясь до пулеметной очереди, то вновь становясь медленным, ленивым. Временами звуки вообще, казалось, замирали, и лишь редкие удары – тук… тук… тук… – напоминали, что Барабанщик продолжает свою работу.

Любитель ударных инструментов мог бы распознать в звуках, доносящихся из сорок пятой одиночной, огромное множество ритмических фигур и стилей: конголезское кассагбе, переходящее в медленный фанк и затем в поп-энд-лок, последовательное чередование шейка, уорм-хола, глэма и, наконец, долгого псевдоэлектроклэшевого рифа, за которыми следовали быстрый евростомп, хип-хоп, твист и том-клаб. После этого на мгновение воцарялась тишина, и из сорок пятой одиночной вновь слышался медленный чикагский блюз, постепенно сменявшийся другими ритмами – имевшими название и никому не известными, сплетавшимися в бесконечный поток звука.

Однако заключенный, известный как А, не был любителем современной музыки. Этот человек знал многое, но совсем не разбирался в ритмических рисунках.

Тем не менее он продолжал слушать.

Наконец, за полчаса до того как должен был выключиться свет, обитатель сорок четвертой одиночной пошевелился. Повернувшись к спинке кровати, он осторожно ударил по ней указательным пальцем

один раз, второй и начал выстукивать простой размер четыре четверти. Через несколько минут он попробовал повторить то же на матрасе, потом на стене и раковине, словно проверяя их звучание, после чего вновь вернулся к койке. Продолжая выстукивать четыре четверти левой рукой, начал помогать себе правой, немного разнообразив звук. Воспроизводя этот незатейливый аккомпанемент, он внимательно прислушивался к виртуозному стокатто, доносившемуся из-за стены.

Наконец свет выключили, и камера погрузилась во тьму. Прошел час, за ним другой. Исполнительская манера заключенного А слегка изменилась. Подражая соседу, он пытался изобразить то необычную синкопу, то размер три вторых, включая их в свой скромный репертуар. Воспроизводимые им звуки все более точно повторяли оригинал, и вскоре он уже с легкостью ускорял или замедлял темп, следуя за Барабанщиком.

Наступила полночь, но дробь в сорок пятой камере не стихала; продолжал стучать и заключенный А. Он вдруг обнаружил, что игра на барабане, всегда казавшаяся грубым, примитивным занятием, удивительно благотворно воздействует на мозг. Она позволяла перейти из тесной, отвратительной реальности его камеры в широкий, бесконечный мир математической точности. Он продолжал барабанить, вторя соседу и постепенно усложняя собственный ритмический рисунок.

Близился рассвет. Все другие обитатели одиночного блока – таких было немного, и их камеры находились дальше по коридору – давно уже спали. Лишь заключенные из двух камер – сорок четвертой и сорок пятой – продолжали барабанить. И по мере того как заключенный А все глубже погружался в странный новый мир внешних и внутренних ритмов, он все больше узнавал о Барабанщике и его душевном заболевании – в чем изначально и состояло его намерение. Впрочем, он не мог выразить это новое понимание словами: оно было совершенно недоступно языку и не поддавалось психологическому теоретизированию.

И тем не менее обитатель сорок четвертой одиночной, подражая сложному ритму, выстукиваемому соседом, начал постепенно проникать в тот особый мир, в котором существовал Барабанщик. На неврологическом уровне он начал понимать его, понимать, что им двигало и почему он делал то, что делал.

Очень осторожно А сделал попытку слегка изменить ритм, начал экспериментировать, чтобы узнать, сможет ли он уже взять на себя роль лидера и заставить Барабанщика следовать за ним. Попытка оказалась удачной, и А стал незаметно менять темп, еще более трансформируя ритм. Его действия не были резкими и неожиданными: каждый новый

удар, каждое изменение ритмической модели было тщательно просчитано, чтобы дать желаемый результат.

В течение следующего часа распределение ролей между двумя заключенными в корне изменилось. Сам не сознавая того, Барабанщик из ведущего превратился в ведомого.

Заключенный А продолжал бесконечно менять темп и громкость звука, пока не убедился в том, что теперь именно он задает ритмический рисунок, а сосед лишь следует ему. С чрезвычайной осторожностью он начал снижать темп – но не сразу, время от времени слегка ускоряясь, используя пассажи, которым научился у Барабанщика. С каждым разом ритм все более замедлялся, пока не стал совсем сонным, обволакивающим, как черная патока.

Наконец А остановился. Заключенный из соседней камеры сделал несколько осторожных одиночных ударов и тоже замолчал. Последовала долгая тишина, потом из сорок пятой камеры раздался задыхающийся хриплый голос:

– Кто вы?

– Меня зовут Алоиз Пендергаст, – послышался ответ. – И мне очень приятно с вами познакомиться.

Час спустя все еще стояла блаженная тишина. Пендергаст лежал на койке с закрытыми глазами, но не спал. В какой-то момент он поднял веки и вгляделся в слабо светящийся циферблат наручных часов – единственную личную вещь, которую позволялось иметь заключенным. Без двух минут четыре. Он подождал еще немного, теперь уже с открытыми глазами. Ровно в четыре на дальней стене появилась яркая зеленая точка. Попрыгав немного, она наконец замерла. Пендергаст знал, что это всего лишь луч, выпущенный очень дорогой лазерной ручкой и нацеленный в его окно из укромного места за территорией тюрьмы.

Перестав дрожать, свет замигал: это было приветствие, передаваемое простым монофоническим шифром и для удобства предельно сжатое. Приветствие было передано четыре раза – для верности. Затем последовали недолгая пауза и, наконец, само сообщение.

Сообщение принято.

Продолжаем анализировать оптимальные маршруты выхода.

Вы можете потребовать изменения места слушания дела.

Сообщим свое мнение, как только представится возможность.

Вам будут заданы вопросы – ответы передайте обычным способом.

Сообщите график прогулок заключенных.

Раздобудьте образцы формы охранников – брюк и рубашек.

Далее следовало несколько вопросов – некоторые из них показались Пендергасту странными или слишком прямыми. Он не сделал попытки их записать, целиком полагаясь на свою память. Последний вопрос поверг его в недоумение:

Вы готовы пойти на убийство?

На этом зеленая точка пропала. Пендергаст сел на койке и, пошарив рукой под матрасом, вытащил из-под него обрывок грубого потертого холста и ломтик лимона, оставшийся от ужина. Сняв один ботинок, он поднес его к раковине, включил воду, капнул несколько капель в пустую мыльницу, затем выжал в нее лимон. Намочив ботинок, он начал куском холста счищать с него обувной крем. Вскоре жидкость в эмалированной мыльнице приобрела достаточно темный цвет. Пендергаст замер в темноте, прислушиваясь, затем приподнял матрас, оторвал от простыни длинную полоску и разложил ее на краю раковины. Вытащив из ботинка шнурок, обмакнул его предусмотрительно расплющенный и отточенный конец в самодельные чернила и начал писать мелким аккуратным почерком, оставляя на ткани едва заметные цепочки слов.

Без четверти пять Пендергаст закончил писать и положил ткань на батарею. Он держал ее там достаточно долго, чтобы текст как следует просох, потом начал сворачивать. Внезапно он остановился и добавил к написанному еще одну строчку: «Продолжайте пристально следить за Констанс. А вы, мой дорогой Винсент, не унывайте».

Подержав «письмо» на батарее, он туго скатал его и опустил в канализационное отверстие. Затем набрал в мусорное ведро воды из-под крана и вылил туда же, повторив эту процедуру не менее десяти раз.

До подъема оставался всего час. Пендергаст лег на койку, сложил руки на груди и моментально заснул.

Глава 21

Мэри Джонсон распахнула огромную дверь, ведущую в Египетскую галерею, и, переступив порог, пошарила по холодной мраморной стене в поисках выключателей. Она знала, что в последнее время работа здесь

продолжалась допоздна, но к шести утра обычно все уходили домой. В ее обязанности входило отпирать двери для нанятых музеем специалистов, включать освещение и следить за порядком.

Нащупав коммутационный блок, она поочередно нажала на выключатели пухлым указательным пальцем, и ожившие старинные стеклянные и бронзовые светильники залили ярким светом еще не полностью отремонтированный зал. Уперев кулаки в крутые бедра, Мэри на минуту остановилась и окинула взглядом помещение, проверяя, все ли в порядке, после чего направилась дальше. Тихонько напевая старую мелодию в стиле диско, она крутила на пальце связку ключей, и ее огромная задница покачивалась в такт шагам. Звяканье ключей, стук каблуков и фальшивое пение эхом разносились по просторному залу, создавая привычный звуковой фон – своего рода защитный кокон, которым она обзавелась за тридцать лет ночных дежурств в Нью-Йоркском музее естественной истории.

Войдя в пристройку, Мэри и здесь включила свет, пересекла гулкое пустое пространство и приложила магнитную карточку к двери, ведущей в гробницу Сенефа. Замок, последнее слово электронных охранных технологий, щелкнул, и дверь с тихим жужжанием открылась, явив взгляду просторную усыпальницу. Мэри нахмурилась: в это время гробница должна быть еще погружена в темноту, однако сейчас, несмотря на ранний час, она оказалась ярко освещенной.

«Чертовы электрики не выключили свет!» – подумала Мэри. Еще немного постояв в дверях, она тряхнула головой и поморщилась, недовольная собственной нерешительностью. В последнее время некоторые охранники, особенно те, у кого имелись родственники, работавшие в музее в тридцатые годы, начали шушукаться, что гробница якобы проклята и ее открытие – большая ошибка. «Не зря же в свое время ее замуровали», – говорили они. Но разве есть хоть одна египетская гробница, над которой не тяготело бы проклятие? Мэри Джонсон всегда гордилась собственной практичностью и умением быстро принимать решения. «Скажите, что нужно делать, и я сделаю это без нытья и отговорок» – таков был ее девиз.

Проклята! Черт, и придет же такое в голову! Тяжело дыша, Мэри стала спускаться по широким каменным лестницам. «Надо жить, надо жить», – напевала она себе под нос, и ее голос гулко отдавался в замкнутом пространстве.

Подойдя к колодцу, она ступила на мостик, и тот задрожал под ее огромным весом. Преодолев хлипкий настил, Мэри вошла в следующий зал. Идиоты компьютерщики везде понаставили столы с оборудованием, и ей приходилось проявлять чрезвычайную осторожность, чтобы не наступить на змеившиеся по полу кабели. Джонсон неодобрительно

посмотрела на промасленные коробки из-под пиццы, небрежно брошенные на один из столов, на пустые банки из-под кока-колы и валявшиеся повсюду обертки от шоколадных батончиков. Уборщики появятся только в семь, но это не ее проблема.

За три десятка лет, проработанных в музее, Мэри Джонсон повидала всякое. Она помнила не только как приходили и уходили сотрудники. На ее памяти произошли так называемые музейные убийства и убийства в подземных помещениях. Можно упомянуть еще исчезновение доктора Фрока и убийство мистера Пака, а также покушение на убийство Марго Грин. Музей естественной истории был крупнейшим в мире, и работать в нем по ряду причин оказалось нелегко. Однако платили здесь хорошо, да и отпуск был вполне приличный. Опять же престиж…

Войдя в Зал колесниц, Мэри бегло осмотрела его, потом пошла дальше и заглянула в погребальную камеру. Все здесь, как ей показалось, было в порядке. Она уже собиралась уходить, как вдруг почувствовала слабый запах сырости. Инстинктивно сморщив нос, огляделась в поисках источника запаха и заметила, что одна из ближайших к ней колонн забрызгана чем-то густым и темным.

Поднеся к губам рацию, Мэри произнесла:

– Мэри Джонсон вызывает диспетчерскую. Вы слышите меня?

– Диспетчерская слушает. Мэри, это десять-четыре.

– Необходимо прислать уборочную команду в гробницу Сенефа. В погребальную камеру.

– Что случилось?

– Рвотные массы.

– Господи! Неужели опять ночная охрана?

– Кто знает? Может, электрики решили повеселиться.

– Сейчас пришлем.

Джонсон выключила рацию и решила обойти всю погребальную камеру. По собственному опыту она знала, что блевотина редко встречается в одном-единственном месте, и лучше уж сразу все проверить, чтобы избежать неприятных сюрпризов в дальнейшем. Несмотря на внушительные формы, ходила Мэри быстро. Пройдя больше половины пути, она вдруг поскользнулась, потеряла равновесие и упала, больно ударившись о гладкую каменную плиту. «Черт!»

Мэри сидела на полу – испуганная, но, похоже, целая. Она поскользнулась, наступив левой ногой в лужу какой-то темной,

пахнущей медью жидкости, и, падая, выставила вперед обе руки. Теперь же, подняв ладони, сразу поняла, что этой жидкостью была кровь.

– Боже всемогущий! – воскликнула Мэри. Она осторожно поднялась, машинально оглянулась, отыскивая, обо что бы вытереть руки, и, ничего не найдя, решила обтереть их о штаны, поскольку они и так уже были испорчены. Потом достала рацию.

– Джонсон вызывает диспетчерскую. Слышите меня?

– Слышу вас хорошо.

– Здесь еще лужа крови.

– Что вы сказали – кровь? И много ее?

– Достаточно.

Последовала тишина. От того места, где поскользнулась Мэри, кровавые следы вели к огромному открытому гранитному саркофагу в центре комнаты. Один его край был испачкан запекшейся кровью, словно через него что-то перетаскивали. Меньше всего на свете Джонсон хотелось туда заглядывать, но что-то – вероятно, присущее ей чувство долга – заставило ее подойти поближе.

Рация, о которой она совсем забыла, вдруг запищала.

– Достаточно? – раздался в ней голос диспетчера. – Что вы хотите этим сказать?

Мэри подошла к саркофагу, заглянула внутрь и увидела тело, лежащее на спине. Она поняла лишь, что тело принадлежит человеку – сказать больше не представлялось возможным, поскольку кто-то изуродовал лицо несчастного до неузнаваемости. Грудина его была раздроблена, и ребра торчали наружу, словно створки открытой двери. На месте легких и других органов зияла кровавая пустота. Но что поразило Мэри больше всего и что преследовало ее в кошмарных снах в течение всех последующих лет, так это ярко-голубые бермуды, в которые была одета жертва.

– Мэри! – затрещала рация.

Джонсон шумно сглотнула, не в силах произнести ни звука. Вдруг она заметила полосу запекшейся крови, тянущуюся в одну из маленьких комнат, примыкающих к погребальной камере. В темной комнате, оттуда, где она стояла, ей ничего не было видно.

– Мэри! Вы слышите меня?

Джонсон медленно поднесла рацию к губам и хрипло произнесла:

– Слушаю.

– Что случилось?

Но Мэри Джонсон уже медленно пятилась от саркофага, не спуская глаз с черного дверного проема в дальней стене. Она ни за что туда не пойдет. Она и так увидела более чем достаточно. Мэри продолжала двигаться вперед спиной, потом осторожно повернулась. И как раз когда она достигла выхода из погребальной камеры, ноги отказались ей служить.

– Мэри! Мы немедленно высылаем к вам охрану! Мэри!

Джонсон сделала еще один шаг, пошатнулась и осела на пол, увлекаемая вниз непреодолимой силой. Сначала она приняла сидячее положение, потом опрокинулась на спину и неподвижно замерла у самой двери.

Именно здесь ее и нашли прибывшие через восемь минут охранники: в полном сознании, с широко открытыми глазами, из которых неудержимо катились слезы.

Глава 22

Капитан отдела по расследованию убийств Лаура Хейворд прибыла на место преступления только после того, как оно было тщательно осмотрено. Она предпочитала поступать именно таким образом. Пройдя все ступени работы в отделе, Лаура прекрасно знала, что самое последнее, в чем нуждаются детективы, осматривающие место преступления, – это в понуканиях капитана, дышащего им в затылок.

У входа в Египетскую галерею, где было установлено заграждение, она прошла через скопление полицейских и сотрудников службы безопасности музея, разговаривающих тихо, как на похоронах. В толпе Лаура заметила начальника службы безопасности Джека Манетти и кивком предложила ему следовать за ней. Подойдя к двери, ведущей в гробницу, она остановилась и, вдохнув спертый пыльный воздух, постаралась сосредоточиться.

– Кто находился здесь прошлой ночью, мистер Манетти? – спросила она.

– У меня есть список всех сотрудников музея и временно нанятых специалистов, которые могли здесь находиться. Их не так уж много, и все они, похоже, уходя, прошли через пост охраны, за исключением двух человек – жертвы и до сих пор не найденного Джея Липпера.

Хейворд кивнула и продолжила путь, стараясь запомнить расположение камер, лестниц и переходов и мысленно создавая их трехмерное изображение. Через несколько минут она вошла в большую комнату с

колоннами и быстро окинула взглядом столы с громоздившимся на них компьютерным оборудованием, коробки из-под пиццы, тянущиеся во все стороны кабели и провода. Все предметы теперь являлись вещественными доказательствами и были снабжены специальными ярлыками.

Поздоровавшийся с Лаурой сержант был старше ее лет на десять. Его звали Эдди Висконти, и он считался вполне компетентным. У него был открытый взгляд, одевался он довольно аккуратно и казался предупредительным – но до определенного предела. Лаура знала, что кое-кто из офицеров неохотно подчинялся женщине, особенно если та была моложе и в два раза образованнее. Висконти, похоже, не относился к их числу.

– Вы прибыли сюда первым, сержант?

– Да, мадам. Я и мой напарник.

– Хорошо. Доложите обстановку.

– Допоздна здесь вчера работали двое – Джей Липпер и Теодор де Мео. Они задерживались на работе всю неделю, поскольку выставку необходимо была открыть в намеченный срок.

Лаура повернулась к Манетти.

– Когда должна открыться выставка?

– Через восемь дней.

– Продолжайте.

– Де Мео вышел, чтобы купить пиццу, оставив Липпера одного. Мы навели справки в пиццерии…

– Не стоит сообщать, как вы узнали то, что узнали, сержант. Просто излагайте факты.

– Хорошо, капитан. Де Мео вернулся с пиццей и напитками. Нам неизвестно, ушел ли Липпер до прихода де Мео или подвергся нападению в его отсутствие, но мы знаем, что эти двое не успели съесть пиццу.

Хейворд кивнула.

– Де Мео поставил пиццу и напитки на стол и пошел в погребальную камеру, – продолжал Манетти. – Похоже, убийца был уже там и застиг его врасплох. – Сказав это, офицер направился в сторону погребальной камеры. Хейворд последовала за ним.

– Есть какие-нибудь соображения относительно орудия убийства? – спросила она.

– На данный момент ничего не известно. Во всяком случае, этот предмет не отличался остротой. Края у ран и мест разрыва тканей очень неровные.

Они вошли в погребальную камеру. Хейворд увидела огромную лужу крови, испачканный бурыми пятнами саркофаг, след запекшейся крови, ведущий в боковую комнату, и повсюду – желтые бирки, напоминающие опавшие осенние листья. Она внимательно осмотрела помещения, стараясь запомнить местоположение, форму и размер каждого кровавого пятна.

– Анализ расположения брызг крови показал, что убийца напал на жертву слева. Удар, который он нанес сверху, пришелся на шею и перерезал яремную вену. Жертва упала, но преступник продолжал наносить удары, хотя в этом уже не было необходимости. Мы насчитали более сотни ран на шее, голове, плечах, животе, ногах и ягодицах несчастного.

– Имеются какие-то указания на сексуальные мотивы?

– Мы не обнаружили следов спермы или каких-то других выделений. Половые органы не тронуты, мазок из анального отверстия чистый.

– Продолжайте.

– Похоже, злоумышленник разрубил жертве грудину, после чего вырвал часть внутренних органов, отнес их в Комнату каноп и опустил в два самых больших сосуда.

– Вы сказали – вырвал?

– Внутренности были именно вырваны, а не вырезаны.

Хейворд подошла к маленькой боковой комнате и заглянула внутрь. Полицейский эксперт, присев на корточки, фотографировал пятна на полу. У стены стояли коробки с вещественными доказательствами, которые еще не успели унести.

Лаура огляделась, пытаясь представить себе момент нападения. У нее уже сложилось мнение об убийце: непредсказуемый, вероятно эмоционально неустойчивый, скорее всего психопат.

– Покончив с органами, – продолжал сержант Висконти, – преступник вернулся к телу, дотащил его до саркофага и затолкал внутрь, после чего покинул гробницу через главный вход.

– Наверняка он был весь перепачкан кровью.

– Да. И с помощью разыскных собак мы проследили его до пятого этажа музея.

Хейворд посмотрела на него с удивлением: эту подробность она слышала впервые.

– Вы хотите сказать, что он не покидал музей?

– Да.

– Вы уверены?

– Мы ни в чем не можем быть уверены. Но на пятом этаже мы нашли еще кое-что – ботинок, принадлежавший пропавшему Липперу.

– В самом деле? Вы считаете, убийца взял его в заложники?

Висконти скривился.

– Возможно.

– Или унес туда его труп?

– Липпер невысокого роста – пять футов пять дюймов, весит сто тридцать пять фунтов. Поэтому такая возможность не исключается.

Хейворд замолчала, думая о том, каково сейчас приходится – или уже пришлось – Липперу. Затем она повернулась к Манетти:

– Музей нужно опечатать.

Лицо начальника службы безопасности покрылось испариной.

– До открытия осталось всего десять дней. Речь идет о двух миллионах квадратных футов выставочной площади и двух тысячах сотрудников. Надеюсь, вы шутите.

– Если проблема только в этом, – мягко произнесла Хейворд, – я сейчас же позвоню комиссару Рокеру. Он, в свою очередь, позвонит мэру, и решение будет передано по официальным каналам – вместе с обычной выволочкой.

– В этом нет необходимости, капитан. Я прикажу, чтобы музей опечатали. Временно.

Нора обернулась.

– Попросите составить психологический портрет преступника.

– Он уже готов, – ответил сержант.

Хейворд окинула его оценивающим взглядом.

– Мы ведь, кажется, никогда раньше не работали вместе?

– Нет, мадам.

– Тогда мне вдвойне приятно, что вы проявили такую расторопность.

– Благодарю вас.

Капитан Хейворд повернулась и быстро направилась к выходу, остальные последовали за ней. Пройдя Египетскую галерею, она подошла к группе людей, собравшихся на противоположной стороне полицейского ограждения, и махнула рукой сержанту Висконти.

– Собаки все еще здесь? Я хочу чтобы все, кто есть в наличии – и полицейские, и охранники, – прочесали все здание музея от подвала до чердака. Задача номер один – найти Липпера. Будем надеяться, что он жив и удерживается преступником. Задача номер два – отыскать убийцу. Обе задачи должны быть выполнены до конца дня. Все понятно?

– Да, капитан.

Лаура помолчала, словно стараясь что-то вспомнить.

– Кто руководит работами в гробнице? – наконец спросила она.

– Куратор Нора Келли, – ответил Манетти.

– Пожалуйста, свяжитесь с ней как можно скорее.

Внезапно внимание Хейворд привлек жалобный вопль, раздавшийся из гущи собравшихся людей. Худой мужчина с узкими плечами, одетый в униформу водителя автобуса, вырвался из рук полицейских и бросился к Лауре. Лицо его было искажено отчаянием.

– Пожалуйста! – кричал он. – Помогите мне! Найдите моего сына!

– Кто вы?

– Ларри Липпер. Меня зовут Ларри Липпер. Джей Липпер – мой сын. Он пропал, а по музею разгуливает убийца. Вы должны его найти! – Он разрыдался. – Найдите его!

Двое полицейских, направившихся было в его сторону, остановились при виде столь безутешного горя. Хейворд взяла несчастного за руку.

– Именно этим мы и собираемся заняться, – сказала она.

– Найдите его! Найдите его!

Хейворд оглянулась и увидела знакомое лицо.

– Сержант Казимирович!

Женщина, к которой она обратилась, сделала шаг вперед. Капитан указала ей подбородком на Липпера-старшего и негромко попросила:

– Помогите мне, пожалуйста.

Сержант подошла к убитому горем отцу и обняла его за плечи.

– Идемте со мной, сэр, – ласково произнесла она. – Сейчас мы найдем какое-нибудь тихое место, где дождемся результатов поисков. – С этими словами она увела громко рыдавшего, но не оказывавшего никакого сопротивления мужчину от Хейворд.

Подошел Манетти с рацией в руке:

– Келли на связи.

Лаура взяла рацию, кивнув в знак благодарности.

– Доктор Келли? Говорит капитан Хейворд из полицейского управления Нью-Йорка.

– Чем могу помочь? – послышался ответ.

– Вам известно, каково назначение Комнаты каноп в гробнице Сенефа?

– В ней хранились мумифицированные внутренности усопшего.

– Пожалуйста, поподробнее.

– Процесс мумификации включает удаление и отдельную консервацию внутренних органов, после чего они хранятся в керамических сосудах, называемых канопами.

– Вы сказали, удаление внутренних органов?

– Совершенно верно.

– Благодарю вас. – Хейворд медленно протянула рацию Манетти. Лицо ее приняло задумчивое выражение.

Глава 23

Уилсон Балк пристально всматривался в коридор, проходивший под самой крышей двенадцатого корпуса. Тусклый свет с трудом проникал сквозь забранные решеткой световые люки, покрытые по меньшей мере столетним слоем нью-йоркской копоти. С обеих сторон, там, где кровля почти касалась пола, шли многочисленные трубы и воздуховоды. Длинное узкое пространство целиком заполняли старые коллекции – стеклянные сосуды с плавающими в консерванте трупами животных, растрепанные пачки пожелтевших от времени журналов, гипсовые фигурки, так что в середине оставался лишь узкий проход. Это было странное, нелепое помещение, в котором высота и угол наклона крыши

и пола менялись добрый десяток раз только в пределах видимости. Оно чем-то напоминало комнату смеха на ярмарке, вот только ничего смешного здесь не было.

– У меня ноги отваливаются, – пожаловался Балк. – Давай немного посидим. – И с этими словами он уселся на старый деревянный ящик, который жалобно заскрипел под его жирными ляжками.

Его напарник Моррис тихонько опустился рядом.

– Вот дерьмо! – сказал Балк. – Уже почти вечер, а мы все еще здесь. Уверен, наверху никого нет.

Моррис, никогда не считавший разумным спорить, кивнул.

– Дай-ка мне еще глоток того «Джима Бима».

Моррис достал из кармана плоскую фляжку и передал ее напарнику. Балк сделал большой глоток, вытер рот тыльной стороной ладони и вернул сосуд. Моррис тоже отхлебнул немножко и спрятал флягу в карман.

– Мы сегодня вообще не должны работать, – произнес Балк. – У нас выходной. Положен же нам хоть небольшой отдых.

– Совершенно с тобою согласен, – отозвался Моррис.

– Молодец, что захватил с собой эту штуку.

– Никуда без нее не хожу.

Балк взглянул на часы: четыре сорок. Свет, просачивающийся сквозь световые люки, становился все более тусклым, в углах сгущались тени. Скоро наступит ночь. А поскольку в этой части чердака шел ремонт и не было электричества, осмотр предстояло продолжить с помощью электрических фонариков, и это делало перспективу проторчать здесь несколько следующих часов еще более угнетающей.

Балк почувствовал, как в животе разлилось тепло. Тяжело вздохнув, он поставил локти на колени и осмотрелся.

– Глянь-ка туда. – Он показал пальцем на металлические полки под самой крышей, уставленные сосудами с заспиртованными медузами. – Думаешь, они и вправду изучают это дерьмо?

Моррис пожал плечами. Балк протянул руку, взял с полки одну из банок и поднес к глазам. В янтарной жидкости колыхался белый пузырь, окруженный щупальцами. Балк встряхнул сосуд, и когда возмущение успокоилось, оказалось, что медуза распалась на множество мелких фрагментов.

– Развалилась на части! – удивленно воскликнул Балк и показал банку Моррису. – Надеюсь, она не представляла собой большой ценности. – Хохотнув, он поставил медузу на место.

– В Китае их едят, – сказал Моррис. Он был охранником музея уже в третьем поколении и не сомневался, что знает намного больше своих коллег.

– Что едят? Медуз?

Моррис глубокомысленно кивнул.

– Проклятые китайцы сожрут что угодно, – не удивился Балк.

– Мне говорили, они хрустят. – Моррис фыркнул и вытер нос.

– Во дают! – Балк огляделся по сторонам. – Дерьмо! – повторил он. – Ничего здесь нет.

– Одного не могу понять, – произнес Моррис, – зачем они вообще открыли эту гробницу? Ты знаешь, что случилось здесь в тридцатые годы? Мой дед рассказал мне кое-что.

– Да ты уже всем об этом разболтал!

– Тогда случилось что-то страшное.

– Послушаю в другой раз. – Балк вновь взглянул на часы. – Если бы они действительно думали, что здесь что-то есть, то послали бы сюда полицейских, а не двух безоружных охранников.

– Ты не думаешь, что убийца мог затащить труп сюда? – спросил Моррис.

– Нет. С какой стати ему это делать?

– Но ведь собаки…

– Как могли эти ищейки что-нибудь унюхать? Здесь и без того смердит. Как бы то ни было, они потеряли след на пятом этаже, а не здесь.

– Думаю, ты прав.

– Уверен, что прав. Вот что я тебе скажу: нечего нам здесь делать. – Балк поднялся и отряхнул штаны.

– Но мы же еще не осмотрели весь чердак.

– Осмотрели. Ты что, забыл? – Балк подмигнул напарнику.

– Правда. Да, конечно же.

– Впереди нет выхода, а сзади есть лестница, так что пойдем туда. – Балк повернулся и направился в ту сторону, откуда они пришли. Коридор то поднимался, то опускался, кое-где сужаясь настолько, что пройти по нему можно было только боком. Музей располагался в двенадцати отдельно стоящих зданиях, соединенных между собой переходами. В отдельных местах высота этажей различалась настолько, что пришлось устанавливать металлические лестницы. Балк и Моррис прошли мимо ухмыляющихся деревянных идолов – судя по табличке на стене, это были «погребальные столбы Нутка». Затем им встретились гипсовые слепки человеческих рук и ног, а еще дальше – гипсовые маски.

Балк остановился перевести дыхание. Стало уже довольно темно. Всюду по стенам были развешаны маски с закрытыми глазами, и у каждой из них – табличка с именем. Все они, казалось, принадлежали индейцам: Убивающий Антилоп, Ноготь Мизинца, Два Облака, Утренняя Роса.

– Думаешь, это погребальные маски? – спросил Моррис.

– Погребальные? Что ты имеешь в виду?

– А то ты не знаешь. Когда человек умирает, с его лица делают слепок.

– Ничего я не знаю. Послушай, а может, еще по глотку «мистера Бима»?

Моррис с готовностью достал из кармана флягу. Балк жадно отхлебнул виски и вернул ее хозяину.

– Что это? – вдруг спросил Моррис, вытянув вперед руку с флягой.

Балк посмотрел в указанном направлении: на полу в углу валялся раскрытый бумажник с выпавшими из него кредитными картами. Подойдя, охранник наклонился и поднял его.

– Черт! Здесь не меньше двухсот долларов. Что будем делать?

– Нужно проверить, кому он принадлежит.

– Какая разница? Небось кому-нибудь из смотрителей. – Порывшись в бумажнике, Балк вытащил из него водительские права. – Джей Марк Липпер, – прочитал он и посмотрел на Морриса. – Вот черт! Это же тот парень, который пропал. – Почувствовав на пальцах что-то липкое, он посмотрел на руку – она была испачкана кровью.

Вздрогнув, Балк выронил бумажник и зашвырнул его ногой назад в угол. Внезапно его затошнило.

– Господи… – простонал он. – О Господи!..

– Думаешь, его уронил убийца? – спросил Моррис.

Балк слышал, как колотится его сердце. Он молча обвел взглядом погруженный во мрак коридор и ухмыляющиеся со стен мертвые лица.

– Нужно позвонить Манетти, – сказал Моррис.

– Постой… Подожди минутку… – остановил его Балк, плохо соображающий от изумления и страха. – А почему мы не видели это, когда шли сюда?

– Может, тогда его еще здесь не было?

– Значит, убийца где-то впереди?

На лице Морриса выразилось замешательство.

– Об этом я не подумал.

Балк чувствовал, как кровь стучит у него в висках.

– Если он впереди, мы в ловушке. Отсюда нет другого выхода.

Моррис ничего не ответил; в тусклом свете его лицо казалось желтым. Достав рацию, он поднес ее к губам:

– Моррис вызывает диспетчерскую, Моррис вызывает диспетчерскую. Вы слышите меня?

В ответ раздалось лишь шипение.

Балк попробовал связаться с диспетчером по своей рации, но также потерпел неудачу.

– Господи, в этом долбаном музее полно мертвых зон. Уж на те деньги, что они потратили на систему безопасности, можно было бы установить еще несколько ретрансляторов.

– Пошли. Может, в другом месте связь появится. – И Моррис двинулся вперед.

– Только не туда. Он же впереди, забыл?

– Это неизвестно. Может, мы просто не заметили бумажник, когда проходили здесь в первый раз.

Балк посмотрел на свою испачканную кровью руку и вновь ощутил тошноту.

– Мы не можем здесь оставаться! – продолжал настаивать Моррис.

Балк кивнул:

– Хорошо, пойдем, но только медленно. – На чердаке стало уже почти совсем темно, и Балк достал электрический фонарь.

Миновав дверной проем, они вошли в следующее помещение, и Балк осветил его фонариком. Здесь все пространство было заставлено продолговатыми головами, вытесанными из черного вулканического камня, так что они едва смогли протиснуться между ними.

– Попробуй свою рацию, – тихо сказал Балк.

Эта попытка также не дала результата. Немного дальше коридор делал поворот, за которым открывались крохотные комнатки, по размеру не больше душевых кабин. Покрытые ржавчиной металлические полки были уставлены картонными ящиками, битком набитыми маленькими стеклянными коробочками. Балк посветил на них фонариком – в каждой был огромный черный жук.

Когда они уже собирались выйти из третьей кабинки, впереди раздался грохот, а следом за ним звон разбитого стекла.

Балк подпрыгнул:

– Черт! Что это было?

– Не знаю, – дрожащим голосом ответил Моррис.

– Он где-то перед нами.

Они стояли молча, прислушиваясь, и тут опять раздался грохот.

– Господи Иисусе! Похоже, кто-то решил устроить здесь погром.

Снова звон разбитого стекла, а за ним – дикий, звериный крик. Балк отшатнулся и схватил рацию:

– Балк вызывает диспетчерскую! Слышите меня?

– Центральная диспетчерская, десять-четыре.

Бах! – послышалось впереди, и кто-то издал громкий булькающий звук.

– Господи! Здесь маньяк! Мы в ловушке!

– Балк, где вы находитесь? – послышался спокойный голос.

– Чердачные помещения, двенадцатый корпус! Пятая или шестая секция! Здесь кто-то есть, и он собирается разнести все на куски! Мы также нашли бумажник пропавшей жертвы, Липпера! Что нам делать? – В трубке раздался треск, и Балк не смог разобрать ответ диспетчера. – Я вас не слышу!

– …отходите… не приближайтесь… назад…

– Куда отходить? Мы в ловушке. Вы что, не слышали?

– …не приближайтесь…

Вновь оглушительный грохот, на этот раз гораздо ближе. Из темноты потянуло запахом спирта и разложения. Балк отступил еще на несколько шагов и изо всех сил закричал в рацию:

– Пришлите сюда копов! Пришлите команду быстрого реагирования! Мы в ловушке!!! – Вновь помехи. – Моррис, попробуй ты! – Не услышав ответа, Балк обернулся и увидел валяющуюся на полу рацию и напарника, со всех ног бегущего по извилистому коридору прочь, подальше от странных звуков. – Моррис! Подожди!

Но тот уже скрылся в темноте. Балк хотел было поднести рацию к губам, но уронил ее и бросился вслед за Моррисом, с трудом переставляя толстые ноги и отчаянно пытаясь преодолеть инерцию собственного огромного тела. Он чувствовал, как ревущее и крушащее все на своем пути существо быстро приближается.

– Подожди! Моррис!!!

Полка со стеклянными сосудами у него за спиной с оглушительным треском рухнула на пол, и воздух наполнился запахом спирта и гниющей рыбы.

– Нет! – Балк неуклюже бросился вперед, размахивая толстыми руками.

Он стонал от страха и непривычных усилий, и его грудная клетка тяжело вздымалась с каждым шагом. Нечеловеческий, леденящий душу крик разорвал черноту прямо за ним. Балк обернулся, но не увидел ничего, кроме сверкнувшего у самого лица металла.

– Не-е-е-е-е-е-т!

Он споткнулся и упал, фонарик, ударившись о землю, откатился в сторону. Пляшущий луч света выхватывал из темноты ряды стеклянных сосудов, пока наконец не остановился на одном из них, где вверх брюхом плавала рыба с широко открытым ртом. Балк барахтался, стараясь подняться и царапая пол ногтями, но жуткое существо набросилось на него с проворством летучей мыши. Охранник покатился по полу, слабо отбиваясь, и сначала услышал треск разрываемой ткани, а потом почувствовал обжигающую боль, когда что-то вонзилось в его тело.

– Не-е-е-е-е-е-е-е-т!!!

Глава 24

Нора сидела за накрытым сукном столом в одном из помещений охранной зоны, ожидая прихода Уичерли. Ее поразило, с какой легкостью ей удалось получить доступ в эту святая святых, – спасибо Мензису, он очень помог с документами. На самом деле мало кому из

хранителей, даже высокопоставленных, удавалось попасть сюда, минуя многочисленные бюрократические барьеры. В охранной зоне содержались не только самые ценные коллекции, здесь находились еще и самые секретные документы. И то, что Нора так легко получила разрешение на посещение архива, свидетельствовало об исключительном значении, которое руководство музея придавало предстоящему открытию гробницы Сенефа. К тому же ей разрешили прийти сюда после пяти вечера, несмотря на то что в музее было введено чрезвычайное положение.

Хранитель архива, выйдя из полутемного помещения, где хранились документы, подошла к Норе с пожелтевшей папкой в руке и положила свою ношу перед ней на стол:

– Вот, нашла.

– Замечательно!

– Распишитесь вот здесь.

– Я жду моего коллегу доктора Уичерли, – сказала Нора, расписавшись в формуляре и возвращая его архивариусу.

– Я уже приготовила для него документы.

– Благодарю вас.

Женщина кивнула.

– А теперь я закрою вас на замок. – Хранитель архива заперла дверь комнаты и ушла.

Нора с любопытством посмотрела на тонкую папку. Надпись на ней было вполне лаконична: «Гробница Сенефа: переписка, документы, 1933–1935». Она открыла папку. В самом верху лежало письмо, напечатанное на дорогой бумаге с тиснением красной и золотой фольгой, подписанное беем Болбоссы. Должно быть, то самое, о котором Нора прочитала в газете, с заявлением о тяготеющем над гробницей проклятии, – последнее явно было лишь предлогом, чтобы вернуть древний памятник в Египет.

Она стала читать другие документы – пространные полицейские отчеты, подписанные сержантом Джералдом О'Бэннионом. У сержанта был каллиграфический почерк – совсем не редкость в Америке того времени. Нора с интересом просмотрела отчеты, потом пробежала остальные бумаги – доклады и письма к городским чиновникам и в полицию, в которых предписывалось не допустить утечки информации о событиях, описанных в полицейских отчетах, и не подпускать к ним журналистов. Судя по всему, принятые меры оказались вполне успешными. Нора

листала документы, потрясенная изложенной в них историей: наконец она поняла, почему музейное начальство так настаивало на закрытии гробницы.

Услыхав тихий звук открывающейся двери, Нора вздрогнула от неожиданности и, обернувшись, увидела стройную элегантную фигуру Эдриана Уичерли, с улыбкой прислонившегося к металлическому косяку.

– Приветствую вас, Нора!

– Привет!

Он выпрямился, одернул пиджак и поправил безупречно повязанный галстук.

– Что такая красивая девушка, как вы, делает в этом пыльном подземелье?

– Вы расписались, прежде чем войти сюда?

– Je suis en rugle, – ответил он посмеиваясь, подошел к Норе и склонился над ее плечом так, что она почувствовала запах дорогого лосьона после бритья и зубного эликсира. – Ну и что мы имеем?

В комнату заглянула архивариус:

– Вам ничего больше не надо? А то я сейчас вас запру.

– Да, пожалуйста, заприте нас. – И Уичерли подмигнул Норе.

– Думаю, вам лучше присесть, Эдриан, – холодно заметила она.

– Не возражаю. – Он подвинул к столу старый деревянный стул, обмахнул сиденье шелковым носовым платком и с удобством расположился на нем.

– Ну и как, есть какие-нибудь скелеты в шкафу? – спросил он, заглядывая в папку.

– Разумеется.

Уичерли уселся слишком близко, и Нора слегка отодвинулась, постаравшись сделать это как можно незаметнее. Вначале молодой человек показался ей верхом воспитанности, однако вскоре его многозначительные подмигивания и якобы случайные прикосновения заставили ее в этом усомниться, и Нора сделала вывод, что его поведение в большей степени, чем она считала, диктуется инстинктами. Тем не менее отношения между ними не вышли за профессиональные рамки, и она надеялась, что таковыми они и останутся.

– Рассказывайте! – предложил Уичерли.

– Я лишь бегло просмотрела документы и не знаю всех подробностей, но вот вкратце что мне удалось выяснить. Утром третьего марта 1933 года охранники, пришедшие открыть дверь гробницы, увидели, что она взломана. Многие артефакты были варварски разрушены. Мумия исчезла, но позже была найдена изуродованной в соседнем помещении. Заглянув в саркофаг, охранники обнаружили там другое тело. Как оказалось, это был труп недавно убитого человека.

– Потрясающе! Похоже на убийство того парня – как его? Де Мео!

– Пожалуй. Но на этом сходство заканчивается. Убитая оказалась Джулией Кэвендиш, богатой светской дамой, жительницей Нью-Йорка. По странному совпадению она приходилась внучкой Уильяму Спрэггу.

– Спрэггу?

– Это человек, купивший гробницу у последнего барона Рэттрея и переправивший ее через океан.

– Ясно.

– Кэвендиш являлась попечительницей музея. Похоже, у нее была дурная репутация – она считалась настоящей распутницей.

– Почему же?

– Она ходила по питейным заведениям и знакомилась там с молодыми рабочими – портовыми грузчиками, стивидорами и тому подобными личностями.

– И что она с ними делала? – с ухмылкой спросил Уичерли.

– Думаю, это несложно представить, Эдриан, – сухо ответила Нора. – Во всяком случае, ее тело было изуродовано, хотя полиция и не сообщает подробностей.

– Да, должен сказать, для тридцатых годов это довольно круто.

– Вот именно. Родственники погибшей и полиция изо всех сил старались замять дело – естественно, по различным причинам, – и, похоже, это им вполне удалось.

– Сдается мне, в те годы пресса охотнее шла на сотрудничество. Не то что толпа крикливых отморозков, с которыми приходится иметь дело сегодня.

Нора подумала, известно ли Уичерли, что ее муж журналист.

– Как бы то ни было, когда расследование убийства Кэвендиш еще не закончилось, все повторилось. На этот раз изуродованное тело принадлежало Монтгомери Болту, предположительно потомку Джона Джейкоба Астора по боковой линии, который считался в семье кем-то вроде паршивой овцы. После первого убийства в гробнице ввели ночную охрану, но убийца оглушил сотрудника службы безопасности, а потом затащил тело Болта в саркофаг. Рядом с трупом была найдена записка – ее копия находится в этой папке. – Нора протянула Уичерли пожелтевший листок бумаги, на котором были изображены глаз Гора и несколько иероглифов.

Уичерли казался озадаченным.

– «Да поразит Аммут всякого, кто войдет сюда», – медленно прочел он. – Человек, написавший это, не очень хорошо знаком с древнеегипетской письменностью, едва знает иероглифы. Даже не сумел их как следует воспроизвести. Это грубая подделка.

– Да, в то время к ней отнеслись так же. – Нора подала Уичерли еще несколько документов. – Вот полицейский отчет об этом преступлении.

– Дело становится все интереснее. – Уичерли подмигнул и придвинул свой стул поближе к Нориному.

– Полиция обратила внимание на связь погибшего с Джоном Джейкобом Астором – последний принимал участие в финансировании установки гробницы Сенефа. И у нее возникло предположение, что кто-то решил отомстить всем, кто имел отношение к доставке гробницы в музей. Естественно, подозрение сразу же пало на бея Болбоссы.

– Того человека, который заявил, что гробница проклята?

– Совершенно верно. Он натравил на музей все газеты. Как выяснилось, он даже не был настоящим беем – правда, я не знаю, что это такое. Вот сведения о его происхождении.

Уичерли посмотрел в документ и фыркнул:

– Бывший торговец коврами, сколотивший огромное состояние.

– И опять музей вместе с семьей Астор сумел избежать какой-либо огласки. Хотя слухи, циркулировавшие в самом музее, остановить было, конечно, невозможно. В конце концов полиция выяснила, что бей Болбоссы вернулся в Египет накануне убийств, но подозревали, что он нанял исполнителей в Нью-Йорке. Если все так и было, эти люди оказались достаточно умны, чтобы не попасться. И когда произошло третье убийство…

– Как? Еще одно?

– На этот раз жертвой стала пожилая леди, жившая недалеко от музея. Потребовалось некоторое время, чтобы установить ее связь с гробницей. Оказалось, она была дальней родственницей де Кахорса – того самого человека, который обнаружил гробницу. Теперь уже все в музее судачили об этих убийствах, и слухи стали просачиваться за его стены. Все чокнутые экстрасенсы, медиумы и гадалки ополчились против музея, а жители Нью-Йорка тут же поверили, что гробница действительно была проклята.

– Легковерные идиоты!

– Возможно. Как бы то ни было, музей опустел. Полицейское расследование ни к чему ни привело, и руководство музея решилось на исключительные меры. Воспользовавшись строительством пешеходного перехода от станции метро «Восемьдесят первая улица», гробницу закрыли, а потом и замуровали. Убийства прекратились, слухи понемногу стихли, и о гробнице Сенефа практически забыли.

– А как же убийства?

– Они так и не были раскрыты. Хотя в полиции не сомневались, что за ними стоял бей, у них не было доказательств.

Уичерли встал со стула:

– Интересная история.

– Несомненно.

– Что же вы собираетесь с ней делать?

– С одной стороны, ее можно использовать, чтобы повысить интерес к истории гробницы. Но я подозреваю, что музейное начальство не захочет ее обнародовать. Да мне и самой бы этого не хотелось. Я бы предпочла сделать акцент на археологии, чтобы посетители выставки больше узнали о Древнем Египте.

– Совершенно с вами согласен.

– Есть и другая причина, возможно даже более важная. Это новое убийство в музее очень напоминает старые преступления. Люди начнут говорить, пойдут слухи.

– Слухи и так уже пошли.

– Да, я сама много чего слышала. Как бы то ни было, мы ведь не хотим, чтобы открытию выставки что-то помешало?

– Конечно, нет.

– Хорошо. Тогда я напишу Мензису отчет, в котором укажу, что эта информация несущественна и ее не следует обнародовать. – Нора закрыла папку. – Значит, договорились.

Наступило молчание. Уичерли стоял у Норы за спиной, глядя на разбросанные по столу документы. Потянувшись через ее плечо, он взял один из них, внимательно изучил и положил назад. Вдруг она почувствовала его руку у себя на плече и застыла, а через минуту он уже целовал ее шею, легонько касаясь кожи губами.

Нора резко встала и повернулась к нему. Он стоял совсем близко, его голубые глаза сияли.

– Простите, если я вас испугал. – Уичерли улыбнулся, показав белоснежные зубы. – Ничего не мог с собой поделать. Вы такая красивая, Нора. – Он продолжал улыбаться, излучая самоуверенность и обаяние, более красивый и элегантный, чем положено быть мужчине.

– Должна вам напомнить, на тот случай, если вы этого не заметили, что я замужем, – резко произнесла Нора.

– Мы прекрасно проведем время, и об этом никто не узнает.

– Достаточно того, что об этом буду знать я.

Уичерли улыбнулся и нежно положил руку ей на плечо:

– Нора, я хочу заняться с вами любовью.

Она глубоко вздохнула:

– Эдриан, вы умный и обаятельный мужчина. Уверена, многие женщины были бы счастливы заняться с вами любовью. – Она увидела, что его улыбка стала еще шире. – Но только не я.

– Но послушайте, прекрасная Нора…

– Я что, недостаточно ясно выразилась? Я не имею ни малейшего желания заняться с вами любовью, Эдриан, и не имела бы его, даже если бы не была замужем.

Уичерли стоял перед ней ошеломленный и растерянный, пытаясь понять, как же так вышло, что его надежды вдруг потерпели крах.

– Я не хотела вас обижать. Я лишь назвала вещи своими именами, поскольку мои предыдущие попытки дать вам понять, что вы мне совсем неинтересны, похоже, не достигли цели. Пожалуйста, не заставляйте меня говорить еще более оскорбительные вещи.

Нора увидела, как кровь отхлынула от его лица. На мгновение оно утратило самоуверенное выражение, подтвердив то, что Нора давно уже

подозревала: Эдриан был избалованным ребенком, которому повезло иметь привлекательную внешность, и он почему-то твердо уверился в том, что должен получать все, чего ни пожелает.

Уичерли пробормотал что-то, вероятно извинения, и голос Норы зазвучал немного мягче:

– Послушайте, Эдриан, давайте забудем все это. Сделаем вид, что ничего не произошло. Идет? И больше никогда не будем об этом говорить.

– Да-да. Это так благородно с вашей стороны. Спасибо, Нора. – Лицо Уичерли стало красным от смущения, он казался совершенно раздавленным.

Нора невольно почувствовала к нему жалость и подумала, что, вероятно, стала первой женщиной, которая ему отказала.

– Мне пора писать отчет Мензису, – сказала она мягко, словно ничего не случилось. – А вам, я думаю, нужно подышать свежим воздухом. Почему бы вам не пройтись по музею?

– Отличное предложение, благодарю вас.

– Увидимся позже.

– Да. – На негнущихся ногах Уичерли подошел к интеркому, нажал кнопку и попросил, чтобы его выпустили. А когда дверь открылась, исчез, не сказав больше ни слова. Нора же, оставшись одна, спокойно занялась отчетом.

Глава 25

Д'Агоста крутанул руль мясного фургона и притормозил, выезжая из леса. Херкмор виднелся прямо перед ним: яркая россыпь огней заливала нереальным желтым светом нагромождение стен, сторожевых вышек и тюремных блоков, где содержались заключенные. Приблизившись к первым воротам, лейтенант еще больше сбросил скорость, проехал мимо плакатов, где сообщалось о необходимости водителям иметь при себе все нужные документы и быть готовыми к обыску, а также перечислялись запрещенные к ввозу на территорию тюрьмы предметы. Последний список оказался таким длинным, что не уместился на одном плакате: в него включили все – от петард до героина.

Д'Агоста глубоко вздохнул, стараясь успокоиться: нервы у него в последнее время были на пределе. До этого он уже не раз бывал в тюрьме, но все его визиты были вызваны служебной необходимостью. Вторгаться же сюда, мягко говоря, неофициально означало нарываться на неприятности. Серьезные неприятности.

У первых металлических ворот он остановился. Из стеклянной будки вышел охранник и неторопливо приблизился к нему, держа в руке дощечку с зажимом.

– Вы сегодня рано, – лениво произнес он.

Д’Агоста пожал плечами:

– Я у вас впервые. Вот и выехал пораньше – на случай, если вдруг заблужусь.

Охранник что-то пробормотал и просунул дощечку в окно кабины. Д’Агоста прикрепил к ней документы и отдал их секьюрити. Тот, кивнув, постучал по дощечке карандашом:

– Правила знаешь?

– Не очень, – честно ответил д’Агоста.

– Заберешь документы на обратном пути. На следующем посту предъявишь удостоверение личности.

– Понял.

Металлические ворота с грохотом закрылись. Д’Агоста осторожно двинулся дальше, чувствуя, как бешено колотится сердце. Глинн уверял его, что предусмотрел все до мельчайших деталей. И правда, ему с удивительной легкостью удалось устроить д’Агосту на работу в компанию, поставляющую в тюрьму мясопродукты, – естественно, под чужим именем. Более того, он даже каким-то образом ухитрился сделать так, что лейтенанта поставили именно на этот маршрут. Однако факт остается фактом: предсказать, что сделает человек в следующую минуту, невозможно. Здесь мнения Глинна и д’Агосты полностью расходились. Потому Винни и боялся, что это маленькое приключение в любой момент примет для него такой оборот, что он до конца своих дней не вылезет из дерьма.

Д’Агоста подъехал к следующим дверям, и опять из будки вышел охранник.

– Ваше удостоверение!

Д’Агоста протянул ему фальшивые водительские права и разрешение на въезд. Тот внимательно их изучил.

– Новенький?

– Ага.

– Куда ехать, знаешь?

– Неплохо было бы услышать еще раз.

– Поезжай прямо, потом свернешь направо. Когда увидишь погрузочную платформу, подъезжай к первой секции.

– Понял.

– Можешь выйти из машины и проследить за разгрузкой, но дотрагиваться до продуктов или помогать тюремному персоналу нельзя. От машины не отходи. Как только разгрузка закончится, сразу же возвращайся. Понятно?

– Да.

Охранник быстро произнес что-то в рацию, и последние металлические ворота начали медленно отодвигаться.

Въехав на территорию тюрьмы и свернув направо, д’Агоста вынул из кармана пол-литровую бутылку бурбона «Ребел Йел». Открутив крышку, поднес емкость к губам, отпил глоток и, прежде чем проглотить огненно-крепкую жидкость, хорошенько прополоскал ею рот. Почувствовав, как бурбон, обжигая пищевод, опустился в желудок, лейтенант для пущего эффекта брызнул еще несколько капель себе на рубашку и сунул бутылку в карман.

Через минуту он сдавал задним ходом у погрузочной платформы. Двое заключенных в рабочих комбинезонах уже дожидались его там, и, как только он открыл задние дверцы, принялись вытаскивать из фургона коробки и полутуши мороженого мяса.

Д’Агоста наблюдал за ними, сунув руки в карманы и насвистывая. Потом незаметно посмотрел на часы и повернулся к одному из рабочих:

– Послушай, здесь есть туалет?

– Простите, это запрещено.

– Но мне нужно в туалет!

– Это нарушение инструкции. – Рабочий поднял на каждое плечо по коробке с мороженым мясом и ушел.

Д’Агоста поймал за рукав другого заключенного.

– Слушай, мне правда очень нужно.

– Вы же слышали, это запрещено.

– Друг, не говори со мной так!

Заключенный поставил коробку на землю и окинул д’Агосту долгим усталым взглядом:

– Когда выедешь отсюда, сможешь отлить в лесу, понял? – И он снова взял в руки коробку.

– Мне не нужно отлить.

– Это меня не касается. – Второй рабочий вскинул коробку на плечо и тоже ушел.

Когда первый рабочий вернулся, д’Агоста встал прямо перед ним, загораживая проход, и тяжело задышал ему в лицо:

– Я не шучу. Мне нужно по большой нужде, и немедленно!

Заключенный поморщился и, отступив немного назад, посмотрел на своего товарища:

– Да он выпивши!

– Что? – прорычал д’Агоста. – Что ты сказал?

Рабочий спокойно посмотрел ему в лицо:

– Я сказал, что ты пил.

– Чушь!

– Я чувствую запах. – Он повернулся к напарнику: – Позови старшего.

– Для чего это, черт возьми? Вы что же, хотите проверить меня на алкоголь?

Второй рабочий исчез и почти тут же вернулся с высоким хмурым человеком, одетым в слишком тесную черную рубашку и с нависшим над ремнем огромным животом.

– В чем дело? – спросил надзиратель.

– Похоже, он выпил, сэр, – доложил первый заключенный.

Надзиратель поддернул ремень и сделал шаг в сторону д’Агосты.

– Это правда?

– Нет, неправда, – ответил д’Агоста и, подойдя почти вплотную, возмущенно задышал ему в лицо.

Человек в черной рубашке отшатнулся и вытащил из кармана рацию.

– Ладно, я пошел, – вдруг примирительно сказал д’Агоста. – Мне еще до склада добираться. Черт знает где это местечко, а на дворе уже шесть вечера.

– Ты никуда не пойдешь, приятель. – Надзиратель быстро сказал что-то по рации, потом повернулся к одному из рабочих. – Отведи его в столовую для персонала, пусть подождет там.

– Пойдемте, сэр.

– Что за дерьмо! Никуда я не пойду!

– Пойдемте, сэр, прошу вас!

Д’Агоста неохотно побрел через погрузочную платформу и вскоре оказался в большой темной кладовой, где сильно пахло хлоркой. Пройдя через дверь в дальней стене, они очутились в комнате поменьше – вероятно, здесь после окончания смены перекусывали работники столовой.

– Садитесь.

Д’Агоста уселся за один из столов из нержавеющей стали. Его конвоир устроился за соседним столом, сложил руки на груди и устремил взгляд в сторону. Через несколько минут пришел надзиратель в компании вооруженного охранника.

– Вставайте! – велел он д’Агосте.

Д’Агоста подчинился. Надзиратель повернулся к охраннику:

– Обыщите его!

– Это нарушение закона! Я знаю свои права, к тому же…

– К тому же это федеральная тюрьма. Правила вывешены перед самым входом. Жаль, что вы не потрудились их прочитать. Мы имеем право обыскивать любого, кого захотим.

– Эй, не прикасайтесь ко мне! Черт!..

– Сэр, в данный момент у вас имеются довольно серьезные проблемы. Если вы откажетесь подчиниться, ваши проблемы станут *очень* серьезными.

– Что? Какие такие проблемы?

– Например, сопротивление сотруднику правоохранительных органов. Ну, как вам? Последний раз приказываю: поднимите руки!

После недолгого колебания д’Агоста подчинился приказу, и охранник тут же обнаружил пол-литровую бутылку «Ребел Йел». Вытащив емкость со спиртным из кармана д’Агосты, он грустно покачал головой и посмотрел на надзирателя.

– И что нам теперь с ним делать?

– Позвоните в местное отделение полиции. Пусть они его заберут. Пьяными водителями занимаются они, а не мы.

– Но я выпил всего один глоток!

Надзиратель обернулся:

– Сядьте и заткнитесь.

Д'Агоста неуклюже плюхнулся на стул и что-то забормотал себе под нос.

– А как быть с грузовиком? – спросил охранник.

– Позвоните в компанию. Пусть пришлют людей его забрать.

– Уже больше шести – вряд ли мы застанем кого-то из менеджеров, а кроме того…

– Тогда позвоните утром. Грузовик останется здесь.

– Слушаю, сэр!

– Останьтесь с ним до прибытия полиции.

– Слушаю, сэр!

Надзиратель ушел. Охранник сел за стол напротив д'Агосты и мрачно уставился на него.

– Мне нужно в сортир, – заявил тот.

Охранник устало вздохнул, но ничего не ответил.

– Вы слышите?

Охранник нахмурился.

– Я вас отведу.

– Вы будете держать меня за руку, пока я буду справлять нужду, или я смогу сделать это сам?

Охранник еще больше помрачнел.

– Прямо по коридору, вторая дверь справа. Только недолго.

Д'Агоста поднялся с покорным вздохом и медленно побрел к двери. Открывая ее, ухватился за ручку, чтобы не упасть, и с трудом переступил порог. Исчезнув из поля зрения охранника, он тут же свернул налево и молча побежал по длинному пустому коридору мимо помещений с открытыми настежь решетчатыми дверьми. Нырнув в последнюю, быстро скинул шоферскую униформу и остался в желто-коричневой рубашке, которая вместе с надетыми на нем темно-коричневыми

брюками делала его практически неотличимым от охранников Херкмора. Старую рубашку он засунул в стоявшую у двери мусорную корзину. Вскоре на пути ему попался ярко освещенный пост охраны. Д’Агоста кивнул секьюрити и направился дальше. Миновав охрану, достал из кармана авторучку со встроенной в нее миниатюрной видеокамерой, отвинтил колпачок и начал снимать. Держался он со спокойной уверенностью, словно охранник, совершающий обход. Поднося ручку то к одной стене, то к другой, он уделял особое внимание расположению камер наблюдения и другой высокочувствительной аппаратуры.

Наконец он зашел в мужской туалет и закрылся в последней кабинке. Расстегнув ширинку, достал из штанов маленькую пластмассовую коробочку и моток скотча. Встав на унитаз, снял с потолка одну плитку, прикрепил скотчем к ее внутренней стороне коробочку и вернул плитку на место. Что ж, Эли Глинн честно заработал очко: он был уверен, что охранник прекратит обыск сразу же, как только найдет бутылку, и оказался прав.

Выйдя из туалета, д’Агоста продолжил свой путь по коридору и через несколько минут услышал слабое пиканье – сработала сигнализация. Достигнув конца коридора, он оказался перед двойной дверью с магнитным замком. Достав из кармана бумажник, порылся в нем, вытащил кредитную карточку и приложил к двери. Почти сразу же зажегся зеленый огонек, и замок щелкнул. Счет два – ноль в пользу Глинна.

Д’Агоста быстро нырнул за дверь и вскоре оказался в маленьком прогулочном дворике, совершенно пустом в этот поздний час. С трех сторон его окружали высокие бетонные стены, с четвертой он был отгорожен металлической сеткой. Д’Агоста внимательно посмотрел по сторонам, но не увидел камер наблюдения. Глинн опять оказался прав: даже в таких хорошо оборудованных тюрьмах, как Херкмор, приходилось экономить – камеры размещались лишь на наиболее важных с точки зрения обеспечения безопасности участках территории.

Д’Агоста быстро обошел двор, продолжая вести видеосъемку. Потом, спрятав ручку в карман, подошел к одной из стен, расстегнул ремень и молнию на брюках и вытащил из штанины смотанную в рулон пленку. Оглянувшись, засунул пленку в водосточную трубу, закрепив ее там согнутой шпилькой для волос.

Покончив с этим, лейтенант направился к металлической сетке, взялся за нее рукой и тихонько потянул на себя. Это была часть плана, которая внушала ему наибольшие опасения.

Достав из носка крохотные кусачки, он перекусил сетку в нескольких местах – получилось отверстие высотой примерно три фута как раз

напротив столба внутреннего ограждения. Соединив разрезанные края и убедившись, что сетка выглядит неповрежденной, забросил кусачки на соседнюю крышу – туда, где их не скоро найдут, – и пошел вдоль ограждения. Сделав десяток шагов, он остановился и несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. Сквозь металлическую сетку были видны неясные в темноте очертания сторожевых вышек. Проглотив вставший в горле комок, он потер руки, взялся за ограждение и начал карабкаться вверх.

Поднявшись примерно до середины, д’Агоста заметил вплетенную в ячейки сетки цветную проволоку. Когда он дотронулся до нее, раздался оглушительный вой сирены и зажглись не менее десятка прожекторов, освещая все вокруг. Вслед за ними вспыхнули прожектора на сторожевых вышках по всему периметру ограждения. Поворачиваясь вокруг своей оси, они тут же нащупали его, но д’Агоста продолжал карабкаться вверх. Потом, остановившись, он незаметно вытащил ручку из кармана и, просунув ее сквозь ограждение решетки, начал снимать территорию за оградой, которая теперь была ярко освещена направленными на него прожекторами.

– Вы обнаружены! – раздался с ближайшей к нему вышки голос, больше напоминавший рев быка. – Немедленно остановитесь!

Посмотрев через плечо, д’Агоста увидел, как шестеро охранников ворвались во двор и со всех ног бегут к нему. Убрав ручку в карман, он осмотрел верхнюю часть ограды. Здесь проходили два ряда проволоки – одна красная, другая белая. Схватившись за красную, он изо всех сил рванул ее на себя. Вновь завыла сирена.

– Стоять! Не двигаться!

Несколько человек подбежали к ограждению и полезли за ним. Вскоре д’Агоста почувствовал, как целых шесть рук тянут его вниз. На всякий случай изобразив сопротивление, он в конце концов сдался и позволил втащить себя во двор. Охранники тут же окружили поверженного противника, наставив на него стволы автоматов.

– Кто это такой, черт возьми? – рявкнул один из них. – Вы кто?

Д’Агоста сел.

– Я водитель фургона, – пробормотал он заплетающимся языком.

– Что?! – в изумлении воскликнул другой охранник.

– Я слышал об этом типе. Он привез мясо, а потом его повязали, потому что он напился.

Д’Агоста застонал и схватился за руку:

– Вы сделали мне больно!

– Господи, это правда! Он пьян как свинья!

– Я сделал всего один глоток.

– Встать!

Д'Агоста попытался встать, но покачнулся и еле удержался на ногах. Один из охранников подхватил его под руку и помог подняться. Вокруг раздались смешки.

– Он думал, что сможет удрать!

– Пошли, приятель!

Охранники отвели его на кухню, где лейтенант увидел надзирателя и того самого секьюрити, которому поручили его сторожить. Лицо последнего было красным как свекла.

Супервайзер подошел к нему вплотную:

– Вы что же это здесь, черт побери, устроили?

Едва ворочая языком, д'Агоста пролепетал:

– Я заблудился по дороге в сортир и решил поискать другое местечко! – Тут он захихикал.

Охранники загоготали, но супервайзер продолжал хмуриться.

– Как вы попали во двор?

– Какой двор?

– Как вы вышли на улицу?

– Не знаю. Должно быть, дверь была не заперта.

– Это невозможно.

Д'Агоста пожал плечами, плюхнулся на стул и заклевал носом.

– Немедленно проверьте выход во двор номер четыре! – крикнул супервайзер одному из секьюрити, потом повернулся к охраннику. – А вы оставайтесь здесь! Вам понятно? Никуда его не отпускайте. Если ему приспичит, пусть кладет в штаны.

– Есть, сэр!

– Слава Богу, он не перебрался через внешнее ограждение. Вы знаете, какую головную боль мы бы тогда получили?

– Да, сэр! Простите, сэр!

С огромным облегчением д’Агоста понял, что в суматохе никто не заметил, что теперь на нем рубашка другого цвета. Три – ноль в пользу Глинна.

В этот момент в комнату вошли двое местных полицейских. Лица их казались смущенными.

– Вот этого парня забирать?

– Да, – ответил охранник и больно ткнул д’Агосту дубинкой. – Эй, проснись, придурок!

Д’Агоста тряхнул головой и поднялся. Копы явно пребывали в растерянности.

– И что нам теперь делать? Нужно что-нибудь подписывать?

Супервайзер вытер вспотевший лоб.

– Что делать? Заприте его в камере за управление транспортным средством в нетрезвом виде.

Один из полицейских открыл блокнот.

– Он допустил какие-нибудь нарушения на подведомственной вам территории? Вы хотите что-нибудь ему вчинить?

Последовало короткое молчание, охранники быстро переглянулись.

– Нет, – наконец ответил супервайзер. – Просто заберите его отсюда к чертовой матери. В конце концов, это ваша головная боль. Не хочу его больше здесь видеть. Никогда.

Полицейский закрыл блокнот.

– Хорошо, тогда мы отвезем его в город и проверим на алкоголь. Пошли, приятель.

– Вы ничего не докажете! Я выпил всего один глоток!

– Раз так, тебе не о чем беспокоиться, – устало проговорил полицейский, закрывая за д’Агостой дверь.

Глава 26

Капитан отдела по расследованию убийств Лаура Хейворд прибыла в музей через пару минут после медиков. Доносившиеся с чердака крики жертвы успокоили ее: человек, висевший на волоске от смерти, не мог издавать такие вопли.

Пройдя через множество низких дверей, Лаура наконец оказалась у огороженного лентой места преступления и с облегчением вздохнула, увидав среди полицейских сержанта Висконти и его напарника – агента Мартина.

– Доложите, что произошло, – сказала она, подойдя к ним.

– Мы оказались ближе всего к месту нападения, – начал рассказывать Висконти, – и спугнули преступника. Он стоял, склонившись над пострадавшим, и наносил ему удары. А когда увидел нас, бросился бежать.

– Вы его хорошо разглядели?

– Нет, очень приблизительно – просто какая-то тень.

– Каким оружием он пользовался?

– Неизвестно.

Лаура кивнула.

– Мы также нашли бумажник Липпера. – Острым подбородком Висконти указал на самую крайнюю из пластиковых коробок с вещественными доказательствами, которые стояли у ленты ограждения.

Наклонившись, Хейворд открыла контейнер:

– Мне нужен полный анализ бумажника и его содержимого: ДНК, отпечатки пальцев, волокна и так далее. И заморозьте несколько образцов крови и органики для дальнейших исследований.

– Хорошо, капитан.

– Второй охранник здесь? Если не ошибаюсь, его фамилия Моррис. Мне хотелось бы с ним побеседовать.

Висконти поднес к губам рацию, что-то произнес, и через минуту у противоположного конца ограждения появился второй охранник в сопровождении полицейского. Растрепанные волосы падали Моррису на лицо, одежда его была порвана, и от нее исходил тошнотворный запах спиртового консерванта.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Нора. – Можете разговаривать?

– Думаю, да, – произнес он отрывистым тонким голосом.

– Вы видели момент нападения?

– Нет. Я был… слишком далеко и к тому же повернулся спиной.

– Но вы наверняка видели или слышали что-то за несколько секунд до того, как это произошло.

Моррис наморщил лоб.

– Ну, я слышал… крик. Похожий на крик животного. И звон разбитого стекла. Потом что-то выскочило из темноты… – Он замолчал.

– Что-то? Разве это был не человек?

Глаза у Морриса забегали:

– Ну, мне показалось, это была вроде как быстро движущаяся и кричащая тень.

Хейворд повернулась к полицейским:

– Отведите мистера Морриса вниз. Пусть с ним побеседует сержант Уиттер.

– Хорошо, капитан.

Из-за горы ящиков появились медики, толкающие каталку с жалобно стонущей тушей.

– Как он? – спросила Лаура.

– Он получил несколько ударов неизвестным орудием, предположительно ножом с зазубренным лезвием или, возможно, когтем.

– Когтем?

Врач пожал плечами:

– Некоторые раны имеют очень неровные края. К счастью, жизненно важные органы не задеты – благодаря толстому слою жира. Значительная кровопотеря, шок… Но он поправится.

– Он может говорить?

– Попробуйте, если хотите, – ответил медик. – Ему сделали укол обезболивающего.

Хейворд склонилась над каталкой. Мясистое, покрытое испариной лицо охранника казалось спокойным. В нос Лауре опять ударила отвратительная смесь запахов – спирта, формальдегида и гниющей рыбы.

– Уилсон Балк? – тихо спросила она.

Балк быстро взглянул в ее сторону и тут же отвел глаза.

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов.

Ответа не последовало.

– Мистер Балк, вы разглядели того, кто на вас напал?

Он повел глазами из стороны в сторону и раскрыл влажный рот:

– Только… лицо…

– Лицо? Как оно выглядело?

– Перекошенное… О Господи… – Балк застонал и пробормотал что-то нечленораздельное.

– Могли бы вы выразиться поточнее, сэр? Лицо было мужским или женским?

Балк заскулил и затряс головой.

– Нападавший был один? Или их было несколько?

– Один, – послышался хриплый ответ.

Хейворд взглянула на медика, тот пожал плечами. Тогда она знаком подозвала стоявшего неподалеку полицейского:

– Вы поедете с ним в больницу. Если он почувствует себя лучше, попросите его дать подробное описание нападавшего. Я хочу знать, с кем мы имеем дело.

– Слушаю, капитан!

Лаура выпрямилась и окинула взглядом маленькую группку полицейских:

– Кто бы это ни был, мы загнали его в угол. И я предлагаю отправиться за ним. Сейчас же.

– Может, вызвать команду быстрого реагирования? – предложил Висконти.

– Пройдет несколько часов, прежде чем они раскачаются и прибудут сюда. Да и здесь будут только путаться под ногами. Кровь на бумажнике свежая, и есть шанс, что Липпер еще жив и его держат в заложниках. – Она внимательно посмотрела на подчиненных. – Вы трое пойдете со мной: сержант Висконти, агент Мартин и детектив О’Коннор.

Повисла тишина. Трое полицейских обменялись взглядами.

– В чем проблема? Нас четверо против одного.

Троица продолжала смущенно переглядываться.

Лаура вздохнула:

– Только не говорите мне, что вы поверили слухам, которые распространяют охранники музея. Или вы и вправду думаете, что мы будем сражаться с мумией?

Висконти покраснел и вместо ответа достал из кобуры свою пушку и быстро ее осмотрел. Остальные последовали его примеру.

– Отключите рации, мобильные телефоны, пейджеры – абсолютно все. Я не хочу, чтобы, когда мы будем подкрадываться к преступнику, из ваших «Блэкберри» вдруг зазвучал Пятый концерт Бетховена.

Офицеры кивнули.

Хейворд развернула фотокопию плана чердачных помещений музея и разложила на одном из ящиков.

– Хорошо. Эта секция делится на шестнадцать узких комнат – вот они, – располагающихся двумя рядами под параллельными крышами. В дальнем конце они соединяются переходом. То есть имеют форму буквы U. Есть два способа выбраться с чердака – по лестнице вниз и через вот эти окошки на крышу. Окна я уже проверила: все они забраны решетками. Следовательно, у убийцы остается единственная возможность покинуть чердак – пройдя мимо нас. Таким образом, он в ловушке. – Она замолчала и посмотрела на каждого по очереди. – Будем продвигаться парами. Сначала быстро осматриваем комнату и отходим, потом, если там никого нет, изучаем все как следует. Я пойду в паре с О’Коннором. Мартин, вы с Висконти идете на полкомнаты позади. Не торопитесь. И помните: мы должны исходить из предположения – и надежды, – что Липпер еще жив и удерживается в заложниках. Мы не можем рисковать его жизнью. Поэтому огонь на поражение открываем, только если подтвердится, что он мертв, – ну и, конечно, в случае абсолютной необходимости. Это понятно?

Все кивнули.

– Я пойду первой.

Никто не стал возражать, заявляя с обычной ложной галантностью, что подвергать себя опасности – исключительно мужское дело, и Хейворд восприняла это как знак того, что женщин в полиции наконец-то оценили по достоинству. А может, троица просто онемела от страха.

Они осторожно ступили за ограждение: Хейворд впереди, О’Коннор – следом за ней. Пол здесь был забрызган кровью, полка с образцами лежала там же, где упала. В зловонных лужах консерванта валялись осколки стеклянных сосудов и фрагменты их гниющего содержимого – в данном случае это, по всей видимости, были морские угри. Пройдя мимо

охранника в дальнем конце ограждения, офицеры подошли к соседнему помещению. Свет от прожекторов, временно установленных вокруг места преступления, сюда почти не проникал, и комната была погружена в темноту.

Хейворд и О'Коннор встали по обе стороны дверного проема. Капитан быстро заглянула внутрь и отступила. Потом кивнула своему напарнику и шагнула через порог.

Пусто. Полки перевернуты, пол покрывали осколки стекла и лужи, наполнявшие комнату удушливым запахом консервирующей жидкости. В этом помещении, видимо, хранились заспиртованные образцы мелких грызунов: повсюду валялись крохотные трупы и какие-то бумаги. Почему-то, глядя на устроенный здесь погром, Хейворд вспомнила предварительный отчет о вскрытии де Мео: убийца обошелся с жертвой с такой же непонятной, безумной жестокостью – вырвал все внутренние органы и вытащил их из тела. Отвратительный, внушающий омерзение вандализм.

Лаура подкралась к следующей двери, подождала, пока подойдут остальные, и заглянула в дверной проем. В этой комнате, как и в предыдущей, все было перевернуто вверх дном. Одно из грязных окошек разбито, но решетка цела. Выбраться через него не представлялось возможным.

Вдруг она застыла, прислушиваясь. Издалека, из черноты чердачных помещений, донесся какой-то слабый звук.

– Тихо, – прошептала она. – Слышите?

Это был звук шагов – словно кто-то шел, спотыкаясь и прихрамывая: вжж-бум… вжж-бум…

Хейворд вошла в следующую комнату, где было уже совсем темно, и, достав электрический фонарик, осветила дальние углы. Со стен на нее смотрели тысячи гипсовых лиц – посмертных масок. Некоторые из них имели следы недавних повреждений: кто-то, должно быть убийца, нанес по ним удары, выцарапал глаза, перепачкал кровью.

В соседней комнате тоже было темно. Замерев у дверного косяка, Хейворд сделала знак шедшим сзади мужчинам остановиться, вытянула шею и прислушалась. Странные звуки затихли: видимо, убийца затаился, поджидая. Лаура почувствовала, что он близко – совсем близко, – и ощутила растущее напряжение среди членов их маленькой группы. Нужно идти: чем меньше думаешь, тем лучше.

Хейворд сделала шаг вперед, быстро осветила комнату лучом фонарика и тут же отступила назад: на полу в нескольких шагах от нее съежилось какое-то существо – обнаженное, внушающее ужас, перепачканное

кровью… Это, несомненно, был человек, хоть и на удивление маленький и худой.

Оглянувшись на своих спутников, Хейворд подняла вверх один палец, потом медленно опустила его, указав на дверь. Этот жест означал: преступник один, прячется в соседнем помещении.

Прошла еще одна томительная минута, наконец все четверо собрались вместе, и Хейворд громко и четко произнесла:

– Полиция! Не двигаться, мы вооружены! Поднимите руки и подойдите к двери.

Послышались глухие удары, сопровождающиеся царапаньем, – так передвигается неуклюжее животное.

– Он убежал! – Опустив пушку, Хейворд быстро заглянула в соседнюю комнату, но успела заметить лишь темную фигуру, скрывшуюся в следующем помещении. Тут же раздался оглушительный грохот.

– Вперед! – Она пересекла комнату и, остановившись у следующей двери, посветила в проем фонариком.

Существа нигде не было видно, зато в комнате имелось множество укромных уголков, где оно могло спрятаться.

– Идем дальше!

Они заглянули в соседнюю комнату, но тут же отпрянули и затаились. Это было самое большое из уже виденных ими чердачных помещений, сплошь заставленное серыми металлическими стеллажами. На полках теснились ряды стеклянных сосудов, в каждом из них в спиртовом растворе плавал один-единственный глаз размером с мускусную дыню. Отходящие от него нервы напоминали щупальца. Один ряд сосудов был сброшен на пол, и лопнувшие глазные яблоки, превратившись в желе, плавали в лужах спирта среди осколков стекла.

Быстрый осмотр показал, что в комнате никого нет. Хейворд собрала свою команду.

– Медленно, но верно мы загоняем его в угол, – сказала она. – Поэтому помните: люди, как и звери, в такой ситуации становятся более опасными.

Окружавшие ее мужчины согласно кивнули. Лаура окинула взглядом комнату:

– Похоже, это коллекция китовых глазных яблок. – Послышались нервные смешки. – Ладно, не стоит торопиться. Будем осматривать по одной комнате – все вместе. – Она подошла к двери, ведущей в соседнее

помещение, прислушалась, потом быстро посветила в дверной проем фонариком. Никого.

Когда они вошли в комнату, Хейворд услышала пронзительный душераздирающий крик, раздавшийся, как ей показалось, из-за дальней двери. За ним последовали звон бьющегося стекла и звук льющейся воды. Мужчины подскочили от неожиданности. В нос им ударил сильный запах этилового спирта.

– Эта жидкость легко воспламеняется, – заметила Хейворд. – Если у него есть спички, приготовьтесь бежать. – Она пошла вперед, освещая себе путь фонариком.

– Я его вижу! – закричал О’Коннор.

Вжж-бум! Вжж-бум! Потом вой, напоминающий плач баньши, – и темная фигура, двигаясь боком, но с яростной решимостью, бросилась на них, сжимая в поднятой руке серый кремневый нож. Хейворд едва успела отскочить назад, когда она показалась на пороге, со свистом разрезая воздух ножом.

– Полиция! – крикнула она. – Бросьте оружие!

Но странное существо, не обратив на ее слова никакого внимания, продолжало приближаться неуклюжей шаркающей походкой, размахивая ножом.

– Не стрелять! – закричала Хейворд. – Оглушите его! – Она скользнула существу за спину, трое мужчин окружили его с других сторон.

Сунув пушки в кобуру, они вытащили дубинки и электрошокеры. Висконти бросился вперед и нанес монстру сильный удар по голове. Тот издал душераздирающий крик и закрутился на месте, беспорядочно размахивая ножом. Хейворд, подскочив, нанесла ему резкий удар под колено, а вторым ударом выбила нож.

– Наденьте на него браслеты!

Но Висконти уже приступил к делу: поймал сначала одно запястье противника, потом, с помощью О’Коннора, второе и защелкнул наручники.

Пленник визжал и отчаянно брыкался.

– Свяжите ему ноги! – приказала Хейворд.

Через минуту поверженный противник уже лежал на животе, придавленный к земле парой рук, но тем не менее продолжал бесноваться и кричать. Голос его звучал так пронзительно, что разрезал воздух подобно скальпелю.

– Вызовите сюда медиков, – велела Лаура. – Нужно вколоть ему успокоительное.

Большинство задержанных, когда на них надевали наручники и пригвождали к земле, в конце концов затихали. Но только не этот. Он продолжал визжать, дергаться и метаться, так что Хейворд и остальным членам группы приходилось держать его всем вместе.

– Должно быть, надышался «ангельской пыли», – заметил один из полицейских.

– Никогда не наблюдал такого эффекта от «ангельской пыли», – возразил ему другой.

Через минуту прибыли медики и всадили в ягодицу продолжавшего кричать задержанного иглу. Через несколько минут он наконец начал успокаиваться. Хейворд поднялась с колен и отряхнулась.

– Господи, – произнес О’Коннор, – он выглядит так, словно искупался в крови.

– Да, и она высохла на такой жаре. Черт, как от него воняет!

– И совершенно голый, ублюдок…

Хейворд отступила на шаг назад. Задержанный лежал на животе, дрожа и повизгивая в безуспешной попытке противостоять действию успокоительного, Висконти прижимал его голову к полу. Капитан наклонилась над злоумышленником.

– Где Липпер? – спросила она его. – Что вы с ним сделали?

Тот заскулил.

– Переверните его. Я хочу видеть его лицо.

Висконти подчинился. Волосы неизвестного слиплись от крови, к которой пристал мелкий мусор, перепачканное лицо искажалось гримасами, как при тике.

– Вытрите его.

Один из медиков достал упаковку влажных стерильных салфеток и протер лицо незнакомца.

– О Господи! – вырвалось у Висконти.

Хейворд смотрела и не верила своим глазам. Перед ними был Джей Липпер.

Глава 27

Спенсер Коффи развалился на стуле в кабинете начальника тюрьмы Имхофа, нетерпеливо поглаживая отутюженную стрелку на брючине. Имхоф, сидевший за столом, выглядел точно так же, как и во время их первой встречи: уверенный в себе и безупречно одетый, с уложенными феном светло-каштановыми волосами. И все же Коффи заметил в его глазах беспокойство и даже, возможно, тревогу. Специальный агент Рабинер стоял, привалившись к стене и скрестив руки на груди.

Коффи дождался, пока гнетущая тишина в кабинете стала невыносимой, и только тогда заговорил.

– Мистер Имхоф, – начал он, – вы же обещали лично заняться этим делом.

– Я и занялся, – холодно ответил тот.

Коффи откинулся на спинку стула.

– Мы со специальным агентом Рабинером только что закончили допрос заключенного. И мне очень неприятно говорить, что никаких сдвигов не произошло – в том, что касается его уважения к другим. Я ведь уже говорил вам, что меня не интересует, как вы выполните задачу, которую я перед вами поставил. Меня интересуют только результаты. То, что вы предприняли, не сработало. Заключенный остался таким же самоуверенным, заносчивым ублюдком, каким явился сюда. К тому же дерзким. Когда я спросил, нравится ли ему одиночное заключение, он ответил: «Я скорее предпочел бы его».

– Предпочел чему?

– «Общению с бывшими клиентами» – так выразился этот чертов остряк. Подчеркнул, что не желает общаться с другими обитателями тюрьмы. Он ни в чем не раскаялся и продолжает вести себя крайне агрессивно.

– Агент Коффи, чтобы поведение заключенного изменилось, иногда необходимо время.

– Но у нас нет времени, мистер Имхоф. Совсем скоро состоятся вторые слушания об освобождении его под залог, и Пендергаст целый день проведет в суде. Мы не сможем помешать его общению с адвокатом. Нужно успеть его расколоть, нужно успеть получить признание. – Коффи не упомянул о том, что у них возникли некоторые проблемы с доказательствами, грозящие существенно осложнить слушания, в то время как признание значительно облегчило бы его задачу.

– Как я уже сказал, нужно время.

Коффи вздохнул, припоминая слабые места Имхофа. С этим человеком нужно использовать не только кнут, но и пряник.

– А наш подопечный тем временем будет продолжать поносить вас и Херкмор перед любым, кто согласится его слушать: охранниками, персоналом – всеми. Имейте в виду, Имхоф, этот ублюдок может быть очень убедительным!

Начальник тюрьмы промолчал, но Коффи с удовлетворением заметил, как у него дернулся уголок рта. Тем не менее он не предложил никаких более действенных мер. А может, более действенных мер и не существует?..

И тут Коффи осенило. Он припомнил брошенную Пендергастом фразу о «бывших клиентах». Значит, специальный агент боится с ними общаться?

– Мистер Имхоф, – произнес Коффи очень спокойно, чтобы собеседник не догадался о мысли, только что пронесшейся в его голове, – с этого компьютера можно войти в базу данных министерства юстиции?

– Естественно.

– Хорошо. Тогда давайте проверим кое-кого из бывших клиентов.

– Я вас не совсем понимаю.

– Посмотрим данные о проведенных Пендергастом задержаниях и сравним их со списком заключенных, отбывающих срок в Херкморе. Вдруг обнаружатся совпадения?

– То есть я должен проверить, содержится ли в Херкморе кто-либо из лиц, арестованных Пендергастом?

– Совершенно верно. – Коффи оглянулся через плечо и посмотрел на Рабинера. На лице того появилась хищная усмешка.

– Босс, мне нравится ход ваших мыслей, – сказал он.

Имхоф придвинул клавиатуру и начал печатать, потом долго смотрел на экран. Коффи нетерпеливо ждал результатов.

– Странно, – наконец произнес Имхоф. – Среди лиц, задержанных Пендергастом, невероятно высок процент смертности. Большинство из них не дожили до суда.

– Но кто-то ведь выжил, прошел все положенные процедуры и сейчас находится в тюрьме!

Имхоф вновь принялся печатать. Набрав несколько слов, откинулся на спинку стула.

– Двое в настоящий момент отбывают наказание в Херкморе.

Коффи бросил на него быстрый взгляд.

– Расскажите мне о них.

– Первого зовут Алберт Чичестер.

– Продолжайте.

– Он серийный убийца.

Коффи потер руки и посмотрел на Рабинера.

– Отравил двенадцать человек в частной клинике, где работал, – продолжал Имхоф. – Санитар. Семьдесят три года.

– О Господи, – пробормотал Коффи. Внезапно вспыхнувшая радость так же быстро сменилась разочарованием.

Повисло молчание.

– А как насчет другого? – спросил специальный агент Рабинер.

– Опасный преступник по имени Карлос Лакарра. Кличка Эль-Поко.

– Лакарра, – повторил Коффи.

Имхоф кивнул:

– Бывший наркобарон. Непростой случай. Начал с участия в уличных бандах Лос-Анджелеса, потом перебрался на восток. Был хорошо известен в округе Гудзон и Ньюарке.

– Да?

– Убил целую семью, в том числе троих детей. Месть за сорвавшуюся сделку. Здесь говорится, что расследованием этого дела занимался Пендергаст. Странно, я этого не знал.

– А как Лакарра ведет себя здесь?

– Возглавляет группировку «Выбитые зубы». Настоящий геморрой для наших охранников.

– «Выбитые зубы», – задумчиво пробормотал Коффи, и в его душе вновь вспыхнула надежда. – А скажите-ка мне, мистер Имхоф, где этот Поко Лакарра совершает прогулки?

– Во дворе номер четыре.

– А что случится, если Пендергаст тоже будет совершать свой ежедневный моцион в этом дворе?

Имхоф нахмурился.

– Если Лакарра его узнает, будет очень плохо. И даже если не узнает.

– Почему же?

– Лакарра… как бы это выразиться поприличнее… Лакарра любит поразвлечься с белым парнем.

Коффи на мгновение задумался.

– Понимаю. Пожалуйста, немедленно прикажите перевести Пендергаста в этот двор.

Имхоф еще больше нахмурился.

– Агент Коффи, это чрезвычайная мера…

– Боюсь, наш подопечный не оставил нам другого выбора. У меня и до этого бывали трудные случаи. Я много раз сталкивался с нежеланием идти на контакт, с неповиновением, но ничего подобного припомнить не могу. Презрение, которое он демонстрирует к судебному процессу, к этому учреждению и к вам в особенности, просто повергает в шок.

Имхоф прерывисто вздохнул, и Коффи с удовлетворением заметил, что ноздри его затрепетали.

– Засуньте его туда, Имхоф, – тихо сказал он. – Засуньте, но присматривайте за ним. Если ситуация выйдет из-под контроля, верните его назад. Но не сразу. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Если что-то случится, может начаться служебное расследование. Вы должны будете меня поддержать.

– Можете рассчитывать на меня, Имхоф. Я всегда вас поддержу. – С этими словами Коффи повернулся, кивнул продолжавшему ухмыляться Рабинеру и вышел из кабинета.

Глава 28

Капитан отдела по расследованию убийств Лаура Хейворд сидела за своим столом, уставившись на лежавшую перед ней кипу документов. Она ненавидела беспорядок, ненавидела неаккуратные, неряшливые стопки бумаги, но сегодня ей было все равно: ее стол отражал беспорядок и неудовлетворенность, царившие в ее душе. Сейчас Лауре следовало печатать отчет по делу об убийстве де Мео, но ее словно парализовало. Чертовски сложно заниматься новым делом, когда ты еще не покончила с предыдущим, зная, что невиновный – или почти невиновный – человек сидит в тюрьме, несправедливо обвиненный в преступлении, предусматривающем смертную казнь.

Хейворд предприняла еще одну отчаянную попытку привести свои мысли в порядок. Она всегда организовывала их в виде списков, которые, в свою очередь, тоже состояли из списков, а те списки – из других списков. И она не могла заниматься текущими делами, пока дело Пендергаста не было завершено – по крайней мере для нее самой.

Лаура вздохнула, сосредоточилась и начала сначала.

Первое: невиновный человек находится в тюрьме по обвинению в уголовном преступлении.

Второе: его брат, считавшийся давно умершим, вдруг объявляется и похищает женщину, не имеющую никакого отношения к этому делу, затем крадет самую ценную в мире коллекцию алмазов и уничтожает ее. Зачем?

Третье…

Ее размышления были прерваны стуком в дверь. Хейворд просила секретаря никого к ней не пускать и с трудом поборола внезапный приступ гнева, испугавший ее саму. Взяв себя в руки, она холодно ответила:

– Войдите.

Дверь открылась – медленно, нерешительно, – и на пороге появился д’Агоста. На мгновение Хейворд замерла.

– Лаура, – робко проговорил д’Агоста и замолчал. Хейворд покраснела, изо всех сил стараясь казаться спокойной. От неожиданности она не нашлась что сказать и лишь проговорила:

– Садитесь, пожалуйста!

Безжалостно подавив бушевавшие в душе чувства, она равнодушно смотрела, как он вошел в кабинет и сел за стол. Винсент казался на удивление аккуратным и довольно прилично одетым, если не считать двадцатидолларового галстука, купленного у уличного торговца. Его редеющие волосы были зачесаны назад.

Неловкая тишина затянулась.

– Ну… и как ты поживаешь? – спросил наконец д’Агоста.

– Прекрасно. А ты?

– Слушания по моему делу назначены на начало апреля.

– Это хорошо.

– Хорошо? Если я буду признан виновным, моя карьера, пенсия и все льготы полетят к черту!

– Я хотела сказать, что наконец-то это все останется позади, – сухо пояснила Хейворд.

Для чего он пришел? Чтобы жаловаться? Она ждала, когда он заговорит о деле.

– Послушай, Лаура. Прежде всего я хочу тебе кое-что сказать.

– Что же? – Она видела, что в его душе идет борьба.

– Прости меня. Мне действительно очень жаль. Я знаю, что обидел тебя. Знаю, что ты чувствуешь себя униженной… Что мне сделать, чтобы ты меня простила?

Хейворд продолжала хранить молчание.

– Тогда я считал, искренне считал, что поступаю правильно. Я хотел уберечь тебя, защитить от Диогена. Я был уверен, что, если уйду, ты будешь в большей безопасности. Только вот не подумал, как ты все это воспримешь… Все произошло очень быстро, и я не успел ничего обдумать. Ну а потом у меня появилась такая возможность. Я знаю, что выглядел как бездушный ублюдок, отказавшись от тебя без всяких объяснений. Наверное, со стороны казалось, что я тебе не доверяю. Но поверь, это не так. – Д’Агоста замолчал, кусая губу, словно на что-то решаясь. – Послушай, – заговорил он опять. – Я правда хочу, чтоб мы опять были вместе. Я все еще люблю тебя. Мы сможем начать все сначала… – Он беспомощно замолчал.

Хейворд молча ждала, когда он дойдет до главного.

– Но как бы то ни было, я хотел сказать, что мне очень жаль.

– Считай, что ты это сказал.

Вновь повисло неловкое молчание.

– Что-нибудь еще? – поинтересовалась Хейворд.

Д’Агоста заерзал на стуле. Солнечный свет, проникавший сквозь жалюзи, нарисовал на его костюме полоски.

– Я слышал…

– Что ты слышал?

– Что ты продолжаешь заниматься делом Пендергаста.

– В самом деле? – холодно спросила она.

– Да. От одного своего знакомого, который работает на Синглтона. – Он снова заерзал на стуле. – Когда я это услышал, у меня появилась надежда. Надежда, что я смогу тебе помочь. Есть кое-что, о чем я тебе не говорил, потому что знал, что ты этому не поверишь. Но если ты все еще продолжаешь раскапывать это дело… после того, что произошло… ты должна об этом узнать. Чтобы, так сказать, быть во всеоружии.

Хейворд старалась казаться бесстрастной, не удостаивая его ничем, кроме оглушительной тишины. Он постарел, немного осунулся, однако костюм у него был новый, рубашка хорошо выглажена. «Интересно, – подумала она с внезапной болью, – кто о нем заботится?»

– Это дело закрыто, – сказала она наконец.

– Официально да. Но мой приятель сказал, что…

– Не знаю, кто тебе что сказал, и мне нет до этого дела. Не стоит слушать сплетни, которые разносят по управлению так называемые приятели.

– Но, Лаура…

– Пожалуйста, называйте меня «капитан Хейворд».

Оба замолчали.

– Послушай, все это – убийства, кража алмазов, похищение человека – было срежиссировано Диогеном. Абсолютно все. Это был его генеральный план. Он управлял людьми как марионетками. Он убил тех несчастных, а подставил Пендергаста. Украл алмазы, похитил Виолу Маскелин…

– Вы мне уже об этом говорили.

– Да, но есть кое-что, чего ты не знаешь, чего я никогда не говорил…

Хейворд ощутила внезапный гнев. Еще немного, и от ее холодной сдержанности не останется и следа.

– Лейтенант д’Агоста, мне неприятно слышать, что вы продолжаете скрывать от меня информацию.

– Я не это имел в виду…

– Я прекрасно знаю, что вы имели в виду.

– Послушай же, черт возьми! Виола Маскелин была похищена, потому что они с Пендергастом… любят друг друга.

– Что вы говорите!

– Я присутствовал при том, как они познакомились на острове Капрайя в прошлом году. Он допрашивал ее как свидетельницу по делу Балларда о пропавших скрипках Страдивари. А Диоген откуда-то об этом узнал.

– Они встречались?

– Нет, но Диоген заманил ее сюда, используя имя Пендергаста как приманку.

– Странно, что она не упомянула об этом, когда ее опрашивали.

– Она хотела защитить Пендергаста и себя. Если бы стало известно, что они друг к другу неравнодушны…

– После одной короткой встречи на острове?

Д'Агоста кивнул:

– Совершенно верно.

– Агент Пендергаст и леди Маскелин любят друг друга? Верится с трудом.

– Я не могу на сто процентов ручаться за Пендергаста. Но в том, что касается Маскелин, я убежден.

– И когда же Диоген узнал о том, что их связывают столь трогательные чувства?

– У меня есть только одно соображение: когда он присматривал за Пендергастом в Италии, после того как помог ему бежать из замка графа Фоско. Пендергаст был без сознания и, возможно, сказал что-нибудь в бреду. Понимаешь? И он похитил Виолу, чтобы максимально отвлечь его именно в тот момент, когда будет совершена кража алмазов! – Д'Агоста замолчал. Хейворд воспользовалась паузой и постаралась успокоиться.

– Эта история, – тихо сказала она, – напоминает сюжет любовного романа. Но в реальной жизни такого не бывает.

– С нами случилось почти то же самое.

– То, что случилось с нами, было ошибкой. И я стараюсь об этом забыть.

– Лаура, послушай! Пожалуйста…

– Если вы еще раз назовете меня Лаурой, я прикажу вывести вас из управления.

Д'Агоста поморщился.

– Есть еще одна вещь, которую ты должна знать. Ты когда-нибудь слышала о фирме «Эффективные технические решения», специализирующейся на создании психологических портретов преступников? Она находится на Западной Двенадцатой улице, директор – некий Эли Глинн. В последние месяцы я проводил там много времени – вроде как подрабатывал.

– Никогда о ней не слыхала, хоть и знакома со всеми легальными фирмами такого профиля.

– Ну, они больше занимаются техникой и не слишком себя афишируют. Но недавно они составили психологический портрет Диогена, и он подтверждает все, что я тебе о нем говорил.

– Психологический портрет? И по чьему же заказу?

– По заказу агента Пендергаста.

– Это имя, несомненно, внушает доверие, – язвительно произнесла Хейворд.

– И они пришли к выводу, что Диоген еще не выполнил свою миссию.

– Не выполнил миссию?

– Все, что он совершал до сих пор – убийства, похищение человека и кража алмазов, – лишь подготовка к чему-то более серьезному. Возможно, гораздо более серьезному.

– Например?

– Пока это неизвестно.

Хейворд взяла несколько папок и хлопнула ими по столу.

– Интересная история.

Д'Агоста начал испытывать раздражение.

– Это не история. Приди в себя, Лаура. Это я с тобой говорю, Винни. Лаура, это я!

– Ну хватит! – Хейворд нажала кнопку интеркома. – Фред? Пожалуйста, зайдите в мой кабинет и проследите, чтобы лейтенант д'Агоста покинул территорию управления.

– Лаура, не делай этого!

Она повернулась к нему, потеряв контроль над собой.

– Нет, я это сделаю! Ты мне лгал. Дурачил меня! Я была готова отдать тебе что угодно! Все, что угодно! А ты…

– Мне очень жаль. Боже, если бы я только мог повернуть время вспять, я бы все сделал по-другому. Я старался изо всех сил. Старался совместить свою преданность Пендергасту с… преданностью тебе. Я знаю, что разрушил все хорошее, что у нас было. Но многое еще можно и нужно сохранить. Я хочу, чтобы ты меня простила.

Дверь открыл полицейский сержант.

– Пойдемте, лейтенант, – обратился он к д’Агосте.

Тот поднялся и вышел не оглядываясь. Сержант закрыл дверь, а Лаура осталась сидеть за заваленным бумагами столом. Ее била крупная дрожь. Она смотрела перед собой и ничего не видела.

Глава 29

Темная холодная ночь опустилась на оживленные улицы Верхнего Манхэттена, но в библиотеку особняка, расположенного по адресу: Риверсайд-драйв, 891, солнечный свет не проникал и в самый ясный полдень. Окна закрывали металлические ставни, спрятанные за тяжелыми парчовыми шторами. Единственным источником освещения был огонь – колеблющееся пламя свечей да неверное мерцание затухающих углей на каминной решетке.

Констанс устроилась в кресле-качалке, обитом блестящей кожей. Она сидела очень прямо, готовая в любую минуту вскочить и убежать. Ее напряженный взгляд был устремлен на второго человека, находившегося в комнате, – Диогена Пендергаста, который устроился напротив нее на диване с томиком русской поэзии в руках. Он говорил очень тихо, и его голос лился плавно, как мед, а мягкие южные модуляции удивительно подходили к медленному течению русской речи.

– «Память о солнце в сердце слабеет. Желтей трава», – дочитал он и, глядя на Констанс, перевел фразу на английский. – Это Ахматова, – сказал он, улыбнувшись, – никому, кроме нее, не удавалось описать грусть с таким горьким изяществом.

Они помолчали.

– Я не умею читать по-русски, – наконец откликнулась Констанс.

– Очень красивый, поэтичный язык. Вы обязательно должны его выучить, Констанс, потому что, когда вы услышите, как Ахматова рассказывает о своих несчастьях на родном языке, вам легче будет справиться с собственным горем. Я это чувствую.

Она нахмурилась:

– У меня нет никакого горя.

Диоген приподнял брови и отложил книгу.

– Дитя мое, – мягко произнес он, – ведь это я, Диоген. С другими вы можете скрывать свои чувства, но со мной вам нет необходимости притворяться. Ведь я вас хорошо знаю. И мы очень похожи.

– Похожи? – Констанс горько усмехнулась. – Вы преступник, а я… Вы же ничего обо мне не знаете.

– Я знаю очень многое, Констанс, – возразил он все так же мягко. – Вы единственная в своем роде. Как и я. Мы оба одиноки. Я знаю, что вы вынуждены нести тяжелую ношу, которая стала одновременно вашим счастьем и проклятием. Сколько людей желали бы получить такой же дар, какой получили вы благодаря моему двоюродному деду Антуану! Но очень немногие понимают, что он означает на самом деле. Они не представляют себе, каково это – не иметь свободы. И за все долгие годы детства ни разу не почувствовать себя ребенком… – Он смотрел на нее, и огонь отражался в его странных, разного цвета глазах. – Я уже говорил вам, что тоже был лишен детства – благодаря моему брату и его извечной ненависти ко мне.

Слова протеста уже готовы были сорваться с губ Констанс, но на этот раз ей удалось сдержаться. Она почувствовала, как белая мышка беспокойно завозилась у нее в кармане, устраиваясь для сна, и машинально провела по нему тонкими пальцами.

– Я ведь уже рассказывал вам о том времени. И о том, как он со мной обращался. – Диоген задумчиво поднес к губам бокал пастиса, который взял с буфета, и сделал глоток. – Мой брат дает вам о себе знать? – спросил он.

– Каким образом? Вы же знаете, где он – там, куда вы его отправили.

– Другие в подобной ситуации находят способ сообщить о себе тем, кого любят.

– Возможно, он не хочет еще больше меня огорчать. – Тут ее голос дрогнул, и она опустила глаза, рассеянно поглаживая через ткань фартука уснувшего зверька, потом вновь взглянула в спокойное красивое лицо Диогена.

– Как я уже говорил, – продолжил тот после паузы, – у нас с вами очень много общего.

Констанс ничего не ответила и продолжала гладить мышку.

– И я многому могу вас научить.

И снова она с трудом удержалась от резкого замечания и лишь спросила:

– Чему же вы можете меня научить?

На лице Диогена появилась добродушная улыбка.

– Ваша жизнь, мягко говоря, довольно уныла. Я бы даже сказал, невыносима. Вы сидите взаперти в этом мрачном доме, словно узница. Почему? Разве вы не живая женщина? Разве вы не имеете права самостоятельно принимать решения, уходить и приходить, когда вам захочется? Тем не менее вас всегда заставляли жить прошлым. А сейчас вы подчинили свою жизнь людям, которые заботятся о вас лишь из чувства вины или стыда. Рен, Проктор и этот назойливый полицейский д'Агоста. Они ваши тюремщики. Они вас не любят.

– Зато меня любит Алоиз.

Диоген грустно улыбнулся.

– Вы считаете, мой брат способен любить? Скажите, он когда-нибудь говорил вам о любви?

– В этом не было необходимости.

– На каком же основании вы пришли к выводу, что он вас любит?

Констанс хотела было ответить, но почувствовала, что лицо ее залила краска смущения. Диоген же махнул рукой, словно давая понять, что ему и так все ясно.

– Вы не должны вести такую жизнь. За этими стенами вы откроете для себя огромный удивительный мир. Я могу научить вас, как использовать вашу необычайную эрудицию и ваши потрясающие таланты таким образом, чтобы они приносили радость и удовлетворение вам самой.

После этих слов сердце Констанс, несмотря на все ее попытки сохранять хладнокровие, сильно забилось; рука, которой она поглаживала мышку, замерла.

– Вы должны жить не только умом, но и чувствами. Ведь помимо души у вас есть еще и тело. Не позволяйте этому ужасному Рену отравлять ваше существование, целый день присматривая за вами, словно нянька. Перестаньте разрушать свою жизнь. Живите! Путешествуйте! Любите! Говорите на языках, которые изучили. Узнавайте мир, непосредственно соприкасаясь с ним, а не со страниц старых пыльных книг. Сделайте свою жизнь цветной, а не черно-белой.

Констанс напряженно слушала, ощущая растущее смущение. Она действительно мало что знала о мире – точнее сказать, почти ничего. Вся ее жизнь была лишь прелюдией – только вот к чему?

– Раз уж мы заговорили о красках, скажите, какого цвета потолок в этой комнате?

Констанс запрокинула голову.

– Синего.

– Он всегда был таким?

– Нет. Алоиз распорядился перекрасить его во время… во время ремонта.

– Как вы думаете, сколько времени ему понадобилось, чтобы выбрать этот цвет?

– Думаю, не много. Оформление интерьера не слишком его интересует.

Диоген улыбнулся.

– Совершенно верно. Не сомневаюсь, что это решение он принял со страстью бухгалтера, готовящего квартальный отчет. Однако к таким серьезным вещам нельзя относиться равнодушно. В этой комнате вы проводите большую часть своего времени, верно? Не кажется ли вам, что это свидетельствует о его отношении к вам?

– Я вас не понимаю.

Диоген подался вперед.

– Возможно, вам станет понятнее, если вы узнаете, как выбираю цвет я. В моем доме – моем настоящем доме, который мне очень дорог, – есть библиотека, похожая на эту. Вначале я хотел оформить ее в синих тонах. Однако после некоторых раздумий и экспериментов понял, что синий цвет приобретает зеленоватый оттенок при зажженных свечах – а ведь в этой комнате после захода солнца это единственный источник освещения. Дальнейшие опыты показали, что при таком свете темно-синие оттенки – например, индиго или кобальтовый – превращаются в черный, а голубые – в серый.

Глубокие тона, такие как бирюзовый, становятся тяжелыми и холодными. Мне стало ясно, что синий цвет, о котором я подумал в первую очередь, совершенно не годится. Не подошли и различные оттенки жемчужно-серого, который мне тоже очень нравится: они теряют свое голубоватое сияние и превращаются в тусклый сумеречно-белый. Темно-зеленый ведет себя так же, как темно-синий, – становится почти черным. Поэтому в конце концов я остановился на светло-зеленом, цвете летней зелени. В мерцании свечей он создает неповторимый эффект: кажется, словно ты находишься под водой. – Он помолчал. – Я живу у моря. Я могу сидеть в этой комнате, погасив свечи, слушать шум волн и представлять, что я ловец жемчуга,

погружающийся в зеленые воды Саргассова моря. Уверяю вас, Констанс, это самая красивая в мире библиотека. – Он еще немного помолчал, словно что-то обдумывая, потом подался вперед и с улыбкой произнес: – А знаете что…

– Что? – еле слышно проговорила она.

– Вам бы она тоже очень понравилась.

Констанс сглотнула, не зная, что ответить.

Диоген бросил на нее быстрый взгляд:

– В прошлый раз я принес вам подарки. Книги, кое-что еще… вы их открывали?

Констанс кивнула.

– Хорошо. Они расскажут вам о других мирах – благоухающих, полных восторга и удовольствий, которые только и ждут, чтобы ими насладились. Монте-Карло, Венеция, Париж, Вена. Или, может быть, вы предпочтете Катманду, Каир, Мачу-Пикчу. – Диоген обвел рукой стены библиотеки, уставленные шкафами с книгами в кожаных переплетах. – Посмотрите на тома, которые вас окружают: Беньян, Бэкон, Мильтон, Вергилий – все до одного старозаветные моралисты. Разве сможет сад цвести, если поливать его хинином? – Он провел рукой по томику Ахматовой. – Вот почему я читал вам сегодня стихи: чтобы показать, что тени, которыми вы себя окружаете, не обязательно должны быть одноцветными. – Он взял из стопки книг одну, довольно тонкую. – Вы когда-нибудь читали Теодора Ретке?

Констанс отрицательно покачала головой.

– Неужели? Тогда вам предстоит испытать редкое, ни с чем не сравнимое наслаждение. – Он раскрыл книгу, перевернул несколько страниц и начал читать: – «Умершие не видят нас. Один лишь поцелуй…»

Слушая эти стихи, Констанс вдруг ощутила странное чувство, глубокое и вместе с тем недоступное, вспыхнувшее в самом тайном уголке ее души. Нечто подобное она испытывала в давно забытых снах.

– «Поем мы вместе, и слились наши дыханья…»

Констанс вскочила. Мышка у нее в кармане протестующее запищала.

– Уже очень поздно, – сказала она дрожащим голосом. – Думаю, вам лучше уйти.

Диоген нежно посмотрел на нее, потом совершенно спокойно закрыл книгу и поднялся.

– Да, пожалуй, так будет лучше всего, – ответил он. – Негодяй Рен должен вот-вот вернуться, и я не хотел бы, чтобы он застал меня здесь. Как, впрочем, и другие ваши тюремщики – д'Агоста и Проктор.

Констанс покраснела и тут же отругала себя за это.

Диоген кивком указал на диван.

– Я оставлю вам и эти книги, – сказал он. – Доброй ночи, дорогая Констанс. – Затем он шагнул вперед и, прежде чем она поняла, что он собирается сделать, наклонил голову, взял ее руку и поднес к губам.

Диоген проделал это со всей учтивостью, однако, почувствовав его теплое дыхание на своей коже, Констанс ощутила неловкость.

А потом он ушел – очень быстро, не сказав больше ни слова, и в пустой библиотеке повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в камине.

Несколько мгновений Констанс простояла неподвижно, прислушиваясь к собственному участившемуся дыханию. Уйдя, Диоген не оставил после себя ничего, что свидетельствовало бы о его недавнем присутствии в этой комнате, даже запаха, за исключением небольшой стопки книг.

Девушка подошла к дивану и взяла верхний том – в прекрасном атласном переплете, с золотым обрезом и вручную расписанными форзацами. Она держала его в руках, ощущая восхитительную шелковистость материи. Потом вдруг положила на место, подхватила со стола недопитый бокал с пастисом и быстро вышла из библиотеки. Войдя в кухню, расположенную в задней части дома, Констанс вымыла и вытерла бокал, после чего направилась к главной лестнице.

В старом особняке было тихо. Проктора в последнее время часто не бывало дома по вечерам – он помогал Эли Глинну в осуществлении его планов. Д'Агоста заглянул несколько часов назад и, убедившись, что все в порядке, сразу же ушел. А «негодяй Рен», как всегда, находился на ночном дежурстве в Нью-Йоркской публичной библиотеке. К счастью, его навязчивая опека ограничивалась дневными часами. Констанс не было необходимости проверять замок парадного входа: она не сомневалась, что дверь заперта.

Девушка тихо поднялась по лестнице в свою комнату и, осторожно достав белую мышку из кармана, посадила ее в клетку. Сняв платье и белье, аккуратно сложила их. Обычно, закончив вечерний туалет, Констанс надевала ночную рубашку и еще около часа читала, сидя в кресле возле кровати, – сейчас она как раз заканчивала «Записки»

Джонсона. Однако сегодня она изменила своим привычкам. Наполнив огромную мраморную ванну горячей водой, взяла с медного подноса красиво упакованную коробочку, в которой находилось с полдюжины маленьких стеклянных бутылочек с маслом для ванны от известной парижской парфюмерной фирмы, – подарок Диогена, сделанный им во время последнего визита. Выбрав одну из бутылочек, Констанс вылила ее содержимое в ванну, и воздух наполнил аромат лаванды и пачулей.

Девушка подошла к большому зеркалу и некоторое время рассматривала свое обнаженное тело, проводя руками по бедрам и плоскому гладкому животу, потом залезла в ванну.

Это был уже четвертый визит Диогена. Он часто рассказывал о своем брате и несколько раз упоминал о некоем событии – настолько ужасном, что он отказывался говорить о нем, сообщив только, что после него ослеп на один глаз. Он также рассказывал о том, как брат старался настроить против него других людей – и в особенности Констанс, – распуская о нем лживые слухи, изображая его настоящим злодеем.

Вначале Констанс отказывалась слушать и, протестуя, заявляла, что Диоген искажает факты в своих собственных низменных целях. Однако он так спокойно воспринимал ее гневные возражения, так убедительно доказывал свою правоту, что она стала невольно задумываться, но всегда находила оправдания Пендергасту.

Да, он действительно иногда казался высокомерным и недоступным, но ведь это была лишь видимость. А не сообщал он о себе лишь потому, что не хотел еще больше ее огорчать. Разве не в этом заключалась единственная причина его молчания? Она любила его – безмолвно, издалека, а он никогда не давал понять, что тоже любит ее или хотя бы догадывается о ее любви. Ей было так важно получить от него хоть какое-то известие!

Была ли в словах Диогена доля правды? Разум подсказывал Констанс, что ему нельзя доверять: он вор, возможно, даже жестокий убийца… Но сердце говорило ей другое. Он казался таким чутким, таким уязвимым. Таким добрым… Он даже представил ей доказательства – документы, старые фотографии, опровергавшие то, что говорил о нем Алоиз. Но Диоген не отрицал всего. Он даже брал на себя часть вины, признавая, что отнюдь не был идеальным братом, что сам часто ошибался. Все было так запутано…

Констанс всегда доверяла своему уму, хоть и знала, что во многом он несовершенен и может подвести ее. Но теперь заговорило ее сердце и заглушило голос рассудка. Она думала о том, правду ли говорил Диоген, когда сказал, что понимает ее. В самой глубине своей души, которую ей еще только предстояло постичь, она верила ему, потому что и сама

ощущала странную связь с ним, более того – начинала сочувствовать ему.

Наконец Констанс вылезла из ванны, вытерлась и закончила приготовления ко сну. Сегодня она надела не обычную хлопковую, а тонкую шелковую ночную сорочку, которая, почти забытая, лежала на самом дне ящика. Скользнув под одеяло, Констанс поудобнее подоткнула пуховую подушку и открыла «Записки» Джонсона.

Она водила глазами по строчкам, но смысл слов ускользал от нее, и девушка почувствовала легкое раздражение. Перевернув несколько страниц, она начала новое эссе, прочитала высокопарное вступление и закрыла книгу. Встав с кровати, подошла к комоду работы Данкана Файфа и выдвинула ящик. Внутри лежала обтянутая бархатом коробка с книгами небольшого формата, которые Диоген принес ей в прошлый раз. Устроившись на кровати с коробкой, она принялась изучать ее содержимое. Это были книги, о которых она только слышала: подобных произведений никогда не было в обширной библиотеке Иноха Ленга: «Сатирикон» Петрония, «Au reburs» Хайсмана, письма Оскара Уайльда Альфреду Дугласу, любовная поэзия Сафо, «Декамерон» Боккаччо. Декаданс, роскошь и любовная страсть пропитывали страницы этих книг подобно мускусу. Констанс погрузилась в одну из них, затем в другую – вначале осторожно, потом с любопытством и, наконец, с жадностью и провела без сна почти всю ночь.

Глава 30

Джерри Фекто выбрал освещенный солнцем участок, с которого хорошо просматривался двор номер четыре, и застегнул форменную куртку. Слабые лучи весеннего солнца едва пробивались сквозь почти полностью закрывавшие небо облака, в углах двора и у стен зданий все еще виднелись островки слежавшегося грязного снега. Фекто бросил взгляд на своего напарника Дойла, занявшего стратегическую позицию напротив.

Им не объяснили смысла их задания, не сделали ни одного намека, лишь приказали наблюдать за двором сверху. Однако Фекто достаточно долго прослужил в Херкморе, чтобы научиться читать между строк. Таинственный заключенный, содержавшийся в одиночной камере, был вознагражден за примерное поведение и получил возможность выходить во двор номер четыре на прогулки – прогулки в компании Поко и его бандитов, от которых невозможно было отказаться. Фекто хорошо знал, что ждет белого – а этот заключенный был наиболее ярким представителем белой расы, – когда он окажется в одном дворе с Лакаррой и его головорезами. А поскольку им приказали наблюдать за двором сверху, пройдет не менее двух минут, прежде чем они доберутся туда в случае необходимости.

Такой приказ можно было объяснить только одним: Барабанщик не оправдал возлагавшихся на него надежд – по какой-то необъяснимой причине он вообще затих, – и начальство придумало что-то новенькое.

Фекто облизнул губы и обвел глазами пустой двор: баскетбольное кольцо без сетки, параллельные металлические перекладины, четверть акра асфальта. До того момента, когда заключенных выведут на прогулку, оставалось еще пять минут. Порученное задание не вызвало у Фекто особой радости. Если кого-нибудь убьют, ему придется несладко. И уж совсем его не вдохновляла перспектива оттаскивать Лакарру от кого бы то ни было. Но с другой стороны, сцены насилия всегда возбуждали Джерри, и сердце его билось быстрее в предвкушении захватывающего зрелища.

Ровно в два часа раздался лязг отодвигаемых засовов, и створки двери распахнулись. Двое охранников вышли в освещенный солнцем двор, зафиксировали дверь и встали по обе стороны от нее. Во двор неторопливо вышел Поко – он всегда выходил первым – и настороженно посмотрел по сторонам, пощипывая растительность под нижней губой. Несмотря на почти зимнюю температуру, он был без куртки, в одном тюремном комбинезоне. Повернувшись, он пошел дальше, продолжая пощипывать бородку и поигрывая мышцами, вздувавшимися под тонкой тканью. Солнечные лучи освещали его наголо обритую голову и лицо, изрытое оспинами от угревой сыпи, словно лунная поверхность – кратерами.

Лакарра не спеша направился в глубину двора, еще шестеро заключенных последовали за ним и стали бесцельно прохаживаться, поглядывая по сторонам и перекатывая во рту жвачку. Охранник бросил во двор мяч, и тот покатился к одному из заключенных, который поддел его ногой, поймал и начал гонять по асфальтированной площадке.

Через мгновение во дворе появилась высокая прямая фигура нового заключенного. Перешагнув через порог, он остановился и спокойно огляделся. Фекто поежился: бедняга даже не подозревает, что его ждет.

Поко и его приятели, похоже, вообще не обратили на новенького внимания – разве что на секунду перестали жевать. Мяч продолжал скакать по асфальту, и его равномерные удары напоминали барабанную дробь: бум… бум… бум. Казалось, во дворе не происходило ничего необычайного.

Таинственный заключенный направился вдоль бетонной стены, посматривая по сторонам. Лицо его было совершенно спокойным, движения – плавными и неторопливыми. Остальные молча провожали его взглядами.

С трех сторон двор ограничивался бетонными стенами Херкмора, а с четвертой, самой дальней, его отгораживала металлическая сетка, по верху которой шла колючая проволока с пропущенным через нее электрическим током. Дойдя до конца стены, заключенный повернулся и направился дальше, глядя сквозь сетчатое ограждение. Фекто давно заметил, что заключенные всегда смотрят на улицу или вверх, на небо, и никогда – на мрачное тюремное здание. На некотором расстоянии от ограждения возвышалась сторожевая вышка, немного дальше виднелись верхушки деревьев, росших за территорией тюрьмы.

Один из двух стоявших у дверей охранников посмотрел вверх и, поймав взгляд Фекто, пожал плечами, словно говоря: «Ничего не понимаю». Фекто в ответ развел руками и знаком предложил охранникам покинуть двор: поскольку доставка заключенных закончилась, в их дальнейшем присутствии не было необходимости. Охранники вернулись в помещение, закрыв за собой дверь.

Фекто поднес рацию к губам и тихо произнес:

– Дойл, слышишь меня?

– Слышу.

– Знаешь, о чем я сейчас думаю?

– Догадываюсь.

– Нам нужно быть готовыми в любой момент бежать вниз и наводить порядок.

– Согласен.

Они замолчали, прислушиваясь к доносившимся со двора равномерным ударам мяча. Все заключенные стояли на месте, кроме таинственного А, продолжавшего медленно двигаться по периметру ограждения. Бум… бум… бум… – стучал мяч. В рации вновь раздался треск, и Фекто услышал голос Дойла:

– Послушай, Джерри, это тебе ничего не напоминает?

– Например?

– Помнишь финальную сцену из «Хорошего, плохого, злого»?

– Ага.

– Так вот это она и есть.

– Может, и так, но с небольшой разницей.

– Какой?

– Там все кончилось по-другому.

В рации послышалось хихиканье:

– Не беспокойся, Джерри. Поко предпочитает живое мясо, только слегка отбитое.

В этот момент Лакарра вынул руки из карманов, выпрямился и посмотрел в какую-то одному ему видимую точку на ограде, футах в тридцати над головой А. Потом взялся рукой за металлическую сетку и стал наблюдать за приближавшимся к нему заключенным. Не останавливаясь ни на мгновение и не меняя направления движения, чтобы обойти Лакарру, тот продолжал свою неспешную прогулку, пока не подошел к нему вплотную. И тут А заговорил. Фекто напрягся изо всех сил, чтобы разобрать слова.

– Добрый день, – произнес заключенный.

Лакарра посмотрел в сторону и спросил:

– Есть сигарета?

– Извините, я не курю.

Лакарра кивнул, продолжая смотреть в сторону. Его полузакрытые глаза напоминали две черные щели. Он вновь начал пощипывать бородку, и с каждым движением его нижняя губа оттопыривалась, обнажая желтые прокуренные зубы.

– Так, значит, ты не куришь, – произнес он тихо. – Здоровье бережешь?

– Раньше я позволял себе время от времени выкурить сигару, но бросил, когда у моего приятеля нашли рак. Бедняге отрезали почти всю нижнюю челюсть.

При этих словах Лакарра очень медленно, словно на кадрах замедленной съемки, повернул голову.

– Должно быть, этот ублюдок стал настоящим уродом.

– В наши дни пластическая хирургия творит чудеса.

Лакарра обернулся к своим дружкам.

– Ты слышал, Рэйф? У этого парня есть приятель без рта.

Словно по сигналу, члены шайки Лакарры вновь начали двигаться, за исключением того, у которого в руках был мяч. По-волчьи настороженные, они подходили все ближе.

– Я, пожалуй, продолжу прогулку, – сказал А, делая шаг в сторону.

Лакарра шагнул в том же направлении, преградив ему путь. А помолчал, потом поднял на Поко серебристо-серые глаза и что-то сказал – так тихо, что Фекто не разобрал ни слова. Лакарра стоял, не двигаясь и не глядя на заключенного, потом спросил:

– Ну и что с того?

Тогда заключенный А произнес, теперь уже более отчетливо:

– Надеюсь, вы не совершите второй самой серьезной ошибки в своей жизни.

– О какой второй ошибке ты толкуешь, черт возьми? И какая была первая?

– Убийство троих невинных детей.

Во дворе повисла напряженная тишина. Фекто вздрогнул, пораженный услышанным: А нарушил одно из священных правил тюремной жизни – и подумать только, в отношении самого Поко Лакарры! Но откуда, черт возьми, он мог знать Поко? Он ведь содержался в одиночной камере с самого первого дня своего заключения в Херкморе. Фекто не на шутку разволновался. Он чувствовал: совсем скоро произойдет что-то ужасное.

Лакарра впервые посмотрел на своего собеседника и улыбнулся, обнажив верхний ряд желтых зубов с дыркой посредине. Потом шумно сплюнул, и плевок попал прямо на ботинок А.

– Где ты это услышал? – вкрадчиво спросил он.

– Но сначала ты их связал – большой, отважный мачо. Наверное, не хотел, чтобы семилетняя девочка расцарапала твое прекрасное лицо. Так, Пако?

Фекто не верил своим ушам. Не иначе как этот парень ищет смерти. Приятели Лакарры также казались озадаченными и, не зная, как поступить, ожидали сигнала главаря.

Поко рассмеялся – это был тихий, зловещий смех, в котором таилась угроза.

– Послушай, Рэйф, – бросил он через плечо. – Сдается мне, что я не нравлюсь этому ублюдку. Ты понимаешь, о чем я?

Рэйф подошел вразвалку.

– Да ну?

Заключенный А промолчал. Теперь и другие стали подтягиваться, окружая странного незнакомца подобно стае волков. Фекто почувствовал, как сильно забилось его сердце.

– Ты задел мои чувства, приятель, – произнес Поко, обращаясь к А.

– Правда? – послышалось в ответ. – И что же это за чувства?

Поко сделал шаг назад, и его место занял Рэйф. Медленно, с равнодушным видом подойдя к А, он вдруг молниеносно выбросил вперед руку, собираясь нанести ему удар в живот.

Однако заключенный А каким-то образом опередил его: Фекто едва успел заметить, как нога мелькнула в воздухе. Рэйф, согнувшись пополам, упал на землю и, издавая жуткие звуки, начал блевать.

– Немедленно прекратите! – крикнул им Фекто, поднося к губам рацию, чтобы связаться с Дойлом.

Когда подбежали остальные бандиты, Поко отступил еще на шаг, предоставляя другим выполнить грязную работу. Фекто, потрясенный, не мог оторвать глаз от происходившего внизу. Никогда еще не видел он, чтобы кто-то двигался с такой невероятной быстротой, как заключенный А. Вероятно, это был какой-то незнакомый вид боевого искусства. Но тем не менее шансов у А не было. Один против шести здоровых мужчин, которые большую часть жизни только тем и занимались, что участвовали в уличных потасовках? Нет, здесь ни у кого бы не было шансов! Что же касается самих подручных Лакарры, то неожиданный отпор произвел на них должное впечатление и они временно отступили, не зная, что делать дальше. На земле рядом с Рэйфом теперь лежал еще один головорез, сраженный ударом в челюсть.

Фекто повернулся и побежал вниз, на ходу вызывая по рации подкрепление: он вовсе не собирался наводить порядок во дворе вдвоем с Дойлом.

Неожиданно Лакарра повысил голос:

– Вы что, позволите этой суке надрать вам задницы?

Бандиты вновь начали окружать противника. Один из них сделал выпад, и А резко обернулся. Однако это была всего лишь уловка: второй головорез тут же нанес ему удар сзади, а третий – в живот. На этот раз удар пришелся в цель. Все вместе бандиты набросились на А, беспорядочно молотя его кулаками, и ему ничего не оставалось, как, пригнувшись, уворачиваться от ударов.

Фекто несся по лестнице, не видя того, что происходит во дворе, потом выскочил в коридор и побежал дальше. Вскоре он увидел Дойла с четырьмя другими охранниками. У всех в руках были дубинки. Фекто отпер двойные двери, и они выбежали во двор.

– Эй! Немедленно прекратите! – кричал Фекто людям Лакарры, которые, навалившись на распростертую на земле фигуру, наносили ей удар за ударом. Еще двое неподвижно лежали на земле, а сам Лакарра куда-то исчез.

– Довольно! – Фекто, сопровождаемый Дойлом и другими охранниками, принялся растаскивать дерущихся: схватил за воротник одного, стукнул дубинкой по уху другого.

– Я сказал – прекратите! Хватит!

Дойл бросился на помощь напарнику, остальные последовали его примеру. Им понадобилось не более тридцати секунд, чтобы усмирить членов банды. Странный заключенный лежал на спине без сознания. Лицо его заливала кровь, резко контрастировавшая с бледной кожей, пояс брюк был почти целиком оторван, рубаха превратилась в лохмотья.

Один из людей Лакарры истерически выкрикивал откуда-то сзади:

– Вы видели, что сделал этот чертов ублюдок? Вы видели, люди?

– Что случилось, Фекто? – раздался из рации голос начальника тюрьмы. – Что там за драка?

«А то ты не знаешь», – подумал Фекто, а вслух произнес:

– Новый заключенный без сознания, сэр.

– Что с ним случилось?

– Нужно вызвать «Скорую помощь»! – кричал сзади кто-то из охранников. – По меньшей мере трое заключенных находятся в тяжелом состоянии! Срочно вызовите «Скорую помощь»!

– Фекто, вы меня слышите? – вновь послышался скрипучий голос Имхофа.

– Да, сэр. Новый заключенный пострадал; правда, не знаю, насколько серьезно.

– Немедленно выясните это!

– Слушаю, сэр!

– И еще. Медицинская помощь должна быть оказана в первую очередь новому заключенному. Вы меня поняли?

– Так точно, сэр!

Фекто огляделся по сторонам. Куда, черт возьми, подевался Поко? Вдруг он заметил Лакарру, неподвижно лежащего на грязном снегу в самом углу двора.

– О Господи! – прошептал Фекто – Где же «Скорая помощь»? Вызовите ее немедленно!

– Ублюдок! – снова раздался истерический вопль. – Вы видели, что он наделал?

– Успокойте остальных! – крикнул Фекто. – Вы слышите? Наденьте на них наручники и отправьте, к чертям, в карцер!

Этот приказ был излишним. Члены шайки, способные держаться на ногах, и так уже были препровождены к двери. Крики стихли, сменившись жалобными стонами одного из заключенных. Лакарра продолжал лежать, как жуткая пародия на молящегося: колени и лицо в снегу, голова неестественно вывернута. Именно его неподвижность больше всего испугала Фекто.

Наконец прибыли две команды «Скорой помощи», следом за ними охранники катили несколько каталок.

Фекто показал на заключенного А:

– Босс просил в первую очередь позаботиться о нем.

– А что делать с тем? – кивнули медики на Лакарру.

– Вначале позаботьтесь о новом заключенном.

Пока Пендергасту оказывали первую помощь, Фекто не сводил глаз с неподвижного тела Поко. Вдруг оно начало двигаться, словно при замедленной съемке, потом перевернулось на бок и вновь застыло. Теперь лицо Лакарры с мертвой ухмылкой было повернуто вверх, а широко открытые глаза смотрели в небо.

Абсолютно ясно было одно: Поко Лакарра больше никогда не сможет ни над кем издеваться.

Глава 31

В этот холодный мартовский день восточный Лонг-Айленд ничем не напоминал место развлечений богатых и знаменитых, которым считался. По крайней мере так казалось Смитбеку, когда он проезжал мимо очередного картофельного поля, покрытого полусгнившей прошлогодней ботвой, и над его головой кружила стая потревоженных ворон.

После встречи с Хейворд он перепробовал множество имевшихся у него в запасе журналистских трюков, чтобы побольше узнать о Диогене: писал статьи, в которых многозначительно намекал на скорый прорыв в ходе следствия, распускал слухи. Но результат оставался нулевым. Пендергаст по-прежнему находился в тюрьме по обвинению в убийстве,

а Диоген словно провалился сквозь землю. Мысль о том, что брат Пендергаста на свободе и наверняка что-то затевает, раздражала и пугала Смитбека.

Он не помнил наверняка, когда эта мысль пришла ему в голову. Но, придя, она не давала ему покоя. Вот почему он направился в восточную часть острова, в дом, который, как он надеялся – очень надеялся, – сейчас пустовал.

Вряд ли он что-нибудь там найдет. В конце концов, все до него уже прочесала полиция. Но это было единственное, что он мог сделать.

– Через пятьсот футов поверните направо, на Спрингс-роуд, – раздался с приборной доски нежный женский голос.

– Спасибо, дорогая Лавиния, – весело ответил Смитбек, хотя настроение у него было хуже некуда.

– Поверните направо, на Спрингс-роуд.

Смитбек подчинился и съехал на посыпанную щебнем дорогу, зажатую между картофельными полями, пляжными домиками с заколоченными окнами и голыми деревьями. Вдалеке виднелось болото, поросшее рогозом и осотом. Вскоре он увидел покосившийся деревянный указатель с полустертой надписью: «Добро пожаловать в Спрингс». Это был самый скромный уголок восточного Лонг-Айленда: сюда почти не доносился запах больших денег.

– Сей городок, моя дорогая Лавиния, мал и ничем не примечателен, но ему присуща особая атмосфера, – произнес Смитбек. – Жаль, что ты его не увидишь.

– Через пятьсот футов поверните направо, на Гловерс-Бокс-роуд.

– Очень хорошо.

– Поверните направо, на Гловерс-Бокс-роуд, – раздался бесстрастный ответ.

– А знаешь, работая в бюро «Секс по телефону», ты с твоими данными могла бы заработать кучу денег. – Смитбек был рад, что Лавиния – всего лишь голос, исходящей из приборной доски его автомобиля. По крайней мере навигационная система не почувствует, как он нервничает.

Вскоре Билл оказался на широкой песчаной косе. По обе стороны дороги тянулись ряды пляжных домиков, окруженных чахлыми соснами, поросшие рогозом болотца и заросли кустарника. Слева виднелась серая полоска воды – залив Гардинерс. Находившаяся справа довольно грязная гавань был закрыта на зиму, а яхты убраны в тендеры.

– Через триста футов вы прибудете в пункт назначения.

Смитбек сбросил скорость. Впереди виднелась подъездная дорожка, которая вела через редкую дубовую рощицу к серому дому с шиферной крышей. Дорожку перегораживала лента ограждения, но присутствия полиции заметно не было. Дом казался необитаемым.

Дорога еще немного попетляла между домами и оборвалась у самого края косы. Стоявший рядом знак сообщал, что Смитбек прибыл на общественный пляж. Билл заглушил двигатель и, выйдя из автомобиля, вдохнул свежий воздух. Других машин поблизости видно не было. С моря дул холодный влажный ветер, и он застегнул молнию на куртке. Потом надел на спину рюкзак, поднял с земли камень, положил его в карман и зашагал по пляжу. Небольшие волны с тихим шелестом набегали на берег. Пройдя с десяток шагов, Смитбек поднял несколько ракушек, но сразу же выбросил их и продолжил свой путь вдоль кромки воды.

Дома начинались сразу же за поросшими травой дюнами – сложенные из серого и белого камня, тихие, с заколоченными на зиму окнами. Найти нужный дом оказалось довольно легко: желтая оградительная лента все еще кое-где висела на колышках, вбитых в землю в неухоженном дворе. Это было внушительных размеров здание постройки двадцатых годов, уже несколько обветшавшее, с крутой двускатной крышей, выходящей на море большой верандой и двумя фронтонами. Смитбек медленно прошел мимо дома, но не заметил никаких признаков присутствия полиции. Загребая ногами песок, он пробрался между дюнами, миновал заросли осота, перепрыгнул через низкий штакетник, поднырнул под ленту ограждения и, быстро пробежав по двору, укрылся в тени дома.

Прижавшись к стене за полузасохшим тисом, Смитбек натянул кожаные перчатки. Дом наверняка закрыт. Осторожно двигаясь вдоль стены, он наконец достиг боковой двери и, приблизив лицо к стеклу, увидел опрятную старомодную кухню, в которой, правда, не было обычной кухонной утвари.

Достав из кармана камень, он обернул его носовым платком и стукнул по стеклу. К его удивлению, ничего не произошло. Тогда он ударил сильнее. Раздался громкий стук, но дверь и на этот раз выдержала. Смитбек внимательно посмотрел на стекло и заметил, что оно необычного голубовато-зеленого цвета, а рама не деревянная, а металлическая. Значит, Диоген установил в доме пуленепробиваемые стекла.

Почему-то это нисколько не удивило Смитбека: следовало ожидать, что хозяин дома предпримет все необходимые меры, чтобы в жилище было так же трудно проникнуть, как и сбежать из него. Билл немного постоял,

обдумывая план дальнейших действий и надеясь, что не напрасно проделал трехчасовой путь. Он не сомневался, что Диоген предусмотрел абсолютно все. Как вот только он сам мог об этом забыть? Не имело смысла искать в укреплении дома слабые места: их попросту не было.

Но, с другой стороны, полицейские могли оставить одну из дверей открытой. Прячась за кустарником, Смитбек пробрался к главному входу и увидел, что поперек двери тоже натянута желтая лента. Вспрыгнув на крыльцо, он посмотрел, нет ли кого на дороге, потом повернулся и стал изучать дверь. Вскоре ему стало ясно, как полицейские сумели проникнуть в дом: они отогнули край дверного полотна ломом и выбили замок – похоже, для этого им пришлось изрядно попотеть, – потом навесили на дверь новый замок, который Смитбек сейчас и рассматривал. Сделанный из закаленной стали, он был слишком толстым, чтобы перекусить его кусачками, поэтому Билл решил заняться петлями – они крепились к металлической двери болтами, вкрученными в специально проделанные отверстия.

Порывшись в рюкзаке, Смитбек вытащил из него крестовую отвертку и через пять минут развинтил замок с одной стороны. Сняв его, он потянул на себя покореженную дверь и через мгновение уже был в доме.

Внутри было тепло – отопление почему-то не отключили. Смитбек немного постоял, потирая руки. Он оказался в типичной гостиной пляжного дома с удобной плетеной мебелью, покрывавшими пол вязанными крючком половиками, шахматным столиком, роялем в углу и огромным камином у дальней стены. Комнату заливал странный зеленоватый свет, проникавший сквозь толстые стекла.

Что он собирался здесь искать? Смитбек и сам не знал ответа на этот вопрос. Нечто, указывающее на теперешнее местонахождение Диогена или на личину, под которой он сейчас, возможно, скрывается… На мгновение им овладело отчаяние: ну что он рассчитывает здесь найти? Вряд ли полиция упустила хоть малейшую деталь. Еще менее вероятно, что мог допустить оплошность сам Диоген. Конечно, он покидал дом в спешке, оставив после себя улики, которых оказалось вполне достаточно, чтобы прийти к однозначному выводу: кражу алмазов совершил именно он. Тем не менее этот человек доказал, что он не только очень умен, но и чрезвычайно осторожен и редко совершает ошибки.

Бесшумно ступая, Смитбек вошел в арку и оказался в столовой, обшитой прекрасными дубовыми панелями, с большим обеденным столом и чиппендейловскими стульями. На темных стенах висели акварели и гравюры. Дверь в противоположной стене вела в маленькую кухню, тоже очень уютную и аккуратную. Вряд ли порядок в доме навела полиция – скорее всего Диоген содержал свое жилище в безупречной чистоте.

Вернувшись в гостиную, Смитбек подошел к роялю и пробежал рукой по клавишам. Инструмент был прекрасно настроен, молоточки реагировали безукоризненно. Из этого следовал вывод, что Диоген умел играть и делал это регулярно.

Смитбек посмотрел на стоявшие на пюпитре ноты: Шуберт, «Экспромт», сочинение № 90. Под ним обнаружились «Clair de Lune» Дебюсси и сборник ноктюрнов Шопена. По всей видимости, хозяин дома был весьма неплохим пианистом, хотя скорее всего недотягивал до уровня профессионала.

За роялем была еще одна арка, ведущая в библиотеку. В этом помещении почему-то царил беспорядок. Книги валялись на полу, некоторые из них были открыты, один край ковра завернулся, рядом лежала разбитая настольная лампа. В центре помещения возвышался большой застланный черным бархатом стол, на котором стояло несколько прожекторов.

В углу Смитбек заметил нечто, от чего по спине у него побежали мурашки, – большую наковальню из нержавеющий стали. Рядом валялись скомканные половики и странного вида молоток, сделанный из серого блестящего металла – возможно, титана.

Пятясь, Смитбек вышел из библиотеки и, повернувшись, стал подниматься по лестнице. Вверху лестничная площадка переходила в длинный холл, обе стены которого были увешаны морскими пейзажами. На столе Билл заметил фигурку, изображавшую склонившегося в молитве монаха-капуцина, рядом стоял стеклянный конус, а под ним – искусственное дерево, украшенное бабочками. Все двери, выходящие в холл, были широко открыты.

Войдя в ближнюю к лестнице комнату, Смитбек подумал, что здесь, должно быть, Диоген держал взаперти Виолу Маскелин. Постель была смята, на полу валялся разбитый стакан. В одном месте кто-то отодрал от стены обои, обнажив металлическую основу.

Металл… Смитбек медленно подошел к стене и осторожно потянул за оборванный край. Стены комнаты были сделаны из толстых стальных листов.

Смитбек вздрогнул, ощутив растущую тревогу. Стекло в окне точно такого же, как внизу, голубовато-зеленого оттенка и забрано металлической решеткой. Он взглянул на дверь – она тоже оказалась стальной, очень тяжелой, и бесшумно двигалась на огромных петлях. Нагнувшись, Смитбек осмотрел замок – механизм сложной конструкции, изготовлен из меди и нержавейки.

Беспокойство, которое испытывал Смитбек, переросло в страх. Что, если Диоген сейчас вернется? Но он тут же одернул себя: конечно же, это невозможно, сама мысль об этом – безумие. Разве только он оставил в доме что-то важное...

Смитбек быстро обошел остальные комнаты, на всякий случай потыкав отверткой в стены соседнего помещения, – они тоже оказались стальными. Неужели Диоген собирался держать в заложниках несколько человек? Или дом был укреплен с другой целью?

Задыхаясь, Смитбек быстро сбежал по ступенькам. Ему было страшно оставаться в этом доме. Совершенно очевидно, что день пропал зря. Он явился сюда без четкого плана, без малейшего представления о том, что рассчитывал здесь найти. Он решил было сделать записи, но тут же передумал: а что, собственно говоря, записывать? Может, лучше выбросить этот дом из головы и поехать проведать Марго Грин, раз уж он и так за городом? Но этот визит скорее всего тоже окажется напрасной тратой времени: насколько он знал, состояние Марго неожиданно ухудшилось, она находилась в коме и ни на что не реагировала...

Вдруг Смитбек замер. На крыльце послышались осторожные шаги. Объятый ужасом, он нырнул в одежный шкаф у подножия лестницы, пробрался к задней стенке и устроился за плотным рядом кашемировых, верблюжьих и твидовых пальто. Неизвестный повозился с замком, дверь заскрипела и медленно открылась. Неужели Диоген?

В шкафу удушающе пахло шерстью, к тому же Смитбек едва мог дышать от страха. Вошедший медленно пересек застеленную ковром переднюю и направился в гостиную. Там шаги замерли. Тишина. Смитбек ждал, боясь пошевелиться.

Наконец шаги послышался вновь – на этот раз в столовой, потом удалились на кухню.

Бежать? Но прежде чем Смитбек успел принять решение, неизвестный вернулся: вошел в библиотеку, вышел, начал подниматься по лестнице. Пора. Смитбек вылез из шкафа, в несколько прыжков преодолел гостиную и выскочил на крыльцо. Поворачивая за угол, он заметил на подъездной дорожке полицейский автомобиль с работающим двигателем и открытой дверью.

Промчавшись по заднем двору соседнего дома, Смитбек выбежал на пляж и чуть не засмеялся от радости. Тот, кого он принял за Диогена, оказался всего лишь копом, зашедшим, чтобы проверить, все ли в порядке. Билл залез в свою машину и постарался успокоиться. День прошел зря. Хорошо хоть ему удалось выбраться из этого логова целым и невредимым. Он завел мотор и включил навигатор.

– Куда бы вы хотели поехать? – послышался нежный, соблазнительный голос. – Пожалуйста, введите адрес.

Смитбек пощелкал меню и выбрал опцию «Офис». Он знал дорогу назад, но ему нравилось слушать Лавинию.

– Мы следуем до места назначения под названием «Офис», – вновь раздался ее голос. – Следуйте на север по Гловерс-Бокс-роуд.

– Правильно, милая!

Смитбек медленно, как ни в чем не бывало, проехал мимо дома Диогена. Коп уже стоял возле своего автомобиля с рацией в руке. Проследив взглядом за Смитбеком, он тем не менее не сделал попытки его задержать.

– Через пятьсот футов сверните налево, на Спрингс-роуд.

Смитбек кивнул, поднял руку, чтобы смахнуть прилипшую к лицу твидовую ворсинку, и внезапно вздрогнул, словно от удара тока.

– Я понял, Лавиния! Все дело в этих пальто!

– Сверните налево, на Спрингс-роуд.

– В шкафу два вида пальто! Супердорогие кашемировые и мохеровые и несколько твидовых – тяжелых и колючих. Ты знаешь кого-нибудь, кто носил бы оба типа? В том-то и дело!

– Проследуйте одну милю по Спрингс-роуд.

– Диоген, несомненно, предпочитает кашемир и мохер. Значит, его «альтер эго» одевается в твид. Он выдает себя за ученого. Это точно, Лавиния, все сходится. Он профессор! Нет, постой! Не профессор, не настоящий профессор… Ведь он же отлично знает музей… В полиции считают, что у человека, похитившего алмазы, был сообщник среди сотрудников музея. Но разве Диоген когда-нибудь пользовался чужой помощью? Черт, это же с самого начала было ясно! Господи, Лавиния, мы все поняли! Я все понял!

– Через пятьсот футов сверните налево, на Олд-Стоун-хайвей.

Глава 32

Самое гнетущее впечатление в психиатрической клинике Белвью на Хейворд произвели не грязные мрачные коридоры, не запертые стальные двери и не смесь запахов дезинфекции, рвоты и испражнений, а звуки. Какофония звуков, доносившихся отовсюду: тихое бормотание, резкие вскрики, однообразные причитания, стоны, поскуливание и быстрый лепет – симфония человеческого горя, время от времени

прерываемая громкими воплями – такими страшными, исполненными такого отчаяния, что от них разрывалось сердце.

Однако сопровождавший ее доктор Гошар Сингх говорил спокойно и размеренно – так, словно ничего не слышал. «А может, он действительно ничего не слышит», – подумала она. Если бы слышал, наверняка бы сам сошел с ума. Все очень просто.

Хейворд постаралась сосредоточиться.

– За все годы моей клинической практики, – тем временем говорил доктор, – мне никогда не приходилось сталкиваться с чем-либо подобным. Мы делаем все возможное, и кое-что нам уже удалось. Хотя прогресс, конечно, не такой заметный, как хотелось бы.

– Это случилось так неожиданно…

– Да, внезапность развития процесса – настоящая загадка. Ну что ж, капитан Хейворд, вот мы и пришли. – С этими словами Сингх отпер дверь и провел Лауру в почти пустую комнату, разделенную надвое длинной стойкой с застекленным окном – совсем как в тюремных комнатах для свиданий. На стойке она заметила переговорное устройство.

– Доктор Сингх, – сказала Хейворд, – я просила о личной встрече с вашим пациентом.

– Боюсь, это невозможно, – почти с грустью ответил тот.

– Надеюсь, вы изыщете такую возможность. Я не могу допрашивать подозреваемого в подобных условиях.

Сингх вновь грустно покачал головой, и его полные щеки задрожали.

– Нет, капитан, решения здесь принимаем мы. К тому же, когда вы увидите пациента, вы и сами поймете, что это не важно. Совершенно не важно.

Капитан Хейворд промолчала. Сейчас не время ссориться с медиками. Сначала она оценит ситуацию, а потом, если будет нужно, вернется сюда и поставит свои собственные условия.

– Не хотите ли присесть? – заботливо предложил Сингх.

Хейворд уселась за стойку, доктор расположился рядом и посмотрел на часы.

– Пациент прибудет через пять минут.

– Какими предварительными результатами вы располагаете?

– Как я уже говорил, это очень необычный случай. В высшей степени необычный.

– Поясните, пожалуйста.

– Электроэнцефалограмма показала наличие очаговых изменений в височных долях мозга. Исследование же с помощью магнитного резонанса выявило ряд мелких повреждений лобных долей, которые, по всей видимости, и вызвали глубокое нарушение сознания и психопатологию.

– Вы не могли бы перевести это на общедоступный язык?

– У пациента, вероятно, серьезно пострадали участки мозга, отвечающие за поведение, эмоции и оценку последствий собственных поступков. Повреждения наиболее значительны в той области мозга, которую психиатры иногда называют «зоной Хиггинботтом».

– Хиггинботтом?

Сингх улыбнулся: по всей видимости, это была узкопрофессиональная шутка.

– Евгения Хиггинботтом работала на сборочном конвейере шарикоподшипникового завода в Линдене, штат Нью-Джерси. В 1913 году на заводе взорвался бройлер, и заготовки взрывом разметало по цеху. Словно произвели выстрел из гигантского дробовика: шарики валялись повсюду. Шесть человек погибли. Евгении Хиггинботтом чудом удалось выжить, но в лобных долях ее головного мозга застряло около двух дюжин крохотных шариков.

– Продолжайте.

– Так вот, у бедняжки произошло полное изменение личности. Из тихой мягкой женщины она превратилась в злобную ведьму, подверженную вспышкам безумия. К тому же пьяницу, неразборчивую в сексуальных связях. Все ее друзья были в шоке. Это подтвердило медицинскую теорию о том, что информация о личностных качествах содержится в мозгу и повреждение последнего может превратить одного человека в совершенно другого. Шарики повредили вентромедиальную лобную часть мозга Хиггинботтом; тот же участок пострадал и у нашего пациента.

– Но в его голове нет никаких шариков, – возразила Хейворд. – Что же могло стать причиной?

– Вот в этом и состоит проблема. Вначале я заподозрил передозировку наркотиков, но в его организме ничего не было обнаружено.

– Может быть, это результат удара по голове или падения?

– Нет. Мы не нашли никаких следов ушибов, синяков или гематом. Мы также исключили инсульт, поскольку повреждения отмечены сразу в нескольких областях, расположенных довольно далеко друг от друга. Единственное объяснение, которое я могу предложить, – это удар электрическим током, причем направленный непосредственно на мозг. Если бы мы имели дело с трупом, вскрытие показало бы гораздо больше.

– Разве от удара током не остаются ожоги?

– Нет, если это сильный ток низкого напряжения – например, генерируемый электронным или компьютерным оборудованием. Но других повреждений нет, поэтому трудно представить себе, как все произошло. Разве что наш пациент ставил на себе какие-то необычные эксперименты.

– Этот человек был специалистом по компьютерным эффектам и занимался подготовкой выставки в музее.

– Я слышал об этом.

Раздался звонок интеркома, и тихий голос произнес:

– Доктор Сингх? Пациент прибыл.

Через окно Лаура увидела, как дверь в другой половине комнаты открылась и в помещение вкатили Джея Липпера. Он сидел в инвалидном кресле, пристегнутый ремнями, делая головой медленные вращательные движения и шевеля губами, с которых, однако, не слетало ни единого звука.

Лицо его было ужасно и напоминало маску: серая кожа обвисла глубокими складками, глаза пугливо бегали по сторонам, язык вывалился изо рта – длинный и розовый, как у страдающего от жары ретривера.

– О Господи! – вырвалось у Лауры.

– Ему ввели большую дозу транквилизатора – для его же безопасности. Мы все еще пытаемся использовать лекарства, ищем нужную комбинацию...

– Понятно. – Хейворд заглянула в свои записи, потом наклонилась вперед и нажала кнопку переговорного устройства. – Джей Липпер!

Липпер медленно вращал головой.

– Джей! Вы меня слышите?

Мелькнуло ли на его лице замешательство, или это ей только показалось? Нагнувшись, Лаура тихо заговорила в микрофон интеркома.

– Джей, меня зовут Лаура Хейворд. Я пришла, чтобы помочь вам. Я ваш друг.

Медленное вращательное движение продолжилось.

– Джей, вы можете рассказать, что произошло в музее?

Липпер не переставая описывал головой круги, собравшаяся на кончике языка слюна пенистой струйкой стекла на пол. Хейворд откинулась на спинку стула и посмотрела на доктора.

– Его родители уже приходили?

Сингх кивнул головой.

– Да, они были здесь. Очень тяжелая сцена.

– Он как-то отреагировал?

– Да, это был единственный случай, когда он продемонстрировал какую-то реакцию, но она длилась недолго. Он вернулся из своего внутреннего мира меньше чем на пару секунд.

– Что он сказал?

– «Это не я».

– «Это не я»? Не знаете, что бы это могло означать?

– Ну… Думаю, у него сохранились какие-то воспоминания о том, кем он был, и, вероятно, он отдаленно представляет себе, кем стал.

– А что было дальше?

Сингх казался смущенным.

– Неожиданно он пришел в ярость. Сказал, что убьет их обоих… вырвет у них кишки. Пришлось ввести ему еще успокоительного.

Хейворд на несколько секунд задержала на нем взгляд, потом задумчиво посмотрела на Липпера. Тот продолжал вращать головой с отсутствующим видом, словно находился за миллион миль.

Глава 33

– Он затеял драку с Карлосом Лакаррой, – сообщил Имхоф специальному агенту Коффи, шагая вместе с ним по длинному гулкому коридору Херкмора. – После этого вмешались друзья Лакарры, и,

прежде чем подоспела охрана, определенные повреждения уже были нанесены.

Коффи терпеливо выслушивал официальную версию происшедшего, Рабинер шел рядом. Шествие замыкали двое охранников. Процессия свернула за угол, и перед ними открылся еще один такой же длинный коридор.

– Какие повреждения?

– Лакарра мертв, – ответил Имхоф. – У него сломана шея. Не знаю, что именно случилось, – точнее, пока не знаю. Заключенные молчат.

Коффи кивнул.

– Ваш заключенный тоже серьезно пострадал – сотрясение мозга средней тяжести, многочисленные ушибы, отбитая почка, пара сломанных ребер и неглубокая колотая рана.

– Колотая рана?

– Похоже, кто-то пырнул его заточкой. Это единственное оружие, обнаруженное на месте драки. Как бы то ни было, ему еще очень повезло. – Имхоф деликатно кашлянул и добавил: – Он не производит впечатления силача.

– Его вернули в камеру, как я приказал? – спросил Коффи.

– Да, хотя доктор был против.

Они миновали охраняемый выход, и Имхоф вызвал лифт.

– Во всяком случае, мне кажется, он сможет ответить на ваши вопросы.

– Надеюсь, вы не давали ему успокоительное? – поинтересовался Коффи, когда раздался негромкий звонок и двери лифта открылись.

– Как правило, в Херкморе не держат успокоительного. Это создает возможности для злоупотреблений.

– Хорошо. Нам не хотелось бы тратить время на кивающее растение.

Лифт поднялся на третий этаж и замер перед двойной стальной дверью. Имхоф набрал код, и тяжелые створки раздвинулись, открыв взгляду длинный коридор с выкрашенными белой краской стенами. С каждой стороны тянулся ряд белых дверей с крошечными окошками и узкими прорезями внизу.

– Это одиночный блок Херкмора, – пояснил Имхоф. Заключенный находится в камере номер сорок четыре. Я бы, конечно, приказал

отвести его в комнату для посещений, но дело в том, что ему довольно трудно передвигаться.

– Я в любом случае предпочел бы побеседовать с ним в камере. Охранники пусть останутся… на случай, если он вдруг станет агрессивным.

– Это вряд ли. – Имхоф наклонился вперед и понизил голос: – Я не собираюсь учить вас, агент Коффи, как вам выполнять свою работу, но, думаю, одно упоминание о том, что его могут вновь отправить на прогулку во двор номер четыре, сразу же развяжет ему язык.

Коффи кивнул. Они подошли к нужной двери, и охранник постучал по ней дубинкой:

– Эй, приведи себя в порядок, к тебе пришли! – Секьюрити стукнул еще пару раз и отошел в сторону, а его напарник отпер дверь и заглянул в камеру.

– Все в порядке, – произнес он, бегло осмотрев помещение.

Первый охранник убрал дубинку в чехол и вошел внутрь.

– Сколько времени вам понадобится? – поинтересовался Имхоф.

– Думаю, часа хватит. Я пришлю за вами охранника, когда мы закончим. – Коффи подождал, пока Имхоф уйдет, и шагнул в маленькую, безукоризненно чистую комнатку. Рабинер последовал за ним. Второй страж запер дверь снаружи и остался ждать в коридоре.

Заключенный лежал на узкой койке, под головой – тонкая подушка. На нем был чистый комбинезон оранжевого цвета – такого яркого, что невольно хотелось зажмуриться. Внешний вид узника произвел на Коффи сильное впечатление: голова перевязана, один глаз полностью заплыл, под вторым красовался синяк. Все лицо представляло собой смесь черного, синего и зеленого цветов. Глаз, которым Пендергаст мог видеть, холодно поблескивал меж опухших век.

– Агент Коффи, – произнес охранник, – не хотите ли присесть?

– Нет, я постою, – ответил Коффи и повернулся к Рабинеру. – Готовы?

Рабинер достал диктофон и кивнул:

– Да, сэр.

Коффи сложил руки на груди и, ухмыльнувшись, посмотрел на обмотанного бинтами заключенного:

– И что это с вами случилось? Попытались поцеловать не того парня? – Ответа не последовало, да Коффи его и не ждал. – Перейдем к делу. – Он

вынул из папки исписанный лист бумаги. – Включайте запись. Я, специальный агент Спенсер Коффи, находясь в камере номер C3-44 Федерального исправительного учреждения Херкмор, приступаю к допросу заключенного, зарегистрированного под именем А.К.Л. Пендергаст. Дата – двадцатое марта. – Помолчав, он продолжил: – Вы можете говорить?

К удивлению Коффи, заключенный ответил утвердительно. Говорил он тихо и не очень внятно, поскольку губы у него были разбиты и сильно распухли.

Коффи улыбнулся столь многообещающему началу:

– Хотелось бы покончить со всем этим как можно быстрее.

– Мне тоже, – ответил заключенный.

Похоже, их план сработал даже лучше, чем рассчитывал агент Коффи.

– Что ж, хорошо. Тогда я вернусь к вопросам, которые уже задавал вам раньше. Но на этот раз надеюсь получить на них ответ. Как я уже отмечал, имеются свидетельства того, что в момент убийства вы находились в доме Декера. У вас имелись средства, мотив и возможность совершить преступление. Кроме того, между вами и орудием убийства существует непосредственная связь. – Заключенный ничего не ответил, и Коффи продолжил: – Во-первых, криминалисты обнаружили на месте преступления полдюжины черных волокон, и это указывает на то, что на убийце была одежда из очень редкой ткани – смеси кашемира и мериносовой шерсти, – изготовленной в Италии в пятидесятых годах. Изучив ваши костюмы, мы пришли к выводу, что все они сшиты из точно такой же ткани, более того – ткань взята из одного рулона.

Во-вторых, на месте преступления обнаружены три волоска, один из них – с корнем. Сравнение его с вашей ДНК выявило практически полное соответствие: погрешность составляет один к шестнадцати миллиардам.

В-третьих, сосед Декера видел человека с бледным лицом и в черном костюме, входившего в его дом за полтора часа до убийства. На трех фотографиях он опознал вас, категорически заявив, что этим человеком были вы. Сосед Декера является членом палаты представителей конгресса США, и это делает его в высшей степени надежным свидетелем.

Коффи показалось, что при этих словах Пендергаст усмехнулся, но он не был в этом до конца уверен, потому что лицо заключенного сразу же вновь приняло серьезное выражение. Несколько мгновений Коффи молча изучал его опухшую физиономию, но не смог прочесть на ней никаких эмоций. Единственное, что он заметил, – это стальное

поблескивание устремленного на него полузакрытого глаза. Ему стало не по себе.

– Вы же агент ФБР и прекрасно знаете правила. – Он протянул Пендергасту листок бумаги. – Вас обязательно признают виновным. Если вы хотите избежать смертельной инъекции, лучше всего начать сотрудничать со следствием, причем сделать это нужно немедленно. – Он стоял перед заключенным, тяжело дыша и не спуская с него взгляда.

Узник выдержал его взгляд и через секунду произнес:

– Что ж, примите мои поздравления. – Его голос звучал покорно, даже подобострастно.

– Могу я вам кое-что предложить, Пендергаст? Признайтесь во всем и отдайтесь в руки правосудия. Это для вас единственный выход, и вам это прекрасно известно. Своим признанием вы избавите Бюро от позора публичного доказательства вины одного из наших людей. Признайтесь – и вас больше не поведут на прогулку во двор номер четыре. – Он опять замолчал.

– Я могу ставить какие-то условия? – спросил Пендергаст.

Коффи усмехнулся, предвкушая скорую победу:

– При таких доказательствах? У вас нет ни малейшего шанса. Повторяю еще раз: ваша единственная надежда, Пендергаст, – продемонстрировать готовность к сотрудничеству, чистосердечно признав свою вину. Сейчас или никогда.

Несколько секунд Пендергаст, казалось, обдумывал его слова, потом приподнялся на койке.

– Хорошо, – сказал он, и Коффи расплылся в довольной улыбке. – Спенсер Коффи, – продолжал тем временем Пендергаст, и его голос стал почти заискивающим. – В течение десяти лет я следил за вашей карьерой в Бюро и признаю, что потрясен ею. – Он глубоко вздохнул. – Я сразу понял, что вы человек особенный, можно сказать – уникальный. Вы – как это сказать? – потрясли меня.

Улыбка Коффи стала шире, он испытал ни с чем не сравнимое удовольствие. Момент унижения ненавистного соперника – об этом большинство людей могут только мечтать.

– Отличная работа, Спенсер. Кстати, можно называть вас Спенсером? Я бы даже сказал, бесподобная.

Коффи с нетерпением ждал признания, которое, несомненно, должно было вот-вот последовать. Этот идиот надеется лестью добиться его расположения? Они все на это надеются: «Ах, только такой умный

человек мог меня поймать!» Коффи сделал Рабинеру знак подойти поближе, чтобы не пропустить ни слова. Самое замечательное заключалось в том, что Пендергаст сам рыл себе могилу. Нет, он не дождется снисхождения, и никакое признание ему не поможет. Ему, убившему одного из лучших агентов ФБР! В крайнем случае ему скостят лет десять – это все, на что он может рассчитывать.

– Мне повезло лично наблюдать вас в деле. Достаточно только вспомнить ту ужасную резню, что произошла в музее много лет назад, когда вы руководили мобильным командным пунктом. Это было незабываемо.

Коффи внезапно почувствовал тревогу. Он плохо помнил ту страшную ночь – по правде говоря, это был не лучший момент в его карьере. А может, он просто слишком строг к себе, как всегда?

– Я вижу все как сейчас, – продолжал тем временем Пендергаст. – Вы – в гуще событий, сохраняете абсолютную выдержку, отдаете приказы.

Коффи неловко переступил с ноги на ногу. Лучше бы этому придурку поторопиться с признанием, а то уж больно он расчувствовался. Просто противно смотреть, до какого унижения может дойти человек.

– Мне было очень тяжело узнать о том, что случилось потом. Вы не заслужили перевода в Уэйко. Это было несправедливо. И даже позже, когда вы приняли возвращавшегося домой подростка с только что пойманным сомом за террориста из «Ветви Давидовой» с реактивной гранатой… Это могло случиться с каждым. Хорошо, что вначале вы промазали и ваш напарник успел сбить вас с ног, прежде чем вы выстрелили во второй раз. Хотя тот парень вряд ли подвергался серьезной опасности: насколько я знаю, в полицейской академии вы были не самым метким стрелком.

Последнюю фразу Пендергаст произнес все тем же подобострастным тоном, и Коффи не сразу уловил ее смысл. Но сдавленный смешок охранника привел его в чувство.

– Мне довелось ознакомиться с отчетом Бюро о положении дел в отделении, которое находилось под вашим мудрым руководством. И я заметил, что оно лидировало сразу по нескольким позициям. Например, за последние три года у вас было наименьшее число успешно раскрытых преступлений. В то же время вы превзошли всех по численности офицеров, подавших рапорт о переводе в другие отделения. У вас зарегистрировано самое большое количество внутренних расследований в связи с некомпетентностью сотрудников и нарушением ими служебной этики. Можно сказать, что ваше возвращение в Нью-Йорк оказалось весьма своевременным. Хорошо иметь тестя – бывшего сенатора, правда, Спенсер?

Коффи повернулся к Рабинеру и, стараясь казаться спокойным, приказал:

– Выключите диктофон.

– Да, сэр.

Пендергаст продолжал говорить, но теперь в его голосе уже отчетливо звучал холодный сарказм:

– Кстати, вы уже излечились от посттравматического стресса? Я слышал, недавно разработали новую методику, которая творит настоящие чудеса.

Коффи сделал знак охраннику и, с трудом изображая равнодушие, произнес:

– Думаю, дальнейший допрос заключенного не имеет смысла. Пожалуйста, откройте дверь.

Второй охранник загремел ключами, а Пендергаст все не унимался:

– Кстати, зная о вашей любви к литературе, я посоветовал бы вам прочитать замечательную комедию Шекспира «Много шума из ничего». Обратите особое внимание на констебля Догберри. Вы можете многому у него поучиться, Спенсер. Очень многому.

Дверь камеры наконец отворилась. Коффи бросил внимательный взгляд на обоих охранников, но на их бесстрастных физиономиях ничего нельзя было прочесть. Расправив плечи, он направился к выходу из одиночного блока. Рабинер и охранники молча последовали за ним.

* * *

Путь по бесконечным коридорам до кабинета Имхофа, расположенного на солнечной стороне административного здания, занял десять минут. За это время лицо Коффи приобрело нормальный цвет.

– Подождите меня здесь, – велел он Рабинеру, молча прошествовал мимо противной секретарши, вошел в кабинет начальника тюрьмы и закрыл за собой дверь.

– Ну, как прошел… – начал было Имхоф, но, посмотрев на Коффи, тут же замолчал.

– Верните его во двор номер четыре, – сказал тот. – Завтра же.

На лице Имхофа выразилось изумление.

– Агент Коффи, когда я говорил об этом некоторое время назад, я имел в виду лишь угрозу. Если он появится там еще раз, они его убьют.

– Социальные конфликты между содержащимися в тюрьме преступниками – их дело, а не наше. Вы решили, что заключенный должен совершать прогулки во дворе номер четыре, – значит, он отправится во двор номер четыре. Если вы сейчас отмените свое решение, он подумает, что одержал над нами победу.

Имхоф хотел возразить, но Коффи резким жестом остановил его:

– Послушайте меня хорошенько, Имхоф. Я даю вам прямое, официальное указание. Этот заключенный должен остаться во дворе номер четыре. ФБР берет на себя всю ответственность.

На некоторое время повисла тишина.

– Мне нужно письменное подтверждение, – сказал наконец Имхоф.

Коффи кивнул:

– Покажите, где расписаться.

Глава 34

Доктор Эдриан Уичерли медленно шел по пустынной в этот час Египетской галерее, ощущая определенное удовольствие от мысли о том, что именно ему – ему, а не Норе Келли – Мензис поручил это важное задание. Он покраснел, вспомнив, как она вначале поощряла его, а потом так безжалостно унизила. Он и раньше слышал, что американки любят поиздеваться над мужчинами, а теперь убедился в этом на собственной шкуре. Эта дрянь оказалась такой же, как все.

Ладно, скоро он вернется в Лондон, и его резюме пополнится важной записью об участии в этом громком деле. Он подумал о юных, готовых на все студентках, работавших волонтерами в Британском музее и уже продемонстрировавших восхитительную гибкость мышления. К черту американок с их ханжеской пуританской моралью!

К тому же Нора Келли слишком любит командовать. Несмотря на то что специалистом по Египту был он, она никогда не выпускала из рук бразды правления и всегда оставляла за собой последнее слово. Ему поручили написать сценарий этого идиотского светомузыкального шоу, но она и тут настояла на внесении множества изменений и постоянно путалась под ногами. И вообще, как она попала на работу в такой крупный музей, когда ее место в каком-нибудь убогом домишке в пригороде, рядом с выводком орущих ублюдков? Кто, интересно, этот ее муж, которому она, по ее словам, хранит верность? А может, все дело в том, что у нее уже есть кто-то на стороне? Да, скорее всего…

Уичерли добрался до пристройки и остановился. Было уже очень поздно – Мензис особо настаивал на этом времени, – и тишина в музее казалась

абсолютной, почти неестественной. Эдриан прислушался и понял, что какие-то звуки все же присутствовали, но что именно они означали, сказать не мог. Какие-то тихие вздохи – может, так шумит работающая вентиляция? Потом его слух уловил слабое тиканье, раздававшееся примерно каждые две-три секунды: тик… тик… тик… Похоже на часы, у которых кончается завод. Чуть позже он услышал глухие удары и стоны – вероятно, их издавали воздуховоды или другие механические системы музея.

Уичерли провел рукой по волосам и настороженно огляделся. Убийцу поймали еще вчера, и опасаться вроде бы нечего. Нечего… Странно, однако, что этот типичный лощеный житель Нью-Йорка мог до такой степени слететь с катушек. Хотя американцы вообще какие-то нервные – а все потому, что пашут, словно каторжные. Сказал бы ему кто-нибудь раньше, что можно столько работать, он бы ни за что не поверил. Попробовали бы ввести такие же правила в Британском музее! Там это назвали бы настоящей дикостью, если не прямым нарушением закона. Взять хотя бы его: уже три часа ночи, а он все еще торчит здесь. Хотя, учитывая характер данного ему Мензисом поручения, это вполне понятно.

Уичерли вставил магнитную карточку в считывающее устройство, набрал код, и створки новенькой стальной двери, ведущей в гробницу Сенефа, почти бесшумно разъехались в стороны. В помещении пахло сухим камнем, эпоксидным клеем, пылью и нагревшимися от долгой работы электронными приборами. Освещение включилось автоматически. Ничто здесь не было предоставлено воле случая – всем управляли компьютерные программы. Специалист, сменивший несчастного Липпера, уже приступил к выполнению своих обязанностей, но заняться ему пока было нечем. До торжественного открытия оставалось еще пять дней, не все коллекции пока успели полностью разместить, но светозвуковое шоу можно было начинать хоть сейчас.

Уичерли вновь замер в нерешительности, скользя взглядом по длинной пологой лестнице и ведущему от нее коридору. Сердце его сжалось от дурного предчувствия. Наконец, тряхнув головой, чтобы отогнать неприятные мысли, он шагнул через порог и начал спускаться по ступенькам, громко стуча по истертым камням.

У первой двери он внезапно и почти невольно остановился: его взгляд был прикован к огромному глазу Гора и высеченным под ним иероглифам: «Да сожрет Аммут сердце всякого, кто переступит этот порог». Это было довольно обычное проклятие – Эдриану довелось посетить по меньшей мере сотню гробниц, где содержались подобные угрозы, и никогда они его не останавливали. Однако изображение Аммута на дальней стене казалось слишком уж зловещим. И эта

странная, темная история гробницы, не говоря уж о том, что случилось с Липпером…

Древние египтяне верили в магическую силу заклинаний, начертанных на стенах усыпальниц фараонов, особенно если те были взяты из Книги мертвых. Они не просто служили украшением, а обладали властью, против которой живые были бессильны. Посвятив столько лет изучению Египта, научившись бегло читать иероглифы, погрузившись в мир древних верований, Уичерли почти начал в них верить. Зная, что все это вздор, он тем не менее так ими пропитался, что они казались ему почти реальными – особенно в этот момент, и особенно гротескное изображение припавшего к земле Аммута. Широко раскрытая блестящая крокодилья пасть и чешуйчатая голова переходили в тело леопарда, а потом – бегемота. Задняя часть туши была особенно отвратительна: жирная, скользкая, бесформенная, расплывшаяся на песке. Уичерли знал, что эти животные во времена фараонов считались главными врагами людей и вызывали у них панический страх. Монстр, соединивший в себе черты всех трех, был самым ужасным чудовищем, которое могли вообразить себе древние египтяне.

Тряхнув головой и криво усмехнувшись, Уичерли продолжил свой путь. Похоже, причиной его страхов стала собственная эрудиция, а также все эти дурацкие разговоры и нелепые слухи, циркулирующие в музее. В конце концов, гробница не была затеряна в бескрайних просторах Верхнего Нила: прямо над ней шумел один из самых больших и современных городов мира. Даже здесь, внизу, Уичерли услышал далекие приглушенные звуки ночного метро и поморщился от досады: несмотря на все усилия, строителям не удалось добиться полной звукоизоляции.

Он миновал колодец и задержал взгляд на иероглифах, густой сеткой покрывавших верхнюю часть стены. Это была довольно странная цитата из Книги мертвых, на которую он во время своего первого визита не обратил особого внимания.

«Место, которое запечатано. Тот, кто ложится в закрытое место, возрождается душой Ба, находящейся в нем. Тот, кто входит в это место, лишается души Ба. Да решит глаз Гора, остаться мне невредимым или быть проклятым, о великий бог Осирис!»

Смысл этой надписи, как и множества других, позаимствованных из Книги мертвых, тогда показался ему совершенно недоступным. Но теперь, когда он прочитал ее во второй раз, в сознании забрезжил луч догадки. Древние считали, что человек имеет пять душ, и душа Ба означала энергию и индивидуальность, присущие каждому человеку.

Эта душа свободно перемещалась между гробницей и подземным царством мертвых, и именно через нее усопший поддерживал связь с последним. Однако душа Ба должна была каждую ночь соединяться с мумифицированным телом, в противном случае покойный мог умереть еще раз – теперь уже навсегда.

Этот отрывок, осенило Уичерли, означал, что тот, кто войдет в запечатанное место, – иными словами, в гробницу, – будет лишен рассудка и, таким образом, проклят глазом Гора. В Древнем Египте душевные болезни считались следствием утраты человеком души Ба. Другими словами, всякий, кто входит в гробницу, обречен на потерю рассудка.

Уичерли поежился: не это ли и произошло с беднягой Липпером? Неожиданно для себя он расхохотался, и его смех резким эхом разнесся под высокими сводами. Что это с ним? Он становится суеверным, как какой-нибудь чертов ирландец. Уичерли еще раз, уже гораздо резче, тряхнул головой и направился во внутренние помещения гробницы. Пора приниматься за работу. В конце концов, у него есть важное задание, полученное от Мензиса.

Глава 35

Нора отперла дверь своего служебного кабинета, положила на стол лэптоп и свежую почту, потом скинула пальто и повесила его на крючок. Было холодное солнечное утро конца марта, яркие желтые лучи били в окно, отбрасывая на пол почти горизонтальные золотые полосы и высвечивая корешки книг на полках, занимавших почти всю противоположную стену.

Еще четыре дня, подумала она с удовлетворением, и можно будет наконец вернуться к черепкам – и мужу Биллу. В последнее время ей приходилось задерживаться в музее допоздна, поэтому они так редко занимались любовью, что он почти перестал жаловаться. Еще четыре дня. Это было трудное, напряженное время – и очень странное, даже по музейным меркам, но, слава Богу, скоро все останется позади. И, кто знает, может, на открытии действительно будет весело. Она возьмет с собой Билла – он любит вкусно поесть, а руководство музея, несмотря на все свои недостатки, умеет устраивать приемы.

Устроившись за столом, она начала вскрывать первый конверт, но тут постучали в дверь.

– Войдите, – крикнула Нора, недоумевая, кто бы это мог быть так рано – стрелки часов показывали восемь утра с небольшим.

В дверном проеме появилась фигура Мензиса. В его голубых глазах застыла тревога, лоб был озабоченно нахмурен.

– Можно? – спросил он, кивая на кресло для посетителей.

– Конечно.

Мензис вошел и сел, закинув ногу на ногу и поглаживая стрелку на брюках из ткани в елочку.

– Вы, случайно, не видели Эдриана? – спросил он.

– Нет. Но еще очень рано – он наверняка вскоре появится.

– В том-то и дело. Он уже пришел – согласно показаниям электронной системы регистрации, в три утра. Прошел через охрану и вошел в гробницу. В три тридцать покинул гробницу и запер ее. После этого он не выходил из музея – во всяком случае, не проходил через охрану. Данные системы безопасности свидетельствуют о том, что он все еще находится в помещениях музея, но его нет ни в его кабинете, ни в лаборатории. Я нигде не смог его найти, вот и подумал: может, он вам что-то говорил?

– Нет, ничего не говорил. А вы не знаете, зачем он явился в музей в три утра?

– Может, хотел подготовиться к сегодняшнему дню? Вы ведь знаете, в девять мы начнем переносить оставшиеся артефакты. Я подключил плотников, отдел выставок и персонал отдела консервации, а Эдриана нигде нет. Не могу поверить, что он мог просто так вот взять и исчезнуть.

– Он появится. На него можно положиться.

– Надеюсь, что так.

– Я тоже на это надеюсь, – раздался еще один голос.

Нора подняла глаза и вздрогнула. Уичерли стоял в дверях, не сводя с нее взгляда.

Мензис, казалось, и сам испугался, но потом вздохнул с облегчением.

– Вот и вы! Наконец-то! А то я уже стал волноваться.

– Не стоит обо мне так беспокоиться.

Мензис поднялся:

– Что ж, получилось много шума из ничего. Эдриан, я хотел бы побеседовать с вами о размещении артефактов. Сегодня нас ждет много работы.

– Можно мне вначале сказать несколько слов Норе? Я зайду к вам через несколько минут.

– Хорошо. – Мензис вышел и закрыл за собой дверь.

Уичерли, не дожидаясь приглашения, уселся в кресло, которое только что освободил Мензис, и Нора почувствовала легкое раздражение. Она очень надеялась, что он не повторит сцены, которую устроил на прошлой неделе.

Когда Уичерли вновь заговорил, голос его был полон сарказма:

– Что, боитесь, как бы я снова не попытался залезть к вам в трусы?

– Эдриан, у меня нет времени на такие глупости. Впереди меня, как, впрочем, и вас, ждет напряженный день. Так что давайте забудем об этом.

– И о вашем гнусном поведении тоже?

– Моем поведении? – Нора вздохнула: ей не хотелось больше об этом говорить. – Дверь прямо за вами. Пожалуйста, воспользуйтесь ею.

– Только после того, как мы кое-что выясним.

Она внимательнее посмотрела на Уичерли и вдруг почувствовала тревогу. Ее поразил его усталый, даже изможденный вид: бледное лицо, синяки под глазами и влажные всклокоченные волосы. Но самым удивительным было то, что его всегда безукоризненные костюм и галстук сейчас казались неопрятными, даже потрепанными. Нора заметила на лбу у него капли пота.

– Вы плохо себя чувствуете?

– Я чувствую себя замечательно! – заявил он, однако при этих словах одна сторона его лица вдруг начала дергаться.

– Эдриан, вам обязательно нужно отдохнуть. В последнее время вы очень много работаете. – Нора старалась говорить ровным, спокойным голосом. Как только Уичерли уйдет, она позвонит Мензису и попросит его дать Уичерли выходной. Как бы ни нуждались они в его знаниях – а Уичерли, несмотря на свое мерзкое поведение, оказался действительно бесценным специалистом, – нельзя позволить ему сорваться перед самым открытием.

Его лицо опять задергалось, на этот раз гораздо сильнее, и обычно приятные черты Эдриана на мгновение исказились ужасной гримасой.

– Почему вы говорите мне это, Нора? Разве я плохо выгляжу? – Голос его теперь звучал гораздо громче, а пальцы так сильно сжали подлокотники кресла, что ногти впились в ткань.

Нора поднялась с места:

– Мне действительно кажется, что после такой напряженной работы вам нужно денек отдохнуть. – Она решила не звонить Мензису: в конце концов именно она руководитель проекта и имеет полное право отослать его домой. Уичерли был не в том состоянии, чтобы заниматься размещением артефактов стоимостью в несколько миллионов долларов.

Его лицо вновь исказилось гримасой.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Вы переутомились, вот и все. Я даю вам выходной. Это приказ, Эдриан. Вы должны отправиться домой и немного отдохнуть.

– Приказ? С каких это пор вы стали моим боссом?

– С того самого дня, как вы здесь впервые появились. А теперь, пожалуйста, ступайте домой, или я вызову охрану.

– Охрану? Очень смешно.

– Пожалуйста, покиньте мой кабинет. – С этими словами Нора потянулась за телефоном.

Но Уичерли внезапно поднялся, перегнулся через стол и, схватив трубку, швырнул ее на пол, после чего выдернул телефонный шнур из гнезда и отбросил его в сторону.

Нора затаила дыхание. С Уичерли происходило что-то ужасное. Ей еще никогда не приходилось видеть людей в подобном состоянии.

– Послушайте, Эдриан, – мягко произнесла она. – Давайте успокоимся. – Она встала.

– Ах ты, чертова шлюха! – тихо, с угрозой в голосе проговорил Уичерли.

Нора заметила, что его пальцы тоже начали подергиваться – спазмы становились все сильнее, пока рука, наконец, не сжалась в кулак. Почти физически ощущая исходящую от него агрессию, она медленно, но решительно обошла стол.

– Я ухожу, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно тверже, и внутренне готовясь защищаться. Если он набросится на нее, она даст ему достойный отпор.

– Как же, уходишь, твою мать! – Уичерли поднялся, преградив ей путь, протянул руку назад и повернул ключ в замке. – Ну, попробуй теперь уйти!

Он стоял перед ней с налитыми кровью глазами, его зрачки напоминали крохотные черные пули. Нора попыталась подавить нарастающую панику, лихорадочно думая, что лучше сработает – спокойное

убеждение или строгий приказ. Она чувствовала запах его пота, почти такой же резкий, как запах мочи. По лицу Уичерли опять пробежала судорога, пальцы правой руки то сжимались, то разжимались – казалось, в него вселился дьявол.

– Эдриан, все в порядке. – Нора старалась говорить спокойно, но голос ее дрожал. – Вам просто нужна помощь. Разрешите, я позвоню доктору.

Лицо Уичерли продолжало дергаться, на шее у него вздулись мышцы.

– Думаю, у вас какой-то припадок, – продолжала она. – Вы меня понимаете, Эдриан? Вам срочно нужна медицинская помощь. Позвольте мне позвонить.

Он лишь что-то промычал в ответ, брызгая слюной.

– Эдриан, я сейчас выйду и позову доктора…

Внезапно Уичерли резко выбросил вперед правую руку и стукнул ее по лицу, но Нора была готова к нападению и успела увернуться, так что удар оказался не слишком сильным. Отступив назад, она закричала:

– На помощь! Охрана! Позовите охрану!

– Заткнись, сука! – Он бросился вперед, волоча за собой одну ногу, и нанес ей еще один удар, теперь уже гораздо более чувствительный.

Нора наткнулась на край стола, потеряла равновесие, и Уичерли тут же накинулся на нее, сбил с ног, смахнув при этом со столешницы лэптоп.

– Помогите! На меня напали! – Она пыталась ткнуть ему в глаза растопыренными пальцами, но он оттолкнул ее руку, ударил по голове, потом схватил за ворот блузки и с силой рванул его вниз, так что посыпались пуговицы.

Нора вновь закричала и попыталась вырваться, но Уичерли свободной рукой обхватил ее за шею с такой силой, что она больше не могла произнести ни звука. Она попыталась упереться в пол, но он зажал ее ноги своими.

– Так, значит, ты думаешь, что ты босс? – Теперь он стал душить ее уже обеими руками. Нора колотила по нему кулаками, дергала за волосы, щипала, но он, казалось, даже не замечал этого, продолжая сдавливать ее шею и почти прижав к ее лицу свое – покрытое потом, искаженное гримасой, отвратительно воняющее. – Я покажу тебе, кто здесь босс.

Нора из последних сил царапала и щипала Уичерли, судорожно хватая губами воздух, который не попадал в горло. Ей казалось, что ее шея уже почти сломалась от чудовищного давления. Кровь перестала поступать к мозгу, и она чувствовала, как силы покидают ее, словно вода,

выливающаяся из перерезанного шланга. Перед глазами Норы вдруг вспыхнули миллионы звезд, а потом стало расплываться черное пятно – словно вылитые в воду чернила.

– Ну что, нравится, сука?

Нора слышала звуки, доносившиеся как будто издалека: настойчивый стук в дверь, треск сломанного дерева. Наконец какой-то дальний уголок ее сознания отметил, что железная хватка на шее стала слабеть, а потом и вовсе исчезла. Она все еще плыла в темноте, когда совсем рядом раздался крик и неправдоподобно громкий хлопок.

Нора перевернулась на бок, схватившись за горло и беспрестанно кашляя... Очнулась она на руках у Мензиса, который баюкал ее как ребенка и громко звал доктора. Она ничего не понимала. С другой стороны стола не прекращалась какая-то возня, несколько музейных охранников что-то кричали... А потом она увидела лужу крови, расплывающуюся по полу. Что случилось?

– Мне пришлось это сделать! Он бросился на меня с ножом! – Полный отчаяния голос врезался в возвращающееся к ней сознание.

– ...всего лишь нож для писем, идиот!

– ...врача! Немедленно!

– ...пытался ее задушить...

Какофония громких испуганных голосов никак не стихала, обрывки фраз звенели в мозгу, и внезапно все вернулось... Нора кашляла, пытаясь вытеснить воспоминания, стараясь не думать, а Мензис усаживал ее в кресло, нашептывая на ухо:

– Все будет хорошо, моя дорогая, все будет замечательно. Доктор скоро придет. Нет-нет, не смотрите туда... Закройте глаза, и все будет хорошо... Не смотрите, не смотрите...

Глава 36

Капитан Хейворд смотрела на огромную лужу крови на покрытом линолеумом полу, на брызги крови на стенах и мебели кабинета – результат отчаянных, но бесполезных попыток медиков заставить вновь биться сердце, остановленное выстрелом в упор из девятимиллиметрового «браунинга». Здесь работали судебные медики и множество других специалистов по осмотру места преступления.

Лаура незаметно вышла из кабинета, предоставив экспертам искать смысл в том, что ей самой представлялось бессмысленным, трагическим несчастным случаем. Перед ней стояла другая задача – опросить жертву нападения до того, как ее увезут в больницу.

Она нашла Нору в служебном холле в окружении ее мужа Билла Смитбека, хранителя отдела антропологии Хьюго Мензиса, медиков, полицейских и музейных охранников. Медики уговаривали ее поехать в клинику, чтобы пройти обследование и необходимый курс лечения.

– Попрошу всех, за исключением Келли и Мензиса, покинуть помещение, – сказала Хейворд.

– Я не уйду, – ответил Смитбек. – Я не оставлю свою жену.

– Что ж, вы тоже можете остаться, – согласилась Лаура.

Один из медиков, по-видимому споривший с потерпевшей до прихода Хейворд, наклонившись к Норе, предпринял последнюю попытку:

– Послушайте, мисс, у вас вся шея в синяках; кроме того, мы не исключаем сотрясения мозга. Последствия могут быть очень неприятными. Вам необходимо обследоваться.

– Пожалуйста, не называйте меня «мисс». У меня докторская степень.

– Доктор прав, – поддержал медика Смитбек, – нужно пройти хотя бы небольшой осмотр.

– Небольшой? Да я проторчу в приемном покое целый день. Ты что, не знаешь, какие порядки в Сент-Льюкс?

– Нора, мы вполне сможем обойтись без вас сегодня, – вставил Мензис. – Вы пережили сильнейшее потрясение…

– Несмотря на все мое уважение к вам, Хьюго, должна заметить, что вы не хуже меня знаете, как доктор Уичерли… О Господи, это просто ужасно!.. – Не договорив, Нора закрыла лицо руками.

Хейворд тут же воспользовалась возможностью, чтобы напомнить о себе:

– Я знаю, что сейчас не самое удачное время, но не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

Нора вытерла глаза:

– Пожалуйста.

– Вам известно, что могло спровоцировать нападение?

Нора глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, потом рассказала о сцене, разыгравшейся в ее кабинете всего десять минут назад, а также упомянула о предложении, которое Уичерли сделал ей за несколько дней до этого. Хейворд слушала не перебивая. Смитбек тоже молчал, но лицо его потемнело от гнева.

– Ублюдок, – не выдержав, пробормотал он.

Нора бросила на него укоризненный взгляд:

– Сегодня с ним что-то произошло. Он был прямо сам не свой. Похоже, это был какой-то припадок…

– Почему вы оказались в музее в такой ранний час? – спросила Хейворд.

– Меня ждал – ждет – очень напряженный день.

– А почему Уичерли пришел так рано?

– Насколько я знаю, он находился в музее с трех часов утра.

Хейворд не смогла скрыть удивления:

– С какой целью?

– Не имею представления.

– Он заходил в гробницу?

Тут вмешался Мензис:

– Да, заходил. Согласно электронной системе регистрации, он вошел в гробницу сразу после трех, пробыл там полчаса и ушел. Где он находился в промежутке времени между половиной четвертого и нападением на доктора Келли, нам неизвестно. Я искал его по всему музею, но не смог найти.

– Надеюсь, вы как следует проверили его биографию, прежде чем предложить ему работу? Приходилось ли ему уже иметь дело с полицией? Проявлял ли он раньше подобную агрессию?

Мензис покачал головой:

– Ничего подобного с ним никогда не случалось.

Хейворд обернулась и, заметив среди полицейских Висконти, жестом приказала ему подойти.

– Запишите показания доктора Мензиса и охранника, застрелившего Уичерли, – велела она и добавила: – А доктора Келли мы сможем опросить после того, как она вернется из больницы.

– Ни в коем случае, – возразила Нора. – Я готова дать показания.

Хейворд сделала вид, что не расслышала ее слов, и спросила, обращаясь к Висконти:

– Где патологоанатом?

– Уехал в клинику вместе с телом.

– Скорее свяжитесь с ним.

Уже через минуту Висконти протянул ей рацию и предложил Мензису отойти в сторону, чтобы взять у него письменные показания.

– Доктор, – сказала Хейворд в рацию, – проведите вскрытие как можно скорее. Проверьте, есть ли повреждения височных долей мозга и особенно вентромедиального участка лобных долей… Нет, я не нейрохирург. Я вам все потом объясню.

Вернув Висконти рацию, она строго посмотрела на Нору.

– Отправляйтесь в больницу. Немедленно, – приказала она и жестом подозвала медиков: – Помогите ей подняться. – Потом повернулась к Смитбеку: – Я хочу поговорить с вами наедине, в холле.

– Но я должен ехать с женой…

– Мы потом доставим вас туда на полицейской машине, с сиренами и мигалками. Так что вы прибудете на место одновременно с машиной «Скорой помощи».

Она обменялась парой слов с Норой, ободряюще похлопала ее по плечу, после чего кивнула Смитбеку, приглашая его проследовать за ней в холл. Они устроились в укромном уголке, и Хейворд пристально посмотрела на журналиста.

– Давно мы не беседовали, – заметила она. – А я думала, вам есть чем со мной поделиться.

Билл заметно смутился:

– Я опубликовал статью, о которой мы с вами говорили. Даже две статьи. Но они ни к чему ни привели. По крайней мере ко мне никто не обращался.

Хейворд кивнула и продолжала выжидательно смотреть на него. Смитбек быстро взглянул на нее и тут же отвел глаза:

– Я проверил все ниточки, но они ни к чему не привели. Тогда я… тогда я отправился в дом.

– В дом?

– В его дом. Туда, где он прятал Виолу Маскелин.

– Вы проникли внутрь? Не знала, что они уже закончили осмотр. Когда сняли ограждение?

Смитбек еще больше смутился:

– Ее еще не сняли.

– Что? – Хейворд повысила голос. – Вы проникли на действующее место преступления?

– Не такое уж оно действующее, – быстро ответил журналист. – За все время я видел там лишь одного копа.

– Имейте в виду, мистер Смитбек, я не хочу больше ничего слышать. Я не позволю вам использовать незаконные методы…

– Но именно в доме я и нашел это.

Хейворд замолчала и внимательно посмотрела на него.

– Я ничего не могу доказать. Это всего лишь предположение. Вначале я действительно подумал, что в этом что-то есть, но потом… Потому я вам и не звонил…

– Выкладывайте.

– В шкафу для верхней одежды я нашел несколько пальто, принадлежащих Диогену.

Хейворд молча слушала, скрестив руки на груди.

– Три из них очень дорогие, из кашемира или верблюжьей шерсти, элегантные, итальянского покроя. Но помимо них в шкафу оказалась парочка неуклюжих, колючих полупальто из твида – тоже дорогих, но совершенно другого стиля. Таких, которые подошли бы скучному английскому профессору.

– Ну и?..

– Я понимаю, что это звучит странно, но, увидев эти твидовые пальто, я подумал, что они выглядят как одежда для маскировки. Словно Диоген…

– Имеет двойника, – закончила за него Хейворд. Она поняла, что имел в виду Смитбек, и ощутила внезапное волнение.

– Совершенно верно. И какой же двойник носит одежду из твида? Только профессор.

– Или хранитель, – добавила Лаура.

– Именно. И тогда мне пришло в голову, что он скрывается под маской хранителя музея. Ведь говорили же, что кражу алмазов совершил кто-то из своих. У Диогена не было сообщника, так может, он сам и есть сотрудник музея? Я понимаю, все это звучит немного дико… – Он замолчал и нерешительно посмотрел на Хейворд.

Лаура ответила ему твердым взглядом:

– Вы знаете, мне это совсем не кажется диким.

– Правда? – с надеждой спросил Смитбек.

– Абсолютно. Ваша версия соответствует фактам больше, чем любая другая из тех, что я слышала. Диоген – хранитель в музее. Думаю, так оно и есть.

– Но в этом нет никакого смысла. Зачем ему понадобилось красть алмазы, а потом превращать их в пыль и возвращать в музей?

– Может, это какие-то личные причины? Может, он за что-то испытывает ненависть к музею? Однако мы не сможем ответить на этот вопрос, пока не арестуем Диогена. Хорошая работа, мистер Смитбек. Но у меня есть к вам одна просьба.

Билл прищурился:

– Пожалуй, я догадываюсь.

– Ваша догадка верна. Этого разговора не было. И пока я не дам на то согласия, ваша версия не пойдет дальше. Вы ничего не сообщите жене и уж тем более «Нью-Йорк таймс». Это понятно?

Смитбек, вздохнув, кивнул.

– Хорошо. А теперь мне нужно найти Манетти. Но сначала я отправлю вас в больницу на полицейской машине. – Она улыбнулась. – Вы это заслужили.

Глава 37

В просторном, обшитом деревянными панелями кабинете директора Нью-Йоркского музея естественной истории Фредерика Уотсона Коллопи царило молчание. На встрече присутствовали: юрисконсульт музея Берил Дарлинг, глава пиар-отдела Джозефин Рокко и хранитель отдела астрономии Хьюго Мензис, – все, кто входил в короткий список доверенных лиц Коллопи. Расположившись за столом, они не сводили с босса глаз, ожидая, что он скажет.

Наконец Коллопи положил руку на обитую кожей столешницу и обвел присутствующих хмурым взглядом.

– Никогда за всю свою долгую историю, – начал он, – музей не сталкивался с кризисом такого масштаба. Никогда. – Он сделал паузу, давая присутствующим возможность осознать серьезность сказанного.

Его аудитория продолжала хранить молчание. Никто не шелохнулся.

– За очень короткое время мы пережили несколько серьезных ударов, любой из которых способен нанести невосполнимый ущерб такому учреждению, как наше. Кража и уничтожение коллекции алмазов. Убийство Теодора де Мео. Необъяснимая агрессия в отношении доктора Келли и последующая гибель виновника нападения – весьма заслуженного ученого, сотрудника Британского музея доктора Эдриана Уичерли, застреленного безответственным охранником… – Он помолчал. – Через четыре дня состоится одно из величайших событий в истории музея – открытие выставки, которая должна заставить общественность забыть о краже коллекции алмазов. И я хочу спросить вас: как мы собираемся поступить? Намерены ли мы отложить открытие? Может, нам стоит провести пресс-конференцию? Сегодня утром позвонили двадцать попечителей музея, и каждый из них имеет собственные соображения на этот счет. А через десять минут у меня назначена встреча с капитаном полиции Хейворд, которая, без сомнения, потребует отложить открытие выставки. Таким образом, нам четверым предстоит сейчас выработать план действий, которого мы и будем придерживаться в дальнейшем. – Он положил руки на стол. – Берил, у вас есть какие-нибудь соображения? – Коллопи знал, что Берил Дарлинг, главный юрисконсульт музея, выскажется с присущей ей чудовищной откровенностью.

Дарлинг подалась вперед с карандашом в руках.

– Первое, что бы я сделала, Фредерик, – это немедленно разоружила всех охранников в этом здании.

– Это уже сделано.

Дарлинг удовлетворенно кивнула.

– Далее, вместо проведения пресс-конференции, которая может выйти из-под контроля, я бы сделала официальное заявление.

– Какого содержания?

– Мы честно расскажем о случившемся, после чего признаем свою вину и выразим искренние соболезнования семьям жертв – де Мео, Липпера и Уичерли…

– Простите, но разве Липпер и Уичерли жертвы?

– Выражение соболезнования будет выдержано в строго нейтральных тонах. Музей не собирается бросать камни в кого бы то ни было. Установкой фактов пусть занимается полиция.

Ответом на эти слова было ледяное молчание.

– А что вы думаете насчет открытия? – спросил Коллопи.

– Отмените его. Закройте музей на пару дней. И сделайте так, чтобы никто из сотрудников – подчеркиваю, никто – не общался с прессой.

Коллопи с минуту молчал, потом обратился к Джозефин Рокко, начальнику отдела по связям с общественностью:

– Что скажете?

– Я полностью согласна с мисс Дарлинг. Мы должны продемонстрировать публике, что относимся к произошедшему со всей серьезностью.

– Спасибо. – Коллопи повернулся к Мензису: – Не хотите что-либо добавить, доктор Мензис?

Коллопи был поражен спокойствием и собранностью Мензиса и пожалел, что сам не обладал таким хладнокровием. Мензис кивнул в сторону Дарлинг и Рокко.

– Хочу поблагодарить мисс Дарлинг и мисс Рокко за их разумные высказывания. В любых других обстоятельствах я бы их с радостью поддержал.

– Стало быть, вы с ними не согласны?

– Не согласен, причем решительно. – Синие глаза Мензиса, полные спокойной уверенности, произвели на Коллопи сильное впечатление.

– Тогда изложите нам собственную точку зрения.

– Мне трудно противоречить моим коллегам, чьи опыт и мудрость в таких вопросах превосходят мои собственные. – Мензис обвел присутствующих кротким взглядом.

– Я попросил вас лишь высказать собственное мнение.

– Ну что ж, хорошо. Шесть недель назад из музея украли коллекцию алмазов, которая впоследствии была уничтожена. На днях приглашенный специалист – заметьте, не сотрудник музея – убил своего напарника. Затем нанятый музеем консультант, который также не числится в штате, напал на одного из наших лучших хранителей, после чего был застрелен охранником. Я хочу спросить вас: что общего между этими событиями? – Мензис вопросительно посмотрел на остальных, но никто ему не ответил. – Мисс Дарлинг? – обратился он к юрисконсульту музея.

– Пожалуй, ничего, – неуверенно произнесла та.

– Вот именно. За эти же шесть недель в Нью-Йорке произошло шестьдесят одно убийство, полторы тысячи вооруженных нападений и

бесчисленное количество других правонарушений – серьезных и не очень. Но разве мэр закрыл город? Нет. Что же он сделал вместо этого? Сообщил хорошую новость: уровень преступности по сравнению с тем же периодом прошлого года снизился на четыре процента!

– А вы, – медленно произнесла Дарлинг, – какую «хорошую новость» сообщите вы, доктор Мензис?

– Моя хорошая новость будет заключаться в том, что, несмотря на последние события, торжественное открытие гробницы Сенефа остается на повестке дня и произойдет точно в намеченный срок.

– То есть вы игнорируете мнение остальных?

– Конечно, нет. Пожалуйста, сделайте заявление, если вам так хочется, но обязательно упомяните в нем, что Нью-Йорк – большой город, а музей – огромное учреждение, которое занимает двадцать восемь акров территории Манхэттена и имеет две тысячи сотрудников. Кроме того, ежегодно его посещают пять миллионов человек. При таких условиях еще удивительно, что число произошедших в нем случайных преступлений так мало. И не забудьте особо подчеркнуть, что преступления никак между собой не связаны и каждое из них уже раскрыто, а преступники задержаны. Это лишь полоса несчастий, вот и все. – Немного помолчав, Мензис добавил: – Имеется еще одно, последнее соображение.

– Какое же? – поинтересовался Коллопи.

– На открытии будет присутствовать мэр, который планирует выступить с важным заявлением. Вполне возможно, что он воспользуется такой благоприятной возможностью, чтобы объявить о намерении участвовать в следующих выборах.

Мензис улыбнулся и обвел комнату насмешливым взглядом ярко-синих глаз, как бы предлагая остальным высказаться. Первой прореагировала Берил Дарлинг. Выпрямившись на стуле, она постучала карандашом по столу и заявила:

– Должна признать, доктор Мензис, это очень интересный подход.

– Мне он совсем не нравится, – перебила ее Рокко. – Мы не можем просто сделать вид, что ничего не произошло. Нас же потом с грязью и смешают.

– Кто предлагает сделать вид, что ничего не произошло? – удивился Мензис. – Напротив, мы честно расскажем обо всем, ничего не скрывая. Мы будем бить себя кулаками в грудь и говорить, что несем полную ответственность. Факты работают на нас, потому что они ясно указывают

на случайный характер этих преступлений. К тому же преступники либо мертвы, либо находятся за решеткой. Дело закрыто.

– А как же быть со слухами? – спросила Рокко.

Мензис с недоумением посмотрел на нее:

– Какими слухами?

– Со всеми этими разговорами о том, что гробница проклята.

Мензис рассмеялся:

– Проклятие мумии? Так это же здорово! Такое никто не захочет пропустить.

Рокко так сильно поджала ярко накрашенные губы, что на помаде появились трещины.

– И не забывайте, что изначально открытие гробницы Сенефа должно было показать городу, что мы все еще остаемся крупнейшим в мире Музеем естественной истории. И сейчас музей больше, чем когда-либо, нуждается в улучшении своего имиджа.

В комнате повисло долгое молчание. Первым его нарушил Коллопи:

– Черт возьми, Хьюго, все это звучит довольно убедительно.

– Как ни странно, я тоже решила изменить свое мнение, – поддакнула ему Дарлинг. – Пожалуй, я соглашусь с доктором Мензисом.

Коллопи посмотрел на главу пиар-отдела.

– А вы, Джозефин?

– У меня есть сомнения, – медленно ответила та, – но попробовать, думаю, стоит.

– Значит, решено, – подвел итог Коллопи.

В следующую минуту дверь неожиданно распахнулась. На пороге стояла женщина в полицейской форме с капитанскими знаками различия. Коллопи бросил взгляд на часы – она явилась секунда в секунду.

– Позвольте представить вам капитана отдела по расследованию убийств Лауру Хейворд, – начал он, поднявшись со стула. – Она…

– Мы знакомы, – перебила его Лаура, устремив на него твердый взгляд фиалковых глаз.

Капитан полиции была на удивление молодой и привлекательной, и Коллопи невольно подумал, что, возможно, ее продвижение по

служебной лестнице объяснялось не столько ее компетентностью, сколько реализацией программы позитивных действий, направленной на ликвидацию расовой и половой дискриминации, но, взглянув ей в глаза, тут же усомнился в правильности своего вывода.

– Я бы хотела поговорить с вами наедине, доктор Коллопи, – сказала Лаура.

– Разумеется.

* * *

После того как все покинули кабинет и дверь закрылась – последним вышел Мензис, – Коллопи повернулся к Лауре:

– Не хотите ли присесть, капитан?

Поколебавшись долю секунды, Хейворд кивнула:

– Пожалуй.

Лаура уселась в кресло, и Коллопи обратил внимание, что она бледна и выглядит очень уставшей, тем не менее ее ярко-голубые глаза казались такими же яркими, как всегда.

– Чем могу вам помочь, капитан? – спросил он.

Лаура достала из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

– Я получила результаты вскрытия Уичерли.

Коллопи удивленно поднял брови:

– Вскрытия? Разве в его смерти было что-то загадочное?

Вместо ответа она положила перед ним еще один лист.

– А это результаты медицинского обследования Липпера. Вывод такой: у обоих произошло внезапное и совершенно идентичное повреждение вентромедиальной области коры головного мозга.

– В самом деле?

– Да. Другими словами, они оба лишились рассудка при одних и тех же обстоятельствах. Повреждение головного мозга привело к развитию у них внезапного острого психоза.

Холодок пробежал по спине Коллопи. Случилось как раз то, что они отрицали, – преступления оказались связанными между собой. И это означало конец.

– Мы полагаем, что причиной произошедшего могло стать какое-то внешнее явление – внутри гробницы Сенефа или в непосредственной близости от нее.

– Гробницы? Почему вы пришли к такому выводу?

– Потому что именно в ней оба побывали незадолго до появления у них этих симптомов.

Коллопи с трудом проглотил вдруг вставший в горле ком.

– Поразительное известие.

– Патологоанатом считает, что причиной могло быть что угодно: электрический шок, яд, испарения или нарушение работы вентиляционной системы, а также неизвестные вирусы или бактерии… Мы точно не знаем. Кстати, это конфиденциальная информация.

– Спасибо и на этом. – Коллопи чувствовал, как холод расползается по всему его телу. Если об этом станет известно, их заявление будет поставлено под сомнение и все, над чем они столько работали, пойдет псу под хвост.

– Я получила эту информацию два часа назад и сразу же отправила в гробницу группу судебных токсикологов, но они пока ничего не обнаружили. Правда, работа только началась.

– Все это очень неприятно, капитан, – наконец ответил Коллопи. – Может ли музей чем-то помочь?

– За этим я и пришла. Я прошу вас отложить открытие выставки до тех пор, пока мы не установим источник опасности.

Именно этого Коллопи и боялся больше всего, тем не менее сумел принять удар.

– Простите, капитан, – твердо произнес он, – но мне кажется, вы сделали два поспешных вывода. Первый – то, что повреждение мозга произошло из-за токсина, и второй – что этот токсин находится в гробнице. На самом деле причиной могло быть что угодно, и случиться это могло где угодно.

– Не спорю.

– К тому же вы забываете, что другие люди – а их очень много – провели в гробнице гораздо больше времени, чем Липпер и Уичерли. Но у них-то нет никаких симптомов.

– Я этого не забыла, доктор Коллопи.

– Как бы то ни было, до открытия остается еще четыре дня. Уверен, этого времени хватит, чтобы как следует все проверить.

– Я хочу исключить любые случайности.

Коллопи глубоко вздохнул:

– Я понимаю, о чем вы говорите, капитан, но вся проблема в том, что мы не можем отложить открытие. Мы потратили миллионы. Менее чем через час сюда явится новый египтолог, специально прибывший в музей из Италии. Уже разосланы приглашения и получены подтверждения, заказаны продукты, наняты музыканты – почти все готово. Отменив все это, мы потеряем огромные деньги. А город истолкует это так, что мы испугались, поддались давлению, что музей – опасное для посещений место. Я не могу этого допустить.

– Должна сказать вам кое-что еще. У меня есть подозрения, что Диоген Пендергаст – человек, напавший на Марго Грин и похитивший коллекцию алмазов, – находится в музее под видом одного из сотрудников. Скорее всего хранителя.

Коллопи изумленно посмотрел на нее:

– Что?

– Я также считаю, что этот человек имеет какое-то отношение к произошедшему с Липпером и Уичерли.

– Это очень серьезные обвинения. Кого именно вы подозреваете?

Немного помедлив, Хейворд призналась:

– Пока никого. Я попросила мистера Манетти как следует изучить личные дела – естественно, не сказав, с какой целью, – но никаких сведений о криминальном прошлом или других подозрительных фактов не обнаружилось.

– Вполне естественно. У наших сотрудников безупречная репутация, особенно у кураторского состава. Я воспринимаю эти ваши домыслы как личное оскорбление, и они никак не повлияют на мою точку зрения относительно открытия выставки. Перенос его сроков будет пагубным для музея, абсолютно пагубным.

Хейворд внимательно посмотрела на Коллопи. Ее взгляд был усталым, но все же не потерявшим остроты, в глазах читалась грусть, словно она предвидела этот ответ.

– Если вы не отложите открытие, то тем самым подвергнете риску множество жизней, – тихо сказала она и добавила: – Я буду вынуждена настаивать на своем решении.

– Значит, наш разговор зашел в тупик, – просто ответил Коллопи.

Хейворд поднялась.

– Мы еще вернемся к нему.

– Возможно, капитан. Но решение будет приниматься на более высоком уровне.

Лаура кивнула и, не сказав больше ни слова, вышла из кабинета. Коллопи подождал, пока дверь за ней закроется. Им обоим было известно, что последнее слово останется за мэром, но Коллопи к тому же отлично знал, каким оно будет.

Мэр Нью-Йорка больше всего на свете любил посещать торжественные мероприятия и никогда не упускал возможности выступить с речью.

Глава 38

Дорис Грин остановилась перед открытой дверью палаты интенсивной терапии. Послеполуденный свет проникал через неплотно зашторенные окна, отбрасывая умиротворяющие полосы света и тени на постель ее дочери. Взгляд Дорис скользнул по издававшим тихое попискивание и равномерное гудение медицинским приборам и остановился на лице Марго. Оно было бледным и осунувшимся, на лоб и щеку упала прядь волос. Дорис подошла к кровати и осторожно поправила ее волосы.

– Привет, Марго, – прошептала она.

Аппараты продолжали гудеть и попискивать. Дорис уселась на край постели, взяла руку дочери – прохладную и легкую как перышко – и легонько ее сжала.

– Сегодня очень хороший день. Солнце светит вовсю – холода, похоже, закончились. У меня в саду взошли крокусы – я уже видела зеленые листочки, только-только проклюнувшиеся из земли. Когда ты была совсем маленькой – лет пяти, не больше, – никак не могла удержаться, чтобы их не сорвать. Помню, однажды ты принесла мне целую охапку крохотных, наполовину раздавленных стебельков – опустошила весь сад. Я тогда очень расстроилась… – Тут голос Дорис задрожал, и она замолчала.

Через минуту в палату вошла сестра, и ее бодрый вид и шуршание накрахмаленного белого халата рассеяли дымку горьковато-сладких воспоминаний.

– Как дела, миссис Грин? – спросила она, поправляя цветы в вазе.

– Все в порядке, Джонетта. Спасибо.

Сестра проверила приборы, быстро записала что-то в блокнот, потом поправила капельницу и трубку дыхательного аппарата. Обойдя кровать Марго, аккуратно расставила открытки с пожеланием скорейшего выздоровления, занимавшие все свободное место на столе и полках.

– Доктор придет с минуты на минуту, миссис Грин. – Она улыбнулась и направилась к двери.

– Благодарю вас.

В палате вновь воцарилась тишина. Дорис тихонько погладила руку дочери. Воспоминания нахлынули вновь, без всякой упорядоченности или хронологической последовательности: вот они вместе ныряют с причала на озере; вот дочь вскрывает конверт с результатами вступительных экзаменов в университет; вот они жарят рождественскую индейку и, наконец, стоят рядышком у могилы отца Марго…

Дорис проглотила комок в горле, продолжая нежно поглаживать руку дочери, и вдруг почувствовала, что за спиной у нее кто-то стоит.

– Добрый день, миссис Грин.

Она обернулась и увидела красивого темноволосого мужчину в белоснежном халате. Доктор Винокур излучал уверенность и сочувствие, и Дорис Грин знала, что последнее не просто проявление врачебного такта – этот человек действительно очень переживает за Марго.

– Может, побеседуем в приемной? – спросил он.

– Я бы лучше осталась здесь. Если Марго нас слышит – а кто знает, может, так оно и есть, – наверняка ей захочется узнать все.

– Что ж, хорошо. – Винокур сел в кресло для посетителей и сложил руки на коленях. – Прежде всего я хочу сказать вам, – начал он, немного помолчав, – что мы так и не смогли поставить диагноз. Каких только исследований мы не проводили… Консультировались с ведущими неврологами и специалистами по коматозному состоянию, с лучшими врачами Нью-Йоркской больницы и клиники Маунт-Эберн в Бостоне, но ситуация так и не прояснилась. Марго находится в глубокой коме, и мы не знаем почему. Хорошая новость заключается в том, что у нее нет каких-либо признаков необратимых изменений мозга. С другой стороны, основные показатели состояния организма у нее не улучшаются, некоторые даже ухудшаются. Она просто не реагирует ни на какие методы лечения. Я могу изложить вам десяток теорий и десяток врачебных подходов, которые мы использовали, но факт остается фактом: ее организм ни на что не реагирует. Мы, конечно, можем перевезти ее в южный Уэстчестер. Но, по правде говоря, там нет ничего, чего бы не было у нас, а переезд может отрицательно сказаться на ее состоянии.

– Я предпочла бы оставить ее здесь.

Винокур кивнул.

– Должен сказать, миссис Грин, вы замечательная мать. Я знаю, как вам тяжело.

Дорис медленно покачала головой.

– Ведь я думала, что потеряла ее. Я уже почти похоронила мою девочку. Тяжелее этого ничего быть не может. Но я знаю, что она поправится. Я знаю это.

Доктор Винокур едва заметно улыбнулся.

– Может быть, вы и правы. У медицины нет ответов на все вопросы, тем более такие сложные, как в этом случае. Доктора ошибаются гораздо чаще, чем принято думать, да и болезнь – гораздо более серьезная вещь, чем многим кажется. Марго не одна. В стране тысячи таких же людей, как она, находятся в тяжелом состоянии и без диагноза. Я говорю это не в качестве утешения, а для того, чтобы у вас была максимально полная информация. Мне кажется, в ней вы нуждаетесь больше.

– Вы правы. – Дорис перевела взгляд с доктора на Марго и обратно. – Странно, я совсем не религиозный человек, но молюсь за нее каждый день.

– Чем дольше я работаю в медицине, тем больше убеждаюсь в целительной силе молитвы. – Он помолчал. – У вас есть какие-то вопросы? Может быть, я чем-нибудь могу помочь?

Дорис нерешительно посмотрела на него.

– Да, я хотела кое-что спросить. Недавно мне позвонил Хьюго Мензис. Вы его знаете?

– Да, конечно, это шеф Марго, он работает в музее. Кажется, он находился рядом, когда у нее случился приступ.

– Именно так. Он позвонил, чтобы рассказать, как все произошло. Он подумал, что я захочу это узнать.

– Естественно.

– Вам приходилось с ним разговаривать?

– Да, конечно. Очень внимательный человек: несколько раз заходил проведать Марго после того, как ее состояние ухудшилось, и казался очень озабоченным.

Дорис слабо улыбнулась.

– Большое счастье иметь такого заботливого шефа.

– Совершенно с вами согласен. – Винокур поднялся.

– Доктор, я еще немного побуду с ней, если вы не возражаете, – попросила Дорис Грин.

Глава 39

За тридцать часов до торжественного открытия гробница Сенефа напоминала потревоженный улей, но в роли пчел теперь выступали не только хранители, электрики, плотники и другие сотрудники музея: свой вклад в общую сумятицу вносили совершенно новые лица. Пройдя по Второму переходу бога, Нора оказалась у входа в Зал колесниц, освещенный ярким светом софитов. У дальней его стены возились какие-то люди, устанавливающие камеры и микрофоны.

– Сюда, сюда, детка! – Худощавый мужчина в спортивного покроя пиджаке из верблюжьей шерсти и крохотном желтом галстуке-бабочке яростно махал тонкими руками, подзывая дородного звукооператора.

Нора догадалась, что это Рэндалл Лофтус, о котором ей недавно говорил Мензис. Лофтус получил известность благодаря своему документальному сериалу «Последний ковбой», после чего снял еще несколько документальных телефильмов, принесших ему различные кинопремии.

По мере того как Нора подходила ближе, гул голосов становился громче.

– Раз-раз-раз…

– Черт! Здесь акустика как в сарае!

Лофтус и его команда готовились к съемкам премьеры светозвукового шоу, которая состоится в день открытия выставки. Местная станция Государственной службы телерадиовещания намеревалась вести прямую трансляцию торжественного открытия и надеялась привлечь к этому не только отделения Пи-би-эс по всей стране, но также компании Би-би-си и Си-би-эс. Готовился настоящий пиар-прорыв, и в его подготовке заметную роль сыграл лично Мензис. Нора знала: в конечном итоге международное внимание, как ничто иное, поможет восстановить репутацию музея, но пока что телевизионщики сильно осложняли ей работу, путаясь под ногами в самый неподходящий момент. Протянутые ими кабели лежали повсюду, и о них постоянно спотыкались ассистенты, расставлявшие бесценные египетские предметы старины. Ослепительный свет софитов способствовал еще большему нагреву помещения, в котором и так уже было слишком жарко из-за работавшей электроники и десятков людей, метавшихся взад-вперед словно безумные. Надрывно гудевшая система

кондиционирования явно не справлялась с возложенной на нее задачей снижения температуры в залах, где будет проходить выставка.

– Поставьте в тот угол два шестидюймовых однокиловаттных софита, – говорил тем временем Лофтус. – Эй, кто-нибудь, передвиньте этот кувшин!

Нора быстро подошла к нему и спросила:

– Вы мистер Лофтус?

Рэндалл обернулся и посмотрел на нее поверх очков от Джона Митчелла.

– Да, а что?

Нора храбро протянула ему руку.

– Я доктор Нора Келли, куратор выставки.

– Ах да. Рэндалл Лофтус. – Он уже готов был отвернуться.

– Простите, мистер Лофтус, вы попросили своих людей передвинуть кувшин. Но должна вам напомнить, что здесь ничего нельзя отодвигать – и даже трогать – без сотрудников музея.

– Ничего нельзя трогать! А как прикажете устанавливать оборудование?

– Боюсь, вам придется как-то обходить артефакты.

– Обходить артефакты! Мне никогда еще не предлагали работать в таких условиях. Эта гробница – настоящая смирительная рубашка. Я не могу выбрать нужный угол или расстояние. Просто безобразие!

Нора ослепительно улыбнулась.

– Уверена, что вы с вашим талантом наверняка найдете какой-нибудь выход.

Улыбка не произвела на Лофтуса никакого впечатления, но при слове «талант» он внимательно посмотрел на Нору.

– Я всегда восхищалась вашими работами, – продолжала Нора, чувствуя, что выбрала верный тон. – Я была просто в восторге, когда узнала, что вы согласились заняться постановкой шоу. И я не сомневаюсь, что если уж кто и сможет справиться с этой задачей, то только вы.

Лофтус наклонил голову и коснулся своей бабочки.

– Большое спасибо. Поистине лесть способна творить чудеса.

– Я просто хотела познакомиться и предложить свою помощь.

Лофтус вдруг отвернулся и закричал на человека, стоявшего на приставной лестнице в темном углу:

– Не то! Другой свет! Попробуйте ЛТМ! Укрепите софит на максимальной высоте! – Он повернулся к Норе. – Вы очень любезны, но этот кувшин действительно необходимо передвинуть.

– Мне очень жаль, – ответила Нора, – но у нас нет времени, чтобы что-то двигать, даже если бы нам этого захотелось. Этому кувшину три тысячи лет, он бесценен – его нельзя просто поднять или переставить. Для этого понадобятся специальное оборудование и специально обученный персонал… Как я уже сказала, вам придется работать с тем, что есть. Я готова оказать любую помощь, но здесь ничего не могу поделать. Мне действительно очень жаль.

Лофтус глубоко вздохнул.

– Я не могу работать с этим кувшином. Он слишком огромный и безобразный.

Нора промолчала, и он махнул рукой.

– Я поговорю об этом с Мензисом. Это на самом деле невозможно.

– Уверена, что у вас так же мало времени, как и у меня, поэтому я вас покину, – ответила Нора. – Если вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать.

Лофтус тут же отвернулся и набросился на другого возившегося в темноте бедолагу ассистента.

– Нижний кранковатор находится там же, где и провод, – на полу. Ты практически на нем стоишь. Опусти глаза, он у тебя между ног! О Господи!

Нора вышла из Зала колесниц и направилась в погребальную камеру, оставив Лофтуса ругаться с подчиненными. Кураторы расставляли артефакты в этом помещении в последнюю очередь, и сейчас, когда работа была закончена, Нора собиралась сравнить то, что получилось, с первоначальным планом. Несколько техников возились с аппаратами нагнетания тумана, установленными в огромном каменном саркофаге. Несколько часов назад был проведен генеральный прогон всего светомузыкального шоу, и Нора вынуждена была признать, что результат превзошел все ее ожидания. Каким бы придурком и сумасшедшим ни оказался Уичерли, он проявил себя блестящим ученым и отличным писателем. Написанный им сценарий был настоящим tour de force, и финал, когда Сенеф вдруг оживает и

поднимается над клубами тумана, вовсе не казался дешевым трюком. Кроме того, Уичерли удалось вставить в шоу много полезной информации, и посетители должны были покинуть выставку, получив не только удовольствие, но и новые знания. Она задумалась. Странно, что такой квалифицированный археолог вдруг превратился в безумца. Нора невольно потерла покрытую синяками и все еще болевшую шею. Ей было тяжело заходить в свой кабинет после того, что случилось. Странный, трагический, необъяснимый несчастный случай… Она опять постаралась отогнать воспоминания о нападении. У нее еще будет время об этом подумать после открытия выставки.

Нора вдруг почувствовала, как ее плеча легко коснулась чья-то рука.

– Доктор Келли, если не ошибаюсь? – послышалось тихое контральто, явно принадлежавшее образованной англичанке.

Нора обернулась и увидела высокую женщину с длинными темно-рыжими блестящими волосами, одетую в старые льняные брюки, кеды и такую же непрезентабельную рабочую рубашку. Нора подумала, что это, вероятно, одна из сотрудниц, с которыми она еще не встречалась: женщину с такой яркой внешностью не запомнить было невозможно. Тем не менее, внимательно глядя на незнакомку, она была почти уверена, что где-то ее уже видела.

– Да, это я, – ответила Нора. – А вы?..

– Виола Маскелин. Я египтолог и новый приглашенный куратор шоу. – С этими словами она энергично пожала руку Норы.

Пожатие было сильным, а ладонь Виолы Маскелин показалась Норе немного шершавой. Эта женщина явно много времени проводила под открытым небом – об этом свидетельствовали ее загар и худое лицо, которое можно было даже назвать обветренным.

– Рада знакомству, – ответила Нора. – Я не ждала, что вы приедете так быстро.

– Мне тоже очень приятно, – сказала Маскелин. – Доктор Мензис очень вас хвалил, да и все здесь вас просто обожают. Доктор Мензис сейчас занят, но я решила не ждать его и пойти сюда сама, чтобы познакомиться с вами… и увидеть эту потрясающую выставку!

– Как видите, подготовка близка к завершению.

– Уверена, что у вас все под контролем. – Маскелин с одобрением посмотрела вокруг. – Меня очень удивило приглашение от музея. Не могу передать, как я была рада приехать сюда: ведь гробницы Девятнадцатой династии – моя специализация. К тому же, как ни странно это звучит, гробница Сенефа никогда серьезно не изучалась, а

материалы о ней не публиковались, несмотря на то что в ней содержится наиболее полный из известных текстов Книги мертвых. Гробница всегда считалась чем-то вроде мифа – как, например, крокодилы в канализации. Это просто невероятно!

Нора улыбалась и кивала, одновременно внимательно изучая лицо женщины. Ее удивила скорость, с которой была найдена замена Уичерли, – ведь тот умер всего пару дней назад. Но в конце концов, подумала она, до открытия осталось не так уж много времени, а музей просто обязан иметь в своем распоряжении египтолога.

Виола, не замечая царящего вокруг хаоса, с восхищением осматривала гробницу.

– Какое сокровище!

Нора поймала себя на том, что ей понравилась восторженность Маскелин. Ее открытость и прямота были куда лучше, чем напыщенность и занудство какого-нибудь старого, покрытого пылью профессора.

– Я как раз проверяю размещение экспонатов и правильность надписей на табличках, – сказала она. – Если хотите, можем заняться этим вместе. Вдруг вы заметите какую-то ошибку?

– С удовольствием вам помогу, – ответила Виола, радостно улыбаясь. – Хотя, зная, что всю работу выполнил Эдриан, уверена, что никаких ошибок быть не может.

Нора бросила на нее удивленный взгляд.

– Вы были с ним знакомы?

Виола помрачнела.

– Нас, египтологов, не так уж много. Доктор Мензис рассказал мне о том, что случилось. Я не в состоянии это понять. Какой ужас вам пришлось пережить!

Нора в ответ лишь кивнула.

– Я знала Эдриана как профессионала, – продолжала Виола, уже спокойнее. – Он был замечательным египтологом, хоть и считал себя настоящим подарком для женщин. Но я никогда не думала, что… Какой ужас! – Она замолчала.

Повисла неловкая тишина. Наконец Нора взяла себя в руки.

– Он оставил о себе хорошую память, – медленно произнесла она. – Я имею в виду его работу по подготовке выставки. И хоть это звучит и банально, жизнь продолжается.

– Думаю, вы правы, – ответила Виола и уже немного веселее добавила: – Я слышала, что светозвуковое шоу – это что-то потрясающее.

– Да, и в нем будет все, даже говорящая мумия.

Виола рассмеялась:

– Звучит заманчиво!

Они продолжили путь. Нора, сверяя надписи на табличках со своими записями, в то же время незаметно разглядывала Виолу Маскелин, которая внимательно изучала содержимое стеклянных витрин. У одной из них, где была выставлена очень красивая канопа, женщины остановились.

– Боюсь, эта канопа Восемнадцатой династии, – сказала Виола. – Она кажется немного анахроничной в сравнении с другими экспонатами.

Нора улыбнулась:

– Да, я знаю. У нас нет всех нужных артефактов Девятнадцатой династии, поэтому пришлось пойти на хитрость, немного расширив временной период. Эдриан объяснил, что в захоронения, даже во времена фараонов, часто клали старинные предметы.

– Совершенно верно. И зачем только я об этом заговорила! Я слишком придираюсь к мелочам.

– Именно это качество нам и нужно.

Они обошли погребальную камеру: Нора – сверяясь со своим списком, Виола – читая надписи на табличках и внимательно разглядывая артефакты.

– Вы умеете читать иероглифы?

Виола кивнула.

– Что вы можете сказать о надписи над дверью, на которой изображен глаз Гора?

Маскелин рассмеялась:

– Это самое страшное проклятие из всех, которые мне приходилось видеть.

– В самом деле? Я думала, они все страшные.

– Напротив. Множество египетских гробниц вообще не защищены проклятиями. В этом не было необходимости: все и так знали, что грабить фараона – все равно что грабить самих богов.

– Тогда зачем проклятие высечено на этой гробнице?

– Думаю, дело в том, что Сенеф не был фараоном и, следовательно, не считался богом. Вероятно, он решил, что дополнительная защита в виде проклятия обеспечит сохранность его усыпальницы. А уж это изображение Аммута… Брр! Гойя и тот не написал бы его лучше.

Нора взглянула на чудовище и мрачно кивнула.

– Насколько мне известно, слухи об этом проклятии уже успели распространиться, – сказала Виола.

– Первыми о нем заговорили охранники, а теперь уже весь музей гудит. Технический персонал наотрез отказывается входить в гробницу с наступлением вечера.

Обойдя колонну, они наткнулись на женщину в сером костюме, которая сидела на коленях на каменном полу и собирала в пробирку пыль из трещин. Рядом с ней мужчина в белом халате раскладывал какие-то образцы в переносной химической лаборатории.

– Что это она делает? – шепотом спросила Виола.

Нора никогда раньше не видела эту женщину, совсем не похожую на сотрудницу музея. Скорее она напоминала офицера полиции.

– Давайте узнаем. – Нора подошла поближе. – Здравствуйте, меня зовут Нора Келли, я куратор выставки.

Женщина поднялась с колен.

– А я Сьюзан Ломбарди, из Администрации по контролю профессиональной безопасности и здоровья.

– Могу я узнать, что вы здесь делаете?

– Мы берем пробы на вредные вещества – токсины, микробы и так далее.

– Вот как? И в связи с чем возникла такая необходимость?

Сьюзан пожала плечами:

– Насколько мне известно, это задание полицейского управления Нью-Йорка. Причем очень срочное.

– Понятно. Благодарю вас.

Нора отвернулась, и Сьюзан Ломбарди продолжила свою работу.

– Странно, – задумчиво произнесла Виола. – Может, они опасаются какой-то эндемической инфекции? В некоторых египетских гробницах были обнаружены древние вирусы и споры.

– Скорее всего так и есть. Однако странно, что меня никто не предупредил.

Но Виола уже отвернулась и не услышала ее последних слов.

– Посмотрите, какой прекрасный сосуд для мази! В Британском музее нет ничего подобного! – С этими словами она бросилась к витрине с покрытым росписью сосудом из гипса, на крышке которого был изображен лев, приготовившийся к прыжку. – О Господи, это же орнамент самого Тутмоса! – Виола опустилась на колени, с восторгом разглядывая артефакт.

В облике Виолы Маскелин было что-то освежающее, живое, даже мятежное. Нора окинула взглядом ее старые брюки и выцветшую рубашку, вспомнила об отсутствии косметики и невольно подумала: интересно, эта женщина всегда будет являться в музей в таком виде? Она абсолютно не соответствовала образу того консервативного надутого британского археолога, который создала себе Нора.

Виола... Виола Маскелин... Имя казалось ей странно знакомым и словно о чем-то напоминало... От кого она его слышала? От Мензиса? Нет, не от него, от кого-то еще...

И вдруг она вспомнила.

– Это вас похитил человек, укравший коллекцию алмазов! – выпалила Нора, не успев как следует подумать, и тут же покраснела.

Виола поднялась и медленно отряхнула пыль с колен.

– Да, это была я.

– Простите, не понимаю, как у меня это вырвалось...

– На самом деле я даже рада, что вы об этом упомянули. Лучше уж выяснить все сразу и больше об этом не говорить.

Нора чувствовала, как пылают ее щеки.

– Все в порядке, Нора. Правда. Честно говоря, это было еще одной причиной, по которой я с радостью согласилась на эту работу и прилетела в Нью-Йорк.

– В самом деле?

– Для меня это как падение с лошади: если хочешь продолжать скакать верхом, нужно сразу же снова сесть в седло.

– Мне нравится такой подход. – Нора помолчала, потом спросила: – Значит, вы подруга Пендергаста?

Теперь настала очередь краснеть Виоле Маскелин.

– Можно сказать и так.

– Мы с мужем, Биллом Смитбеком, хорошо знаем специального агента Пендергаста, – пояснила Нора.

Виола взглянула на нее с интересом.

– Правда? А как вы познакомились?

– Я помогала ему в расследовании, которое он вел несколько лет назад. То, что с ним случилось, просто ужасно! – Помня о просьбе Билла, Нора не упомянула, чем занимается ее муж.

– Агент Пендергаст – еще одна причина моего возвращения, – тихо сказала Виола и замолчала.

Завершив обход погребальной камеры, они быстро проверили экспонаты в соседних. Нора посмотрела на часы:

– Уже час. Не хотите ли перекусить? Мы пробудем здесь как минимум до полуночи, а какая работа на пустой желудок? Пойдемте, суп из креветок, который готовят в столовой для персонала, стоит того, чтобы его попробовать.

Услышав это, Виола улыбнулась:

– Ну что ж, Нора, тогда вперед!

Глава 40

Специальный агент Пендергаст лежал с открытыми глазами в душной темноте сорок четвертой камеры, в самой глубине одиночного блока Херкморского федерального исправительного учреждения. Темнота не была абсолютной: на потолке замер неподвижный бледно-желтый прямоугольник – проникший сквозь единственное окно отблеск яркого света, заливающего территорию тюрьмы. Из соседней камеры продолжало доноситься постукивание, теперь приглушенное и задумчивое, – этакое скорбное адажио, которое, как ни странно, помогало Пендергасту сосредоточиться.

Его чуткий слух улавливал и другие звуки: лязг стали, захлебнувшийся вдали испуганный вскрик, чей-то непрекращающийся кашель, шаги охранника, совершающего обход. Огромная тюрьма отдыхала, но не

спала. Это был особый мир со своими правилами, законами, ритуалами и привычками.

Вскоре Пендергаст заметил появившуюся на противоположной стене дрожащую зеленую точку – луч лазера, направленный в окно с большого расстояния. Вскоре точка замерла, а через несколько секунд стала мигать. Пендергаст привычно читал закодированное послание, и лишь его участившееся дыхание свидетельствовало о том, что сообщение содержало важную для него информацию.

Точка исчезла так же внезапно, как и появилась, и в темноте прозвучало единственное слово, произнесенное шепотом: «Прекрасно».

Пендергаст закрыл глаза. Завтра в два часа дня во дворе номер четыре ему предстояло вновь столкнуться с членами шайки Лакарры «Выбитые зубы», после чего – если, конечно, он останется жив – его ожидало еще более серьезное испытание.

Сейчас же ему нужен сон.

Используя особый секретный вид медитации – чон-рэн, – Пендергаст сосредоточился на боли в сломанных ребрах, после чего отключил ее поочередно в каждом ребре. Затем его сознание сфокусировалось на растянутой мышце плеча, колотой ране в боку, покрытом синяками и ссадинами лице. Огромным напряжением воли Пендергаст один за другим заблокировал и выключил все участки боли.

Он не мог позволить себе расслабиться – впереди его ждал очень трудный день.

Глава 41

Старинный особняк в стиле бю-арт на Риверсайд-драйв мог похвастаться множеством просторных залов, но самой большой была все же широкая галерея, занимающая всю фронтальную часть второго этажа. В стене, выходящей на улицу, было несколько огромных, от пола до потолка, окон, заклеенных и закрытых ставнями. Арки в противоположных концах соединяли галерею с остальными помещениями старого дома, а между ними тянулась непрерывная череда портретов в натуральную величину, написанных маслом. Тусклый свет электрических канделябров дрожал на тяжелых позолоченных рамах, а из невидимых колонок лились фортепианные аккорды – энергичные, напряженные и дьявольски сложные.

Констанс Грин и Диоген Пендергаст медленно шли по галерее, останавливаясь у каждого портрета, и Диоген вполголоса рассказывал историю изображенного на нем человека. На Констанс было бледно-голубое платье с глубоким вырезом, спереди отделанное черными кружевами, на Диогене – темные брюки и серебристо-серый

кашемировый пиджак. Оба держали в руках высокие бокалы для коктейлей.

– А это, – сказал Диоген, встав перед портретом дворянина в роскошном костюме, с лихо закрученными вверх усами, которые несколько странно выглядели на его исполненном благородства лице, – le duc[6] Гаспар де Мушкетон де Прендрегаст, крупнейший землевладелец Дижона второй половины шестнадцатого века. Он был последним достойным уважения представителем благородного рода, основанного сиром де Монт-Прендрегастом, который получил этот титул от Вильгельма Завоевателя во время войны в Англии.

Гаспар был кем-то вроде местного тирана. В конце концов работавшие на его землях вилланы и крестьяне подняли восстание, и ему пришлось бежать из Дижона. Он хотел укрыться в королевском дворце вместе со своей семьей, но разразился скандал, вынудивший его покинуть Францию. Что случилось с семьей после этого, окутано тайной. Известно лишь, что в ней произошел чудовищный раскол. Одна ее ветвь перебралась в Венецию, а другая – та, что лишилась всех привилегий, денег и титулов, – бежала в Америку.

Он перешел к следующему портрету, на котором был изображен молодой человек с соломенного цвета волосами, серыми глазами, безвольным подбородком и полными, чувственными губами, почти точной копией губ самого Диогена.

– А это представитель венецианской ветви, сын герцога Гаспара граф Люневилль. Увы, к тому времени от былого величия семьи остался лишь титул. Он вел праздную беспутную жизнь, и на протяжении нескольких поколений его потомки следовали его примеру. Фактически в течение достаточно долгого времени род угасал, и эта ситуация сохранялась еще целых сто лет. Семья никак не могла вернуть былое процветание, пока две ее ветви не объединились в результате брака, заключенного в Америке. Но и эта новообретенная слава оказалась не вечной.

– Почему же? – спросила Констанс.

Диоген несколько секунд молча смотрел на нее, потом заговорил:

– Род Пендергастов уже долгое время находится в состоянии медленного угасания. Мы с братом – его последние представители. Хоть мой брат и был женат, его очаровательная жена… встретила безвременный конец, не успев родить ребенка. У меня же нет ни жены, ни детей. Если мы умрем, не оставив потомства, наш род исчезнет с лица земли.

Они молча подошли к следующему портрету.

– Американская ветвь семьи обосновалась в Новом Орлеане, – продолжил Диоген своей рассказ, – и была сразу же принята в высшие

круги довоенного общества. Вскоре последний представитель венецианской ветви, il Marquese[7] Горацио Паладин Пендергаст, женился на Элоиз де Бракиланж. Их свадьба была такой шумной и роскошной, что о ней вспоминали на протяжении еще нескольких поколений. Однако их единственный сын неожиданно заинтересовался жившими в тех краях представителями коренного населения, а также их обычаями, и дело приняло совершенно неожиданный для семьи оборот. – Диоген указал на портрет высокого человека с эспаньолкой, в ослепительно белом костюме и широком голубом галстуке. – Август Робеспьер Сент-Сир Пендергаст. Это был первый потомок объединенной семьи, врач и философ. Он отбросил лишнее «р» в фамилии, сделав ее более «американской». Август был представителем сливок старого общества Нового Орлеана, пока не женился на потрясающе красивой женщине из одного индейского племени, которая вообще не говорила по-английски, зато совершала странные ночные обряды. – Пендергаст замолчал, словно о чем-то задумавшись, потом негромко рассмеялся.

– Удивительно, – невольно прошептала Констанс, очарованная его рассказом. – Все эти годы я смотрела на лица на портретах, давала им имена и придумывала истории их жизни. Насчет самых последних я еще могла догадаться, но остальные… – Она покачала головой.

– Разве мой двоюродный дед Антуан не рассказывал вам о своих предках?

– Нет, мы никогда не говорили на эту тему.

– Нисколько не удивительно. Видите ли, он поссорился с семьей. Как, впрочем, и я. – Помедлив, Диоген продолжил: – Насколько я понимаю, мой брат тоже не обсуждал с вами семейных вопросов.

Вместо ответа Констанс поднесла к губам бокал и сделала небольшой глоток.

– Я знаю о своей семье очень многое, Констанс. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы узнать ее секреты. – Он опять посмотрел на нее. – Не могу передать, как я счастлив, что могу поделиться ими с вами. Мне кажется, я могу говорить с вами… как больше ни с кем.

Констанс на мгновение встретилась с ним взглядом, но тут же перевела его на портрет.

– Вы имеете право это знать, – продолжал Диоген, – потому что вы, в конце концов, тоже член семьи – в некотором роде.

Констанс покачала головой:

– Нет, я всего лишь воспитанница.

– Для меня вы значите больше. Намного больше.

Они продолжали стоять перед портретом Августа. Чтобы прервать тишину, которая уже становилась неловкой, Диоген спросил:

– Как вам коктейль?

– Необычный. Первоначальная горечь, попадая на язык, превращается в нечто совершенно иное. Я никогда не пробовала ничего подобного.

Она робко посмотрела на Диогена, и тот улыбнулся:

– Продолжайте.

Констанс сделала еще один глоток.

– Я чувствую вкус лакрицы и аниса, эвкалипта и, пожалуй, фенхеля – и еще какую-то нотку, которую не могу определить. – Она опустила бокал. – Что это?

Диоген улыбнулся и отпил из своего бокала.

– Абсент. Сделанный вручную и очищенный. Самый лучший, который только можно найти. Мне доставляют его прямо из Парижа. С небольшим количеством сахара и воды – по классическому рецепту. А вкус, который вы не смогли определить, – полынь.

Констанс удивленно посмотрела на свой бокал:

– Абсент? Полынная водка? Я думала, ее ввоз запрещен.

– Зачем нам забивать себе голову такими пустяками? Это потрясающий напиток, расширяющий сознание: именно поэтому его предпочитали великие люди от Ван Гога до Моне и Хемингуэя.

Констанс сделала еще один осторожный глоток.

– Посмотрите на него, Констанс. Разве вам приходилось когда-либо видеть напиток такого чистого, прозрачного цвета? Поднесите его к свету. Это все равно что смотреть на луну сквозь изумруд чистейшей воды.

Несколько секунд она стояла неподвижно, словно искала ответ в зеленой глубине бокала, потом, уже более решительно, отпила еще немного абсента.

– Ну и что вы чувствуете?

– Тепло, легкость.

Они медленно продолжили свой путь по галерее.

– Мне кажется удивительным, – произнесла Констанс через некоторое время, – что Антуан, отделывая этот дом, в точности повторил внутреннее убранство семейного особняка в Новом Орлеане. До самой малейшей детали – включая эти портреты.

– Чтобы создать их копии, дядя нанял одного из самых знаменитых художников того времени. Тот работал пять лет, воспроизводя лица по памяти, а также пользуясь несколькими выцветшими гравюрами и рисунками.

– А остальные предметы?

– В точности соответствуют оригиналу, за исключением книг в библиотеке. Однако то, как он использовал подвальные помещения, может показаться… странным, если не сказать больше. Фундамент особняка в Новом Орлеане располагался значительно ниже уровня моря, поэтому подвал пришлось выложить свинцовыми листами, но здесь в этом не было никакой необходимости. – Диоген поднес к губам бокал. – После того как этот особняк унаследовал мой брат, в нем многое изменилось. Это уже не то место, которое дядя Антуан называл своим домом. Но вам и самой это хорошо известно.

Констанс ничего не ответила. Они дошли до конца галереи, где стояла длинная, обитая бархатом кушетка. Рядом на полу лежала элегантная сумка от Джона Чэпмена, в которой Диоген принес бутылку абсента. В следующую секунду он опустился на кушетку и жестом предложил Констанс последовать его примеру.

Девушка села рядом и поставила бокал с абсентом на поднос.

– А что это за музыка? – спросила она, кивнув в сторону невидимых колонок, из которых все еще продолжали литься приглушенные аккорды.

– Ах да! Это Элкан, ныне забытый гениальный композитор девятнадцатого столетия. Вы никогда не услышите более роскошной, интеллектуальной и технически сложной музыки. Впервые услышав его произведения, люди подумали, что они созданы под влиянием самого дьявола. Впоследствии они звучали не так уж часто: мало кто из музыкантов обладал техникой, необходимой для их исполнения. Даже сегодня музыка Элкана оказывает на людей необъяснимое воздействие: одним кажется, что они чувствуют запах дыма, другие начинают дрожать и испытывают слабость. То, что вы слышите сейчас, – большая соната «Les Quatre Bges» в исполнении Хамелина. Я не слышал более техничной и виртуозной игры. – Он помолчал, внимательно слушая. – Взять, например, этот отрывок: если сосчитать все клавиши, которые нужно нажать одновременно, окажется, что их больше, чем пальцев у

пианиста! Уверен, Констанс, вы способны оценить эту игру, как никто другой.

– Антуан никогда не был большим любителем музыки. Я научилась играть на скрипке исключительно по собственной инициативе.

– Следовательно, вы понимаете, какое огромное значение имеет музыка для ума и чувств человека. Только послушайте! Слава Богу, величайший философ от музыки был романтиком, декадентом – не то что этот самодовольный Моцарт с его незрелым фальшивым ритмом и предсказуемыми созвучиями.

Констанс молча слушала.

– Похоже, вы основательно подготовились к нашей сегодняшней встрече, – наконец заметила она.

Диоген рассмеялся:

– А почему бы и нет? Для меня не существует более приятного занятия, чем доставлять вам удовольствие.

– Пожалуй, вы один такой, – очень тихо произнесла она после долгой паузы.

Улыбка исчезла с лица Диогена.

– Зачем вы так говорите?

– Затем, что вы знаете, кто я.

– Вы красивая и умная молодая женщина.

– Я урод.

Очень быстро – и очень нежно – Диоген взял ее руки в свои.

– Нет, Констанс, – сказал он тихо, но твердо, – вовсе нет. Во всяком случае, не для меня.

Она отвела взгляд.

– Вы знаете мою историю.

– Да.

– Тогда кому же, как не вам, меня понять. Зная, как я жила – как именно я жила в этом доме все эти годы… вы не находите это странным? Отвратительным? – Она вдруг вновь посмотрела на него, и глаза ее пылали странным огнем. – Я старуха, заключенная в тело молодой девушки. Кому я нужна?

Диоген придвинулся ближе.

– Вы приобрели бесценный опыт, не заплатив за это ужасную цену – годы. Вы молоды и полны сил. Возможно, это кажется вам тяжелым бременем, но вы не должны так думать. Вы можете освободиться от него в любой момент. Вы можете начать жить, когда только захотите. Хотя бы сейчас.

Она опять отвернулась.

– Констанс, посмотрите на меня. Никто не понимает вас – только я. Вы жемчужина, не имеющая цены. Вы обладаете красотой и свежестью, которую только может иметь женщина в двадцать один год, и в то же время умом, отточенным целой жизнью – нет, несколькими жизнями интеллектуального голода. Но интеллект не может заменить вам все. Вы напоминаете лишенное влаги семя. Забудьте о своем уме и утолите другой свой голод – чувственный. Семя требует влаги: лишь когда его польют, растение взойдет, наберется сил и начнет цвести.

Констанс, не желая смотреть в его сторону, отчаянно замотала головой.

– Вы были заперты здесь в четырех стенах, словно монахиня. Вы прочитали тысячи книг и многое передумали. Но вы никогда не жили. За пределами этого дома есть и другой мир – мир цвета, вкуса и прикосновений. Констанс, давайте познаем этот мир вместе. Разве вы не чувствуете глубокую связь между нами? Позвольте мне открыть вам этот мир. И откройте мне свою душу. Я тот, кто спасет вас. Потому что я единственный человек, который по-настоящему вас понимает. И единственный, кто разделяет вашу боль.

Констанс попыталась освободить свои руки, но он продолжал сжимать их – нежно, но настойчиво. В ходе короткой борьбы рукав ее платья приподнялся, обнажив несколько уродливых шрамов, оставшихся от глубоких и неровно сросшихся порезов.

Поняв, что ее секрет раскрыт, Констанс замерла, не в силах даже дышать, не то что пошевелиться. Диоген тоже казался притихшим. Потом он медленно отпустил одну ее руку и расстегнул манжет сорочки – на его руке оказались похожие шрамы, только более старые.

Увидев их, Констанс прерывисто вздохнула.

– Теперь вы видите, – спросил он, – насколько хорошо мы понимаем друг друга? Это правда: мы похожи, очень похожи. Я понимаю вас, а вы, Констанс, понимаете меня.

Медленно и очень осторожно он отпустил ее другую руку, и та безвольно упала ей на колени. Потом он взял ее за плечи и повернул лицом к себе. Поднеся руку к щеке Констанс, нежно ее погладил, коснулся кончиками

пальцев ее губ и ласково сжал подбородок. Медленно приблизив к лицу девушки свое, поцеловал ее – сначала легонько, потом более настойчиво.

Со вздохом, в котором слышались одновременно облегчение и отчаяние, Констанс склонилась на грудь Диогена и позволила ему заключить себя в объятия.

Он незаметно подвинулся на кушетке и опустил ее на бархатные подушки. Его бледная рука скользнула ей на грудь, коснулась жемчужных пуговиц, и тонкие пальцы проворно заскользили вниз, постепенно открывая взгляду вздымающиеся выпуклости ее грудей. Расстегивая платье, Диоген тихонько нашептывал по-итальянски:

Ei s'immerge de la notte,

Ei s'aderge in vir'le stelle...[8]

Когда его тело склонилось над ней, гибкое, как у балетного танцовщика, с ее губ слетел еще один вздох, и она закрыла глаза.

Глаза Диогена оставались открытыми. Устремленные на Констанс, они блестели от торжества и возбуждения...

Глаза разного цвета: один ореховый, другой – голубой.

Глава 42

Джерри сунул рацию в карман и бросил изумленный взгляд в сторону своего напарника Бенджи.

– Ты не поверишь тому, что я сейчас услышал.

– Что еще?

– Они все же решили отправить этого парня на прогулку во двор номер четыре.

– Они решили вернуть его туда? Хватит придуряться.

Джерри покачал головой:

– Это убийство. И они собираются совершить его в наше дежурство.

– Чей это приказ?

– Самого Имхофа, этой гребаной задницы.

В длинном холле блока С Херкморской тюрьмы стало очень тихо.

– Ну что ж, до двух часов осталось всего пятнадцать минут, – наконец сказал Бенджи. – Лучше нам поторопиться.

Они вышли из тюремного корпуса под слабые солнечные лучи, освещавшие двор номер четыре, Бенджи впереди, Джерри – за ним. Воздух был по-весеннему сырым. Газоны все еще покрывала прошлогодняя трава – влажная, коричневая, примятая к земле. За тюремными стенами виднелись несколько деревьев с голыми ветвями.

Охранники решили занять наблюдательный пункт не в узком переходе, как в прошлый раз, а непосредственно во дворе.

– Я не собираюсь стоять и спокойно смотреть, как моя карьера полетит к чертовой матери, – мрачно заявил Джерри. – Попомни мое слово: если кто-нибудь из отморозков Поко сделает шаг в сторону этого парня, я вырублю его шокером. Черт, почему, интересно, нам не дали оружие?

Они расположились с двух сторон двора, дожидаясь, когда заключенных из одиночного блока выведут на единственную за день часовую прогулку. Джерри проверил электрошокер, баллончик со слезоточивым газом, поправил висящую на поясе дубинку. Он не собирался, как в прошлый раз, ждать, пока что-то случится.

Через несколько минут двери открылись, и показались охранники, сопровождавшие заключенных. Те робко вышли во двор, щурясь от солнечного света, как тупые ублюдки, какими они, впрочем, и были.

Последним появился заключенный А. Он был бледен как полотно и выглядел ужасно: лицо покрыто синяками и залеплено пластырем, один глаз заплыл настолько, что не открывался. Джерри здорово очерствел за годы службы в пенитенциарной системе, но при мысли о том, что этого человека вновь вывели во двор, его охватила злость. Да, Поко мертв, но тогда это была явная самооборона. Сейчас же готовилось хладнокровное убийство. И произойдет оно не сегодня, так завтра, не в их дежурство, так в чье-нибудь еще. Посадить его в камеру по соседству с Барабанщиком, отобрать у него книги – одно дело, но то, что должно было случиться теперь, – другое. Совсем другое.

Он собрался с духом. Парни Поко неторопливо разбрелись по двору, засунув руки в карманы. Самый высокий, Рафаэль Боргес, описывая медленные круги, приближался к баскетбольному кольцу. Джерри взглянул на Бенджи и понял, что его напарник тоже на взводе. Охранники сопровождения помахали ему, Джерри сделал ответный жест, давая понять, что передача заключенных завершена. Тогда охранники по одному скрылись в корпусе, и двери с грохотом закрылись.

Джерри не спускал глаз с заключенного А. Тот медленно шел вдоль стены, направляясь к сетчатому ограждению. Движения его были настороженными, но не суетливыми. Джерри невольно подумал, все ли

у него в порядке с головой. Окажись он на его месте, тут же наделал бы в штаны.

Заключенный А встал боком за баскетбольным кольцом и, взявшись рукой за сетку, привалился к ограждению. Подняв голову, взглянул вверх, потом медленно посмотрел по сторонам, словно чего-то дожидаясь. Другие заключенные неторопливо двигались по кругу, не обращая на него ни малейшего внимания, словно его тут не было.

Вдруг в рации раздался треск, и Джерри от неожиданности подпрыгнул.

– Фекто слушает.

– Говорит специальный агент ФБР Спенсер Коффи.

– Кто?

– Проснись, Фекто, у меня мало времени! Насколько я понимаю, вы с Дойлом находитесь на дежурстве во дворе номер четыре.

– Да. Да, сэр, – озадаченно пробормотал Джерри.

Какого черта агент Коффи обращается непосредственно к нему? Должно быть, не зря болтают, что заключенный А из федералов, хотя выглядит совсем непохоже.

– Я хочу, чтобы вы оба явились в офис службы безопасности. Бегом.

– Есть, сэр, как только закончим дежурство во дворе, сразу же…

– Я сказал бегом. Это значит сейчас же.

– Но, сэр, во дворе только два охранника – это мы…

– Фекто, я приказываю. Если вы не явитесь через девяносто секунд, обещаю, что завтра же ты отправишься в Северную Дакоту и будешь дежурить в ночную смену в Блэк-Роке.

– Но вы не…

Джерри не услышал ответа – специальный агент уже отключился. Он посмотрел на напарника: тот, конечно же, все слышал по собственной рации. Бенджи подошел к нему, недоуменно пожимая плечами.

– Мы не обязаны подчиняться этому ублюдку, – неуверенно произнес Джерри. – А ты как думаешь, мы должны делать то, что он сказал?

– Ты еще спрашиваешь? Пойдем-ка лучше.

Джерри вернул рацию на место, ощущая холод в желудке. Это убийство, по-другому не скажешь. Но они по крайней мере не будут при нем присутствовать. И их нельзя будет ни в чем обвинить. Разве не так?

Девяносто секунд… Он быстро пересек двор и открыл тяжелую металлическую дверь. Потом обернулся и в последний раз посмотрел на заключенного А. Тот по-прежнему стоял за баскетбольным кольцом, прислонившись к сетчатому ограждению. Члены шайки Поко уже начинали окружать его подобно стае волков.

– Помоги ему Бог, – пробормотал Джерри, посмотрев на Бенджи. Тяжелые металлические двери, громко лязгнув, захлопнулись за ними.

Глава 43

Джагги Очоа неторопливо ступал по асфальту, посматривая на небо, на ограждение, на баскетбольный щит с кольцом и на рассыпавшихся по двору приятелей. Обернувшись, он бросил взгляд на только что захлопнувшиеся металлические двери. Оба охранника ушли. Вот так-то. Он никак не мог поверить, что они вернули Альбиноса во двор – и оставили его там одного.

Вон этот ублюдок – стоит, прислонившись к металлической сетке, и сверлит его холодным взглядом.

Прищурившись, Очоа еще раз огляделся по сторонам. Чутье, обострившееся за годы, проведенные в тюрьме, говорило ему, что тут что-то не так. Это какая-то подстава. Очоа не сомневался, что другие считали так же. Им даже не нужно было обсуждать это между собой: каждый и так знал, о чем думали остальные. Охранники ненавидели Альбиноса не меньше, чем они. А кто-то наверху хотел, чтобы он был мертв. Что же, Очоа не нужно уговаривать.

Он сплюнул на асфальт и растер плевок ботинком, наблюдая за Боргесом, который медленно гнал мяч к кольцу. Боргес должен был проучить Альбиноса первым, и Очоа знал, что на его хладнокровие и упорство можно положиться. У них будет достаточно времени, чтобы решить эту проблему – красиво и не торопясь, так, что охрана не сможет замести кого-то одного. Естественно, это добавит им еще по нескольку месяцев одиночки, возможно, их лишат прогулок и других привилегий, но, в конце концов, все они отбывают пожизненное заключение. А эта расправа санкционирована. И каковы бы ни были последствия, они наверняка не будут слишком суровыми.

Он взглянул на видневшуюся вдалеке сторожевую вышку – никто не смотрел в их сторону; часовые следили главным образом за периметром тюремной стены. К тому же с вышки двор номер четыре не очень хорошо просматривался.

Джагги вновь повернулся к Альбиносу и с удивлением заметил, что тот не спускает с него глаз. Ладно, пусть смотрит. Через пять минут он все равно будет трупом.

Джагги скользнул взглядом по лицам приятелей. Они тоже никуда не торопились. Этот ублюдок Альбинос умел драться, чертовски хорошо умел, но в этот раз они будут осторожнее. К тому же сейчас он не сможет двигаться достаточно быстро. Они вырубят его как нечего делать.

Бандиты подходили ближе, сжимая кольцо. Боргес уже достиг линии броска. Отточенным движением он послал мяч точно в кольцо – но тот не упал на землю, а оказался в руках Альбиноса, который в последний момент неожиданно быстро шагнул вперед.

Бандиты остановились, не сводя с него тяжелых взглядов, а он держал мяч в руках и смотрел на них подчеркнуто равнодушно.

Джагги заметил в глазах противника вызов, и его охватила ярость. Он быстро оглянулся – охранников по-прежнему не было видно.

Боргес шагнул вперед, и Альбинос что-то быстро сказал ему, понизив голос настолько, что Джагги не смог разобрать ни слова. Подойдя поближе, Очоа засунул руку в штаны и нащупал спрятанный в нижнем белье тонкий металлический стержень. Самое подходящее время проткнуть ублюдка и наконец-то покончить с этим делом.

– Постой-ка, парень, – вдруг произнес Боргес, жестом приказав выступившему вперед Джагги остановиться. – Я хочу дослушать.

– Что дослушать?

– Вы же сами понимаете, что вас хотят подставить, – говорил тем временем Альбинос. – Они хотят, чтобы вы меня убили. И вам это известно – это известно каждому из вас. А знаете почему? – И он обвел внимательным взглядом собравшихся перед ним людей.

– Кому, на хрен, есть до этого дело? – выкрикнул Джагги и сделал еще один шаг вперед, сжимая в руке металлический стержень.

– Так почему же? – спросил Боргес и опять предостерегающе выставил руку в сторону Джагги.

– Потому что я знаю, как можно отсюда сбежать.

Повисла тяжелая тишина.

– Дерьмо, – сказал Джагги, бросаясь вперед со своим стержнем.

Однако Альбинос был начеку и швырнул в него мяч. Бросок застал Очоа врасплох, и, стараясь увернуться от мяча, он не удержался на ногах. Мяч, пару раз подпрыгнув, откатился в сторону.

– Значит, вы хотите убить меня и потом остаток жизни провести в тюрьме, так и не узнав, что я говорил правду?

– Этот ублюдок полное дерьмо. Он пришил Поко, или вы забыли? – Джагги снова кинулся на Альбиноса, но тот отпрыгнул в сторону и развернулся, как матадор.

Боргес схватил Очоа за руку и сжал ее железной хваткой.

– Этот ублюдок убил Поко!

– Дай человеку договорить.

– Свобода, – продолжал тем временем Альбинос, и от того, как он растянул это слово, оно прозвучало еще заманчивее. – Неужели вы так долго просидели за решеткой, что забыли, что это такое?

– Боргес, отсюда никто никогда не сможет удрать, – встрял Джагги. – Хватит уже об этом.

– Джаг, заткнись и стой спокойно.

Джагги оглянулся и увидел, что остальные члены шайки молча смотрят на него. Он не верил своим глазам: неужели Альбиносу удалось заморочить им голову?

– Дайте ему договорить, – произнес бандит по имени Роани, и все кивнули.

– Этот парень уделал Поко, – повторил Очоа, но уже не так уверенно.

– Ну и что? – спросил Боргес. – Может, Поко заслужил, чтобы его проучили?

Альбинос продолжал говорить все так же тихо:

– Боргес пойдет первым, потому что он первым мне поверил. Джаг, если ты готов, можешь идти за ним.

– Идти? Куда? – переспросил Боргес.

– Да пошел ты к черту! – рявкнул Джагги.

– Хорошо, тогда вместо Джага пойдешь ты. – Альбинос указал на Роани. – Ты готов?

– Ты еще сомневаешься?

– Подождите-ка минутку. – С этими словами Очоа прыгнул вперед и занес руку для удара.

Но тут последовало какое-то неуловимое движение, и когда Джагги пришел в себя от изумления, стержень был уже в руках Альбиноса. Очоа попятился.

– Ах ты, сукин сын!..

– Из-за него мы зря тратим время, – заявил Альбинос. – Если он произнесет еще хоть слово, я отрежу ему язык. Есть возражения? – И он оглядел собравшихся.

Никто не произнес ни слова.

Очоа стоял молча и лишь тяжело дышал. Этот ублюдок убил Поко и занял его место, только и всего. Неужели это могло произойти так быстро?

– Если вы мне не верите, посмотрите сюда. – Альбинос протянул руку к ограде и взялся за металлическую сетку, потом резко рванул ее на себя. Сетка легко отделилась от столба. Он потянул немного сильнее – и отверстие стало достаточно большим, чтобы в него без труда пролез человек.

Заключенные смотрели на него, не веря своим глазам.

– Следуйте моим указаниям, и вы все отсюда выйдете – даже вы, мистер Джаг. Чтобы доказать искренность моих намерений, я пойду последним. Я продумал все до мелочей. Достигнув тюремной ограды, мы рассредоточимся и дальше будем двигаться по отдельности. Предлагаю следующий план…

Глава 44

Пендергаст дождался, пока последний из заключенных, Джаг, вылезет через дыру в ограждении и исчезнет из вида. Беглецы покидали двор в такой суматохе, что никому из них не пришло в голову посмотреть, последовал за ними Пендергаст или нет. Именно на это он и рассчитывал. Теперь каждому предстояло действовать самостоятельно, двигаясь по индивидуальному маршруту, тщательно разработанному для него Эли Глинном, с тем чтобы создать максимальную панику.

После того как Джаг скрылся из поля зрения, Пендергаст снова занялся ограждением. Разрезанная сетка уже приняла первоначальное положение, и ему пришлось приложить максимум усилий, растягивая и сгибая металлическое плетение так, чтобы охранники, которые должны были вернуться с минуты на минуту, сразу заметили дыру. Он отошел от ограды и посмотрел на свой наручный цифровой хронометр. Часы Пендергаста имели более сложную начинку, чем можно было предположить, взглянув на их дешевый пластмассовый корпус. Внутри находилось миниатюрное приемное устройство, улавливающее спутниковые сигналы точного времени, что имело особое значение для предстоящей операции. Пендергаст выждал положенное время, потом нажал на часах кнопку, активирующую таймер. Счетчик на циферблате начал отсчет времени.

Пендергаст все еще ждал.

Когда индикатор показал восемьсот сорок шесть секунд, воздух разорвал оглушительный вой сирены. Пендергаст повернулся и быстро пошел через двор, направляясь к ближнему к дверям углу, где цементные стены с облупившейся штукатуркой сходились под прямым углом. Достигнув угла, он сунул руку в водосточную трубу и достал из нее длинный тонкий сверток – тот самый, который д'Агоста засунул сюда несколькими днями раньше. Сняв скотч, скреплявший рулон с противоположных концов, он развернул его, как флаг, и с силой встряхнул. Тот сразу же принял нужную форму: два одинаковых квадрата со стороной примерно три дюйма были соединены таким образом, что образовывали гигантскую букву V. Плотная ткань, из которой были вырезаны квадраты, с одной стороны была покрыта зеркальной пленкой. В основе этой созданной Глинном конструкции лежал обычный переносной светоотражатель – тот, что используется в наружной рекламе.

Затем Пендергаст сел в углу на корточки, съежившись и вжавшись спиной в бетонную стену. Светоотражающую конструкцию он выставил прямо перед собой, позаботившись о том, чтобы ее внешние стороны плотно соединялись со стенами его укрытия под углом девяносто градусов.

Это было простое, но в высшей степени остроумное приспособление, которое уже давно использовали в своих выступлениях иллюзионисты и маги: установленные под определенным углом зеркала создавали видимость исчезновения предмета или человека. Такой трюк был впервые проделан в шестидесятые годы девятнадцатого века профессором Джоном Пеппером, представившим «Шкатулку Протея», и полковником Стодаром, выступавшим с номером «Сфинкс». Тогда фокусы с женщинами, помещенными в ящик, который впоследствии оказывался пустым, наделали много шума на Бродвее.

Установленный в углу тюремного двора светоотражатель давал такой же эффект, служа, образно выражаясь, ящиком, в котором мог спрятаться Пендергаст. Цементные стены, отражаясь в зеркальной пленке, создавали иллюзию того, что угол, в котором они сходились, совершенно пуст. Обнаружить обман можно было лишь подойдя к стене вплотную, но созданная в тюрьме паника как раз и была рассчитана на то, чтобы этого не допустить.

Когда счетчик показал восемьсот двадцать одну секунду, Пендергаст услышал скрежет отодвигаемых засовов. Створки двери распахнулись, и четыре охранника из группы быстрого реагирования с ближайшего поста номер семь выбежали во двор номер четыре, держа наготове электрошокеры.

– Ограждение вспорото! – крикнул один из них, показывая рукой на зияющую дыру в металлической сетке.

Когда все четверо побежали через двор в указанном направлении, Пендергаст поднялся, сложил стороны светоотражающей конструкции, свернул ее, превратив в компактную трубочку, и вновь засунул в водосточную трубу. Затем проскользнул в оставленные открытыми двери, быстро свернул за угол и скрылся в ближайшей туалетной комнате. Забежав в предпоследнюю кабинку, он встал на унитаз и снял потолочную плитку. К ее верхней части был приклеен тонкий пластиковый пакет, в котором лежали чип флэш-памяти емкостью пять гигабайт, пластиковая кредитная карточка, шприц, клейкая лента и крохотная капсула с коричневой жидкостью.

Положив все это в карман, Пендергаст вышел из туалета и побежал по коридору в сторону поста номер семь. Как и предполагал Глинн, из пяти дежуривших там охранников четверо отправились на поиски беглецов, а один – старший – остался за пультом управления, в окружении рядов мониторов, на которых отражалось все, что происходило на территории тюрьмы. Офицер кричал что-то в микрофон и судорожно переключал мониторы, пытаясь поймать изображение сбежавших заключенных. В ответ на массовую попытку побега были мобилизованы чрезвычайные силы. Судя по доносившимся из динамика возбужденным крикам кого-то из охранников, одного беглеца уже задержали и отправили в камеру.

Как и предвидел Глинн, члены группы быстрого реагирования, спешно покидая помещение поста номер семь, забыли закрыть за собой дверь. Пендергаст тихонько проскользнул в комнату, подошел к охраннику сзади и, обхватив его рукой за шею, воткнул в него иголку шприца. Офицер сполз со стула, не издав ни звука. Пендергаст уложил его на пол и, прикрыв микрофон рукой, хрипло крикнул:

– Вижу одного из них! Бегу за ним!

После этого он быстро раздел лежавшего без сознания охранника, прислушиваясь к раздававшимся из динамика голосам, приказывавшим тому оставаться на своем посту. Менее чем через минуту Пендергаст уже стоял, облаченный в форму офицера, со значком, дубинкой, рацией и устройством экстренного вызова. Лежавший на полу человек был значительно плотнее Пендергаста, но после некоторых манипуляций, произведенных специальным агентом с его новым костюмом, результат оказался вполне приемлемым.

Пендергаст внимательно осмотрел серверы, отыскивая нужный порт, затем достал из пластикового пакета флэшку и вставил ее в соответствующее гнездо. После этого он вновь вернулся к охраннику, залепил ему рот, связал руки за спиной и обмотал скотчем ноги.

Дотащив до туалета, усадил еще не пришедшего в себя офицера на унитаз и привязал его к бачку, чтобы он не упал на пол, запер кабинку изнутри и, протиснувшись под дверью, выбрался наружу.

Подойдя к зеркалу, Пендергаст сорвал с лица пластыри и бросил их в мусорную корзину. Разбив о край раковины капсулу, намазал краской волосы, которые из почти белых превратились в неприметные темно-каштановые. Выйдя из туалета, он прошел по коридору, повернул направо и, остановившись в нескольких шагах от первой камеры видеонаблюдения, посмотрел на часы: шестьсот шестьдесят секунд.

Подождав, пока таймер покажет шестьсот сорок секунд, Пендергаст неторопливо продолжил свой путь, не сводя глаз с циферблата часов. Он знал, что за мониторами видеонаблюдения сейчас следит множество глаз и надетой на нем униформы охранника было недостаточно – ведь он шел в противоположном от места побега направлении, а его лицо было покрыто синяками и ссадинами. К тому же его слишком хорошо знали в блоке С. Если его физиономия мелькнет на экране, его тут же опознают.

Но Пендергаст также знал, что в течение десяти секунд, с шестисот сорока до шестисот тридцати, видеомониторы будут контролироваться флэш-модулем, который он вставил в один из серверов. Тот загрузит в систему запись изображения, поступавшего с этой камеры в течение предыдущих десяти секунд, и оно появится на мониторах во второй раз. Затем то же самое произойдет с картинкой, полученной со следующей видеокамеры. Для каждой камеры был запрограммирован всего один повтор, поэтому на пересечение любой последующей зоны наблюдения у Пендергаста оставалось лишь десять секунд и время приходилось рассчитывать максимально точно.

Он благополучно миновал камеру и продолжил свой путь по длинным коридорам блока С, которые в этот момент были совершенно пусты – все охранники участвовали в поимке сбежавших заключенных. Он то ускорял, то замедлял шаг, проходя мимо каждой камеры именно в тот момент, когда начиналось повторное воспроизведение видеозаписи.

Время от времени его рация оживала; один раз он наткнулся на бегущих по коридору охранников и тут же присел, делая вид, что завязывает шнурок, и пряча распухшее, покрытое синяками лицо. Но охранники промчались мимо, не обратив на него никакого внимания – их мысли сейчас были заняты совсем другим.

Пендергаст миновал столовую и кухню блока С, откуда доносился резкий запах хлорки, свернул еще раз, потом еще и, наконец, достиг конца последнего отрезка коридора перед контрольным пунктом и дверью с электронным кодовым замком, разделявшей два блока тюрьмы

Херкмор – блок С, находившийся в федеральном ведении, и блок В, подчинявшийся штату.

Лицо Пендергаста было хорошо известно в блоке С, но в блоке В его никто не знал.

Он подошел к двери, приложил к считывающему устройству кредитную карточку и стал ждать. Его сердце билось несколько быстрее обычного: настал момент истины.

В тот момент, когда счетчик показал, что осталось двести девяносто секунд, загорелся зеленый огонек и дверь с тихим щелчком открылась.

Пендергаст шагнул через порог и оказался в блоке В. Пройдя первый изгиб коридора, задержался в темном углу, нащупал самый глубокий порез на лице и резко дернул за нитку, которой он был зашит. Когда из пореза потекла кровь, он размазал ее по лицу, испачкав заодно руки и шею. Потом задрал рубашку, внимательно осмотрел зашитую рану на боку, глубоко вздохнул и вновь разорвал шов. Повреждения должны выглядеть совсем свежими.

Когда счетчик показал сто десять секунд, он услышал, что кто-то бежит: как и было предусмотрено, мимо него промчался один из беглецов – Джаг, который точно следовал плану, намеченному для него Глинном. Естественно, ему не удастся уйти далеко: его схватят у выхода из блока В, если не раньше, – и это тоже было предусмотрено планом. Шайка Поко исполняла роль дымовой завесы, только и всего. Никому из них не удастся сбежать.

Когда Джаг был уже достаточно далеко, Пендергаст громко закричал и бросился на пол, одновременно нажимая кнопку устройства экстренного вызова.

– Нападение на офицера! Срочно нужна помощь! Нападение на офицера!

Глава 45

Фельдшер Ралф Киддер склонился над лежавшим на полу и рыдавшим как дитя охранником. Захлебываясь слезами, офицер пытался рассказать, как на него напали, кричал, что не хочет умирать, и здорово мешал Киддеру сосредоточиться и определить серьезность нанесенных повреждений. Фельдшер приложил к груди раненого стетоскоп, чтобы послушать сердечный ритм, – сердце билось абсолютно ровно; осмотрел его шею и конечности – все они были целы; измерил артериальное давление – оно оказалось в норме. Наконец он исследовал порезы на лице и пришел к выводу, что они были довольно неприятными, но совсем неглубокими.

– Где у вас болит? – спросил он, наверное, в десятый раз и уже начиная испытывать раздражение. – Куда вас ранили? Ответьте, пожалуйста.

– Мое лицо! Он ранил меня в лицо! – наконец более-менее внятно прокричал пострадавший.

– Это я вижу. А еще куда?

– Он пырнул меня ножом! О Господи, как болит грудь!

Фельдшер осторожно потрогал ребра офицера и нащупал два перелома – правда, без смещения. В боку действительно оказалась колотая рана, которая обильно кровоточила, но быстрый осмотр показал, что лезвие, наткнувшись на ребро, отклонилось и плевра не была задета.

– У вас ничего серьезного, вы обязательно поправитесь, – резко произнес Киддер и повернулся к двум стоявшим рядом санитарам. – Положите его на каталку и отвезите в лазарет. Надо сделать ему перевязку, несколько рентгеновских снимков и зашить порезы. Потом введем противостолбнячную сыворотку и проколем амоксициллин. Пока не вижу необходимости везти его в городскую больницу.

Один из санитаров фыркнул:

– В любом случае никто не сможет покинуть территорию или въехать на нее, пока этих сбежавших придурков не поймают и не пересчитают. Труповозка вон уже полчаса стоит за воротами, дожидается.

– Труповозке все равно некуда торопиться, – сухо заметил Киддер, записывая в блокнот фамилию раненого охранника и номер его жетона.

Лицо пострадавшего не показалось ему знакомым, но это и неудивительно: во-первых, он из блока C, а во-вторых, его физиономия все же здорово изрезана.

Когда раненого укладывали на каталку, Киддер услышал крики в конце коридора – это задержали еще одного пытавшегося сбежать заключенного. Ралф проработал в Херкморе почти двадцать лет, и за все время это была, пожалуй, самая серьезная попытка бегства. Конечно, она не имела ни малейшего шанса на успех, и Киддер надеялся лишь, что охранники не слишком сильно изобьют незадачливых беглецов.

Санитары покатили хнычущего охранника в изолятор, фельдшер отправился следом за ними. «Эти секьюрити кажутся такими крутыми, пока все находится под контролем, но стоит лишь стукнуть их посильнее, как они тут же превращаются в кусок дерьма», – думал он, шагая за каталкой.

Лазарет блока B, как и любой другой тюремный лазарет в Херкморе, был разделен на две изолированные друг от друга части: для персонала,

со свободным входом и выходом, и для заключенных – строго охраняемую, скорее напоминающую карцер.

Санитары вкатили раненого в неохраняемый бокс и накрыли одеялом. Киддер заполнил его карту, договорился насчет рентгена и начал обрабатывать порезы, как вдруг запищала его рация. Он поднес ее к уху, послушал и что-то быстро ответил. Потом повернулся к пациенту и сказал:

– Я вынужден оставить вас на некоторое время.

– Одного? – испуганно вскрикнул избитый охранник.

– Я вернусь через полчаса, максимум через сорок пять минут, вместе с рентгенологом. Несколько заключенных ранены…

– Что, нельзя заняться ими попозже? – захныкал пациент.

– Им больше нужна помощь. – Киддер не стал пересказывать охраннику информацию, которую ему сообщили по рации. Случилось то, чего он боялся больше всего: несколько беглецов были избиты до полусмерти.

– Сколько мне придется ждать?

Киддер вздохнул, стараясь скрыть раздражение.

– Как я уже сказал, может, минут сорок пять. – Он взял шприц, намереваясь сделать пациенту инъекцию обезболивающего и легкого успокоительного.

– Пожалуйста, не нужно меня колоть! – взвизгнул охранник. – Терпеть не могу этих иголок!

– Это уменьшит боль. – Киддер сделал над собой усилие, чтобы не сорваться.

– Не так уж мне и больно, – заявил пациент. – Лучше включите телевизор – это поможет мне отвлечься.

Киддер пожал плечами:

– Как хотите.

Он убрал шприц и вручил раненому пульт от телевизора. Тот сразу же нашел какое-то дурацкое игровое шоу и прибавил звук. Фельдшер, покачав головой, вышел из комнаты. Его и без того невысокое мнение о тюремных охранниках еще больше снизилось.

Через пятьдесят минут Киддер вернулся в лазарет в самом отвратительном настроении. Несколько охранников с радостью

воспользовались возможностью поквитаться с давно уже доставшей всех группой заключенных и так увлеклись, что сломали не менее полудюжины костей.

Киддер посмотрел на часы, думая об оставленном в боксе пациенте. В конце концов, в приемном покое любой крупной нью-йоркской больницы тому пришлось бы прождать как минимум в два раза больше. Ралф отдернул штору и посмотрел на охранника. Тот лежал, отвернувшись к стене, и крепко спал, несмотря на работающий на полную громкость телевизор, по которому продолжали показывать игровое шоу.

«Джойс, ты уверена, что хочешь выбрать дверь номер два? Что ж, тогда давайте ее откроем! За дверью номер два…» Тут аудитория издала громкий стон…

– Пора делать рентген, мистер… – Киддер заглянул в блокнот. – Мистер Сидески.

Пациент не шелохнулся.

«…корова! Посмотрите, разве это не самая замечательная корова голштинской породы, которую вы когда-либо видели, леди и джентльмены? Джой, ты только подумай: теперь у тебя каждое утро будет свежее молоко!»

– Мистер Сидески! – громче позвал Киддер и, взяв в руки пульт, выключил телевизор. В комнате воцарилась благословенная тишина. – Пора на рентген!

Опять никакого ответа.

Киддер протянул руку, легонько тронул охранника за плечо и тут же, сдавленно вскрикнув, отскочил в сторону. Даже через одеяло он почувствовал, что тело было холодным.

Но это абсолютно невозможно! Раненого доставили всего час назад, живого и почти здорового!

– Эй, Сидески, проснитесь! – Дрожащей рукой фельдшер вновь коснулся плеча спящего и опять ощутил ужасный, леденящий холод.

Превозмогая страх, он откинул одеяло и увидел обнаженное мертвое тело, посиневшее и безобразно раздувшееся. Отвратительный запах смерти и дезинфекции окутал его плотным коконом.

Пошатываясь и зажав рот рукой, Киддер отошел от каталки. Мысли лихорадочно крутились у него в голове. Этот парень не только умер, но уже начал разлагаться. Разве такое возможно? Ралф обвел палату

безумным взглядом, но больше никого в ней не увидел. Произошла какая-то ужасная ошибка, какая-то дикая путаница.

Киддер глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Потом взял тело за плечо и повернул его на спину. Голова трупа безвольно упала набок, и на Ралфа уставилось мертвое лицо с выпученными глазами и вывалившимся, как у собаки, языком. Лицо было багровым и раздутым, у нижней губы засохло что-то желтое.

– Господи, – простонал Киддер, пятясь к двери.

Это был не поступивший час назад раненый охранник, а погибший накануне заключенный, которого он только вчера осматривал, помогая рентгенологу делать снимки для патологоанатомического заключения.

Стараясь говорить спокойно, Киддер вызвал главного врача Херкморской тюрьмы. Через несколько секунд из интеркома послышался раздраженный голос:

– У меня очень мало времени. Что у вас случилось?

Киддер не сразу нашелся что сказать.

– Видите ли, я насчет того умершего заключенного, который лежал в морге.

– Насчет Лакарры? Его увезли пятнадцать минут назад.

– Нет, его не увезли.

– Разумеется, увезли. Я сам подписал пропуск и видел, как мешок с телом погрузили в перевозку. Машина ждала у ворот, потом въехала на территорию, чтобы забрать труп.

Киддер судорожно сглотнул.

– Я так не думаю.

– Чего вы не думаете? О чем вы толкуете, Киддер, черт вас побери?

– Поко Лакарра… – Ралф опять сглотнул и облизал пересохшие губы. – Поко Лакарра все еще здесь.

В двадцати милях к югу от федеральной тюрьмы Херкмор по почти пустому шоссе Таконик-стейт-паркуэй в сторону Нью-Йорка мчалась труповозка. Через несколько минут она свернула на площадку для отдыха и резко остановилась.

Винсент д’Агоста сорвал с себя белую униформу санитара морга, перелез в заднюю часть автомобиля, расстегнул мешок и увидел длинное белое

тело специального агента Пендергаста. Тот выбрался из мешка и, моргая, сел.

– Пендергаст! Черт возьми, мы сделали это! Вы слышите? Мы сделали это!

Специальный агент остановил его, подняв руку:

– Мой дорогой Винсент, пожалуйста, никаких бурных проявлений любви, пока я не приму душ и не оденусь!

Глава 46

В тот же самый вечер, в половине седьмого, Уильям Смитбек-младший стоял на тротуаре Мьюзим-драйв, глядя на ярко освещенный фасад Нью-Йоркского музея естественной истории. Широкая ковровая дорожка покрывала огромные гранитные ступени парадного входа. Шумная толпа, состоявшая из зевак и журналистов, сдерживалась бархатными канатами ограждения и тесно сомкнутыми рядами охранников музея. Из подъезжавших один за другим лимузинов выходили кинозвезды, члены городского совета, финансовые короли и королевы, светские дамы, тощие модели с лишенными всякого выражения глазами, управляющие партнеры, президенты университетов и сенаторы – участники грандиозного парада денег, власти и влияния.

Великие и могущественные поднимались по ступеням, не глядя по сторонам, образуя черно-белый переливающийся поток, устремившийся к украшенному колоннами фасаду музея.

За огромными бронзовыми дверями их встречал ослепительный свет, а сдерживаемая охранниками толпа тем временем изумленно таращилась, кричала и щелкала затворами фотокамер. Над входом, скрывая неоклассический фасад музея, полоскался на легком ветру стяг огромных размеров – его ширина составляла примерно четыре этажа. На нем был изображен гигантский глаз Гора, под которым шла надпись шрифтом, напоминающим египетские иероглифы:

«Торжественное открытие

Великой гробницы Сенефа».

Смитбек поправил шелковый галстук и разгладил лацканы смокинга. Поскольку он прибыл не в лимузине, а на такси, ему пришлось целый квартал до музея идти пешком, а потом еще проталкиваться сквозь возбужденную толпу. Когда он наконец достиг бархатного ограждения и протянул свое приглашение охраннику, тот смерил его подозрительным

взглядом и подозвал напарника. После совещания, которое заняло несколько минут, ему наконец неохотно разрешили пройти – и он пристроился как раз за актрисой Вандой Мюрсо, наделавшей столько шума на открытии выставки «Священные изображения». Следуя за ней в ароматном шлейфе духов, Смитбек рассуждал о том, как, должно быть, расстроилась Ванда, когда Академия киноискусства в этом году не присудила ей звания лучшей актрисы года, на которое она претендовала.

Испытывая приятное волнение, он присоединился к процессии богатых и знаменитых и через несколько секунд уже входил в блестящие двери. Сегодняшнее мероприятие должно было затмить все предшествующие.

Ковровая дорожка вела через знаменитую Большую ротонду с ее динозаврами, через великолепный Африканский зал, а оттуда – еще через полдюжины старых, ничем не примечательных помещений с затхлым воздухом и редко используемых полузаброшенных коридоров и оканчивалась у лифтов, где уже собралась приличная толпа гостей. Лифты расположены слишком далеко от главного входа, думал Смитбек, дожидаясь, пока подойдет его очередь и он сможет войти в кабинку, а заодно разглядывая окружавших его людей. Однако гробница Сенефа находилась еще дальше – в самых глубоких недрах музея. Хотя небольшая пешая прогулка совсем не повредила бы этим старым мощам – наоборот, им было бы полезно немного разогнать застоявшуюся кровь.

Тихий звон возвестил о прибытии лифта, и он вошел в него вслед за остальными. Набившись в кабинку, словно черно-белые сардины, гости спокойно ждали, когда лифт доползет до подземного этажа музея. Наконец он остановился, двери открылись, и их ослепил яркий свет и оглушили звуки оркестра. Но самое большое впечатление на всех произвел огромный Египетский зал с искусно отреставрированными фресками девятнадцатого века. Стены зала были уставлены стеклянными витринами, в которых блестели и переливались замечательные произведения искусства из золота, драгоценных камней и фаянса. Все свободное пространство занимали изысканно сервированные чайные и обеденные столы, расставленные на мраморном полу, с тысячами свечей в изящных подсвечниках. Самыми привлекательными Смитбеку, быстро обшарившему взглядом весь зал вместе с его содержимым, показались длинные столы, на которых теснились блюда с копченым осетром и лососем, домашним хлебом с хрустящей корочкой и нарезанным тонкими ломтиками прошютто. Здесь же стояли хрустальные вазочки с серебристо-серой севрюжьей и белужьей икрой, массивные серебряные чаши с колотым льдом и батареи бутылок шампанского «Вдова Клико», дожидающихся, когда их откупорят и разольют по бокалам.

А ведь это, подумал Смитбек, всего лишь разминка – обед планировалось подать позже. Он оживленно потер руки, наслаждаясь приятным зрелищем, и огляделся, отыскивая взглядом Нору, которая в последнюю неделю почти не появлялась дома. При мысли о других, более интимных наслаждениях, которым Смитбек собирался предаться позже, когда этот прием – и вся эта безумная неделя – наконец-то закончится, по его телу пробежал легкий трепет.

Он как раз размышлял, на какой из столов совершить набег в первую очередь, когда кто-то подошел к нему сзади и взял его под руку.

– Нора! – Смитбек обернулся и нежно обнял жену, на которой было длинное облегающее черное платье с элегантной серебряной вышивкой. – Ты выглядишь сногсшибательно!

– Ты тоже смотришься неплохо. – Нора протянула руку и пригладила непокорный чуб мужа, который, впрочем, тут же принял первоначальное положение, полностью отрицающее существование земного притяжения. – Мой симпатичный мальчик-переросток.

– А ты моя египетская царица. Кстати, как твоя шея?

– Прекрасно, и, пожалуйста, перестань задавать глупые вопросы.

– Это просто потрясающе! Господи, какая роскошь! – Смитбек посмотрел по сторонам. – И ты – куратор! Подумать только! Это ведь твое шоу.

– К организации вечеринки я не имею никакого отношения. – Нора бросила взгляд в сторону входа в гробницу Сенефа, пока еще закрытого и перегороженного красной ленточкой, которую только еще предстояло перерезать. – Мое шоу начнется позже.

Мимо быстрой походкой прошел худощавый официант, он нес поднос с шампанским. Смитбек изловчился и успел схватить два бокала, один из которых передал Норе.

– Давай выпьем за гробницу Сенефа, – сказал он.

Они чокнулись и осушили бокалы.

– Давай немного поедим, пока не началась давка, – предложила Нора. – У меня всего несколько минут. В семь я выступаю с короткой речью, потом будут другие речи, обед и, наконец, шоу. Боюсь, Билл, ты меня сегодня толком не увидишь. Мне очень жаль.

– Но ведь позже я смогу наверстать упущенное.

Когда они подошли к столу, Смитбек увидел стоявшую рядом с ним высокую красивую женщину с темно-рыжими волосами, одетую

довольно нелепо – в черные широкие брюки и серую шелковую блузку с расстегнутым воротником. Шею женщины украшала скромная нитка жемчуга. Этот простой наряд совершенно не соответствовал торжественности момента, однако на ней он смотрелся стильно и даже, пожалуй, элегантно.

– Билл, познакомься, это новый египтолог Виола Маскелин, – сказала Нора, повернувшись к женщине. – А это мой муж, Билл Смитбек.

Смитбек был поражен.

– Виола Маскелин? Та самая, которую… – Он вовремя спохватился и протянул женщине руку. – Очень приятно познакомиться.

– Мне тоже, – ответила Виола с безупречным произношением хорошо образованного человека. – Я получила огромное удовольствие, работая с Норой в эти последние несколько дней. Потрясающий музей!

– Да, – согласился Смитбек, – достойное внимания собрание древностей. Виола, а скажите мне… – Он с трудом сдерживал любопытство. – Скажите, как вы… э… попали в музей?

– Решение было принято в последний момент. После того как Эдриан трагически погиб, музею срочно понадобился египтолог, специалист по Новому царству и захоронениям в Долине царей. Судя по всему, Хьюго Мензис слышал о моих работах, поэтому предложил мою кандидатуру. Я же с радостью согласилась.

Смитбек уже открыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, но вовремя поймал предостерегающий взгляд Норы, ясно говоривший, что сейчас не время вытягивать из Виолы информацию о ее похищении. Однако ему показалось чрезвычайно странным, что Маскелин так неожиданно вернулась в Нью-Йорк – и не куда-нибудь, а в музей. Журналистское чутье подсказывало Смитбеку, что это неспроста. Таких совпадений просто не бывает. Создавалось впечатление, что все было подстроено специально.

– Сколько еды! – воскликнула Виола, указывая на накрытые столы. – Я умираю с голоду. Может, немного перекусим?

– Обязательно, – ответил Смитбек.

Они протиснулись к ломящимся от закусок столам. Смитбек, заняв место покорно отошедшего в сторону хранителя, наложил на тарелку добрых две унции икры, высокую горку блинов и приличное количество crиme fraоche.[9] Наблюдая за Виолой уголком глаза, он с удивлением увидел, что она навалила на свою тарелку даже больше еды, чем он сам. Похоже, эта женщина, так же как и он, не придавала значения правилам хорошего тона.

Поймав на себе его взгляд, Виола слегка покраснела, но тут же улыбнулась.

– Я не ела со вчерашнего дня, – пояснила она. – Они не дали мне прерваться ни на минуту.

– Тогда вперед! – пригласил Смитбек и положил себе еще икры, радуясь, что у него появилась сообщница.

В противоположном конце зала неожиданно заиграла музыка, и на небольшой подиум, возведенный рядом с оркестром, под гром аплодисментов поднялся Хьюго Мензис в ослепительно белом фраке с белым же галстуком-бабочкой. Он обвел толпу сияющими синими глазами, и в зале воцарилась тишина.

– Леди и джентльмены, – начал Мензис, – сегодня я не буду утомлять вас долгой речью, поскольку всех нас ждет кое-что гораздо более интересное. Позвольте лишь зачитать вам письмо, которое прислал мне по электронной почте граф де Кахорс – человек, чье чрезвычайно щедрое пожертвование и сделало возможным этот праздник.

«Глубокоуважаемые леди и джентльмены!

Я искренне сожалею, что не могу вместе с вами присутствовать на торжествах, посвященных новому открытию гробницы Сенефа.

Я старый человек и уже не рискую совершать длительные поездки. Но я поднимаю за вас бокал и желаю вам незабываемого вечера.

С наилучшими пожеланиями,

Le Comte Thierry de Cahors».

Короткое послание таинственного графа было встречено громкими рукоплесканиями. Когда они стихли, Мензис продолжил:

– А сейчас я с удовольствием представляю вам величайшее сопрано современности Антонеллу да Римини в роли Аиды и тенора Жиля де Монпарнаса в роли Радамеса. Вы услышите дуэт «La fatal pietra sovra me si chiuse» из финальной сцены оперы Верди «Аида», который для удобства наших гостей, не знающих итальянского языка, будет исполнен на английском.

Последовал новый шквал аплодисментов. На сцену вышла чудовищно толстая женщина в грозящем лопнуть на ней псевдоегипетском одеянии. Ее сопровождал не менее упитанный мужчина в похожем наряде.

– Нам с Виолой пора идти, – шепнула Нора Смитбеку. – Скоро наше выступление. – Она легонько пожала ему руку и исчезла в толпе. Виола Маскелин последовала за ней.

При появлении на сцене дирижера зал вновь содрогнулся от аплодисментов, и Смитбек подивился необычайному воодушевлению публики, которая еще не успела как следует разогреться. Жуя блин, он осматривал присутствующих, среди которых заметил множество известных людей – сенаторов и руководителей крупнейших корпораций, кинозвезд и политиков, общественных деятелей и иностранных дипломатов. И, конечно же, не обошлось без полного набора попечителей музея и примкнувших к ним важных персон из числа музейного руководства. «Если, не дай Бог, что случится, – подумал он про себя с дьявольской усмешкой, – шуму будет не то что на всю страну – на всю планету».

Свет в зале погас, дирижер поднял палочку, и в наступившей тишине оркестр заиграл печальную мелодию. Радамес запел:

Сей камень роковой сулит мне смерть.

Моя гробница…

Дневного света не увижу вновь,

Как не увижу я Аиду.

Любовь моя, где ты?

Будь счастлива в неведенье о том,

Что за судьба мне выпала!

Но что это за звук? Ползет змея?

Иль это только мерзкое виденье?

Но нет! Неясные я вижу очертанья

Фигуры человеческой.

О боги! Аида!

И тут раздался пронзительный голос примадонны:

Да, это я!

Смитбек, убежденный противник оперы, усилием воли отключил слух и вновь сосредоточил внимание на уставленных закусками столах. Протиснувшись сквозь толпу и воспользовавшись временным затишьем,

он наложил себе полдюжины устриц, прикрыл их толстыми кусками круглого французского сыра с плесенью, добавил горку очень тонко нарезанного прошютто и два ломтика языка. С трудом удерживая все это на тарелке, подошел к столу с напитками и попросил бармена долить в бокал шампанского, чтобы не пришлось слишком быстро возвращаться за добавкой. Затем он направился к одному из столиков, на которых стояли зажженные свечи, и удобно расположился, собираясь насладиться добычей.

Поесть вкусно и при этом совершенно бесплатно Смитбеку удавалось не часто, и он был полон решимости до конца использовать представившуюся возможность.

Глава 47

Эли Глинн поджидал труповозку у неприметной двери, ведущей в офис возглавляемой им компании «Эффективные технические решения». Поручив одному из сотрудников заняться автомобилем, он проводил Пендергаста в помещение, где тот мог принять душ и переодеться, а д’Агосту оставил с молчаливым, как робот, лаборантом в белом халате. Лейтенанту пришлось подождать, пока лаборант коротко переговорит с кем-то по телефону, после чего они направились по гулкому коридору в глубь здания, занимаемого компанией «ЭТР», и вскоре оказались в просторной тихой комнате. Несмотря на то что было уже полвосьмого и рабочий день закончился, здесь все еще находились несколько ученых – одни что-то писали на специальных белых досках, другие сидели за компьютерами, не отрывая взглядов от мониторов. Все говорило о том, что в компании ведутся самые серьезные научные исследования, и, проходя мимо лабораторных столов, оборудования и каких-то непонятных моделей, д’Агоста невольно подумал, известно ли работающим здесь людям, что их офис временно стал пристанищем для одного из самых опасных федеральных преступников.

Д’Агоста вслед за лаборантом прошел через помещение к ожидающему их лифту. Его спутник набрал код на панели управления, после чего нажал кнопку нужного им этажа. Кабинка лифта спускалась бесконечно долго. Когда ее двери наконец открылись, за ними показались светло-голубые стены коридора. Знаком предложив д’Агосте следовать за ним, лаборант прошел по коридору и остановился перед очередной дверью. Улыбнувшись, он ободряюще кивнул своему спутнику, потом повернулся и направился к лифту.

Некоторое время д’Агоста молча смотрел вслед удаляющейся фигуре, затем перевел взгляд на дверь без таблички и осторожно постучал. Дверь тут же распахнулась, и на пороге возник невысокий улыбающийся человек с румяным лицом и коротко подстриженной бородой. Пригласив д’Агосту войти, он спросил:

– Вы ведь лейтенант д’Агоста, не так ли? – Незнакомец говорил с акцентом, скорее всего немецким. – Садитесь, пожалуйста. А я – доктор Ролф Краснер.

Просторное, просто обставленное и безупречно чистое помещение напоминало медицинский кабинет – серое напольное покрытие, белые стены, минимальный набор мебели. Посреди комнаты стоял до блеска отполированный стол розового дерева, на котором лежала пухлая книга в мягком переплете – по всей видимости, какое-то медицинское издание, – толщиной не уступающая телефонному справочнику Манхэттена. Эли Глинн уже расположился в своем инвалидном кресле у дальнего конца стола. Молча кивнув д’Агосте, он пригласил его занять пустой стул.

Когда д’Агоста уселся, в противоположной стене открылась еще одна дверь, и в комнату вошел Пендергаст. Его раны были только что перевязаны, волосы, мокрые после душа, зачесаны назад. На специальном агенте была совершенно не подходящая ему одежда – белая водолазка и серые шерстяные брюки, которые после его традиционного черного костюма казались чуть ли не маскарадом.

Д’Агоста инстинктивно поднялся, Пендергаст обменялся с ним взглядом и улыбнулся.

– Боюсь, я забыл поблагодарить вас за то, что вы вызволили меня из тюрьмы, – сказал он.

– Вы же знаете, что в этом нет никакой необходимости, – покраснев, ответил д’Агоста.

– Нет, я так не считаю. Спасибо вам большое, мой дорогой Винсент, – произнес он мягко и, взяв руку д’Агосты, быстро пожал ее.

Д’Агоста был необычайно тронут таким проявлением дружеских чувств со стороны человека, которому порой бывало неловко произнести даже простые слова благодарности.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил Глинн бесстрастным, лишенным каких-либо человеческих эмоций голосом, который так не понравился д’Агосте во время их первой встречи.

Лейтенант повиновался. Пендергаст, двигаясь со своей обычной кошачьей грацией, занял место напротив, однако держался немного скованно, как отметил про себя д’Агоста.

– Кроме того, я выражаю огромную благодарность вам, мистер Глинн, – продолжал Пендергаст. – Это была в высшей степени успешная операция.

Глинн коротко кивнул.

– Хотя я очень сожалею, что для собственного освобождения мне пришлось убить мистера Лакарру.

– Но вы же знаете, – возразил Глинн, – что у нас не было другого выхода. Вам нужно было убить кого-то из заключенных, чтобы вас могли вывезти в мешке, предназначенном для его трупа. Более того, этот заключенный должен был совершать прогулки во дворе номер четыре – идеальном месте для обреченного на неудачу побега. Нам очень повезло, если можно так выразиться, что среди гуляющих в этом дворе осужденных оказался злодей столь отъявленный, что многие сочли бы его достойным смерти. Этот человек зверски убил троих детей на глазах их матери. Нам не составило труда проникнуть в базу данных Херкмора и изменить некоторую касающуюся его информацию таким образом, чтобы Коффи решил, будто он один из ваших бывших «подопечных». Наконец, я должен отметить, что он сам вынудил вас убить его – это была всего лишь самооборона.

– Никакие глубокомысленные рассуждения не изменят того факта, что это было преднамеренное убийство.

– Строго говоря, вы правы. Но вам также известно, что его смерть была необходима, чтобы спасти другие жизни – возможно, очень много жизней. К тому же наша модель показала, что ему все равно отказали бы в помиловании.

Пендергаст молча наклонил голову.

– А теперь, мистер Пендергаст, оставим в стороне мелкие этические проблемы – у нас есть более важное дело, не терпящее отлагательства. Речь идет о вашем брате. Полагаю, что, пока вы находились в одиночной камере, до вас не доходило никаких известий из внешнего мира?

– Абсолютно никаких.

– Тогда для вас будет сюрпризом узнать, что ваш брат уничтожил все алмазы, похищенные им из музея.

Д’Агоста явственно увидел, как напрягся Пендергаст.

– Это правда. Диоген измельчил камни и вернул их в музей в виде мешка с песком.

Немного помолчав, Пендергаст сказал:

– Что ж, я опять не смог предвидеть его действия или усмотреть в них какой-либо смысл.

– Если это послужит вам утешением, признаюсь, что данный поступок стал сюрпризом для всех нас. Это значит, наши предположения относительно вашего брата оказались неверны. Мы думали, что, после того как у него выманили «Сердце Люцифера» – самый ценный для него алмаз, – он на некоторое время заляжет на дно, чтобы зализать раны, составить план действия, но ошиблись.

Тут вмешался Краснер, и его жизнерадостный голос составил резкий контраст монотонной речи Глинна:

– Уничтожив алмазы, на разработку похищения которых было потрачено столько лет, алмазы, которые были для него предметом страсти и необходимости, он уничтожил какую-то часть себя. Это своего рода самоубийство – он подчинился власти своих демонов.

– Когда нам стало известно, что случилось с алмазами, мы поняли, что составленный нами психологический портрет Диогена в корне неверен, – продолжал Глинн. – Поэтому мы заново проанализировали имевшиеся у нас данные, собрали дополнительную информацию. И вот результат. – Он кивнул на лежавший на столе толстый том. – Чтобы избавить вас от лишних подробностей, скажу, что результаты наших исследований сводятся к одному.

– К чему же?

– Похищение алмазов не было тем «идеальным преступлением», о котором говорил Диоген. Не было им и поругание, которому он подверг вас – вначале убив ваших друзей, а потом сделав так, что в этих убийствах обвинили вас. Мы не имеем ни малейшего представления о том, каковы его намерения, но факт остается фактом: самому зловещему преступлению еще только суждено совершиться.

– А как же дата, указанная в его письме?

– Очередная ложь или по крайней мере попытка отвлечь внимание. Похищение алмазов изначально входило в его планы, однако решение их уничтожить принято спонтанно. Но это не меняет того факта, что серия преступлений была тщательно спланирована, с тем чтобы постоянно держать вас в напряжении, сбивать со следа, а самому всегда находиться на шаг впереди. Должен сказать, что глубина и сложность плана, разработанного вашим братом, поистине впечатляют.

– Значит, преступление еще только готовится, – сухо произнес Пендергаст. – Вам известно, какого рода это преступление или хотя бы когда оно будет совершено?

– Нет, мы подозреваем лишь, что это произойдет совсем скоро – может быть, завтра, может, сегодня вечером. Поэтому нам было так важно как можно скорее освободить вас из Херкмора.

Пендергаст немного помолчал.

– Не вижу, чем я могу вам помочь, – произнес он наконец, и в его голосе прозвучала горечь. – Вы же сами видите: я только и делал что ошибался.

– Агент Пендергаст, вы именно тот человек – тот единственный человек, – который может нам помочь. И вы сами это знаете.

Пендергаст ничего не ответил, и Глинн продолжил:

– Мы рассчитывали, что составленный нами криминальный психологический портрет позволит предсказать его следующие шаги. Так и произошло… но лишь в определенном смысле. Нам известно, что он совершенно искренне считает себя жертвой, и этим мотивируются многие его действия. Он уверен, что в отношении его было совершено ужасное злодеяние. Поэтому мы думаем, что его «идеальное преступление» станет попыткой совершить такое же злодеяние в отношении большого числа людей.

– Совершенно верно, – перебил его Краснер. – Ваш брат хочет придать злу всеобщий характер, сделать его публичным, заставить других разделить его боль.

Глинн нагнулся над столом и пристально посмотрел на Пендергаста:

– Нам известно кое-что еще. Именно вы причинили вашему брату эту боль – по крайней мере он так считает.

– Это полный абсурд, – ответил Пендергаст.

– Что-то произошло между вами и вашим братом в раннем детстве – что-то настолько ужасное, что нанесло окончательный удар по его уже и без того больному рассудку и стало причиной его дальнейших поступков. Для полноценного анализа нам не хватает очень важной части информации – о том, что произошло между вами и Диогеном. А между тем память о том событии заключена вот здесь. – Глинн указал на голову Пендергаста.

– Мы уже это обсуждали, – сухо ответил Пендергаст. – И я рассказал вам обо всем, что происходило между мной и братом. У меня даже состоялась весьма странная беседа с уважаемым доктором Краснером в этом самом кабинете, но она не принесла никаких результатов. Я не совершал в его отношении никакой жестокости, о которой впоследствии мог забыть. У меня фотографическая память.

– Простите, но позвольте с вами не согласиться. Такое событие имело место. Должно было иметь. Других объяснений не существует.

– Тогда прошу меня извинить. Даже если вы правы, я ничего подобного не помню и, очевидно, никогда не смогу вспомнить. Вы уже сами в этом убедились.

Глинн сцепил пальцы и устремил на них задумчивый взгляд. На мгновение в комнате стало совсем тихо.

– Думаю, есть один способ, – произнес он, не глядя на своих собеседников, но, не дождавшись ответа, поднял голову. – Вы обучались некой древней науке, секретной мистической философии, проповедуемой членами крохотного монашеского ордена в Бутане и на Тибете. Одна из составляющих этой философии духовная, другая – физическая, представляющая собой сложную последовательность ритуальных движений, примерно таких, как в ката шотоканского карате. Третья составляющая – интеллектуальная, своего рода медитация, концентрация, позволяющая раскрыть весь потенциал человеческого мозга. Я имею в виду тайные ритуалы джогшэн и его более редкой разновидности – чон-рэн.

– Откуда вы получили эту информацию? – спросил Пендергаст таким ледяным тоном, что у д'Агосты кровь застыла в жилах.

– Агент Пендергаст, я вас умоляю, информация – это наш хлеб. Стараясь как можно больше узнать о вас – естественно, для того, чтобы лучше понять вашего брата, – мы побеседовали со многими людьми, в том числе с Корнелией Деламер-Пендергаст, вашей двоюродной бабушкой. Ее теперешнее местопребывание – Маунт-Мерси, больница для преступников, признанных невменяемыми. Кроме того, нам удалось встретиться с одной вашей знакомой – мисс Корри Свонсон, старшим научным сотрудником академии Филипса Эксетера. С ней, правда, пришлось сложнее, но в конце концов мы все же получили то, что хотели. – Глинн устремил на Пендергаста свой невозмутимый взгляд сфинкса.

Пендергаст в ответ не мигая уставился на него бледно-серыми кошачьими глазами. Напряжение в комнате быстро росло, и д'Агоста почувствовал, как по рукам у него побежали мурашки.

Наконец Пендергаст заговорил:

– Подобное вмешательство в мою частную жизнь выходит далеко за рамки нашего контракта.

Глинн ничего не ответил.

– Я использую метод ментального сканирования лишь в отвлеченных ситуациях – например, чтобы воссоздать момент совершения преступления или какое-то историческое событие. И все. Он не имеет никакой ценности, когда речь идет о таких… глубоко личных вопросах.

– Никакой ценности? – В равнодушном голосе Глинна теперь послышалось недоверие.

– Помимо всего прочего, эта техника слишком сложна, и применять ее в данном случае – лишь зря тратить время. Результат будет такой же, как у доктора Краснера, который пытался играть со мной в свою странную игру.

Глинн вновь подался вперед в инвалидном кресле, не сводя глаз с Пендергаста. Когда он заговорил, его голос вдруг зазвучал непривычно настойчиво:

– Мистер Пендергаст, а разве не могло так случиться, что событие, которое так сильное травмировало вашего брата, ранило и вас самого? И именно поэтому вы загнали воспоминания о нем в самый дальний уголок памяти?

– Мистер Глинн…

– Скажите, – продолжал Глинн, и голос его зазвучал громче, – разве этого не могло быть?

Пендергаст посмотрел на него, и его серые глаза вспыхнули.

– Я допускаю, что в принципе это возможно.

– Если же это возможно, если такие воспоминания существуют и способны помочь найти недостающий фрагмент головоломки и тем самым спасти жизнь многим людям, обезвредив вашего брата… Неужели все это не стоит хотя бы одной попытки?

Двое мужчин сверлили друг друга взглядами не больше минуты, но д’Агосте эта минута показалась вечностью. Наконец Пендергаст опустил голову, бессильно сгорбился и молча кивнул.

– Тогда приступим, – как ни в чем не бывало продолжал Глинн. – Что вам для этого нужно?

Пендергаст, казалось, не сразу услышал заданный ему вопрос. Через несколько секунд он все же пришел в себя и ответил:

– Уединение.

– Студия Бергассе вас устроит?

– Да. – Пендергаст положил руки на подлокотники кресла и с усилием встал. Ни на кого не глядя, он повернулся и направился к той самой комнате, из которой появился.

– Агент Пендергаст… – тихо окликнул его Глинн.

Взявшись за ручку двери, Пендергаст остановился и молча ждал.

– Я знаю, что это будет для вас нелегким испытанием. Но сейчас не время для полумер. Вы не должны ничего скрывать. Какой бы ни была правда, придется принять ее – чтобы противостоять ей во всей полноте. Договорились?

Пендергаст кивнул.

– Тогда удачи.

Холодная усмешка скользнула по лицу агента. Не говоря ни слова, он открыл дверь и быстро вышел из комнаты.

Глава 48

Капитан отдела по расследованию убийств Лаура Хейворд стояла слева от входа в Египетский зал и с сомнением рассматривала собравшихся в нем людей. Для сегодняшнего вечера она специально выбрала темный костюм – чтобы слиться с толпой, и единственным свидетельством ее принадлежности к полиции служили приколотые к лацкану крохотные золотые капитанские шпалы. Ее пистолет – стандартный «смит-вессон» тридцать восьмого калибра – был спрятан в плечевой кобуре под жакетом.

Картина, представшая перед ее глазами, казалась списанной с учебника: каждый из ее подчиненных, как в штатском, так и в полицейской униформе, находился строго на отведенном ему месте. Это были ее лучшие сотрудники – да и, если честно, во всем Нью-Йорке.

Здесь же находилась и музейная охрана, причем секьюрити маячили на самом виду – для того чтобы создать у публики психологическое ощущение безопасности. Манетти все это время с готовностью шел на контакт и выполнял все ее просьбы, и вместе им удалось добиться того, чтобы и остальные помещения музея так же тщательно охранялись.

Лаура прокрутила в голове десятки возможных сценариев катастрофы, предусмотрела любую внештатную ситуацию: появление смертника со взрывчаткой, возникновение пожара, сбои в работе системы безопасности или электропитания, выход из строя компьютеров. Единственным слабым местом оставалась гробница, поскольку в ней имелся всего один выход. Но этот выход был достаточно широк, а стены гробницы и все находящиеся в ней предметы по настоянию руководства пожарной службы Нью-Йорка обработали специальным огнеупорным веществом. Лаура знала, что все двери, ведущие на выставку, открываются изнутри и снаружи, как вручную, так и с помощью электроники, причем даже в случае полного прекращения подачи электричества. Она специально заглянула в диспетчерскую – полупустое

помещение рядом с гробницей – и лично убедилась в этом, проверив работу компьютерной программы.

Команда токсикологов провела не одно, не два, а целых три исследования гробницы на предмет присутствия в ней вредных веществ – и результаты неизменно оказывались отрицательными. И теперь Лаура ощупывала взглядом толпу, мысленно спрашивая себя: «Неужели может случиться что-то непредвиденное?»

Рассудок уверенно отвечал ей «нет», но интуиция говорила другое. Лаура почти физически ощущала надвигающуюся опасность. Это чувство было иррационально, в нем не было логики. Она вновь и вновь пыталась проанализировать его, надеясь установить причину, и ее мысли, как обычно, почти автоматически выстраивались в виде списка. На этот раз все его пункты были связаны с Диогеном Пендергастом.

1. Диоген жив.

2. Он похитил Виолу Маскелин.

3. Он напал на Марго.

4. Он украл коллекцию алмазов и уничтожил ее.

5. Он, по всей вероятности, совершил хотя бы часть убийств из тех, что приписывались агенту Пендергасту.

6. Он много времени проводит в музее в каком-то пока еще неизвестном качестве – скорее всего является куратором одного из отделов.

Оба преступника, размышляла Лаура, работали в гробнице Сенефа и оба внезапно лишились рассудка, пробыв в ней какое-то время. Тем не менее тщательное исследование помещений самой усыпальницы и прилегающего к ней зала не выявило никаких проблем, связанных с экологией или электричеством. Абсолютно ничего, что могло бы спровоцировать внезапный психический срыв или повреждение головного мозга. Был ли Диоген как-то в этом замешан? Что, в конце концов, он замышляет?

Сама не желая того, Лаура мысленно вернулась к разговору с д’Агостой, состоявшемуся в ее кабинете всего несколько дней назад. «Все, что он совершал до сих пор – убийства, похищение человека и кража алмазов, – лишь подготовка к чему-то более серьезному, – сказал тогда лейтенант. – Возможно, гораздо более серьезному».

Поежившись, Лаура припомнила свои догадки и вопросы, которые она задавала о прошлом Диогена. Все произошедшее было как-то связано между собой, все это было предусмотрено неким планом. Но в чем заключался сам план?

Капитан Хейворд не имела об этом ни малейшего понятия. И тем не менее интуиция подсказывала ей, что сегодня вечером произойдет нечто ужасное. Ошибки быть не может. Сегодня вечером случится «что-то гораздо более серьезное» – то, о чем предупреждал ее д'Агоста.

Она вновь внимательно осмотрела зал, задержав взгляд поочередно на каждом из своих людей, – в ответ они едва заметно кивнули. Среди присутствующих на открытии гостей Хейворд увидела множество известных людей: мэра, исполняющего обязанности спикера палаты представителей, губернатора и по крайней мере одного из двух сенаторов от штата. Здесь были также руководители крупнейших американских корпораций по рейтингу журнала «Форчун», голливудские продюсеры, актеры и телеведущие. Лаура успела заметить и знакомых ей сотрудников музея – Коллопи, Мензиса, Нору Келли…

Она перевела взгляд на членов команды Пи-би-эс, расположившихся в конце зала и ведущих прямую трансляцию торжественного вечера. Другая часть телевизионщиков находилась в еще не открытой гробнице – они готовились снимать первый VIP-осмотр экспозиции и сопровождающее его светомузыкальное шоу.

У Лауры не оставалось никаких сомнений: все это было частью задуманного. То, чему суждено сегодня случиться, будет транслироваться на всю страну, для миллионов зрителей. И у Диогена, скрывающегося под маской хранителя или другого влиятельного сотрудника музея, имелись все необходимые средства для осуществления своего плана. Но кто он? Манетти тщательно изучил личные дела персонала, но это ничего не дало. Вот если бы у них были снимки Диогена не двадцатипятилетней давности, да еще отпечатки пальцев или образец ДНК…

Каков же его план?

Взгляд Лауры остановился на двери, ведущей в гробницу. Сейчас она была закрыта, толстая сталь обшита панелями, имитирующими каменную кладку, поперек входа натянута широкая красная лента.

Тревога ее еще больше усилилась. А вместе с тревогой пришло ощущение полного одиночества. Она сделала все от нее зависящее, чтобы предотвратить или по крайней мере отсрочить открытие выставки, но ей никого не удалось убедить. Даже комиссар полиции Рокер, бывший союзник Хейворд, отказался ее поддержать.

А может, все это лишь плод ее фантазии? Может, все дело в чудовищном напряжении последних дней? Если бы только нашелся человек, который посмотрел бы на происходящее ее глазами, который бы так же, как она, понимал характер Диогена и знал его прошлое… Такой человек, как д'Агоста.

Д'Агоста… Он опережал ее на каждом этапе расследования. Он знал, что должно было случиться, еще до того как это случалось. Он раньше всех остальных понял, с каким необычным преступником им пришлось иметь дело. И, наконец, он был уверен, что Диоген жив, даже когда она и все остальные «доказали», что тот мертв.

К тому же д'Агоста знал музей – знал досконально. Ведь он участвовал в раскрытии преступлений, совершенных здесь шесть-семь лет назад, и знал всех ключевых сотрудников. Господи, хорошо бы он сейчас был здесь… Конечно, не тот д'Агоста, которого она когда-то любила – с этим было покончено, – а д'Агоста-коп, которому она продолжала доверять.

Лаура постаралась успокоиться. Нет никакого смысла мечтать о невозможном. Она сделала все, что было в ее силах, и теперь оставалось лишь ждать, внимательно наблюдать и быть готовой действовать.

Она еще раз обвела взглядом толпу, стараясь разглядеть на лицах присутствующих признаки необычного напряжения, возбуждения или тревоги, и неожиданно похолодела. Среди знаменитостей, столпившихся у подиума, она вдруг заметила высокую женскую фигуру, которую уже видела раньше.

Лаура поняла, что нужно немедленно что-то предпринять. Стараясь не выдать охватившего ее волнения, она поднесла к губам рацию.

– Манетти, говорит Хейворд. Слышите меня?

– Так точно.

– Эта высокая женщина возле подиума – Виола Маскелин?

Последовала короткая пауза, затем послышался ответ Манетти:

– Да, это она.

Хейворд судорожно сглотнула.

– Что она здесь делает?

– Ее пригласили на место того египтолога, Уичерли.

– Когда?

– Не знаю. Возможно, день или два назад.

– Кто ее пригласил?

– Думаю, отдел антропологии.

– Почему ее имени нет в списке гостей?

После некоторого колебания Манетти произнес:

– Точно не знаю. Вероятно, потому, что она была принята на работу совсем недавно.

Хейворд собиралась кое-что добавить. Ей хотелось выругаться прямо в рацию и напомнить Манетти, что он обязан был доложить ей о появлении нового сотрудника. Но все это уже не имело никакого значения, поэтому она сказала, что больше вопросов не имеет, и отсоединилась.

«Психологический портрет показал, что Диоген еще не выполнил свою миссию».

Все эти торжества по случаю открытия гробницы казались тщательно продуманной подготовкой – вот только к чему?

И снова в ее ушах зазвучали слова д’Агосты: *«…подготовка к чему-то более серьезному. Возможно, гораздо более серьезному»*. Господи, как же ей нужен д’Агоста – причем именно сейчас! Ведь он знает ответы на все эти вопросы.

Лаура достала мобильный и набрала его номер – никто не ответил. Тогда она посмотрела на часы – пятнадцать минут седьмого, вечер только начинался. Если ей удастся разыскать его и привезти сюда… Куда, черт возьми, он мог подеваться?

В памяти вновь возникла их последняя встреча: «Есть еще одна вещь, которую ты должна знать. Ты когда-нибудь слышала о фирме, специализирующейся на создании психологических портретов преступников, под названием «Эффективные технические решения»? Она находится на Западной Двенадцатой улице, директор – некий Эли Глинн. В последние месяцы я проводил там много времени – вроде как подрабатывал…»

Шанс ничтожный, но все же лучше, чем ничего. И уж конечно, лучше, чем стоять здесь просто так, ничего не делая. Если повезет, она успеет обернуться минут за сорок.

Лаура снова достала рацию:

– Лейтенант Голт?

– Так точно.

– Я ненадолго отъеду. Вы остаетесь за главного.

– Могу я спросить…

– Мне нужно кое с кем побеседовать. Если случится что-нибудь – хоть что-нибудь – необычное, прекращайте это мероприятие под мою ответственность. Вам понятно?

– Да, капитан.

Лаура сунула рацию в карман и быстро вышла из зала.

Глава 49

Пендергаст неподвижно стоял в маленьком кабинете, прижавшись спиной к двери, и разглядывал его богатое убранство: кушетку, накрытую персидским ковром, африканские маски, боковой столик, книжные полки, причудливые предметы искусства.

Он глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Потом огромным усилием воли заставил себя сдвинуться с места и подойти к кушетке. Медленно улегся на нее, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

За годы работы в полиции Пендергасту не раз приходилось оказываться в трудных и опасных ситуациях. Но ни одна из них не могла сравниться с тем, через что ему предстояло пройти здесь, в этой маленькой комнате.

Он начал с серии простых физических упражнений – замедлил дыхание и сердечный ритм. Потом заблокировал все внешние раздражители – гул системы отопления, едва уловимый запах полироля, упругую мягкость кушетки под собственным телом и даже ощущение самого тела.

Наконец, когда его дыхание стало едва различимым, а частота пульса снизилась почти до сорока ударов в минуту, перед его мысленным взором появилась шахматная доска. Он провел руками по старым облупившимся фигурам, передвинул белую пешку. Черная пешка сделала ответный ход. Игра продолжалась несколько минут и завершилась патом. Началась новая игра, но и она закончилась точно так же. Последовала еще одна игра, за ней другая, но ни одна не давала ожидаемого результата.

Созданный Пендергастом дворец памяти – собрание знаний и информации, где он хранил самые страшные свои секреты и который использовал для глубоких медитаций и самоанализа, – так и не материализовался в его сознании.

Пендергаст мысленно сменил игру – теперь он играл уже не в шахматы, а в бридж. Потом вместо двух игроков, сражающихся друг с другом, представил себе четырех – игра пошла пара на пару, с использованием

самых разных стратегий, с улавливаемыми и пропускаемыми сигналами. Он быстро сыграл роббер, потом второй. Но дворец памяти отказывался появляться, оставался за пределами досягаемости, ускользал.

Пендергаст еще больше снизил сердечный ритм и частоту дыхания, немного подождал, но безрезультатно. Такого с ним еще не случалось.

Тогда он призвал на помощь одно из сложнейших упражнений чон-рэн: мысленно отделил свое сознание от тела и, поднявшись над ним, стал парить в пространстве, лишенный телесной оболочки. Не открывая глаз, он начал мысленно воссоздавать обстановку комнаты, в которой находился, представляя себе каждый предмет на занимаемом им месте, и продолжал делать это, пока в его сознании не материализовалось все помещение до последней детали. Задержавшись на созданном им образе на несколько секунд, он начал удалять из него предмет за предметом – мебель, ковры, обои, – пока ничего не осталось. Но на этом он не остановился и стал удалять весь шумный город, раскинувшийся за пределами здания: сначала дом за домом, потом целые кварталы и, наконец, районы.

Мысленная разрушительная работа набирала обороты и продолжалась во всех направлениях: очередь дошла до округов, потом до штатов, государств, планеты, Вселенной – все это поочередно проваливалось в черноту.

Через несколько секунд не осталось ничего – один Пендергаст, парящий в бескрайней пустоте. Наконец он приказал исчезнуть собственному телу, и оно также было поглощено темнотой. Вселенная теперь была совершенно пуста: в ней не было ни мыслей, ни боли, ни памяти – ничего. Пендергаст достиг состояния, известного как санията, и на какой-то миг – или это была вечность? – само время перестало существовать. И тогда наконец старинный особняк, расположенный на Дофин-стрит, начал обретать форму в его сознании. Особняк Рошнуара, дом, в котором прошло их с Диогеном детство.

Пендергаст стоял перед ним на старой мощеной улице и через высокую кованую ограду рассматривал крышу мансарды, балкон, площадку с перильцами на крыше и остроконечные башенки. Высокие кирпичные стены скрывали внутренний двор с роскошным цветником.

Пендергаст мысленно открыл массивные железные ворота и, пройдя по центральной подъездной аллее, остановился у портика. Двойные белые двери были распахнуты, открывая взгляду огромный холл.

Помедлив несколько секунд, что было для него совершенно не характерно, он шагнул через порог и оказался на мраморном полу холла. Над головой у него ярко сверкала хрустальная люстра, свисавшая

с высокого, украшенного лепниной потолка. Широкая изогнутая лестница с резными перилами вела на второй этаж. Слева за закрытой дверью находился длинный, с низким потолком выставочный зал, справа располагалась тускло освещенная, обшитая дубовыми панелями библиотека.

Их родовой особняк был сожжен дотла новоорлеанским сбродом много лет назад, и Пендергаст с тех пор хранил в своей памяти его виртуальный образ. Это был интеллектуальный артефакт, воспроизведенный с необычайной точностью; кладовая, в которой он хранил не только свои ощущения и наблюдения, но и бесчисленные семейные секреты. Как правило, посещение дворца памяти оказывало на него успокаивающее, умиротворяющее воздействие: в каждом ящике каждого шкафа таились воспоминания о том или ином событии прошлого, о собственных размышлениях в связи с той или иной научной проблемой, которые можно было внимательно изучить на досуге. Сегодня же Пендергаст испытывал глубокое волнение, и лишь огромным усилием воли ему удавалось удержать образ особняка в своем воображении.

Он пересек холл и, поднявшись по ступеням, оказался на втором этаже. Помедлив долю секунды, пошел по широкому коридору. В стенах, обитых розовой гобеленовой тканью, имелись мраморные ниши; между ними висели написанные маслом портреты в старинных золоченых рамах. Пендергаст ощутил запахи дома – в нем пахло старой тканью, кожей, полиролем, и ко всему этому примешивался аромат духов его матери и любимого латакийского табака отца.

Примерно посередине коридора находилась дверь его комнаты, но Пендергаст не дошел до нее, остановившись перед соседней дверью, запаянной свинцом и прикрытой толстым листом кованой меди, края которого были прибиты к дверной коробке. Это была комната его брата Диогена. Пендергаст сам мысленно замуровал ее много лет назад, навсегда закрыв доступ в это помещение дворца памяти.

Это была единственная комната, в которую он пообещал себе больше никогда не входить. Но теперь – если Эли Глинн прав, – ему придется это сделать. У него нет выбора.

Пендергаст стоял перед дверью в нерешительности, чувствуя, как учащаются его пульс и дыхание. Стены особняка вокруг него вдруг вспыхнули и начали светиться. Свечение то становилось ярче, то слабело, как электрическая лампочка при перепадах напряжения. Он испугался, что созданная с таким трудом воображаемая конструкция вот-вот исчезнет, и огромным усилием воли заставил себя сосредоточиться. Немного успокоившись, он сумел придать устойчивость окружающим его образам.

У Пендергаста было мало времени: он знал, что в любой момент выстроенная с таким трудом картина может разрушиться под воздействием овладевших им эмоций. Он не может сохранять нужную степень концентрации бесконечно долго.

Пендергаст пожелал, чтобы в руках у него оказались лом, зубило и молоток. Вогнав лом под край медного листа, он начал отгибать металл от дверной коробки, методично двигаясь по всему периметру. Когда все края были отогнуты, он бросил лом, взял в руки зубило и молоток и начал выбивать мягкий свинец из щелей между дверью и дверной коробкой. Изогнутые куски свинца с глухим стуком падали на пол. Пендергаст выполнял работу быстро, надеясь с ее помощью отвлечься от тяжелых мыслей, стараясь не думать ни о чем, кроме стоящей перед ним задачи.

Через несколько минут на полу уже лежала небольшая горка свинца. Теперь единственной преградой между Пендергастом и тем, что находилось по ту сторону двери, был тяжелый замок. Пендергаст сделал шаг вперед и подергал дверную ручку. В другой ситуации он попытался бы вскрыть замок инструментами, которые всегда имел при себе, но сейчас у него не было на это времени – малейшее промедление могло стать роковым. Он отступил на шаг, поднял ногу и изо всех сил ударил в точку непосредственно под замком. Дверь распахнулась, громко стукнувшись о внутреннюю стену. Пендергаст, тяжело дыша, стоял на пороге, за которым находилась комната Диогена. Комната его брата.

Однако он так ничего и не увидел. Тусклый свет из коридора не мог рассеять окутывавший комнату сумрак – дверной проем на фоне розовых стен казался черным прямоугольником.

Пендергаст отбросил зубило и молоток. Еще секунда – и в руках у него оказался мощный фонарь. Включив его, Пендергаст направил луч в темноту, и ему показалось, что она жадно всосала в себя электрический свет.

Он попытался сделать шаг, но ноги не слушались. У него было такое ощущение, что он простоял на этом пороге целую вечность. Стены дома задрожали и вновь начали таять, словно сотканные из воздуха. Дворец памяти исчезал на глазах. Пендергаст вдруг понял, что если потеряет его сейчас, то не сможет вернуть никогда. Никогда…

Это был самый тяжелый момент в его жизни. Нечеловеческим усилием воли ему все-таки удалось удержаться на пороге, но эта сверхконцентрация почти полностью лишила его сил.

Пендергаст с трудом сделал еще один шаг и, остановившись сразу за порогом, посветил фонариком, направив его луч в самые дальние темные уголки помещения. Однако вместо комнаты, которую он ожидал

увидеть, его взгляду предстала длинная крутая лестница из нетесаного камня, спускавшаяся к скале, расположенной глубоко под землей.

От этого зрелища в душе Пендергаста шевельнулось темное чувство – словно дикий зверь, который, никем не тревожимый, дремал в нем более тридцати лет, вдруг проснулся. Его вновь охватили сомнения. Стены дома задрожали, как пламя свечи на ветру.

Но уже через мгновение он взял себя в руки. У него не было другого выхода, кроме как идти вперед. Поудобнее взяв фонарь, он начал спускаться по скользким истертым ступеням – все дальше и дальше в глубины памяти, наполненные стыдом, раскаянием и бесконечным ужасом.

Глава 50

Пендергаст спускался по ступеням, чувствуя поднимавшийся из подземелья тяжелый запах – отвратительный запах сырости, плесени, ржавого железа и смерти. Лестница заканчивалась перед темным туннелем. Фамильный особняк Пендергастов был одним из немногих зданий Нового Орлеана, в которых имелись подземные помещения. Его сооружение потребовало немалых денег и усилий от монахов, которые и построили этот дом. Стены подземелья были выложены свинцовыми коваными листами, в каменных погребах хранились вина и бренди.

Пендергасты приспособили подвал для совершенно иных целей.

В своих мыслях Пендергаст медленно прошел по туннелю и оказался в просторном низком помещении с неровным полом, частью земляным, частью каменным, и сводчатым потолком. Стены были покрыты плесенью, а все огромное пространство занимали мраморные склепы, покрытые искусной резьбой в викторианском и эдвардианском стилях и разделяемые узкими кирпичными дорожками.

Неожиданно Пендергаст уловил чье-то присутствие – в глубине помещения двигалась маленькая тень. Почти сразу же тень заговорила голосом семилетнего мальчика:

– Ты правда хочешь идти дальше?

И тут Пендергаст с ужасом увидел еще одну фигуру – гораздо выше и тоньше, с очень светлыми волосами. Озноб пробрал его до самых костей: он узнал себя, девятилетнего, и услышал собственный спокойный детский голос:

– А ты что, боишься?

– Нет. Конечно же, нет, – упрямо возразил первый мальчик, и Пендергаст узнал в нем своего брата Диогена.

– Тогда пойдем.

Пендергаст смотрел, как две фигурки бесшумно скользят в полумраке некрополя со свечами в руках. Первым шел мальчик, который казался постарше.

Пендергасту стало страшно. Он совсем ничего не помнил и тем не менее знал, что очень скоро должно произойти нечто ужасное.

Светловолосый мальчик внимательно рассматривал резные двери склепов и высоким чистым голоском зачитывал выбитые на них эпитафии, написанные по-латыни.

Пендергаст вспомнил, что они с братом оба с большой охотой изучали латынь, но Диоген всегда демонстрировал большие успехи. Их учитель даже считал его гением.

– Какая странная надпись, – произнес старший мальчик. – Смотри, Диоген.

Младший подошел и прочитал вслух:

– Эразм Лонгчэмпс-Пендергаст, тысяча восемьсот сороковой – тысяча девятьсот тридцать второй. De mortiis aut bene aut nihil.

– Узнаешь эти строки? – спросил старший.

– Гораций? – ответил младший. – «О мертвых... или хорошо, или ничего».

После небольшой паузы старший мальчик произнес снисходительно:

– Молодец, братишка!

– Интересно, – спросил маленький Диоген, – что такого было в его жизни, если он не захотел, чтобы о ней вспоминали?

Пендергаст горько улыбнулся при мысли об их детском соперничестве из-за латыни – соперничестве, в котором брат оставил его далеко позади.

Дети подошли к очень красивому большому склепу, представлявшему собой саркофаг в романском стиле. На его крышке возлежали изваянные из камня мужчина и женщина со сложенными на груди руками.

– Луиза де Немур Прендергаст. Генри Пендергаст. Nemo nisi mors, – прочитал старший мальчик. – Постой-ка... Должно быть, это переводится так: «Пока смерть нас не разлучит».

Младший уже подошел к другому надгробию и, присев на корточки и низко наклонившись, прочитал:

– Multa ferunt anni venientes commoda secum, Multa recedentes adimiunt. – Он поднял голову. – Ну что, Алоиз, сможешь перевести это?

Повисла тишина, потом наконец послышался ответ – уверенный, но не очень понятный:

– «Многие годы приходят, чтобы сделать нас счастливыми, многие уходящие годы уничижают нас».

Слова Алоиза были встречены презрительной усмешкой:

– В этом нет никакого смысла.

– А вот есть!

– А вот нет. «Многие уходящие годы уничижают нас». Это какая-то чепуха. Я думаю, эти строчки переводятся так: «Годы, которые приходят, приносят много счастья. Когда же они уходят, они...» – Он вопросительно посмотрел на старшего брата. – Что такое adimiunt?

– То, что я сказал: уничижают, – ответил тот.

– «Когда же они уходят, они уничижают нас», – закончил Диоген. – То есть когда человек молод, годы приносят счастье. Когда же он становится старым, они забирают его.

– В твоем переводе не больше смысла, чем в моем, – раздраженно заявил Алоиз и направился в дальнюю часть некрополя.

Двигаясь по узкому проходу между склепами, он продолжал читать имена и эпитафии. Дойдя до противоположной стены, остановился перед мраморной дверью, прикрытой ржавой металлической решеткой.

– Посмотри на эту гробницу, – позвал он брата.

Диоген подошел поближе и высоко поднял свечу.

– Но здесь нет никакой надписи, – сказал он.

– Нет, но все равно это склеп. А это – дверь. – Алоиз протянул руку и подергал решетку. Та не поддалась. Тогда он толкнул ее плечом, снова подергал, а потом поднял с пола осколок мрамора и начал простукивать стену. – Может, там пусто?

– Может, этот склеп предназначен для нас? – спросил младший брат, и его глаза странно блеснули.

– За этой дверью ничего нет. – Алоиз снова постучал по стене, потом дернул за решетку – и дверь вдруг с громким скрежетом открылась.

Дети застыли на месте.

– Фу, как воняет! – Диоген отступил назад и зажал нос рукой.

И Пендергаст, находясь в воссозданном им мире, тоже почувствовал этот не поддающийся описанию смрад, напоминающий запах, который издает тухлое мясо. Он проглотил вставший в горле комок, стены дворца воспоминаний покачнулись и начали расплываться, но через некоторое время вновь обрели четкость.

Алоиз посветил в открывшееся перед ними пространство. Это был не склеп, а скорее большая кладовая, устроенная в самом дальнем конце подвала. Дрожащее пламя свечи выхватило из темноты странные конструкции из стекла, меди и дерева.

– Что там такое? – спросил Диоген, прячась за спиной брата.

– Посмотри сам.

Диоген просунул голову в дверной проем.

– А что это за штуки?

– Машины, – не задумываясь ответил старший брат.

– Ты хочешь войти?

– Естественно. – Алоиз шагнул в дверной проем и обернулся. – А ты разве не пойдешь?

– Пойду.

Пендергаст, прячась в тени, наблюдал за детьми. Мальчики остановились посреди довольно большой комнаты. Ее свинцовые стены были покрыты белым налетом, а все пространство от пола до потолка забито разным хламом – коробками с изображениями ухмыляющихся физиономий, старыми шляпами, веревками, изъеденными молью шерстяными шарфами, ржавыми цепями и медными кольцами, поломанными шкафами, треснувшими зеркалами, шляпами и тросточками. Все это было укрыто паутиной и толстым слоем пыли. Несколько в стороне у стены стоял яркий картонный плакат, украшенный причудливыми завитушками, изображением двух рук с вытянутыми указательными пальцами и другими декоративными элементами, популярными в Америке девятнадцатого века. Надпись на плакате гласила:

Только что закончивший выступления в лучших залах Европы знаменитый и прославленный гипнотизер профессор Комсток

Пендергаст представляет фантасмагорию с театральными эффектами и иллюминацией.

Магия, иллюзия и ловкость рук.

Пендергаст прятался в тени собственной памяти, предчувствуя неминуемую катастрофу и беспомощно наблюдая за ее приближением. Вначале мальчики с опаской оглядывали окружающие их предметы, отбрасывавшие на пол и стены продолговатые тени.

– Ты знаешь, что этот такое? – вдруг прошептал Алоиз.

– Что?

– Мы нашли реквизит магического шоу двоюродного прадедушки Комстока.

– А кто такой двоюродный прадедушка Комсток?

– Самый знаменитый маг всех времен. Он обучал самого Гудини. – Алоиз дотронулся рукой до шкафа, взялся за ручку и осторожно потянул на себя: в ящике оказалась пара наручников. Он попытался открыть второй ящик, но тот, похоже, заело. Когда же он все-таки с громким стуком открылся, из него выскочили две мыши и бросились наутек.

Алоиз подошел к другому заинтересовавшему его странному предмету; младший брат последовал за ним. Это был похожий на гроб сундук с нарисованным на крышке человеком. На лице человека застыл ужас. Рот был раскрыт в немом крике, а тело покрывали кровавые раны. Алоиз потянул крышку вверх, ржавые петли скрипнули, и дети увидели утыканную острыми металлическими шипами внутренность сундука.

– Скорее это приспособление для пыток, а не для магии, – заметил Диоген.

– Смотри, на шипах засохшая кровь.

Любопытство на мгновение пересилило страх, и Диоген заглянул внутрь, но тут же отпрянул.

– Это всего лишь краска.

– Ты уверен?

– Я могу отличить кровь от краски.

Алоиз прошел еще немного вперед.

– Смотри! – Он показал на огромную будку в дальнем углу.

Возвышавшаяся почти до потолка и сама размером с небольшую комнату, будка была расписана золотой и красной красками. Переднюю стенку украшало изображение злобно ухмыляющейся физиономии, которую окружали еще более зловещие предметы – рука, налитой кровью глаз и указательный палец. Они парили на алом фоне, словно плавая в луже крови. Над проделанным в боковой стене входом в форме арки дети увидели надпись, сделанную черной и золотой краской:

Дорога в ад

– Если бы это было мое шоу, я бы придумал для него название получше – например «Ворота в преисподнюю». «Дорога в ад» – это скучно. – Алоиз повернулся к Диогену. – Теперь твоя очередь идти первым.

– Почему?

– Потому что до этого первым шел я.

– Значит, ты и сейчас можешь пойти первым.

– Нет, – возразил Алоиз. – Мне не хочется. – Он положил руку на дверь и ткнул Диогена локтем.

– Не открывай! Вдруг там что-то страшное!

Не слушая брата, Алоиз толкнул дверь, и их взглядам открылось тесное внутреннее помещение, стены которого были обиты черной тканью, напоминающей бархат. В центре находилась металлическая, скорее всего медная, лестница, верхняя часть которой исчезала в люке, проделанном в низком потолке.

– Я бы мог и сам войти, – продолжал Алоиз, – но не хочу. Мне неинтересны детские забавы. А ты, если хочешь, иди.

– Но почему ты не можешь пойти первым?

– Если честно, мне немного не по себе.

Пендергаст должен был со стыдом признать, что в этот момент подверг младшего брата психологическому давлению, приемами которого прекрасно владел уже в детстве. Естественно, ему не терпелось увидеть, что находится в будке, но он хотел, чтобы первым туда вошел Диоген.

– Ты боишься? – спросил Диоген.

– Совершенно верно. Поэтому мы узнаем, что там внутри, только если первым пойдешь ты. А я буду идти следом, обещаю.

– Не хочу.

– Испугался?

– Нет, – ответил Диоген, но его тонкий голосок предательски задрожал.

Пендергаст с горечью подумал, что Диоген, которому тогда было всего семь лет, еще не успел узнать, что самая безопасная ложь – правда.

– Тогда в чем дело?

– Мне… мне просто не хочется.

Алоиз усмехнулся:

– Я же признался, что боюсь. Если ты тоже боишься, так и скажи. Мы вернемся наверх и забудем об этом.

– Я не боюсь. С чего мне бояться какого-то дурацкого ящика?

И тут Пендергаст с ужасом увидел, как старший брат шагнул вперед и схватил Диогена за плечо.

– Тогда иди!

– Отпусти меня! – крикнул младший.

Однако Алоиз втолкнул его в низкую дверь и сам ввалился следом, отрезав Диогену путь к отступлению.

– Ты же сказал, что это просто дурацкий ящик.

– Я не хочу туда идти!

Они стояли в первом отсеке, тесно прижавшись друг к другу. Видимо, это странное приспособление было рассчитано на одного взрослого, но никак не на двоих довольно крупных детей, почти подростков.

– Вперед, мой храбрый Диоген! Я постараюсь не отставать.

Диоген стал молча карабкаться по лестнице, Алоиз двигался следом за ним.

Тут дверь захлопнулась, и дети пропали из виду. Сердце у Пендергаста билось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Стены дворца памяти снова задрожали. Боль, которую он ощущал все это время, стала почти невыносимой.

Но он уже не мог остановиться. Он чувствовал, что должно произойти нечто ужасное, но все еще не мог вспомнить, что именно, поскольку ему пока не удалось проникнуть в самые глубины подавленных сознанием детских воспоминаний.

Пендергаст мысленно открыл дверь и начал взбираться по лестнице. Наверху оказалось крохотное помещение, по которому можно было продвигаться лишь ползком, а за ним, между потолком и крышей будки, – узкое и низкое пространство. Дети находились прямо перед ним. Диоген подполз к круглому лазу в противоположной стене и остановился в нерешительности.

– Давай же! – подбодрил его Алоиз.

Ребенок обернулся, посмотрел на старшего брата, и в его глазах мелькнуло странное выражение. Наконец он просунул голову в лаз и тут же исчез из вида.

Алоиз подобрался поближе, посветил на стены и, похоже, только теперь увидел, что они были оклеены какими-то фотографиями.

– Ты идешь? – раздался из темноты тонкий, испуганный и одновременно сердитый голос. – Ты обещал, что не будешь отставать.

Пендергаст вдруг задрожал.

– Да-да, я иду, – откликнулся Алоиз, заглянул в лаз – и не двинулся с места.

– Эй! Где ты? – вновь послышался приглушенный детский голос, внезапно сменившийся пронзительным криком, который прорезал тишину словно нож: – Что это? Что *это*?!

Пендергаст увидел, как в лазе вспыхнул свет. Затем пол наклонился, Диогена отбросило к противоположной стенке, и он упал в освещенную шахту в конце крохотной комнаты. Раздался странный низкий звук, напоминающий рычание дикого животного, и шахту наполнили видения, одно ужаснее другого. Лаз со стуком закрылся, и ничего не стало видно.

– Нет! – кричал Диоген из глубины будки. – Не-е-ет!!!

И тогда Пендергаст вспомнил все до мельчайших подробностей. Воспоминания быстро сменяли друг друга. Он припомнил каждую деталь, заново пережил каждую ужасную секунду самого страшного часа своей жизни.

Он вспомнил Событие.

Память обрушилась на него словно гигантская волна, и он чувствовал, что его мозг вот-вот лопнет. Особняк, созданный его воображением, покачнулся и задрожал. Через мгновение его стены охватил огонь, наполнив голову Пендергаста оглушительным гулом, и дворец памяти, в последний раз вспыхнув, исчез в темноте, рассеялся в бесконечном пространстве яркими искрами, похожими на устремившиеся в пустоту

метеориты. Какое-то короткое мгновение он продолжал слышать исполненные ужаса крики Диогена, но потом и они прекратились и вновь стало тихо.

Глава 51

Начальник Херкморского федерального исправительного учреждения Гордон Имхоф сидел за столом очень просто обставленной комнаты для заседаний. К лацкану его пиджака был прикреплен микрофон. В целом, насколько позволяли обстоятельства, Имхоф чувствовал себя неплохо. Ответные меры, предпринятые его подчиненными в связи с побегом, были мгновенными и эффективными – и полностью соответствовали инструкции. Как только объявили «красный» уровень тревоги, в тюремном комплексе включилась система электронной блокировки, перекрывшая все входы и выходы. Беглецы заметались по территории, как вспугнутые куры, – если честно, их план побега изначально никуда не годился, – и в течение сорока минут их окружили и вернули назад – кого в камеру, а кого в изолятор. Обязательная проверка ножных электронных браслетов, автоматически проводимая каждый раз после отмены «красного» уровня тревоги, подтвердила, что все заключенные находятся на месте.

В этом бизнесе, размышлял Имхоф, проявить себя можно только во время кризиса. Кризис делает тебя заметным. И от того, как ты с ним справляешься, зависит, откроет ли он перед тобой новые возможности или погубит твою карьеру. В данном конкретном случае Имхофу не в чем было себя упрекнуть: пострадал всего один охранник – да и то ранение пустяковое, – и, слава Богу, никаких заложников, убитых или покалеченных среди заключенных. Под его мудрым руководством Херкмор подтвердил свою безупречную репутацию – репутацию тюрьмы, из которой невозможно сбежать.

Имхоф посмотрел на часы, дождался, пока большая стрелка остановится на цифре «шесть», – девятнадцать тридцать. Коффи до сих пор не явился, но он не собирается его ждать. По правде говоря, этот наглый агент ФБР и его прихвостень здорово действовали ему на нервы.

– Джентльмены, – начал Имхоф, – позвольте мне открыть наше совещание следующими словами: «Молодцы, хорошо поработали!»

Это заявление было встречено одобрительным гулом голосов.

– Сегодня, – продолжил Имхоф, – Херкмору пришлось столкнуться с серьезной проблемой – попыткой массового побега. В два часа одиннадцать минут пополудни девять заключенных перерезали ограждение одного из дворов корпуса С и разбежались по территории, ограниченной внутренним периметром. Одному из них даже удалось добраться до поста охраны в южной оконечности корпуса В.

Обстоятельства, спровоцировавшие побег, все еще расследуются. Скажу лишь одно: стало известно, что заключенные во дворе номер четыре по какой-то непонятной причине остались без непосредственного наблюдения со стороны охранников. – Он замолчал и обвел сидящих за столом подчиненных строгим взглядом. – Мы еще коснемся этого вопроса в ходе разбирательства. В целом же должен отметить, что действовали вы оперативно и в точном соответствии со служебными предписаниями. – Его лицо смягчилось. – Первые охранники прибыли на место происшествия уже в четырнадцать минут третьего, и сразу же был объявлен «красный» уровень тревоги. В операции приняли участие более пятидесяти членов персонала, и менее чем за час все беглецы были водворены на место. В пятнадцать часов одну минуту «красный» уровень тревоги был снят, и Херкмор вернулся к своей обычной жизни. – Он снова помолчал. – Еще раз хочу поблагодарить всех, кто принимал участие в операции. А теперь можете расслабиться, поскольку это совещание – всего лишь дань формальностям. Как вам известно, в течение двенадцати часов после отмены «красного» уровня тревоги должно быть проведено официальное расследование. Приношу свои извинения, что пришлось задержать вас после рабочего дня. А теперь давайте быстренько обсудим некоторые проблемы, чтобы успеть домой к ужину. Если у кого-то есть вопросы, прошу задавать их в ходе обсуждения. Можно с места, не вставая. – Он обвел взглядом присутствующих. – Вначале мне хотелось бы выслушать начальника охраны корпуса С Джеймса Ролло. Джим, что ты можешь сказать о поведении офицера Сидески? Мне здесь пока не все ясно.

Человек с объемистым животом поднялся со своего места, звякнув ключами. Он поправил ремень – ключи звякнули громче, – и лицо его приняло суровое, сосредоточенное выражение.

– Спасибо, сэр. Как вы уже сказали, «красный» уровень тревоги был объявлен в два часа четырнадцать минут. Первыми на место происшествия прибыли охранники с поста номер семь. Четверо покинули пост, а Сидески остался дежурить. Потом, вероятно, кто-то из беглецов напал на него, ввел ему лекарство, связал и оставил в соседнем мужском туалете. Он еще не совсем пришел в себя, но как только окончательно оклемается, я его допрошу.

– Очень хорошо.

В этот момент со своего места поднялся человек в медицинской форме и со встревоженным лицом.

– Я фельдшер персонала Киддер, работаю в изоляторе корпуса В.

Имхоф с интересом посмотрел на него.

– Слушаю вас.

– Мне кажется, произошла какая-то путаница. Вскоре после попытки побега двое санитаров привели ко мне раненого охранника, назвавшегося Сидески, – в униформе, с бейджем и удостоверением на это имя. А потом он исчез.

– Это как раз легко объяснить, – вмешался Ролло. – Мы нашли Сидески без униформы и бейджа. Должно быть, он ушел из изолятора. А потом, очевидно, один из заключенных напал на Сидески и вырубил его.

– Мне это кажется вполне логичным. Правда, есть одна загвоздка. Когда заключенных задержали, все они были одеты в обычные тюремные комбинезоны. Униформы ни на ком не было.

Ролло потер подбородок.

– Вероятно, у заключенного, который связал Сидески, не осталось времени, чтобы надеть униформу.

– Да, скорее всего так и было, – согласился Имхоф. – Мистер Ролло, пожалуйста, укажите в протоколе пропавшие вещи: униформа, бейдж и удостоверение, принадлежавшие Сидески. Уверен, они найдутся где-нибудь в мусорном баке или в темном углу. Нельзя допустить, чтобы они попали в руки преступников.

– Слушаю, сэр.

– Что ж, эта загадка решена. Продолжайте, мистер Ролло.

– Простите, что перебиваю вас, – вновь вмешался Киддер, – но мне эта загадка вовсе не кажется решенной. Я оставил человека, назвавшегося Сидески, в изоляторе, куда вскоре должен был прийти рентгенолог, а сам ушел, чтобы оказать помощь одному из заключенных. У него было несколько сломанных ребер, контузия, порезы на лице…

– Достаточно, Киддер, нам не нужен точный диагноз.

– Хорошо, сэр. Я лишь хочу сказать, что он был не в том состоянии, чтобы куда-либо идти. Однако, когда я вернулся, Сидески – или человек, назвавшийся Сидески, – исчез, а вместо него в постели лежал тот заключенный, Карлос Лакарра.

– Лакарра? – Имхоф нахмурился. Этой части истории он еще не слышал.

– Совершенно верно. Кто-то перетащил его труп и засунул в койку Сидески.

– Может, кто-то пошутил?

– Не знаю, сэр. Я тогда еще подумал: вдруг это… вдруг это как-то связано с попыткой побега?

В комнате повисла тишина.

– Если так, значит, нам пришлось иметь дело с более изощренным планом, чем показалось вначале. Но, как бы то ни было, результат остается неизменным: все беглецы задержаны и находятся в своих камерах. Мы допросим их в ближайшие дни, чтобы иметь точную картину произошедшего.

– Меня беспокоит кое-что еще, – продолжал Киддер. – Примерно в то же время прибыла труповозка, чтобы забрать тело Лакарры. Она ждала у ворот тюрьмы, пока не отменили «красный» уровень тревоги.

– И что из того?

– Когда тревога была снята, автомобиль въехал на территорию, и в него погрузили тело. Главный врач присутствовал при погрузке и подписал документы.

– Не вижу, в чем проблема.

– Проблема в том, сэр, что через пятнадцать минут после того, как труповозка уехала, я обнаружил тело Лакарры в кровати Сидески.

Имхоф приподнял брови.

– Значит, в суматохе погрузили не то тело. Это вполне объяснимо. Не судите себя слишком строго, Киддер, со всяким могло случиться. Просто позвоните в больницу и все им объясните.

– Я это сделал, сэр. Но когда я позвонил, они сказали, что наш вызов отменили почти сразу же после того, как он поступил. Они клянутся, что вообще не присылали к нам труповозку.

Имхоф фыркнул.

– В этой чертовой больнице всегда все путают. Там десять начальников, и ни один из них не может отличить свою задницу от дырки в земле. Позвоните им завтра, скажите, что отправили не тот труп, и попросите приехать еще раз. – Он сердито покачал головой.

– Но в этом-то все и дело, сэр. У нас в Херкморе не было других трупов. И я не могу понять, какой такой мертвец отправился в больницу.

– Вы сказали, главный врач подписал документы?

– Да. Но он ушел домой после окончания смены.

– Значит, утром мы возьмем с него объяснение. Не сомневаюсь, что завтра все станет на свои места. Как бы то ни было, это не имеет отношения к попытке побега. Давайте продолжим наше обсуждение.

Киддер замолчал, но все еще продолжал озабоченно хмуриться.

– Хорошо. Следующий вопрос – почему во дворе в момент побега не было ни одного охранника. Согласно расписанию, в это время там должны были дежурить Дойл и Фекто. Фекто, не могли бы вы объяснить свое отсутствие на посту?

Охранник, сидевший в противоположном конце стола, встал и откашлялся. Видно было, что он сильно нервничал.

– Слушаю, сэр. Мы с офицером Дойлом сегодня несли дежурство во дворе номер четыре…

– Заключенные были доставлены на прогулку вовремя?

– Да, сэр. Они прибыли ровно в два часа дня.

– Где вы находились в это время?

– На посту во дворе, как и положено.

– И что же произошло?

– Ну, примерно через пять минут с нами связался специальный агент Коффи.

– Вам позвонил Коффи? – Имхоф удивился. Это было что-то новое. Он огляделся и отметил про себя, его Коффи все еще не появился. – Расскажите нам об этом звонке, Фекто.

– Он велел нам немедленно явиться к нему. Мы объяснили, что находимся на дежурстве во дворе, но он настаивал.

Имхоф не на шутку разозлился. Коффи ничего ему об этом не говорил.

– Вы не могли бы повторить, что именно сказал вам агент Коффи?

Фекто смутился и покраснел.

– Видите ли, сэр, он сказал что-то вроде: «Если вы не явитесь через девяносто секунд, отправитесь в Северную Дакоту». Что-то в этом духе, сэр. Я пытался объяснить, что, кроме нас, во дворе нет других охранников, но он не стал меня слушать.

– Он вам угрожал?

– Можно сказать и так.

– И вы оставили двор без охраны, не доложив об этом ни мне, ни начальнику службы безопасности?

– Простите, сэр, но я думал, он получил ваше согласие.

– Черт возьми, Фекто, как я мог дать согласие на то, чтобы убрать из двора охранников и оставить без присмотра целую банду уголовников?

– Простите, сэр, я решил, что это… это из-за особого заключенного.

– Особого заключенного? Что вы несете?

– Ну… – Фекто с трудом подбирал слова, – из-за того заключенного, которого должны были выводить на прогулку во двор номер четыре.

– Да, но он сегодня не выходил во двор. Он оставался в камере. – Имхоф глубоко вздохнул. Все оказалось не так просто, как он думал. – Фекто, вы что-то путаете. Заключенный провел в камере весь день. Он не выходил на прогулку во двор номер четыре. Я сам это выяснил, когда была объявлена тревога, – у меня есть данные проверки электронных браслетов. И эти данные свидетельствуют, что он сегодня не покидал свою одиночную камеру.

– Нет, сэр, я прекрасно помню, что особый заключенный находился во дворе. – Фекто бросил недоумевающий взгляд на второго охранника, Дойла, который казался не менее растерянным.

– Дойл! – обратился к нему Имхоф.

– Да, сэр?

– Прекрати эти свои «да, сэр». Я хочу знать, выходил ли особый заключенный сегодня на прогулку во двор номер четыре.

– Да, сэр. То есть, насколько я помню, да.

В комнате стало очень тихо. Имхоф перевел взгляд на Ролло, но тот уже что-то говорил по рации. Через пару секунд начальник службы безопасности сунул рацию в карман и посмотрел на начальника тюрьмы.

– Согласно данным системы электронного слежения, особый агент все еще находится в камере и сегодня ее не покидал.

– Лучше пошлите кого-нибудь проверить камеру лично, просто чтобы убедиться, что все в порядке.

Внутри у Имхофа все кипело от злости на Коффи. Где, черт побери, его носит? Это он во всем виноват.

И тут как по заказу дверь распахнулась, и в комнату вошел специальный агент Коффи в сопровождении Рабинера.

– Вы пришли вовремя, – мрачно заметил Имхоф.

– Естественно, вовремя, – резко ответил Коффи, проходя к столу. Лицо его покраснело. – Я специально распорядился вывести особого заключенного на прогулку во двор номер четыре, а теперь оказывается, что это не было сделано. Имхоф, когда я отдаю приказ, я ожидаю, что он будет…

Имхоф встал со своего места. Он был сыт по горло и не собирался позволять этому ослу разговаривать в таком тоне, да еще в присутствии подчиненных.

– Агент Коффи, – произнес он ледяным тоном, – сегодня, как вам, наверное, известно, в Херкморе была совершена серьезная попытка побега.

– Мне нет дела до…

– В настоящий момент мы проводим расследование обстоятельств данного побега, а вы нам мешаете. Если вы сядете и подождете своей очереди, мы сможем продолжить обсуждение.

Коффи продолжал стоять, глядя на начальника тюрьмы, и лицо его из красного стало багровым.

– Мне не нравится, когда со мной разговаривают таким тоном.

– Агент Коффи, я во второй раз прошу вас сесть и позволить нам продолжить обсуждение. Если вы и дальше будете перебивать, я прикажу вывести вас отсюда.

В комнате повисла предгрозовая тишина. Лицо Коффи исказилось от ярости.

– Знаете что? Я думаю, в нашем присутствии на этом совещании больше нет необходимости. – Он в упор посмотрел на Имхофа. – Но вы обо мне еще услышите.

– Ошибаетесь, ваше присутствие здесь крайне необходимо. Двое охранников только что сообщили мне, что вы приказали им покинуть пост во дворе номер четыре и пригрозили увольнением, если они не подчинятся вашему приказу. И это несмотря на то что вы не имели никакого права здесь распоряжаться. В результате заключенные остались без надзора и предприняли попытку побега. Получается, что именно вы, сэр, несете за это ответственность. Это мое официальное заявление для протокола.

Последовавшая тишина казалась еще более наэлектризованной. Коффи оглядел присутствующих, и с его лица медленно сползло самоуверенное выражение – похоже, до него наконец дошла вся серьезность предъявленных ему обвинений. Его взгляд остановился на лежавшем в

центре стола магнитофоне, скользнул по микрофонам, установленным перед каждым участником совещания. Коффи неловко сел и откашлялся.

– Я уверен, что мы сейчас же исправим это, гм, недоразумение, мистер Имхоф. Не стоит делать поспешных выводов.

Имхоф ничего не ответил. Наступившую тишину внезапно нарушили треск и шипение. Ролло поднес рацию к уху и стал слушать; Имхоф не сводил с него глаз. Когда доклад о результатах проверки камеры особого заключенного был закончен, начальник службы безопасности бессильно опустил плечи. Его лицо стало белым как полотно.

Глава 52

Глинн посмотрел на специального агента Пендергаста. Тот неподвижно лежал на кушетке, сложив руки на груди и скрестив ноги. В таком положении он находился уже почти двадцать минут. Необычная бледность лица и впалые щеки придавали ему поразительное сходство с трупом. Единственным свидетельством того, что Пендергаст жив, был пот, выступивший у него на лбу, и едва заметное подрагивание рук.

Его тело вдруг дернулось и снова застыло. Глаза медленно открылись – сильно покрасневшие, с узкими колючими зрачками, окруженными серебристо-серой радужной оболочкой.

Глинн, крутанув колеса инвалидного кресла, подъехал поближе и наклонился над Пендергастом. Что-то явно произошло. Сеанс ментального сканирования завершился.

– Останьтесь вы один, – хрипло прошептал Пендергаст. – Отошлите д’Агосту и доктора Краснера.

Глинн тихонько закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке.

– Я уже это сделал.

– То, что сейчас последует… должно произойти в форме допроса. Вы задаете вопросы, я на них отвечаю. Это единственный способ. – На мгновение шепот затих. – Я не в состоянии говорить о только что увиденном по собственной воле.

– Понятно.

Пендергаст замолчал. Выждав пару минут, Глин произнес:

– Вы должны мне кое-что сообщить.

– Да.

– О вашем брате Диогене.

– Да.

– И о Событии.

Пауза.

– Да.

Глинн посмотрел на потолок, где были спрятаны камера и чрезвычайно чувствительный микрофон, и, сунув руку в карман, нащупал маленький пульт дистанционного управления. Какое-то внутреннее чувство подсказало ему: то, что сейчас произойдет, должно остаться строго между ними.

– Вы были там.

– Да.

– Вы и ваш брат, больше не было никого.

– Никого.

– Вы помните дату, когда это случилось?

Снова пауза.

– Дата не имеет значения.

– Позвольте мне самому решать.

– Это произошло весной. Как раз цвела бугенвиллея. Точнее сказать не могу.

– Сколько лет вам было?

– Девять.

– Значит, вашему брату было семь. Верно?

– Да.

– Где это произошло?

– В особняке Рошнуара, нашем родовом особняке, расположенном на Дофин-стрит в Новом Орлеане.

– Чем вы занимались?

– Мы обследовали дом.

– Продолжайте.

Пендергаст молчал. Глинн вспомнил его слова: «Вы задаете вопросы, я на них отвечаю», – и тихонько откашлялся.

– Вы часто обследовали дом?

– Это был очень большой особняк. И у него имелось немало секретов.

– Как долго он принадлежал вашей семье?

– Раньше в нем был монастырь, но наш предок купил его в пятидесятые годы восемнадцатого века.

– Как звали этого предка?

– Август Робеспьер Пендергаст. Он занимался его перестройкой несколько десятилетий.

Естественно, почти все это и без того было известно Глинну, но ему хотелось разговорить Пендергаста, вынуждая его отвечать на простые вопросы, прежде чем придет пора коснуться более серьезных вещей. И теперь, ему показалось, этот момент настал.

– Что же вы обследовали в тот самый день?

– Подземные помещения.

– Это был один из секретов вашего дома?

– Наши родители не знали, что мы их обнаружили.

– Но вы нашли способ в них проникнуть.

– Его нашел Диоген.

– И поделился им с вами.

– Нет. Просто я однажды его… выследил.

– И тогда он вам о нем рассказал.

Пауза.

– Я вынудил его это сделать.

На лбу Пендергаста выступило еще несколько капель пота, и Глинн решил пока на него не давить.

– Опишите, как выглядело подземелье.

– В него можно было попасть через фальшивую стену цокольного этажа.

– И оттуда вниз вела лестница?

– Да.

– Что находилось у подножия лестницы?

Опять пауза.

– Некрополь.

Глинн замолчал, стараясь скрыть удивление.

– Значит, вы обследовали некрополь?

– Да, мы читали надписи на надгробных камнях. Именно так это… началось.

– Вы нашли что-нибудь необычное?

– Вход в потайную комнату.

– И что же было внутри?

– Реквизит моего предка Комстока Пендергаста.

Глинн снова замолчал, потом спросил:

– Мага Комстока Пендергаста?

– Да.

– Он хранил свой реквизит в подземелье?

– Нет. Туда его спрятали мои родители.

– Почему они это сделали?

– Потому что многое из того, что он использовал для своих шоу, было опасным.

– Но когда вы обследовали комнату, вы этого не знали.

– Нет. Вначале не знали.

– Вначале?

– Некоторые приспособления показались нам странными. Даже страшными. Мы были слишком малы и не могли понять… – Пендергаст замолчал.

– Что произошло потом? – мягко спросил Глинн.

– В задней части комнаты мы нашли будку – большой ящик.

– Опишите ее.

– Очень большая, размером с небольшую комнату, но ее можно было переносить с места на место. И очень яркая – выкрашена красной и золотой краской. На одной из стен нарисовано лицо демона. Еще там была надпись.

– Какая надпись?

– «Дорога в ад».

Пендергаст начал дрожать, и Глинн немного подождал, прежде чем задать следующий вопрос.

– Там был вход?

– Да.

– И вы вошли в будку.

– Да. То есть нет.

– Вы хотите сказать, что первым вошел Диоген?

– Да.

– По собственной воле?

Последовала еще одна довольно долгая пауза.

– Нет.

– Вы его уговорили, – подсказал Глинн.

– Да, но… – Пендергаст снова замолчал, не договорив.

– Вы применили силу?

– Да.

Теперь Глинн сидел очень тихо, боясь пошевелиться в кресле, чтобы случайным скрипом не помешать Пендергасту.

– Почему?

– Он подтрунивал надо мной, как всегда, и я на него разозлился. А поскольку там было довольно страшно… Короче, я захотел, чтобы он пошел первым.

– Значит, Диоген полез внутрь, а вы последовали за ним.

– Да.

– Что вы там увидели?

Губы Пендергаста зашевелились, но Глинн не сразу услышал то, что он сказал.

– Лестницу. Лестницу, ведущую наверх, на крохотную площадку.

– Опишите ее.

– Там было темно. Тесно. На стенах висели фотографии.

– Продолжайте.

– В противоположной стене был лаз, ведущий в другую комнату. Диоген залез туда первым.

Глядя на Пендергаста, Глинн немного помолчал, потом спросил:

– Это вы заставили его залезть туда первым?

– Да.

– Вы пошли следом за ним?

– Я… я собирался.

– Что вам помешало?

Внезапно лицо Пендергаста исказила судорога, и он ничего не ответил.

– Что вам помешало это сделать? – Глинн неожиданно проявил настойчивость.

– Там началось шоу. В будке. Внутри, где находился Диоген.

– Шоу, придуманное Комстоком?

– Да.

– Какова была его цель?

Еще одна судорога.

– Напугать попавшего туда человека до смерти.

Глинн медленно откинулся в кресле. В ходе проведенных им исследований он многое узнал о предках Пендергаста. Среди них было немало ярких личностей, но Комсток выделялся из всех. Он приходился агенту двоюродным прадедушкой, в молодости был знаменитым магом, гипнотизером и иллюзионистом, но к старости стал настоящим мизантропом. И, как и многие другие представители этой семьи, окончил свои дни в сумасшедшем доме.

Значит, вот куда завело Комстока безумие!

– Расскажите все по порядку, – попросил Глинн.

– Я не слишком хорошо помню. Пол под Диогеном то ли наклонился, то ли проломился, и он упал в нижний отсек.

– Расположенный в глубине будки?

– Да, на первом уровне. Вот тогда и началось… это шоу.

– Опишите его, – настаивал Глинн.

Пендергаст вдруг застонал, и в этом стоне послышалась такая боль, такое долго подавляемое страдание, что Глинн на минуту лишился дара речи.

– Опишите его, – повторил он, когда снова обрел возможность говорить.

– Я не помню, я почти ничего не видел. А потом… они закрылись.

– Они?

– Механические двери. Они приводились в действие скрытыми пружинами. Одна захлопнулась за мной, перекрыв выход. Другая заперла Диогена во внутреннем отсеке. – Пендергаст замолчал. Подушка у него под головой была мокрой от пота.

– Но какую-то долю секунды вы видели то, что видел Диоген?

Пендергаст продолжал лежать неподвижно, потом – очень медленно – наклонил голову.

– Это продолжалось всего мгновение. Но зато я все слышал. Абсолютно все.

– Что это было?

– Шоу с волшебным фонарем, – прошептал Пендергаст. – Фантасмагория. Фонарь приводился в действие электричеством. Это было… это было любимым шоу Комстока.

Глинн кивнул. Он кое-что знал об этом. Волшебными фонарями назывались устройства, в которых свет, проходя сквозь стекло, попадал на наклеенные на него изображения. Тени отбрасывались на медленно вращающиеся стены с неровной – для усиления эффекта – поверхностью, все это сопровождалось зловещей музыкой – и получался своего рода фильм ужасов девятнадцатого века.

– Ну так что же вы увидели?

Пендергаст вдруг вскочил с кушетки и зашагал по комнате, сжимая и разжимая кулаки, – им внезапно овладело непреодолимое желание двигаться. Наконец он повернулся к Глинну.

– Прошу вас, не спрашивайте меня об этом! – Огромным усилием воли он заставил себя успокоиться, но продолжал ходить по комнате взад-вперед, словно дикий зверь в клетке.

– Пожалуйста, продолжайте, – бесстрастно произнес Глинн.

– Из внутреннего отсека доносились крики и визг Диогена. Он все кричал и кричал. Я слышал, как он царапался, пытаясь выбраться оттуда. Я слышал, как ломались его ногти. Потом на какое-то время все стихло, после чего – не знаю, сколько прошло времени, – вдруг раздался выстрел.

– Это был ружейный выстрел?

– Комсток Пендергаст специально оставил в своей… комнате ужасов пистолет с одним патроном. Он предоставлял жертве выбор: сойти с ума, умереть от страха – или покончить с собой.

– И Диоген предпочел последнее.

– Да. Но пуля не… не убила его, а только ранила.

– Как отреагировали на это ваши родители?

– Вначале они ничего не сказали. Потом притворились, что Диоген заболел. Якобы у него была скарлатина. Они держали это в секрете – боялись скандала. Поэтому сказали мне, что из-за скарлатины у него ухудшилось зрение, изменились вкусовые ощущения и обоняние. Это же, по их словам, стало причиной потери одного глаза. Но теперь я знаю, что это из-за пули.

Глинн похолодел и ощутил необъяснимую потребность немедленно вымыть руки. Что же настолько ужасное и отталкивающее мог увидеть семилетний ребенок, если решился на самоубийство?.. Глинн заставил себя подумать о другом.

– Расскажите о том месте, где вы оказались в ловушке, – попросил он. – Что это за фотографии на стенах, о которых вы говорили?

– Официальные фотографии мест преступления и полицейские зарисовки самых зверских убийств, совершенных в разных странах мира. Вероятно, они должны были подготовить жертву к тому… ужасу, который ее ожидал.

В комнате повисла гнетущая тишина.

– Сколько времени прошло, пока вас освободили? – наконец спросил Глинн.

– Не знаю. Несколько часов… может, день.

– И вы очнулись от этого кошмара с уверенностью, что Диоген был болен и именно этим объяснялось его долгое отсутствие?

– Да.

– Вы не имели понятия о том, что случилось на самом деле?

– Ни малейшего.

– Но Диоген так и не понял, что вы подавили эти воспоминания?

Пендергаст резко остановился.

– Думаю, что нет.

– И как результат, вы так и не извинились перед братом и не попытались с ним помириться. Более того, вы никогда не говорили о том, что произошло, потому что полностью заблокировали память о Событии.

Пендергаст отвернулся.

– Но для Диогена ваше молчание означало совершенно другое. Он считал, что вы упрямо отказываетесь признать свою вину и не желаете просить прощения. И это объясняет...

Глинн не договорил и медленно откатился в своем кресле. Ему еще не все было известно – придется подождать результатов компьютерного анализа, – но в целом картина была ясной, словно написанная яркими, широкими мазками. С самого рождения Диоген был странным, мрачным ребенком – и очень талантливым, как и многие Пендергасты до него. Если бы не Событие, еще неизвестно, в каком направлении развились бы его таланты. Однако после «Дороги в ад» он стал совершенно другим человеком – травмированным как физически, так и эмоционально. Теперь все казалось объяснимым: отвратительные убийства и преступления, в которых обвинили Пендергаста; ненависть Диогена к брату, не желавшему говорить с ним о том, что ему пришлось пережить; почти патологический интерес самого Пендергаста к необычным преступлениям. Теперь Глинн лучше понимал обоих братьев. И знал, почему Пендергаст полностью подавил все воспоминания о Событии. Он сделал это не из-за страха, который испытал, а из-за чувства вины – настолько сильного, что оно угрожало его рассудку.

Вдруг Глинн почувствовал на себе взгляд Пендергаста. Тот стоял неподвижно, как статуя, и его кожа цветом напоминала серый мрамор.

– Мистер Глинн, – произнес он.

Глинн поднял брови в безмолвном вопросе.

– Я больше ничего не хочу и не могу сказать.

– Понятно.

– Мне нужно пять минут побыть одному. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы мне никто не мешал. А потом мы сможем... продолжить.

После секундного колебания Глинн кивнул. Потом развернулся в кресле, открыл дверь и, не сказав ни слова, выехал из комнаты.

Глава 53

С включенной сиреной Хейворд добралась до Гринвич-Виллиджа за двадцать минут. По дороге она попробовала связаться с д'Агостой по другим известным ей номерам, потерпела неудачу и решила поискать номер телефона Эли Глинна или компании «Эффективные технические решения». Но и здесь ее ждало разочарование. Ни в бизнес-справочнике Манхэттена, ни даже в базе данных полицейского управления Нью-Йорка этот номер не значился, хотя сама компания была зарегистрирована в полном соответствии с законом.

Лаура не узнала ничего нового помимо того, что данная организация существует и находится на Малой Западной Двенадцатой улице.

Не выключая сирену, она свернула с Уэст-Сайд-хайвей на Западную улицу, повернула еще раз и оказалась на узкой улочке, по обеим сторонам которой тянулись обшарпанные кирпичные здания. Здесь Лаура выключила сирену, сбавила скорость и медленно поехала вдоль тротуара, отыскивая нужный номер дома. На Малой Западной Двенадцатой улице, длина которой составляла всего квартал, когда-то располагались мясоконсервные фирмы. Компания «Эффективные технические решения» не имела никаких опознавательных знаков, и Лауре пришлось устанавливать ее местонахождение по номерам соседних домов. Здание было совсем не таким, каким она его себе представляла: двенадцатиэтажное, с выцветшей вывеской какой-то давно не существующей мясоконсервной компании. Правда, дорогие оконные рамы и пара стальных дверей за погрузочной платформой выглядели подозрительно современно. Лаура припарковалась перед зданием, перегородив узкую улочку, и почти бегом направилась к входной двери. Сердце ее замирало от тревоги. Нетерпеливо нажав кнопку интеркома, она стала ждать.

Почти тут же раздался женский голос:

– Да?

Лаура помахала полицейским жетоном: она не сомневалась, что вход оборудован камерой, хоть и не поняла, где та находится.

– Капитан Лаура Хейворд, отдел по расследованию убийств полицейского управления Нью-Йорка. Я требую, чтобы меня немедленно впустили в помещение.

– У вас есть ордер? – вежливо спросила говорившая.

– Нет. Но мне необходимо срочно увидеть лейтенанта Винсента д’Агосту. Это вопрос жизни и смерти.

– Среди наших сотрудников нет человека с такой фамилией, – все с той же бюрократической вежливостью ответил женский голос.

Лаура вздохнула.

– Передайте Эли Глинну, что, если эта дверь не откроется через тридцать секунд, сотрудники полиции оцепят вход и будут фотографировать каждого входящего в здание и выходящего из него. Мы вернемся с ордером на обыск в связи с подозрением, что в этом помещении действует подпольная нарколаборатория, и перевернем здесь все вверх дном. Вы все поняли? Время пошло.

Через пятнадцать секунд раздался негромкий щелчок, и дверь бесшумно отворилась. Хейворд прошла по тускло освещенному коридору, оканчивавшемуся двустворчатой стальной дверью. Когда створки раздвинулись, Лаура увидела накачанного парня в спортивном костюме с логотипом колледжа Харви-Мадд.

– Сюда, – коротко сказал он и бесцеремонно махнул рукой.

Лаура проследовала за ним через полутемное помещение с низким потолком и вошла в грузовой лифт. Через несколько секунд лифт остановился, и провожатый повел ее по лабиринту бесчисленных коридоров с ослепительно белыми стенами. Наконец они подошли к дверям из полированного вишневого дерева, за которыми оказался небольшой, элегантно обставленный конференц-холл. В дальнем конце помещения стоял Винсент д’Агоста.

– Привет, Лаура, – растерянно пробормотал он.

Хейворд внезапно смутилась. Ей так хотелось поскорее его увидеть, что она не обдумала как следует, что скажет ему, если их встреча состоится, и теперь не знала, с чего начать. Д’Агоста тоже молчал. Казалось, и у него пропал дар речи.

Наконец, проглотив подступивший к горлу комок, Хейворд тихо произнесла:

– Винсент, мне нужна твоя помощь.

Повисло долгое молчание.

– Моя помощь? – наконец спросил д’Агоста.

– Во время нашей последней встречи ты сказал, что Диоген что-то задумал. Ты сказал: «Все, что он совершал до сих пор, лишь подготовка к чему-то более серьезному».

Оба вновь замолчали. Хейворд почувствовала, что краснеет. Говорить с Винсентом оказалось труднее, чем она думала.

– Он приведет свой план в исполнение сегодня вечером в музее, – продолжила она. – На открытии выставки.

– Откуда тебе это известно?

– Считай, что это интуиция, всего лишь подозрение. Но очень сильное подозрение.

Д’Агоста кивнул.

– Я думаю, Диоген работает в музее под чужим именем. В деле о похищении алмазов все указывает на то, что у него был помощник из числа сотрудников музея. Так вот, этим сотрудником был он сам.

– Раньше вы с Коффи да и все остальные думали по-другому…

Хейворд нетерпеливо махнула рукой.

– Ты говорил, что между Пендергастом и Виолой Маскелин существуют нежные чувства, и именно поэтому Диоген ее похитил. Так?

– Так.

– Догадайся, кого я видела на открытии.

Вновь молчание – но на этот раз скорее удивленное, чем неловкое.

– Правильно, Маскелин. Ее в самый последний момент пригласили для работы на выставке в качестве египтолога вместо Уичерли, который погиб в музее при весьма странных обстоятельствах.

– О Господи! – Д’Агоста взглянул на часы. – Уже половина восьмого.

– Пока мы тут разговариваем, церемония открытия продолжается. Нам нужно немедленно вернуться в музей.

– Я… – Д’Агоста явно колебался.

– Давай, Винни, у нас нет времени. Ты знаешь музей лучше меня. Начальство не собирается ничего делать – мне придется заняться этим самой. Поэтому мне нужен ты.

– Тебе нужен не я, – произнес д’Агоста, на этот раз почти спокойно.

– А кто же?

– Тебе нужен Пендергаст.

Хейворд горько рассмеялась.

– Прекрасно. Давай пошлем за ним в Херкмор вертолет. Может, его отпустят на один вечер?

– Он не в Херкморе. Он здесь.

Хейворд непонимающе уставилась на него.

– Здесь? – переспросила она наконец.

Д’Агоста кивнул.

– Ты вытащил его из Херкмора?

– Да.

– О Боже, Винни! Ты что, рехнулся? Ты и так по уши в дерьме, а теперь еще и это… – Лаура без сил опустилась на один из стульев, но тут же опять вскочила на ноги. – Это невероятно!

– Ну и что ты собираешься делать?

Хейворд стояла молча, пристально глядя ему в глаза. Наконец до нее стала доходить вся серьезность решения, которое ей предстояло принять. Она должна была сделать выбор: следовать инструкции – а значит, вызвать подкрепление, арестовать Пендергаста и отправить назад в тюрьму, а самой вернуться в музей – или…

Или что? Разве она могла поступить по-другому? Нет, имелся всего один способ действия, и в пользу этого говорило все, чему она научилась за годы работы. Вся ее сущность полицейского требовала от нее выполнить свой долг.

Она вынула из кармана рацию.

– Собираешься вызывать подкрепление? – негромко поинтересовался д’Агоста.

Она кивнула.

– Лаура, подумай как следует, прежде чем что-то предпринять. Пожалуйста.

Но пятнадцатилетний опыт работы в полиции уже все за нее решил. Она поднесла рацию к губам:

– Говорит капитан Хейворд. Соедините меня с отделом по расследованию убийств.

Лаура почувствовала, как рука д’Агосты мягко коснулась ее плеча.

– Без него тебе не обойтись.

– Отдел по расследованию убийств? Тревога по коду шестнадцать. Обнаружен беглый заключенный. Пришлите подкрепление… – Она неожиданно замолчала.

В наступившей тишине голос диспетчера прозвучал неожиданно громко:

– Назовите ваше местонахождение, капитан.

Хейворд ничего не ответила; ее глаза поймали взгляд д'Агосты.

– Капитан, мне необходимо знать ваше местонахождение.

Вновь тишина, нарушаемая только доносившимся из рации потрескиванием.

– Я вас поняла. Конец связи, – наконец произнесла Лаура.

– Ваше местонахождение!

Еще немного поколебавшись, Лаура наконец произнесла:

– Отмените код шестнадцать. Ситуация разрешилась. Это была капитан Хейворд, конец связи.

Глава 54

Хейворд отъехала от тротуара, развернулась на сто восемьдесят градусов, проследовала в обратном направлении по Малой Западной Двенадцатой улице и, свернув на Уэст-стрит, помчалась в сторону центра. Автомобили при звуке сирены резко тормозили и шарахались вправо и влево, уступая ей дорогу. Если ничего не случится, они будут в музее не позже двадцати минут девятого. Д'Агоста молча сидел рядом с Лаурой на пассажирском сиденье. Хейворд посмотрела на Пендергаста в зеркало заднего вида. Он казался бледным как привидение. Физиономию покрывали синяки, на одной щеке красовался свеженаклеенный пластырь. На лице Пендергаста застыло выражение, которое ей никогда не приходилось видеть раньше – ни у него, ни у какого-либо еще: это было лицо человека, только что заглянувшего в свой личный ад.

Хейворд вновь стала смотреть на дорогу. Она знала – причем знала наверняка, – что перешла Рубикон и пути назад нет. Она совершила то, что противоречило всему, чему ее учили, и отныне не могла называться хорошим копом. Но сейчас, как ни странно, ей не было до этого дела.

В салоне автомобиля повисла неловкая, гнетущая тишина. Лаура ждала, что Пендергаст засыплет ее вопросами или по крайней мере поблагодарит за то, что она не сдала его полиции. Но вместо этого он молча сидел на заднем сиденье все с тем же жутким выражением на лице.

– Ну что ж, – сказала она, – мы имеем следующее. Сегодня в музее открытие новой экспозиции. На нем присутствуют все: руководство, мэр, губернатор, всякие знаменитости, магнаты. Одним словом, все. Я пыталась помешать этому, просила хотя бы отложить церемонию, но меня не послушали. Проблема в том, что у меня не было – и до сих пор нет – никакой конкретной информации. Мне известно одно: должно что-то случиться. И за этим стоит ваш брат Диоген.

Она снова посмотрела на Пендергаста, но он никак не отреагировал на обращенный к нему взгляд, целиком уйдя в свои мысли. Он сидел с таким отрешенным видом, словно находился не в центре Нью-Йорка, а за миллион миль от него.

Взвизгнув шинами, автомобиль Лауры обогнал городской автобус и свернул на Уэст-Сайд-хайвей.

– После кражи алмазов, – продолжала Хейворд, – Диоген исчез. Я подозреваю, что к тому времени он уже подготовил себе укрытие и просто стал жить под другим именем. Я навела кое-какие справки. Этому журналисту, Смитбеку, тоже удалось кое-что узнать. Мы оба уверены, что в настоящее время Диоген действует под видом сотрудника музея, возможно даже хранителя. Сами подумайте: кражу алмазов было невозможно осуществить без помощника из числа музейных служащих, а Диоген, как нам известно, не тот человек, чтобы воспользоваться услугами партнера. Это объясняет также, как он смог пройти через пост охраны выставки «Священные изображения» и напасть на Марго Грин. Винни, ты с самого начала говорил мне, что Диоген замышляет что-то грандиозное. Ты был совершенно прав. И то, что он задумал, должно произойти сегодня вечером, во время церемонии открытия.

– Лучше расскажи Пендергасту о новой выставке, – заметил д’Агоста.

– После скандала с алмазами руководство выставки решило вновь открыть старую египетскую гробницу, законсервированную в подземных помещениях музея, – гробницу Сенефа. Какой-то французский граф выделил на это целый мешок денег. Новая выставка должна отвлечь внимание общественности от истории с уничтожением коллекции алмазов. Сегодня проходит торжественная церемония открытия.

– Как его зовут? – еле слышно спросил Пендергаст, очнувшись. Голос его звучал глухо, словно доносился из-под земли.

Это было первое слово, которое он произнес за все время пути.

– Простите? – не поняла Хейворд.

– Как зовут того графа?

– Тьерри де Кахорс.

– Его кто-нибудь видел?

– Точно сказать не могу.

Когда Пендергаст вновь замолчал, Лаура продолжила:

– За прошедшие шесть недель произошло два убийства, имеющих отношение к гробнице, но предположительно не связанных между собой. Первым погиб специалист по компьютерам – его убил напарник. Тот парень сошел с ума, прикончил своего товарища, засунул его внутренние органы в стоявшие поблизости церемониальные сосуды и спрятался на чердаке. А когда его пытались оттуда выкурить, напал на охранника. Вторая жертва – куратор по имени Уичерли, англичанин, которого специально пригласили заняться подготовкой открытия выставки. Он тоже сошел с ума и попытался задушить Нору Келли. Винни, ты ведь ее знаешь, да?

– Что с ней случилось?

– С ней все в порядке – она сегодня проводит церемонию открытия. А вот Уичерли был застрелен запаниковавшим охранником сразу же после того, как напал на Келли. А сейчас я подхожу к самому главному: медицинское исследование показало, что у обоих нападавших было одинаковое повреждение головного мозга.

Д'Агоста изумленно посмотрел на нее.

– Что?

– Оба они, прежде чем свихнуться, работали в гробнице. Но мы проверили там все досконально – и ничего не нашли. Ни вредных испарений, ни чего-либо еще. Как я уже говорила, официальное мнение – то, что эти две смерти никак между собой не связаны. Но я не верю в такие совпадения. Диоген что-то замышляет. Я чувствовала это весь вечер. А когда на открытии увидела ее, поняла, что была права.

– Кого? – тихо спросил Пендергаст.

– Виолу Маскелин.

Лаура почти физически ощутила, как Пендергаст застыл у нее за спиной.

– Вы выяснили, как она там оказалась? – раздался с заднего сиденья ледяной голос.

Хейворд резко перестроилась перед огромным мусоровозом.

– Она была приглашена в последний момент занять место покойного Уичерли.

– Кто ее пригласил?

– Хранитель отдела антропологии Мензис. Хьюго Мензис.

На этот раз Пендергаст молчал совсем недолго.

– Скажите, капитан, какова программа сегодняшнего вечера? – Он, казалось, окончательно пришел в себя.

– С семи до восьми закуски и коктейли. С восьми до девяти торжественная церемония с выступлениями и перерезанием ленточки. В девять тридцать ужин.

– Скажите, открытие гробницы предполагает ее посещение?

– Естественно. И сопровождается светозвуковым шоу, которое будут транслировать по национальному телевидению.

– Светозвуковым шоу?

– Совершенно верно.

В голосе Пендергаста, еще минуту назад сонном и безразличном, теперь звучала тревога.

– Ради всего святого, капитан, поторопитесь!

Хейворд втиснулась между двумя такси, упрямо отказывавшимися ее пропустить, в результате потеряв бампер. Посмотрев в зеркало заднего вида, она увидела, как он запрыгал по асфальту, высекая снопы искр.

– Похоже, я что-то пропустил? – подал голос д’Агоста.

– Капитан Хейворд права, – ответил Пендергаст. – Это то самое «идеальное преступление», о котором говорил Диоген.

– Вы уверены?

– Слушайте меня внимательно, – продолжил Пендергаст после короткой паузы. – Я больше никогда не буду повторять то, что сейчас скажу. Много лет назад с моим братом плохо обошлись. Его подвергли – непредумышленно, но тем не менее подвергли – садистской пытке. Это была так называемая «комната ужасов», назначение которой – свести жертву с ума или довести ее до самоубийства тем, что она там увидит. И сегодня Диоген под видом хранителя Мензиса – а у меня нет сомнений, что он прикрывается именно этим именем, – собирается каким-то образом воссоздать тот кошмар, который ему пришлось пережить в детстве, на открытии гробницы. Эли Глинн считает, что Диогеном движет месть. Мой брат хочет отомстить за то зло, которое ему причинили, но в гораздо большем масштабе. А если открытие покажут по телевидению, масштаб будет поистине огромным. Вот что он

планировал, а все остальное служило лишь для отвода глаз. – Пендергаст откинулся на спинку сиденья и снова замолчал.

Автомобиль свернул с Уэст-Сайд-хайвей на Семьдесят девятую улицу и полетела на восток, к музею. Впереди все казалось спокойно – не было видно ни полицейских мигалок, ни зависших над зданиями вертолетов.

«Может, еще ничего не случилось?» – с надеждой подумала Хейворд. Машина резко свернула на Колумбус-авеню, визжа шинами, промчалась по Семьдесят седьмой улице и, выскочив на подъездную аллею, остановилась перед скоплением лимузинов, такси и зрителей. От резкого торможения автомобиль развернуло боком, но Хейворд, не обратив на это внимания, выскочила из него, размахивая полицейским жетоном. Д'Агоста уже быстро шел впереди, прокладывая дорогу в толпе.

– Капитан Хейворд, полицейское управление Нью-Йорка, – кричала Лаура, следуя за ним по пятам. – Дорогу!

Люди в замешательстве расступались, а тех, кто зазевался, д'Агоста бесцеремонно убирал с пути. Через несколько секунд они уже были у бархатного ограждения. Не останавливаясь, д'Агоста оттолкнул охранника, попытавшегося загородить им дорогу. Хейворд помахала жетоном перед носом изумленного полицейского, дежурившего у входа в музей, они взбежали по покрытым ковром ступеням и оказались у массивных бронзовых дверей.

Глава 55

Нора Келли сошла с подиума, провожаемая шквалом аплодисментов, и с огромным облегчением подумала, что ее речь, похоже, имела успех. Она выступала последней, после Джорджа Эштона, мэра и Виолы Маскелин. Вскоре должно было произойти главное событие вечера – торжественное перерезание ленточки и открытие гробницы Сенефа.

К Норе подошла Виола Маскелин.

– Прекрасная речь! – одобрительно сказала она. – Вы рассказали много интересного.

– Так же как и вы.

Нора заметила, что Хьюго Мензис машет им рукой, приглашая подойти, и направилась к нему сквозь толпу. Виола последовала за ней. Мензис казался очень оживленным: лицо его раскраснелось, синие глаза сияли. В белом фраке с белой же бабочкой он удивительно напоминал импресарио. Рядом, держа его под руку, стоял мэр Нью-Йорка Саймон Шайлер, лысеющий, похожий на сову мужчина в очках, глядя на которого невозможно было представить, что это один из самых ловких и

циничных политиков нашего времени. Ему предстояло выступить с короткой речью за ужином, и он уже предвкушал успех. Третьей в этой группе была темноволосая женщина с сосредоточенным лицом, сразу же выдававшим в ней жену политика.

– Нора, дорогая, ты наверняка знакома с мэром Шайлером! – радостно воскликнул Мензис. – А это миссис Шайлер. Саймон, это доктор Нора Келли, старший куратор выставки «Гробница Сенефа» и одна из наших лучших ученых. А это доктор Виола Маскелин, знаменитый британский египтолог.

– Очень рад знакомству. – Шайлер с интересом посмотрел сквозь толстые линзы очков сначала на Виолу, потом на Нору и одобрительно кивнул. – Мне очень понравилась ваша речь, мисс Маскелин. Особенно та ее часть, где вы рассказывали о взвешивании сердца после смерти. Боюсь, мое собственное сердце стало значительно тяжелее за последние несколько лет. Вот что значит заниматься политикой в таком городе, как Нью-Йорк! – Сказав это, мэр захохотал.

Нора, Виола и Мензис вежливо засмеялись, давая понять, что оценили шутку. Шайлер был известен тем, что, в отличие от многих своих знакомых, очень высоко ценил собственное остроумие. Сегодня мэр находился в особенно хорошем расположении духа, и, глядя на него, невозможно было поверить, что всего шесть недель назад он призывал отправить Коллопи в отставку. Но, в конце концов, подобные вещи не редкость в большой политике.

– Нора, – сказал Мензис, – мэр с супругой будут рады, если вы с доктором Маскелин покажете им гробницу.

– С удовольствием, – улыбнулась Виола.

– Да, конечно, – кивнула Нора. Ей был известен этот обычай: на открытии экспозиции сотрудники музея выступали в роли личных гидов VIP-гостей. И хотя мэр Шайлер не был самым высокопоставленным политиком из присутствовавших на сегодняшней церемонии, он, без сомнения, считался самым влиятельным, поскольку именно от него зависело финансирование музея. К тому же во время истории с кражей алмазов его обличающий голос звучал громче всех остальных.

– Это будет просто потрясающе! – воскликнула миссис Шайлер, но по лицу жены мэра было видно, что перспектива постоянно находиться в обществе двух молодых привлекательных гидов ее ничуть не радует.

Мензис поспешил к другим важным гостям, и Нора видела, как он пристраивал губернатора к помощнику директора музея, а сенатора от штата Нью-Йорк – к Джорджу Эштону. Благодаря хлопотам хранителя

отдела антропологии ни один влиятельный гость не остался без личного сопровождающего – и каждый почувствовал свою избранность.

– А этот Мензис ловкий парень, – усмехнулся мэр, провожая его взглядом. – Мне бы такого в администрацию. – Мягкий свет люстры освещал его лысину, делая ее еще более похожей на поверхность бильярдного шара.

– Леди и джентльмены! Прошу вашего внимания! – раздался звучный аристократический голос директора музея Фредерика Уотсона Коллопи. Он стоял перед дверью, ведущей в гробницу, и держал в руках огромные ножницы, которые использовались на каждой церемонии открытия новой экспозиции. С помощью ассистента Коллопи придал ножницам нужное положение и приготовился перерезать ленточку.

Затем прозвучала негромкая барабанная дробь, а когда снова стало тихо, директор музея сказал:

– Уважаемые гости! Позвольте мне объявить об официальном открытии после пятидесятилетнего перерыва Великой гробницы Сенефа!

Коллопи с усилием щелкнул ножницами, концы ленты упали на пол, и створки двери распахнулись. Оркестр тут же заиграл уже знакомую гостям мелодию из «Аиды», и те из присутствующих, у кого имелись приглашения на первое из двух светозвуковых шоу, поспешили к темному прямоугольнику, являвшему собой вход в гробницу.

Жена мэра зябко повела плечами.

– Я не слишком люблю усыпальницы. Ей действительно три тысячи лет?

– Три тысячи триста восемьдесят, – уточнила Виола.

– Подумать только, как много вы знаете! – повернувшись к ней, воскликнула миссис Шайлер.

– Мы, египтологи, представляем собой настоящий кладезь бесполезных знаний.

Мэр засмеялся.

– А это правда, что над гробницей тяготеет проклятие? – продолжала миссис Шайлер.

– В каком-то смысле да, – ответила Виола. – Во многих египетских гробницах имеются надписи, обещающие всяческие беды тому, кто потревожит покой усопшего. Проклятие, начертанное на стене этой усыпальницы, считается особенно могущественным. Но это, видимо, объясняется тем, что Сенеф не был фараоном.

– О Боже! Надеюсь, с нами ничего не случится! И кем же был этот Сенеф?

– Точно неизвестно. Возможно, дядей Тутмоса Четвертого. Тутмос стал фараоном в возрасте шести лет, и Сенеф был регентом, пока он не достиг совершеннолетия.

– Тутмос? Король Тут?

– Нет. Тут – это Тутанхамон, другой фараон, гораздо менее влиятельный, чем Тутмос.

– О Господи, у меня в голове все перемешалось, – пробормотала жена мэра.

Переступив порог, они оказались в спускавшемся вниз коридоре.

– Дорогая, смотри под ноги, – заботливо предостерег мэр супругу.

– Место, где мы сейчас находимся, называется Первым переходом бога, – пояснила Виола и начала рассказывать о внутреннем устройстве гробницы.

Слушая ее, Нора вдруг вспомнила свою первую экскурсию в гробницу и Уичерли, с таким воодушевлением игравшего роль гида. С тех пор прошло всего несколько недель… Подумав об этом, Нора поежилась, несмотря на то что в помещении было довольно тепло.

Со всех сторон окруженные толпой, они медленно двигались к месту, где должно было начаться светозвуковое шоу. Через несколько минут все триста гостей вошли в гробницу, и Нора услышала, как дверь с грохотом закрылась. Лязгнул замок, в помещении внезапно стало тихо и почти совсем темно.

Вскоре из полумрака донеслись удары лопаты о землю – сначала один, потом второй, и вот уже дружно застучали о камень кирки. Затем послышались приглушенные голоса проникших в гробницу грабителей. Оглянувшись, Нора увидела ведущих съемку телевизионщиков.

Светозвуковое шоу началось, и за ним наблюдали миллионы человек.

Глава 56

Войдя в зал следом за д’Агостой, Хейворд едва не зажмурилась, ослепленная ярким светом и смешением множества красок. К своему отчаянию, она увидела, что дверь в гробницу закрыта, а преграждавшая вход красная ленточка валяется на полу. Самые важные гости уже находились внутри усыпальницы, остальные разбрелись по залу, потягивая коктейли, или собрались группками возле столов с угощением и напитками.

– Нужно открыть двери – немедленно, – подойдя к Лауре, сказал Пендергаст.

– Компьютерная диспетчерская находится вон там. – Хейворд махнула рукой, указывая направление.

Они пробежали мимо столов, провожаемые испуганными взглядами гостей, и ворвались в дверь в противоположном конце зала.

Помещение, из которого осуществлялось компьютерное управление гробницей Сенефа, было довольно тесным. Одну его половину занимал длинный стол, на котором располагались несколько мониторов с клавиатурами. В другой половине возвышались стеллажи с оборудованием: накопителями на жестких дисках, контроллерами, синтезаторами, видеоаппаратурой. Беззвучно работавший телевизор был настроен на местный канал Пи-би-эс, и в этот момент по нему как раз транслировалась церемония открытия. Два программиста следили за мониторами, на которых отображалось все, что происходило в гробнице. На третьем мониторе высвечивались длинные строчки цифр. Услышав звук шагов за спиной, компьютерщики оглянулись и изумленно уставились на незваных гостей.

– Что со светозвуковым шоу? – спросила Хейворд.

– Все работает как часы, – ответил один из программистов. – А почему вы спрашиваете?

– Немедленно остановите его, – велела Хейворд. – И откройте двери.

Компьютерщик снял наушники.

– Я не могу это сделать без особого распоряжения.

Хейворд сунула ему под нос свой полицейский жетон.

– Капитан Хейворд, отдел по расследованию убийств полицейского управления Нью-Йорка. Этого достаточно?

Некоторое время программист в недоумении смотрел на жетон. Потом пожал плечами и повернулся к напарнику:

– Ларри, запусти программу разблокировки дверей.

Узнав во втором компьютерщике Ларри Эндерби, которого она уже допрашивала в связи с попыткой убийства Марго Грин и кражей алмазов, Хейворд подумала: «Что-то в последнее время ты слишком часто попадаешься мне на глаза, голубчик».

– Ну, если вы настаиваете… – неуверенно произнес Эндерби.

Едва он успел нажать несколько клавиш, как в диспетчерскую ворвался раскрасневшийся Манетти в сопровождении двух охранников.

– Что здесь происходит? – резко спросил он.

– У нас возникла проблема, – объяснила Хейворд, – и мы решили прервать шоу.

– Вы не можете ничего прервать без достаточно серьезной причины, черт вас побери!

– У нас нет времени на объяснения.

Эндерби перестал печатать и сидел, молча переводя взгляд с Хейворд на Манетти и обратно. Его руки застыли над клавиатурой.

– Я старался идти на все мыслимые и немыслимые уступки, капитан Хейворд, – медленно произнес Манетти. – Но сейчас вы зашли слишком далеко. Это открытие особенно важно для музея. На нем собрались все влиятельные люди Нью-Йорка, миллионы людей смотрят прямую трансляцию по телевидению. Неужели вы думаете, что я позволю вам или кому-то еще помешать этому?

– Прочь с дороги, Манетти, – бросила Хейворд. – Я принимаю на себя всю ответственность. В любой момент может произойти ужасное несчастье.

– Не говорите глупостей, капитан, – возразил Манетти и показал на экран. – Посмотрите сюда и убедитесь сами, что все в порядке. – Он потянулся к телевизору и включил звук.

«В пятый год правления фараона Тутмоса IV…» – послышался голос диктора.

Хейворд снова повернулась к Эндерби:

– Немедленно откройте двери.

– Эндерби, вы можете не выполнять этот приказ, – вмешался Манетти.

Руки компьютерщика, все еще висевшие над клавиатурой, задрожали.

Взгляд Манетти скользнул мимо Хейворд и наткнулся на Пендергаста.

– Что за черт? Вы же должны быть в тюрьме! – удивленно воскликнул он.

– Я приказываю: немедленно откройте эти чертовы двери! – рявкнула Хейворд.

– Здесь что-то нечисто, – пробормотал Манетти и сунул руку в карман, нашаривая рацию.

В этот момент Пендергаст бесшумно шагнул вперед и, приблизив свое покрытое синяками и ссадинами лицо к лицу Манетти, учтиво произнес:

– От всей души прошу меня простить.

– За что? – изумленно вытаращился Манетти и тут же, охнув, осел на пол.

Удар был коротким и очень резким, и остальные не сразу поняли, что произошло. Быстрым точным движением Пендергаст выхватил пистолет Манетти из кобуры и наставил его на охранников.

– Оружие, дубинки, газовые баллоны, рации – на пол! – скомандовал он.

Охранники повиновались.

Пендергаст взял один пистолет и протянул его д’Агосте:

– Не спускайте с них глаз.

– Понял.

Пендергаст поднял с пола второй пистолет и на всякий случай сунул его за пояс брюк, потом повернулся к Манетти, который все еще стоял на коленях и ловил ртом воздух, одной рукой держась за живот.

– Мне искренне жаль. Но над теми, кто в данный момент находится в гробнице, нависла смертельная опасность. И мы собираемся помешать преступнику осуществить его план, нравится вам это или нет. А теперь скажите нам: где Хьюго Мензис?

– Ты здорово влип, приятель, – задыхаясь, пробормотал Манетти. – Теперь для тебя все еще хуже, чем раньше. – С этими словами он попытался подняться.

Д’Агоста угрожающе наставил на него пистолет, и Манетти застыл.

– Мензис в гробнице, вместе с остальными, – наконец выдавил он.

Пендергаст повернулся к программистам. Когда он заговорил, в его обычно бесстрастном голосе звучала угроза.

– Мистер Эндерби, вы слышали приказ? Немедленно откройте двери!

Программист, заметно напуганный, кивнул и начал что-то печатать на клавиатуре.

– Нет проблем, сэр. Они откроются ровно через секунду.

Несколько мгновений все молчали.

Эндерби закончил печатать и посмотрел на монитор. Затем последовали еще несколько ударов по клавишам – и снова пауза. Ларри нахмурился.

– Похоже, у нас проблема… – растерянно произнес он.

Глава 57

«В пятый год правления фараона Тутмоса Четвертого Сенеф – великий визирь и бывший регент юного фараона – умер. Причина его смерти осталась неизвестна. Его похоронили в Долине царей, в роскошной гробнице, на строительство которой ушло двенадцать лет. Хотя Сенеф никогда не был фараоном, его сочли достойным чести быть погребенным в Долине царей, поскольку он был регентом фараона и, вероятно, сохранил присущую фараону власть и после восшествия на трон своего бывшего воспитанника. Великая гробница Сенефа была заполнена всевозможными предметами роскоши, которые только существовали в Древнем Египте: украшениями из золота, серебра и лазурита, предметами из алебастра, оникса, гранита и адаманта, а также мебелью, продуктами питания, в том числе мясом животных и птиц, скульптурными изваяниями, колесницами и оружием. На погребальное снаряжение Сенефа не жалели денег.

В десятый год своего правления Тутмос заболел, и группа военачальников провозгласила фараоном его сына, Аменхотепа Третьего, чем вызвала недовольство жрецов. В Верхнем Египте вспыхнуло восстание, и Страна двух царств погрузилась в раздоры и хаос.

Настало благоприятное время для расхитителей гробниц. И вот однажды утром, на рассвете, высшие жрецы, которым было поручено охранять гробницу Сенефа, взяли в руки лопаты…»

Голос диктора стих. Нора стояла в темном коридоре Второго перехода бога между мэром и его женой. Виола Маскелин держалась позади. Удары лопат становился все громче, смешиваясь с возбужденными голосами грабителей. Вскоре послышались приглушенные радостные возгласы, стук металла о камень, затем раздался громкий треск – по-видимому, это осыпалась известка, запечатывавшая вход в гробницу. Триста самых влиятельных ньюйоркцев, вершители судеб города, замерли, захваченные происходящим.

Шоу продолжалось. До гостей донесся скрежет камня о камень: это злоумышленники открывали наружную дверь гробницы. Внезапно вспыхнул свет, и яркий луч выхватил из темноты грабителей, один за другим шмыгнувших в дверной проем с факелами в руках. На преступниках были одежды древних египтян, и Нора, уже много раз

видевшая эту сцену, вновь поразилась тому, насколько реальной казалась голографическая картинка.

Затем включилось еще несколько проекторов, посылая изображения на невидимые экраны, и расхитители гробниц, крадущиеся по коридору, оказались прямо перед зрителями. В следующий момент они повернулись к аудитории и знаками предложили гостям шоу следовать за ними – словно приглашая их стать соучастниками. Это было задумано для того, чтобы направить толпу в Зал колесниц, где начинался новый этап светозвукового представления.

Двигаясь вместе со всеми, Нора почувствовала легкий озноб возбуждения. Сценарий, надо отдать должное Уичерли, был выше всяких похвал. Несмотря на свои человеческие недостатки, покойный, несомненно, обладал незаурядным талантом. Нора с удовольствием подумала, что и сама оказалась на высоте, а Хьюго Мензис умелой рукой уверенно направлял работу над проектом в целом, учитывая все мелочи и координируя деятельность самых разных специалистов. Аудио– и видеотехники тоже отлично справились со своей задачей. Судя по реакции зрителей, все пока шло отлично.

Когда толпа, увлекаемая голографическими фигурами грабителей, двинулась по коридору к колодцу, зажглись спрятанные за стенными панелями светильники, и на стенах словно заплясали отблески пламени факелов. Толпа зрителей, умело направляемая, следовала за изображениями, автоматически подстраиваясь под их шаг.

Подойдя к колодцу, грабители остановились и принялись громко спорить, как лучше преодолеть опасное препятствие. Те из них, кто нес на плечах жерди, сбросили их на землю и стали связывать. Затем, используя примитивную подъемную систему, они перекинули импровизированный мост через колодец и один за другим осторожно, словно канатоходцы, пошли по качающимся и поскрипывающим жердям. Внезапно раздался отчаянный крик: это один из грабителей, не удержавшись на шатких мостках, рухнул в темную шахту. Через мгновение его вопль стих, а вместо него послышался отвратительный глухой стук – будто человеческое тело ударилось о камни. Зрители замерли.

– Господи, – прошептала жена мэра, – это уж слишком… натурально.

Нора оглянулась. Она с самого начала была против этой трагической сцены, но теперь, глядя на лица окружавших ее людей и слыша их потрясенные возгласы, вынуждена была признать, что та произвела на публику сильное впечатление. Даже жена мэра, несмотря на ее неодобрительную реплику, казалась по-настоящему увлеченной происходящим.

Управляемые компьютерной программой проекторы переносили изображения грабителей с одного экрана на другой, создавая иллюзию их перемещения в трехмерном пространстве. Эффект был потрясающий. А в тот момент, когда последний посетитель покинет гробницу, все экраны погаснут, картина смерти и разрушения исчезнет, и гробница вновь обретет свой первоначальный вид, готовая принять новую партию зрителей.

Гости, следуя за виртуальными грабителями, вошли в Зал колесниц. Злоумышленники разбежались по просторному помещению, пораженные видом находившихся в нем несметных богатств: повсюду лежали груды золота, серебра, лазурита и драгоценных камней, тускло поблескивавших в свете факелов. Зрители остановились перед низким барьером в дальнем конце зала. Началось второе отделение светозвукового шоу.

«Гробница Сенефа, как и многие другие египетские гробницы, содержала проклятие, которое должно было отпугнуть всякого, кто пожелал бы в нее проникнуть. Но еще большей, чем проклятие, сдерживающей силой был страх перед могуществом фараона. Ведь жрецы, несмотря на всю свою алчность и порочность, были людьми глубоко религиозными. Они верили в божественную сущность и бессмертие фараона. Они верили и в магическую силу погребенных вместе с ним предметов. Власть этих предметов была чрезвычайно опасна и, если ее не разрушить, могла сильно навредить грабителям.

И поэтому первое, что они сделали, проникнув в гробницу, – это разбили и поломали всю находившуюся в ней утварь и все украшения, чтобы лишить их магической силы».

Придя в себя от изумления, жрецы начали брать различные находящиеся в камере предметы и разбивать их. Вначале они делали это довольно осторожно, но потом, войдя во вкус, устроили настоящую оргию разрушения, круша все, что попадалось под руку: предметы мебели, вазы, военное снаряжение, скульптурные изображения. Они бросали их на землю, били ими о тяжелые каменные колонны, и вскоре весь пол был усеян черепками, драгоценными камнями и кусками золота. Выполняя свою разрушительную работу, преступники подбадривали себя ожесточенными криками. Потом некоторые из них опустились на колени и стали ползать по полу, собирая то, что представляло хоть какую-то ценность, и складывая добычу в мешки.

Нора в очередной раз подивилась реальности видеоизображения.

* * *

«Уничтожению подлежало абсолютно все. Ценные предметы могли быть унесены из гробницы только в виде обломков, причем впоследствии их нужно было еще больше измельчить – и как можно скорее. Металлы обычно переплавлялись, лазурит, бирюза и драгоценные камни вынимались из оправы и заново огранялись или разрезались. После этого все украденные богатства вывозились в другие страны, где они должны были лишиться остатков магической силы, которой наделил их богоподобный фараон.

Полное уничтожение – такова была судьба всех прекрасных драгоценных предметов, найденных в гробнице. Все, что на протяжении многих лет создавалось трудом тысяч ремесленников, в один день превращалось в груду обломков».

Вакханалия разрушения продолжалась, сопровождаемая бранью и криками. Нора бросила взгляд на мэра и его жену: супруги стояли с открытыми ртами, пораженные и захваченные тем, что происходило у них на глазах. Не меньший эффект произвело шоу и на остальных зрителей. Даже офицеры полиции и телеоператоры изумленно таращились на экран. Виола Маскелин перехватила взгляд Норы, кивнула и, улыбаясь, подняла вверх большие пальцы.

Нора вновь ощутила уже знакомый озноб. У нее не оставалось сомнений: экспозиция будет иметь успех – причем огромный. Не могла она не думать и о том, что является старшим куратором выставки, а потому в будущем успехе есть и ее заслуга. Мензис был прав: теперь карьера ей обеспечена. Голос за кадром продолжал повествование:

«Разгромив все в Зале колесниц и забрав из нее все ценное, грабители двинулись в самое сердце гробницы – так называемый Золотой дом, или собственно погребальную камеру. В погребальной камере находились наиболее ценные сокровища, и она считалась самым опасным местом в гробнице. Потому что здесь покоился фараон, чье тело хоть и было мумифицировано, но, согласно верованиям древних египтян, продолжало жить».

* * *

Все еще сжимая в руках факелы, вспотевшие и возбужденные после учиненного погрома, грабители прошли через дальнюю арку в погребальную камеру. Сдерживавшее зрителей низкое ограждение было убрано, и толпа вслед за голографическими фигурами устремилась через Зал колесниц. Войдя в погребальную камеру, гости остановились перед еще одной перегородкой, на этот раз свисавшей с потолка. Вновь раздался голос диктора: шоу приближалось к кульминации.

«В погребальной камере покоилось мумифицированное тело фараона, в котором обитала душа Ба – одна из пяти душ умерших.

Ограбление гробницы обычно происходило в светлое время суток. Это делалось намеренно, поскольку, по убеждению древних египтян, днем душа фараона вместе с солнцем совершала путешествие по небу, а следовательно, отсутствовала в погребальной камере. На закате же душа Ба воссоединялась с телом фараона. И горе грабителю, застигнутому в гробнице ночью, когда мумия оживала!

Но жрецы допустили оплошность. В то время механические часы еще не были изобретены, а от солнечных в темном помещении не было никакой пользы. Злоумышленники потеряли счет времени и не знали, что солнце уже клонилось к закату…»

Грабители вновь принялись крушить все подряд: разбили канопы и разбросали по полу внутренние органы Сенефа, потом высыпали на них зерно из корзин, расшвыряли повсюду продукты и мумии домашних животных, опрокинули статуи. Покончив с этим, они занялись огромным каменным саркофагом: просунув с одной стороны кедровые колья, осторожно приподняли тяжелую, не меньше тонны весом, крышку и стали медленно сдвигать ее – миллиметр за миллиметром, пока она не упала на пол и не раскололась надвое. И снова Норе показалось, что она видит не голографическую проекцию, что все это происходит в действительности.

Нора почувствовала, как кто-то тронул ее за плечо, и, обернувшись, увидела улыбающегося мэра.

– Это просто фантастика, – прошептал он и заговорщицки подмигнул. – Похоже, проклятие Сенефа наконец-то снято.

Глядя на его лысую макушку и круглое блестящее лицо, Нора невольно улыбнулась. Он почти поверил в происходящее, и сейчас напоминал большого ребенка. Впрочем, как и все остальные.

У нее не осталось ни малейшего сомнения: шоу имело потрясающий – чудовищный – успех.

Глава 58

Д’Агоста со страхом и изумлением смотрел, как теперь уже два программиста лихорадочно набирали команды на клавиатуре.

– Что случилось? – резко спросила Хейворд.

Эндерби дрожащей рукой вытер пот со лба.

– Не знаю. Терминал не отвечает на запросы.

– А если ввести их вручную?

– Уже пробовал.

Хейворд повернулась к Манетти:

– Свяжитесь с охранниками, находящимися в гробнице. Передайте им, что мы прерываем шоу. – Она достала рацию, чтобы поговорить с собственными подчиненными, присутствующими на шоу, но, взглянув на внезапно побледневшего Манетти, остановилась. – В чем дело?

– Не знаю. Я не могу связаться со своими людьми. Связи нет. Вообще.

– Почему нет? Они находятся всего в пятидесяти ярдах от нас!

– Стены гробницы были покрыты защитными экранами, не пропускающими радиоволн, – спокойно произнес Пендергаст.

Хейворд опустила руку с рацией.

– Тогда используйте систему громкой связи. В ней ведь используются провода, если я не ошибаюсь?

Эндерби вновь лихорадочно застучал по клавишам.

– Она тоже не реагирует.

Хейворд остановила на нем тяжелый взгляд.

– Отключите питание дверей. В случае полного отключения электропитания их можно будет открыть вручную.

Эндерби нажал еще несколько клавиш и беспомощно развел руками.

Пендергаст внезапно показал рукой на один из мониторов, на котором отображалось все происходящее в зале.

– Вы видели это? Перемотайте, пожалуйста.

Один из программистов перемотал изображение.

– Смотрите! – Пендергаст ткнул пальцем в прячущуюся в тени фигуру. – Вы не могли бы сфокусировать изображение? Попробуйте его увеличить, – нетерпеливо приказал он программисту.

Д’Агоста уставился на монитор, картинка на котором теперь стала более четкой. Все присутствующие напряженно следили за человеком, который сунул руку в карман смокинга и достал оттуда черную маску и наушники.

– Мензис, – пробормотала Хейворд.

– Диоген, – произнес Пендергаст тихо, почти про себя, и его голос был холоден как лед.

– Нужно вызвать подкрепление, – сказал Манетти. – Пусть пришлют команду быстрого реагирования и...

– Нет! – перебил его Пендергаст. – У нас нет времени. Тогда мы точно не успеем: они начнут устраивать передвижной командный пункт, потом распределять, кому что делать. А у нас всего десять минут – и ни секундой больше.

– Неужели эти двери никак нельзя открыть?! – в отчаянии воскликнул Эндерби, стукнув по клавиатуре. – Они управляются двумя совершенно независимыми программами, и ни одна из них не отвечает. Это просто невероятно!

– Ничего удивительного, – заметил Пендергаст. – Они и не ответят. Двери не откроются, как бы вы ни старались. Диоген – или Мензис – наверняка взломал систему управления и шоу, и залом. – Специальный агент повернулся к Эндерби. – Не могли бы вы вывести список всех программ, выполняемых в настоящий момент?

– Да, конечно. – Эндерби набрал серию команд.

Пендергаст посмотрел на монитор, на котором открылось маленькое окошко, и увидел список загадочных слов, набранных в нижнем регистре. Среди них были: asmcomp, rutil, syslog, kcron.

– Проверьте все имена, особенно системные, – продолжал Пендергаст. – Вы не видите ничего необычного?

– Нет. – Эндерби во все глаза смотрел на монитор. – Теперь вижу: kernel_con_fund_o.

– Не знаете, что это означает?

Эндерби наморщил лоб.

– Судя по имени, это консольный файл, открывающий доступ к системе. А ноль на конце означает, что это бета-версия.

– Если прочтете код, сможете понять, что он означает. – С этими словами Пендергаст повернулся к Хейворд и д’Агосте. – Но, боюсь, я уже знаю ответ.

– Ну и что же он значит? – спросила Хейворд.

– То, что вы приняли за ноль, – на самом деле буква «о». Confundo в переводе с латыни означает «доставлять неприятности», «повергать в смятение». Это наверняка программа, созданная Диогеном для входа в

систему управления шоу. – Он махнул рукой в сторону громоздящегося на стеллажах оборудования. – Не удивлюсь, если все это – абсолютно все – также уже находится под контролем Диогена.

Эндерби тем временем продолжал смотреть в монитор.

– Похоже, есть еще один сервер, с которого и осуществляется управление шоу. Он находится внутри гробницы. Все оборудование диспетчерской подчинено ему.

Пендергаст склонился над плечом программиста.

– Вы можете вывести его из строя?

В ответ раздался ожесточенный стук клавиш.

– Нет. Он теперь вообще не отвечает на обращение.

– Отключите все электроснабжение гробницы, – приказал Пендергаст.

– Бесполезно. Сразу же включится система резервного питания.

– Отключите и ее.

– Но тогда люди окажутся в темноте.

– Делайте, что вам говорят.

Последовали быстрый стук клавиш и приглушенное ругательство.

– Ничего не получается!

Пендергаст оглядел комнату.

– В таком случае остается только одно. – Он подошел к небольшому металлическому ящику, открыл дверцу и потянул на себя рубильник.

Маленькая комната тут же погрузилась в темноту, однако компьютеры продолжали работать. Через несколько секунд раздался громкий щелчок – это включилась резервная система электропитания, – и зажглись аварийные флуоресцентные лампы.

Эндерби изумленно уставился на мониторы.

– Невероятно! Гробница все еще полностью снабжается электричеством. Шоу продолжается, будто ничего не случилось. Наверняка где-то внутри спрятан резервный генератор. Но он не был отмечен ни на одном плане, который я…

– Где в этой комнате дополнительный источник питания? – перебил его Пендергаст.

Манетти кивком указал на огромный металлический шкаф в углу.

– В нем находятся реле, соединяющие главные силовые кабели гробницы с резервным генератором музея.

Пендергаст отступил на шаг, навел на шкаф пистолет Манетти и высадил в него всю обойму.

Выстрелы прозвучали неправдоподобно громко в помещении, защищенном от посторонних звуков. Пули прошили шкаф насквозь, оставив в нем круглые отверстия и взметнув в воздух облачко осыпавшейся серой краски. Раздался громкий электрический треск, затем появилась огромная ослепительно голубая дуга. Лампы электрического освещения замигали и погасли, в комнате запахло кордитом и оплавленной изоляцией. Но мониторы продолжали гореть.

– Эти компьютеры все еще работают, – удивленно заметил Пендергаст. – Почему?

– Они работают от собственных резервных батарей.

– Проведите полную перезагрузку. Отсоедините кабели питания и подключите их заново.

Эндерби залез под стол и стал возиться с кабелями. Комната погрузилась во тьму, все молчали. Внезапно темноту прорезал луч света – это Хейворд включила карманный фонарик.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился высокий мужчина в широком аскотском галстуке и круглых очках.

– Что здесь происходит? – воскликнул он пронзительным голосом. – Я веду прямую трансляцию одновременно по радио и телевидению для миллионов людей, а вы даже не можете обеспечить нас электричеством? Между прочим, моя резервная система не протянет и пятнадцати минут.

Д’Агоста узнал в вошедшем Рэндалла Лофтуса, хоть лицо того в данный момент и было искажено гневом.

Пендергаст наклонился к д’Агосте.

– Винсент, вы ведь знаете, как поступить?

– Да, – ответил д’Агоста и повернулся к режиссеру. – Вы позволите мне помочь?

– Надеюсь, что вам это удастся. – С этими словами Лофтус вышел из комнаты, д’Агоста последовал за ним.

Не вошедшие в первую партию зрителей гости тем временем бродили по полутемному залу. Огромное помещение освещалось всего сотней свечей, установленных на столах с закусками и напитками. Люди не

казались встревоженными – скорее они воспринимали все происходящее как приключение. Охранники музея подходили к гостям и успокаивали их, обещая, что свет дадут с минуты на минуту. Д'Агоста проследовал за режиссером в противоположный конец зала, где устроились телевизионщики. Все они были заняты делом: что-то бормотали в микрофоны или смотрели в установленные на камерах маленькие мониторы.

– У нас пропала связь с командой, работающей в гробнице, – сказал один из них. – Но, похоже, у них есть электричество. Они продолжают вести трансляцию, и сигналы поступают на спутник. Думаю, они даже не подозревают о наших проблемах.

– Слава Богу, – ответил Лофтус. – Лучше умереть, чем передавать в эфир пустую картинку.

– Вы сказали, что у них есть электричество, – вмешался д'Агоста. – Не знаете откуда?

Лофтус кивком указал на напоминающий толстую черную змею кабель, протянутый из зала к гробнице.

– Понятно, – протянул д'Агоста. – А что будет, если его перерезать?

– Боже упаси! – воскликнул Лофтус. – Тогда все пойдет к чертям собачьим. Но, к счастью, его невозможно перерезать, уж поверьте мне. Он надежно защищен.

– А другого кабеля здесь нет?

– Другой кабель и не нужен. Этого вполне достаточно. Он защищен толстой резиновой оболочкой и стальной оплеткой – повредить его невозможно. Кстати, офицер…

– Меня зовут лейтенант д'Агоста.

– Похоже, мы не нуждаемся в вашей помощи. – Лофтус бесцеремонно повернулся спиной к д'Агосте и ткнул пальцем в одного из телевизионщиков. – Послушай, идиот, больше никогда не оставляй включенный монитор без присмотра!

Д'Агоста огляделся. В дальнем конце зала, у входа, он заметил застекленный ящик со стандартным противопожарным набором: свернутый шланг и довольно тяжелый топор. Подойдя к ящику, он резким ударом разбил стекло и вытащил топор. Потом вернулся к кабелю, собрался с духом и занес топор над головой.

– Эй! – окликнул его кто-то из операторов. – Какого черта!

Д’Агоста со всей силы опустил топор вниз, перерубив кабель. Над полом взметнулся сноп искр. Рэндалл Лофтус издал яростный рев, но д’Агоста уже через секунду был в диспетчерской.

Пендергаст с двумя программистами все еще колдовал над перезагруженной компьютерной системой, которая по-прежнему отказывалась выполнять команды.

Услышав шаги, Пендергаст оглянулся.

– Ну как там Лофтус?

– Вне себя от ярости.

Пендергаст кивнул, и его губы на мгновение искривились в слабом подобии улыбки.

Внезапно внимание д’Агосты привлекло множество огней, вспыхнувших на одном из мониторов.

– Что это? – резко спросил Пендергаст.

– Включились стробоскопы, – ответил Эндерби, не отрываясь от клавиатуры.

– В этом шоу используются стробоскопические источники света?

– Да, во второй части. Для большего эффекта.

Пендергаст склонился над монитором, и голубое сияние отразилось в его внимательных серых глазах. Стробоскопы продолжали загораться, и их вспышки сопровождались странным глухим шумом.

Эндерби внезапно выпрямился.

– Постойте! Это задумывалось совсем по-другому.

Среди звуков, раздававшихся из динамиков, все отчетливее слышался нарастающий гул голосов.

Пендергаст повернулся к Хейворд.

– Капитан, во время осмотра систем безопасности вы сверялись с планом гробницы и прилегающих территорий?

– Конечно.

– Откуда, по вашему мнению, легче всего проникнуть в гробницу?

Хейворд задумалась.

– С задней стороны проходит коридор, соединяющий вестибюль станции метро «Восемьдесят первая улица» со входом в музей, и там есть место, где стена гробницы составляет двадцать четыре дюйма.

– Двадцать четыре дюйма чего?

– Бетона. Это несущая стена.

– Двадцать четыре дюйма бетона, – пробормотал д’Агоста. – С таким же успехом эта стена могла иметь толщину сотню дюймов. Мы не сможем ее пробить. Во всяком случае за то время, которым располагаем.

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь доносящимися из зала странными глухими ударами и сопровождающим их гулом человеческих голосов. Посмотрев на Пендергаста, д’Агоста вдруг увидел, что тот опустил плечи и весь как-то съежился.

«Значит, это случилось, – с ужасом подумал д’Агоста. – Диоген победил. Он все предусмотрел, и мы ничего не сможем сделать!»

Но уже в следующий момент д’Агоста заметил произошедшую в Пендергасте внезапную перемену. Глаза специального агента сверкнули, он удовлетворенно вздохнул и повернулся к одному из охранников.

– Послушайте… как вас зовут?

– Ривера, сэр.

– Вы знаете, где находится отдел таксидермии?

– Да, сэр.

– Немедленно ступайте туда и принесите мне бутылку глицерола.

– Глицерола?

– Это препарат, используемый для смягчения шкур животных. Там он наверняка есть. – Затем Пендергаст повернулся к Манетти: – Отправьте пару своих людей в химическую лабораторию. Мне нужно по бутылке серной и азотной кислот. Они найдут их там, где хранятся опасные химические вещества.

– Могу я задать вам вопрос?

– Сейчас не время для вопросов. Мне также понадобятся сепараторная воронка с задвижкой и дистиллированная вода. И еще термометр, если они смогут его достать. – Пендергаст оглянулся по сторонам, нашел лист бумаги и карандаш, чиркнул несколько строк и передал записку Манетти. – Если возникнут проблемы, пусть обратятся к начальнику лаборатории.

Манетти кивнул.

– А вы тем временем очистите зал от гостей. Выведите на улицу всех, кроме охраны и полиции.

– Будет сделано. – Манетти жестом подозвал одного из охранников, и они вместе вышли из диспетчерской.

– Вы больше ничем не сможете нам помочь, поэтому должны покинуть зал вместе с остальными.

Программисты тут же вскочили, готовые поскорее убраться из музея.

Наконец Пендергаст повернулся к д’Агосте.

– Винсент, у меня есть поручение для вас и капитана Хейворд. Спуститесь в метро и помогите ей найти «слабое место» в стене.

Д’Агоста обменялся взглядом с Лаурой.

– Хорошо.

– И вот еще что, Винсент. Насчет того кабеля, который вы перерезали… – Пендергаст показал на один из мониторов. – Диоген, похоже, спрятал в гробнице его дубликат. Пожалуйста, позаботьтесь об этом.

– Сделаем все возможное.

Д’Агоста и Хейворд вышли из комнаты. Пендергаст остался один.

Глава 59

– Это просто невероятно! – наклонившись к Норе, громко прошептал мэр.

Голографические грабители, разгромив погребальную камеру, направились к открытому саркофагу. Однако теперь они двигались менее уверенно, а некоторые буквально дрожали от страха. Наконец один из них решился заглянуть внутрь.

– Золото! – воскликнул самый смелый из разбойников. – Он сделан из чистого золота.

И тут снова зазвучал голос диктора:

«А сейчас наступает момент истины. Грабители смотрят в открытый саркофаг Сенефа и видят гроб, отлитый из чистого золота. Для древних египтян золото было не просто драгоценным металлом. Они считали его священным: ведь из всех известных им веществ только оно одно не меняло первоначального цвета, не тускнело и не подвергалось коррозии.

Древние египтяне были уверены, что золото бессмертно и им покрыта кожа богов. Золотой гроб символизировал собой бессмертную сущность фараона, который воскресает в оболочке из чистого золота подобно богу солнца Ра, совершающему ежедневное путешествие по небу и освещающему золотым светом землю.

Все, что происходило до сих пор, было лишь прелюдией. Теперь же злоумышленники оказались в самом сердце гробницы».

После этих слов грабители установили над саркофагом самодельную деревянную треногу, оснащенную подъемным блоком, с помощью которой собирались поднять тяжелую золотую крышку. Двое из них залезли в саркофаг и обвязали гроб веревками. Затем с торжествующими воплями принялись тянуть, и через некоторое время золотая крышка приподнялась, ярко сверкнув в свете факелов. В толпе зрителей раздались изумленные возгласы.

Диктор продолжил повествование:

«Однако они не знали, что солнце уже село и душа Ба вот-вот вернется, чтобы, воссоединившись с мумией, оживить на ночь высохшие члены Сенефа».

Разыгрывавшаяся на глазах у трехсот зрителей драма близилась к кульминации. Нора, знавшая, что произойдет после возвращения Ба, постаралась собраться с духом.

Наконец из гроба послышался звук, напоминающий сдавленный стон. Грабители замерли, а золотая крышка повисла в воздухе, покачиваясь на веревках. И тут заработали аппараты нагнетания тумана, и от пола начала подниматься белая дымка, окутывая края саркофага. Толпа ахнула, а Нора улыбнулась про себя: трюк был несколько примитивным, зато вполне эффектным.

Затем последовал раскат грома, и в углах погребальной камеры вспыхнули подвешенные к потолку стробоскопы. Они вращались синхронно, пронизывая уже довольно высоко поднявшийся туман, под аккомпанемент зловещих громовых раскатов. Вращение стробоскопов все ускорялось, но внезапно ритм их движения нарушился и оно стало хаотичным.

«Черт! – мысленно выругалась Нора. – Глюки». Она начала оглядываться по сторонам, пытаясь отыскать компьютерщиков, но тут же вспомнила, что все они находятся в диспетчерской и следят за шоу по

мониторам. «Ничего, – утешила она себя, – они сейчас же все исправят».

Пока стробоскопы продолжали свое хаотичное, то ускоряющееся, то замедляющееся вращение, снова раздался глухой рокочущий звук. На этот раз он сопровождался вибрацией – невероятно низкой и глубокой, находившейся почти за порогом человеческого восприятия. Похоже, в аудиосистеме тоже произошел сбой. Низкий рокот не прекращался и был похож скорее на содрогание в желудке, чем на звук в обычном понимании.

«О нет! – с ужасом подумала Нора. – Не может быть, чтобы одновременно вырубились все компьютеры. А ведь все шло так хорошо...» Она украдкой посмотрела на стоявших рядом зрителей – те, казалось, воспринимали все как должное. Что ж, очень хорошо. Если программистам удастся быстро устранить неисправность, может, никто ничего и не заметит. Остается только надеяться на их расторопность.

Стробоскопы тем временем стали вращаться еще быстрее – за исключением одного, который светил особенно ярко. Его вспышки, происходившие через неравные промежутки времени, ослепляли, создавая своего рода эффект Доплера – только визуальный. У Норы закружилась голова.

Вдруг мумия, громко застонав, стала подниматься. Голографические разбойники в ужасе отпрянули от саркофага, восклицая: «Сенеф! Сенеф!» «Слава Богу, хоть с этой частью шоу все в порядке», – подумала Нора.

Грабители бежали, громко крича и роняя факелы, и пламя освещало их искаженные страхом лица. Однако вид самой мумии насторожил Нору: она казалась более крупной, темной – и словно бы более зловещей. А дальше стали происходить совсем уж удивительные вещи, не предусмотренные сценарием. Из погребальных бинтов вдруг высунулась костлявая рука и потянулась к лицу мумии. Конечность показалась Норе кривой и очень длинной – как у обезьяны. Пальцы с острыми когтями вцепились в ткань, которой была обернута голова, и начали ожесточенно рвать ее. Наконец появилось лицо мумии – оно было настолько ужасно, что Нора невольно вскрикнула и отшатнулась. Ну это уж слишком! Неужели Уичерли решил таким образом подшутить над ней? Ведь кошмар, творившийся на экране, не мог быть следствием простого сбоя компьютерной системы – подобные эффекты нужно было тщательно программировать.

В толпе раздались изумленные возгласы.

– О Господи! – испуганно прошептала жена мэра.

Нора оглянулась. Зрители, словно зачарованные, не отрывали глаз от продолжавшей подниматься мумии. Нора увидела их растерянные лица, услышала приглушенные напряженные голоса и почти физически ощутила исходивший от толпы страх. Виола Маскелин бросила на нее вопросительный взгляд и нахмурилась. Среди гостей Нора заметила директора музея Коллопи – он казался очень бледным.

Потерявшие управление стробоскопы продолжали вращаться. Их вспышки ослепляли, заполняя собой все помещение. Они стали такими невыносимо яркими, что Нора ощутила приступ тошноты. Потом опять раздался низкий рокочущий звук, от которого переворачивались внутренности, и она инстинктивно закрыла глаза, защищаясь от одновременного натиска слепящего света и оглушающего звука. Вокруг зазвучали изумленные возгласы, раздался одиночный вскрик, который тут же оборвался. Что здесь происходит, черт возьми? А эти звуки? Она никогда не слышала ничего подобного. Нора вдруг подумала, что так, наверное, должен звучать последний трубный глас – внушающий ужас и оглушительно громкий, способный одной своею мощью повергнуть человека в трепет.

Мумия начала раскрывать рот – сухая кожа губ, трескаясь и расползаясь, обнажила черные сгнившие зубы. Через несколько мгновений изо рта мумии стала вываливаться какая-то отвратительная темная масса, и Нора с ужасом увидела, что это рой жирных коричневых тараканов, которые, карабкаясь друг на друга, стремились побыстрее выбраться из отверстия. Затем послышался еще один душераздирающий стон, и стробоскопы вспыхнули с такой ослепительной силой, что Нора, даже закрыв глаза, продолжала видеть их свет сквозь опущенные веки.

Но отвратительное жужжание тут же заставило ее вновь открыть глаза. Теперь мумия не переставая изрыгала из себя черноту: рои насекомых вылетали из ее рта один за другим, тараканы превращались в жирных блестящих ос и бросались на зрителей, пораженных их пугающим правдоподобием.

У Норы сильно закружилась голова, она покачнулась и инстинктивно схватилась за стоявшего рядом с ней человека – им оказался мэр, который сам едва держался на ногах.

– Боже мой! – пробормотала она.

Рядом кого-то вырвало. Со всех сторон слышались крики о помощи, потом они слились в один испуганный вопль: толпа отхлынула, спасаясь от насекомых. Нора, конечно, знала, что никаких насекомых нет, что это такие же голографические изображения, как и все остальное. Но они выглядели так реально, когда летели прямо на нее, шурша крыльями, с угрожающе выставленными жалами, торчащими из наполненных ядом брюшков!

Вместе со всеми Нора невольно отступила назад и не нашла под ногами опоры. В следующее мгновение она поняла, что падает, летит вниз, как свалившийся в колодец грабитель, провожаемая отчаянными криками – воплями грешников, отправляемых в ад.

Глава 60

Констанс проснулась от осторожного стука в дверь спальни. Не открывая глаз, она повернулась на другой бок и зарылась в пуховую подушку.

Стук раздался снова, на этот раз более требовательный.

– Констанс! Констанс! С тобой все в порядке? – послышался нетерпеливый и взволнованный голос Рена.

Констанс не спеша, с удовольствием потянулась и села в постели.

– Все хорошо, – ответила она с едва заметным раздражением.

– Ничего не случилось?

– Ничего, не беспокойтесь.

– Ты не заболела?

– Конечно, нет. Я прекрасно себя чувствую.

– Прости мою назойливость, просто ты никогда раньше не спала весь день, как сегодня. Уже половина девятого, прошло время ужина, а ты все еще в постели.

– Да, – коротко ответила Констанс.

– Может, подать тебе твой обычный завтрак – зеленый чай и тост с маслом?

– Ну уж нет, Рен. Я не хочу обычный завтрак. Если вас не затруднит, я бы предпочла яйцо-пашот, клюквенный сок, немного копченой рыбы, полдюжины ломтиков бекона, половинку грейпфрута и пшеничную лепешку с джемом.

– Я… Хорошо.

Констанс услышала шаги Рена, быстро удаляющиеся в сторону лестницы, и, откинувшись на подушки, снова закрыла глаза. Ее сон был долгим, глубоким и полностью лишенным сновидений, чего с ней никогда не случалось. Констанс вспомнила бездонную зелень абсента и странное чувство легкости, которое он ей дал; она словно наблюдала за собой со стороны. Легкая улыбка тронула ее губы и тут же исчезла, но потом снова вернулась вместе с воспоминаниями. Устроившись поудобнее, Констанс вытянулась под мягкими простынями.

Она не сразу почувствовала, что в спальне что-то изменилось, и никак не могла понять, в чем дело. Наконец до нее дошло: запах! В комнате появился посторонний запах.

Констанс снова села. Этот аромат не принадлежал ему. Она была уверена, что запах ей совершенно незнаком. Нельзя сказать, чтобы он был неприятным – просто непривычным.

Констанс огляделась в поисках его источника, посмотрела на стоявший у кровати столик, но ничего подозрительного не обнаружила. Наконец, вспомнив, сунула руку под подушку и вытащила оттуда конверт и продолговатую коробочку, завернутую в старинную бумагу и перевязанную черной ленточкой. Вот откуда шел запах, навевающий воспоминания о лесной чаще. Констанс быстро развязала ленту. Конверт был из льняной бумаги цвета слоновой кости, а коробочка – достаточно большой, чтобы вместить колье или браслет. Констанс улыбнулась и тут же густо покраснела. Отложив коробочку, она нетерпеливо открыла конверт, и из него выпали три листочка бумаги, густо исписанные каллиграфическим почерком. Констанс начала читать:

«Надеюсь, ты хорошо спала, моя дорогая Констанс. Уверен, это был сладкий сон невинной души.

Однако в силу некоторых обстоятельств тебе на некоторое время придется забыть о сне. Но потом, если ты последуешь моему совету, он может вернуться, и очень скоро.

Должен признаться, что в течение трех восхитительных часов, которые я провел с тобой, мне не давал покоя один вопрос. Как ты жила все эти годы под одной крышей с дядей Антуаном, человеком, которого ты называла Инохом Ленгом, после того как он жестоко убил твою сестру Мэри Грин?

Констанс, неужели ты этого не знала? Не знала, что Антуан лишил жизни твою сестру, а потом надругался над ее телом? Ты не могла этого не знать. Возможно, вначале у тебя было лишь подозрение, своего рода мрачная фантазия. Не удивлюсь, если ты объяснила это извращенностью своего воображения. Но со временем – а ведь вы провели вдвоем достаточно много времени – это подозрение должно было окрепнуть, а потом и перерасти в уверенность. Все это, без сомнения, происходило на уровне подсознания и было запрятано так глубоко, что почти не давало о себе знать. Но ты, несомненно, знала об этом. Конечно, знала.

Что за восхитительная ирония! Этот человек, Антуан Пендергаст, убил твою родную сестру, чтобы продлить собственную жизнь – и, как

оказалось, твою тоже! Это человек, которому ты обязана всем! Ты знаешь, скольким детям пришлось проститься с жизнью, чтобы он смог создать свой эликсир и ты получила бы возможность наслаждаться чрезмерно затянувшимся детством? Ты родилась нормальной, Констанс, но благодаря дяде Антуану стала уродом. Ты ведь сама себя так назвала, правда? Урод.

Но теперь, моя дорогая обманутая Констанс, ты больше не сможешь отгонять от себя эту мысль. Ты больше не сможешь приписывать все воображению, не сможешь объяснять все иррациональным страхом в те ночи, когда раскаты грома не дадут тебе заснуть. Ведь самое ужасное, что это правда: твою сестру убили, чтобы продлить твою жизнь. Я знаю, потому что дядя Антуан перед смертью сам рассказал мне об этом.

Да, мне довелось несколько раз беседовать с этим пожилым джентльменом. Разве я мог не искать встреч с дорогим родственником, у которого такая интересная история, а взгляды на жизнь удивительно похожи на мои собственные? Одна только мысль о том, что он был жив все эти годы, придавала энергии моим поискам, и я не успокоился, пока наконец не напал на его след.

Он быстро меня раскусил и, естественно, постарался сделать так, чтобы наши с тобой пути никогда не пересекались. А в качестве платы за мое обещание не искать с тобой встреч с удовольствием поделился со мной своим, надо сказать уникальным, способом изменить этот порочный мир.

Он подтвердил, что у него имеется эликсир для продления жизни, хоть и не сообщил мне его рецепт. Милый дядя Антуан, я искренне скорбел, когда он умер: мир с ним был таким забавным! Но ко времени его убийства я уже был слишком занят собственными делами и не сумел помочь ему избежать этой горькой участи.

Итак, я спрашиваю еще раз: как тебе жилось в этом доме все эти долгие-долгие годы вместе с убийцей твоей сестры? Я, например, даже не могу себе этого представить. Неудивительно, что твоя психика так неустойчива. Неудивительно, что мой брат опасается за твое душевное здоровье. Все эти годы вдвоем с ним… А может, со временем ваши отношения с Антуаном стали, так сказать, более интимными? Но нет, это невозможно. Я был первым обладателем этой сокровищницы, дорогая Констанс, – физические доказательства не вызывают сомнений. Но ты любила его. Без сомнения, ты любила его.

И с чем же ты теперь осталась, моя бедная несчастная Констанс? Мой драгоценный падший ангел… Служанка братоубийцы и супруга убийцы собственной сестры… Даже воздухом, которым ты дышишь, ты обязана ей и остальным жертвам Антуана. Разве ты заслуживаешь того, чтобы продолжать это странное существование? И кто будет оплакивать тебя,

когда ты умрешь? Мой брат? Нет. Он лишь вздохнет с облегчением. Рен? Проктор? Смешно! Я тоже не буду по тебе скорбеть. Ты была лишь игрушкой. Загадкой, которую я разгадал слишком быстро. Коробкой, в которой ничего не оказалось. Животной похотью. Поэтому позволь мне дать тебе совет и знай, что это единственный раз, когда я был с тобой абсолютно честен.

Соверши благородный поступок. Покончи со своей ненормальной жизнью.

Вечно твой,

Диоген.

P.S. Меня поразила глупость, с какой ты пыталась совершить самоубийство в прошлый раз. Надеюсь, теперь ты знаешь, что вены нельзя резать поперек запястья: нож задевает сухожилия. Для более действенного результата нужно сделать продольный надрез – между сухожилиями. Всего один надрез – медленно, сильно и, главное, глубоко. А что касается моего собственного шрама... Разве не удивительно, какого эффекта можно добиться с помощью воска и театрального грима?»

Прошло долгое, невообразимо долгое мгновение, прежде чем Констанс взяла в руки предназначавшийся ей подарок. Она развернула оберточную бумагу – очень медленно и осторожно, словно внутри могла лежать бомба. Но там оказалась красивая полированная шкатулка розового дерева.

Так же медленно она подняла крышку. Внутри, на пурпурном бархате, лежал старинный скальпель с ручкой из пожелтевшей слоновой кости и блестящим лезвием. Протянув указательный палец, Констанс осторожно погладила ручку – она была холодной и гладкой, – потом вынула скальпель из шкатулки и, положив его на ладонь, поднесла к свету. Зеркальная поверхность лезвия сверкнула, словно искусно ограненный алмаз.

Глава 61

В тот момент, когда погас свет, Смитбек стоял у стола с закусками и так и замер, не донеся до рта устрицу. На долю секунды зал погрузился в полную темноту, но тут же послышались глухие щелчки и ряды флуоресцентных трубок под потолком зажглись, залив все вокруг призрачным зеленоватым светом.

Смитбек огляделся по сторонам. Большинство випов уже находились в гробнице, но в зале оставалась вторая очередь, и здесь также нашлось

немало любителей выпить и закусить. Столпившись вокруг столов с угощением, они довольно спокойно отреагировали на кратковременное отключение электричества.

Пожав плечами, Смитбек поднес устрицу ко рту и всосал соленый, еще живой скользкий комок. Причмокнув от удовольствия, он взял с тарелку другую устрицу, готовясь проделать ту же процедуру, как вдруг услышал выстрелы.

Всего их было шесть, и они доносились откуда-то из темноты в противоположной части зала. Стреляли через равные промежутки времени из крупнокалиберного пистолета. Снова послышались глухие щелчки, и аварийное освещение погасло. Смитбеку не понадобилось много времени, чтобы понять, что происходит нечто необычное и из этого может получиться неплохой материал. Зал теперь освещался только свечами, расставленными на столиках с закусками. Послышались встревоженные голоса; обстановка в помещении медленно накалялась.

Смитбек посмотрел туда, откуда раздались выстрелы, и вспомнил, что в том конце зала есть дверь и через нее в течение всего вечера входили и выходили сотрудники музея и охранники. Предположив, что за дверью, должно быть, находится диспетчерская, откуда осуществляется управление всем происходящим в гробнице Сенефа, он стал следить за ней и вскоре увидел хорошо знакомого ему человека. Вышедший из диспетчерской д'Агоста на этот раз был в штатском, но все равно выглядел как коп.

Смитбек узнал и человека, шедшего рядом с ним: Рэндалл Лофтус, известный режиссер. Журналист увидел, как они подошли к группе операторов с телекамерами, и вдруг почувствовал укол тревоги, вспомнив, что его жена Нора находится в гробнице и, возможно, в абсолютной темноте. Правда, там полно охранников и полицейских, так что с ней, конечно же, ничего не случится.

В зале явно что-то происходило, и его долг журналиста был выяснить, что именно. Вот д'Агоста пересек зал, разбил застекленный ящик с противопожарным оборудованием и достал из него топор. Смитбек вынул из кармана карандаш с блокнотом и записал все, что увидел, указав точное время. Д'Агоста подошел к кабелю, занес топор над головой и со всей силы опустил его вниз, вызвав бурю негодования со стороны Лофтуса и операторов Пи-би-эс. Не обратив на них никакого внимания, д'Агоста с топором в руке вернулся в маленькую комнату в дальнем конце зала и закрыл за собой дверь.

Напряженность в зале тем временем заметно усилилась. То, что здесь происходило, наверняка было очень серьезным.

Смитбек быстро последовал за д’Агостой и, подойдя к двери диспетчерской, взялся было за ручку, но в последний момент передумал. Если он войдет внутрь, его скорее всего выставят вон. Лучше всего находиться поблизости, смешавшись с толпой, и ждать дальнейшего развития событий, решил он.

Долго ждать ему не пришлось. Через несколько минут дверь распахнулась, и из диспетчерской выскочили д’Агоста, все еще сжимавший в руке топор, и капитан Хейворд. Они промчались по залу и выбежали на улицу через главный вход. Еще через минуту из той же комнаты вышел Манетти, начальник службы охраны музея. Он взобрался на подиум и обратился к находившимся в зале гостям.

– Леди и джентльмены! – крикнул он, но его голос был едва слышен в огромном полутемном пространстве.

В зале тут же стало тихо.

– У нас неожиданно возникли технические проблемы, связанные с подачей электричества. Ничего серьезного, но мы вынуждены просить вас покинуть помещение музея. Охранники проводят вас через выход к Большой ротонде. Пожалуйста, выполняйте их указания.

По залу пробежал разочарованный ропот, и кто-то выкрикнул:

– А как же те, кто остался в гробнице?

– Людей, находящихся в гробнице, мы выведем на улицу сразу же, как откроем двери. Вам не о чем волноваться.

– Значит, двери заблокированы? – крикнул Смитбек.

– На данный момент да.

Беспокойство в зале усилилось. Было видно, что люди не хотели покидать музей, оставив в гробнице своих друзей и близких.

– Пожалуйста, проследуйте к выходу, – повысил голос Манетти. – Охранники вас проводят. Вам совершенно не о чем беспокоиться.

Послышались протестующие возгласы гостей, явно не привыкших подчиняться чужим указаниям.

«Дерьмо, – подумал Смитбек. – Если беспокоиться не о чем, почему у Манетти дрожит голос?» Билл не собирался покидать музей в самый разгар событий – тем более когда Нора оказалась запертой в гробнице. Он оглянулся по сторонам и быстро направился к выходу из зала, а оттуда в коридор цокольного этажа.

Коридор освещался только знаками, указывающими направление выхода, которые были снабжены электробатареями. От него под прямым углом отходил еще один коридор, ведущий к главному холлу. Здесь было совсем темно.

Охранники, освещая путь карманными фонариками, уже вели группы протестующих людей к выходу. Смитбек помчался туда, где коридор разветвлялся. Перепрыгнув через бархатное ограждение, он пробежал еще несколько метров, нырнул в неглубокий дверной проем, прижался к двери с табличкой «Генус рэттус» и стал ждать.

Глава 62

Винсент д’Агоста и Лаура Хейворд пробежали между бархатными канатами ограждения, спустились по ступенькам и оказались на главной подъездной аллее музея. Вход в метро находился на углу Восемьдесят первой улицы и представлял собой обшарпанную металлическую будку с медной крышей. Сквозь толпу зевак д’Агоста заметил припаркованный рядом фургон Пи-би-эс. На крыше фургона была установлена белая тарелка спутниковой антенны, а по лужайке змеился толстый кабель, исчезая в одном из окон музея.

– Сюда! – крикнул д’Агоста и начал протискиваться сквозь толпу, сжимая в руке топор.

Хейворд шла рядом, высоко подняв полицейский жетон и громко повторяя:

– Полицейское управление Нью-Йорка! Пожалуйста, дайте дорогу!

Но толпа не желала расступаться, и тогда д’Агоста поднял топор и стал размахивать им над головой. Это возымело действие: собравшиеся у музея люди подались в стороны, освободив узкий проход, и Хейворд с д’Агостой подбежали к задней дверце фургона. Лаура сдерживала толпу, а д’Агоста залез на бампер, ухватился за металлические стойки, подтянулся и через секунду уже был на крыше.

Из фургона выпрыгнул человек и закричал:

– Какого черта вы тут делаете?! У нас прямой эфир!

– Отдел по расследованию убийств полицейского управления Нью-Йорка, – преградив ему дорогу, громко произнесла Хейворд.

Д’Агоста встал на крыше, широко расставив ноги, чтобы удержать равновесие, и снова поднял топор над головой.

– Эй, вы не можете этого сделать!

– Посмотрим! – крикнул в ответ Винсент и обрушил мощный удар на металлическую стойку, на которой держалась спутниковая антенна. Выбитые из гнезд болты взметнулись в воздух. Д’Агоста повернул топор тупой стороной и несколько раз ударил по тарелке. Раздался скрежет металла, и тарелка, соскользнув с крыши фургона, рухнула вниз.

– Ты что, псих?! – закричал телевизионщик.

Но д’Агоста, не обращая на него внимания, спрыгнул на землю, отбросил топор в сторону, и они с Хейворд, обогнув толпу, побежали к входу в метро.

В уголке сознания д’Агосты билась мысль, что рядом с ним находится Лаура Хейворд – его Лаура, которая всего несколько дней назад выпроводила его из своего кабинета. Он думал, что потерял ее навсегда, но она его все же нашла. Она его нашла. Это была приятная мысль, и он пообещал себе вернуться к ней, если переживет остаток вечера.

Вот наконец и вход в метро. Быстро спустившись по ступенькам, они подбежали к билетной кассе, и Лаура помахала жетоном перед лицом кассирши.

– Капитан Хейворд, отдел по расследованию убийств полицейского управления Нью-Йорка. В музее возникла опасная ситуация. Необходимо очистить платформу от пассажиров. Позвоните в Управление городского транспорта и попросите закрыть станцию. Поезда должны следовать мимо нее без остановки. Вам все понятно?

– Да, мэм.

Они миновали турникеты и побежали по коридору. Еще не было девяти, и на платформе оказалось довольно много народу – несколько десятков человек ждали поезда. Хейворд быстро пошла вперед, д’Агоста последовал за ней. От дальнего конца платформы отходил коридор, над которым висел большой знак:

Выход к Нью-Йоркскому музею естественной истории.

Открыт только в часы работы музея.

Проход преграждала ржавая металлическая решетка с массивным висячим замком.

– Будет лучше, если ты поговоришь с этими людьми, – сказала Хейворд, вынимая пистолет и прицеливаясь в замок.

Д’Агоста кивнул и пошел по платформе, размахивая своим полицейским жетоном.

– Полицейское управление Нью-Йорка! Освободите станцию! Все на выход!

Пассажиры равнодушно смотрели на него и не двигались с места.

– Всем выйти! Проводится полицейская операция! Покиньте платформу!

Последовавшие за этим звуки двух выстрелов заставили всех очнуться. Встревоженные люди, ускоряя шаг, направились к выходу, и в гуле голосов д’Агоста различил слова «террорист» и «бомба».

– Без паники! Соблюдайте спокойствие! – крикнул он вслед удаляющейся толпе.

После третьего выстрела платформа опустела. Д’Агоста вернулся к Лауре, которая безуспешно пыталась открыть решетку. Он помог ей отодвинуть створку, и они вместе нырнули в образовавшийся проем.

Коридор шел прямо примерно сотню ярдов, после чего резко сворачивал ко входу в музей. На выложенных кафелем стенах красовались изображения скелетов млекопитающих и динозавров, висели плакаты, сообщавшие об открытии музейных экспозиций, в том числе и «Гробницы Сенефа». Хейворд достала из кармана карту и разложила на цементном полу. Поля карты были испещрены пометками, и д’Агоста подумал, что Лаура просидела над ней не один час.

– Вот гробница, – Хейворд ткнула пальцем в несколько соединенных между собой прямоугольников, – а здесь подземный переход. Смотри, в этом месте расстояние между туннелем и гробницей всего около двух футов.

Присев на корточки, д’Агоста стал изучать карту.

– Со стороны метро точные расстояния не указаны.

– Совершенно верно, потому что они не измерялись. Обследование проводилось со стороны гробницы, а все остальные данные были получены путем вычислений.

Д’Агоста нахмурился.

– При масштабе десять футов к одному дюйму погрешность может быть достаточно большой.

– Да. – Хейворд еще раз взглянула на карту, потом сложила ее и убрала в карман. Пройдя по коридору еще сто футов, она остановилась. – Я почти уверена, что это здесь.

Послышался грохот приближающегося поезда. Через несколько мгновений он усилился, заполнив собой все пространство туннеля, потом так же быстро стал затихать – состав проследовал мимо станции без остановки.

– Ты бывала в гробнице? – спросил д'Агоста.

– Винни, я там практически жила.

– И в ней слышен шум из метро?

– Постоянно. Они так и не смогли от него избавиться.

Д'Агоста приложил ухо к кафелю.

– Если они слышат то, что происходит в метро, мы услышим то, что происходит там.

– Но для этого им придется здорово постараться.

Д'Агоста выпрямился и посмотрел на Лауру.

– Они стараются изо всех сил. – И он снова приложил ухо к стене.

Глава 63

Из своего укрытия Смитбек видел, как возмущавшихся людей вели к лифтам. Он подождал, пока в коридоре стало абсолютно пусто, осторожно перелез через бархатное ограждение и, прижавшись к стене, двинулся назад. Добравшись до угла, заглянул в Египетский зал. Ему нетрудно было оставаться незамеченным, поскольку зал освещался только свечами и большая его часть была погружена во тьму.

Вскоре Смитбек увидел, как из двери диспетчерской вышла небольшая группа людей, среди которых он узнал Манетти в его обычном плохо сшитом коричневом костюме. Остальные скорее всего были музейными охранниками, кроме одного, который привлек особое внимание Смитбека. Это был высокий темноволосый человек в белой водолазке и брюках свободного покроя. Он стоял отвернувшись, но Смитбек успел заметить, что одна щека его была заклеена лейкопластырем. Билла больше заинтересовала даже не внешность мужчины, а то, как он двигался – изящно и плавно, словно представитель семейства кошачьих. Кого же он ему напоминает?..

Человек в водолазке подошел к столу, на котором стояло большое серебряное ведерко с охлаждавшимися в нем бутылками шампанского.

– Помогите мне избавиться от этих бутылок, – сказал он, обращаясь к Манетти, и Смитбек тотчас узнал этот медоточивый голос.

Специальный агент Пендергаст! Разве он не в тюрьме? И что, интересно, он здесь делает? Смитбек ощутил прилив радостного возбуждения: человек, чье доброе имя он пытался восстановить все последнее время, по-хозяйски расхаживает по залу, как будто ничего не случилось! Однако возбуждение тут же сменилось тревогой: он по собственному опыту знал, что Пендергаст появляется на сцене именно тогда, когда ситуация действительно становится угрожающей.

Смитбек увидел, как двое охранников бегом приблизились к двери в гробницу и стали открывать ее с помощью лома и кувалды. Их попытка не увенчалась успехом. И тут журналист почувствовал внезапную слабость. Он знал, что в гробнице оставались люди. Но с чего вдруг такие настойчивые попытки вызволить их оттуда? Неужели что-то случилось?

От этой мысли он похолодел. Ему внезапно пришло в голову, что гробница представляет собой идеальное место для совершения теракта. Там собралось невероятное количество богатых, облеченных властью и обладающих влиянием людей: десятки крупных политиков, представители деловой, правовой и научной элиты страны, не говоря уж о руководстве музея.

Билл перевел взгляд на Пендергаста, который тем временем вынимал из серебряного ведерка бутылки шампанского и одну за другой бросал их в мусорную корзину. Через минуту емкость опустела, если не считать горки уже начавшего таять льда. Тогда Пендергаст подошел к соседнему столику и широким жестом смахнул все, что на нем стояло. На пол полетели блюда с устрицами, икрой, сыром и хлебом. Изумленный Смитбек не отрываясь смотрел, как массивная головка французского сыра бри покатилась по полу, словно белое колесо, и исчезла в темноте.

После этого Пендергаст стал собирать свечи и расставлять их вокруг освободившегося места на столе. «Что же он делает, черт побери?» – подумал Смитбек.

В этот момент в зал вбежал запыхавшийся охранник, держа в руках бутылку с какой-то жидкостью. Пендергаст немедленно выхватил ее у него и, прочитав надпись на этикетке, сунул в серебряное ведерко. Вскоре появились еще двое охранников: один катил перед собой тележку, нагруженную бутылками, колбами и пробирками, – они тоже незамедлительно оказались в емкости со льдом.

Пендергаст выпрямился и, повернувшись спиной к Смитбеку, все еще прятавшемуся в своем укрытии, стал закатывать рукава водолазки.

– Мне нужен помощник, – сказал он.

– Что именно вы собираетесь делать? – спросил Манетти.

– Я хочу получить нитроглицерин.

В зале повисла тишина. Манетти откашлялся.

– Это безумие. Наверняка есть какой-то способ проникнуть в гробницу, не взрывая дверь.

– Значит, добровольцев нет?

– Я сейчас же позвоню и вызову команду быстрого реагирования, – заявил Манетти. – Этим должны заняться профессионалы. Мы не можем сами устраивать взрывы.

– Ладно. А что скажете вы, мистер Смитбек?

Смитбек застыл на месте, потом нерешительно огляделся по сторонам.

– Кто – я? – спросил он неожиданно осипшим голосом.

– Разве здесь есть еще один Смитбек?

Журналист вышел из укрытия, и Пендергаст, обернувшись, пристально посмотрел на него.

– Да, конечно, – с трудом выдавил Смитбек. – Буду рад помочь. Постойте, – вдруг придя в себя, спросил он. – Вы сказали, нитроглицерин?

– Совершенно верно.

– Значит, это опасно?

– Ну, если учесть, что у меня почти нет опыта синтезации химических веществ, наши шансы составляют чуть больше пятидесяти процентов.

– Шансы на что?

– На то, что нам удастся избежать преждевременной детонации.

Смитбек судорожно сглотнул.

– Должно быть, вас серьезно беспокоит то, что происходит в гробнице.

– По правде говоря, мне очень страшно, мистер Смитбек.

– Там находится моя жена…

– Значит, вы тем более должны мне помочь.

Лицо Смитбека стало жестким.

– Говорите, что я должен делать.

– Благодарю вас. – Пендергаст повернулся к Манетти. – Проследите, чтобы все покинули зал и укрылись в безопасном месте.

– Я вызываю команду быстрого реагирования и настоятельно вам рекомендую… – начал было директор службы безопасности, но выражение лица Пендергаста заставило его замолчать.

Охранники поспешили из зала, Манетти последовал за ними с издающей потрескивания рацией в руке.

Специальный агент взглянул на Смитбека.

– Приступим. Если вы будете действовать аккуратно и с точностью выполните мои указания, вполне вероятно, что нам удастся сделать все как надо. – С этими словами Пендергаст стал вращать бутылки в ведерке, чтобы они быстрее охладились, потом засунул колбу поглубже в лед и вложил в нее термометр. – Проблема заключается в том, мистер Смитбек, что у нас нет времени как следует все подготовить. Нам придется действовать очень быстро, а это иногда приводит к нежелательным последствиям.

– Скажите же, что произошло в гробнице?

– Давайте сосредоточимся на нашей задаче.

Смитбек глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки. Все планы написания сенсационного материала вылетели у него из головы, вытесненные единственной мыслью, которая молотком стучала в висках: «Нора осталась в гробнице».

– Подайте мне бутылку с серной кислотой, но сначала вытрите ее как следует, – приказал Пендергаст.

Смитбек нашел бутылку, вынул из ведерка и, вытерев насухо, передал Пендергасту, который осторожно вылил ее содержимое в охлажденную колбу. В нос журналисту ударил отвратительный запах. Убедившись, что налил достаточное количество кислоты, специальный агент отступил на шаг назад и завинтил крышку бутылки.

– Проверьте температуру.

Смитбек достал из колбы градусник и поднес его к огню, чтобы лучше видеть.

– Думаю, излишне говорить, – сухо произнес Пендергаст, – что с открытым огнем следует обращаться с величайшей осторожностью. Напомню также, что кислота может разъесть человеческую плоть всего за пару секунд.

Смитбек инстинктивно отдернул руку.

– Теперь подайте мне азотную кислоту. Порядок действий тот же.

Билл вынул из ведерка другую бутылку и, протерев, протянул ее Пендергасту.

Тот прочитал надпись на этикетке и открутил крышку.

– Я буду лить кислоту в колбу, а вы помешивайте раствор и каждые тридцать секунд проверяйте температуру.

– Хорошо.

Пендергаст перелил кислоту в стеклянный сосуд с делениями, потом стал понемногу добавлять ее в охлажденную колбу. Смитбек равномерно перемешивал жидкость термометром.

– Десять градусов, – произнес он через полминуты.

Пендергаст добавил еще немного кислоты.

– Восемнадцать… Двадцать пять… Как быстро она нагревается… Тридцать…

Жидкость начала пузыриться, и Смитбек почувствовал поднимающийся от нее жар и резкий запах.

– Не вдыхайте пары! – предостерег Пендергаст, перестав лить кислоту. – И продолжайте помешивать.

– Тридцать пять… тридцать шесть… тридцать четыре… тридцать один…

– Стабилизируется, – с облегчением произнес Пендергаст и вновь стал понемногу добавлять в раствор азотную кислоту.

В наступившей тишине до Смитбека донеслись какие-то звуки. Прислушавшись, он понял, что это были крики – правда, приглушенные настолько, что казались не громче шепота. Потом со стороны гробницы раздался глухой удар, за ним последовали еще несколько, и вскоре удары уже звучали не переставая.

Смитбек резко выпрямился.

– Господи Иисусе! Они стучат в дверь гробницы!

– Мистер Смитбек! Следите за температурой!

– Хорошо. Тридцать… двадцать восемь… двадцать шесть…

Глухой стук не прекращался, а Пендергаст лил кислоту так медленно, что это сводило Смитбека с ума.

– Двадцать. – Билл попытался сосредоточиться. – Восемнадцать. Пожалуйста, скорее!

Руки у Смитбека задрожали, и когда он в очередной раз вынимал градусник из колбы, несколько капель раствора соляной и азотной кислоты попало ему на тыльную сторону ладони.

– Черт!

– Продолжайте помешивать, мистер Смитбек!

Биллу показалось, что на руку ему попал расплавленный свинец, и он с ужасом увидел, как от черных точек на коже пошел дым.

Пендергаст, не переставая лить кислоту, произнес:

– Я справлюсь один. Опустите руку в лед.

Смитбек послушно сунул руку в ведерко со льдом, а Пендергаст схватил с тележки пачку соды и быстро вскрыл упаковку.

– Дайте сюда руку.

Билл вынул конечность из емкости со льдом, и специальный агент присыпал обожженные места, другой рукой продолжая помешивать жидкость в колбе.

– Теперь кислота нейтрализована. Останутся шрамы – и все. Пожалуйста, займитесь раствором, пока я буду готовить следующий ингредиент.

– Конечно. – Рука у Смитбека горела огнем, но мысль о запертой в гробнице Норе заглушала боль.

Пендергаст извлек из серебряного ведерка еще одну бутылку, тщательно обтер и, сняв крышку, осторожно вылил немного содержимого в крохотную мензурку.

Доносившиеся из гробницы крики и стук стали громче.

– Я начну лить, а вы медленно вращайте колбу в емкости со льдом – наподобие бетономешалки – и проверяйте температуру каждые пятнадцать секунд. Не трогайте термометр и следите, чтобы он не ударился о стекло. Понятно?

– Да.

С мучительной неспешностью Пендергаст стал лить кислоту, а Смитбек не переставая вращал колбу.

– Какая температура, мистер Смитбек?

– Десять… Двадцать… Она поднимается… Тридцать пять.

Пот, выступивший на лбу Пендергаста, по-настоящему испугал Смитбека.

– Все еще тридцать пять. Ради Бога, скорее!

– Продолжайте вращать колбу, – спокойно произнес специальный агент, и это спокойствие являло собой странный контраст с его влажным лбом.

– Двадцать пять…

Глухие удары звучали все сильнее.

– Двадцать… двенадцать… десять…

Пендергаст добавил в колбу еще немного жидкости из бутылки, и температура раствора снова стала повышаться. Смитбеку казалось, что прошла целая вечность.

– Разве нельзя уже все это смешать? – нетерпеливо спросил он.

– Если мы сейчас взорвемся, у них не останется никакой надежды, мистер Смитбек, – невозмутимо ответил специальный агент.

Смитбек постарался сдержать нетерпение и продолжал следить за показаниями термометра и вращать колбу, а Пендергаст по капле добавлял в раствор жидкость, периодически делая паузы. Наконец он отставил мензурку.

– Первый этап завершен. Теперь возьмите сепараторную воронку и влейте сюда немного дистиллированной воды вот из этого сосуда.

Воронка представляла собой стеклянный шар, от дна которого под углом отходила длинная стеклянная трубка с задвижкой. Смитбек снял с нее стеклянную крышку и наполнил воронку дистиллированной водой из сосуда, стоявшего в ведре со льдом.

– Теперь, пожалуйста, поставьте ее на лед.

Смитбек сунул воронку в ведро, а Пендергаст поднял колбу с раствором и с величайшей осторожностью вылил ее содержимое в сепараторную воронку. Под внимательным взглядом журналиста он проделал еще несколько заключительных манипуляций, в результате которых жидкость в сосуде побелела и стала более густой. Пендергаст взял сосуд в руки, быстро осмотрел и повернулся к Смитбеку.

– Пойдемте.

– Что? Мы все сделали? – спросил тот, продолжая прислушиваться к ударом, теперь уже невыносимо громким и сопровождаемым истерическими воплями.

– Да.

– Тогда давайте поскорее взорвем дверь!

– Нет. Эта дверь очень тяжелая. К тому же, даже если бы нам и удалось ее взорвать, могли бы пострадать люди. Судя по звукам, почти все они собрались в этой части гробницы. У меня есть план получше.

– Какой?

– Следуйте за мной. – Пендергаст уже повернулся и двигался к выходу из зала своей кошачьей походкой, осторожно держа в руках сосуд. – Мы проникнем в гробницу со стороны подземного перехода. Чтобы добраться туда, нам нужно выйти из музея и пройти сквозь строй зевак. Ваша задача, мистер Смитбек, – провести меня через толпу.

Глава 64

Сделав над собой сверхчеловеческое усилие, Нора постаралась успокоиться и рассуждать хладнокровно. Она поняла, что не свалилась в колодец – ощущение падения было всего лишь иллюзией. Голографические насекомые разогнали толпу, еще больше усилив панику. Пугающе низкий звук становился все громче, словно барабанная дробь в преисподней, а свет стробоскопов – все ярче и болезненнее. Это нисколько не напоминало то, что она видела на тестовых испытаниях: вспышки были такой силы, что, казалось, проникали в мозг.

Нора окинула взглядом гробницу. Голографическое изображение мумии исчезло, но аппараты нагнетания тумана работали вовсю, и белая дымка, окутывавшая саркофаг, наполняла погребальную камеру подобно поднимающейся воде. Стробоскопы вращались все быстрее, и каждая их вспышка в сгущавшемся тумане напоминала зловещий цветок.

Нора почувствовала, что Виола зашаталась, и взяла ее за руку, чтобы помочь удержаться на ногах.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

– Очень плохо, – ответила Виола. – Что, черт возьми, здесь происходит?

– Я… Я не знаю. Наверное, произошел какой-то чудовищный компьютерный сбой.

– Появление насекомых нельзя объяснить компьютерным сбоем. Его нужно было запрограммировать. А этот свет… – Виола вздрогнула и отвернулась.

Туман уже доходил им до пояса и продолжал подниматься. Глядя на него, Нора почувствовала, как ее охватывает паника. Скоро белая мгла заполнит всю комнату, поглотит их… Ей казалось, что они захлебнутся в тумане и свете хаотично мигающих огней. Среди гостей раздались крики, в толпе началась паника.

– Мы должны вывести отсюда людей, – прошептала Нора.

– Да, должны. Но я почти ничего не соображаю… – ответила Виола Маскелин.

Неподалеку Нора заметила оживленно жестикулирующего человека. В одной руке он держал щит, в котором отражался свет мигающих стробоскопов.

– Пожалуйста, сохраняйте спокойствие! – кричал он. – Я офицер полиции! Мы выведем вас отсюда! Прошу всех сохранять спокойствие!

Но на него никто не обращал внимания.

Совсем близко Нора услышала знакомый голос, зовущий на помощь. Обернувшись, она в нескольких футах от себя увидела мэра, который, согнувшись, шарил руками в тумане.

– Моя жена упала! Элизабет, где ты?

Внезапно толпа с громкими воплями отхлынула назад, увлекая Нору за собой. Полицейский, не сумевший выдержать натиск сотен тел, упал.

– На помощь! – продолжал кричать мэр.

Нора попыталась пробраться к нему, но толпа относила ее в противоположном направлении, и грохот, издаваемый аудиосистемой, вскоре заглушил отчаянные крики Шайлера.

«Я должна что-то сделать», – подумала Нора.

– Послушайте! – крикнула она изо всех сил. – Послушайте меня! Я обращаюсь ко всем!

Голоса вокруг стали стихать, и Нора поняла, что по крайней мере несколько человек ее услышали.

– Если мы хотим выбраться отсюда, то должны действовать сообща, – продолжала она. – Понятно? Возьмитесь за руки и продвигайтесь к выходу! Не бегите и не толкайтесь! Следите за мной!

К удивлению и радости Норы, ее речь немного успокоила толпу. Крики стали еще тише, и она почувствовала, как Виола сжала ее руку. Туман доходил им уже до груди, его поверхность волновалась, покрываясь завитками. Через несколько мгновений он накроет их с головой и лишит возможности что-либо видеть.

– Передайте остальным! Держитесь за руки! Идите за мной!

Нора с Виолой двинулись вперед, увлекая за собой остальных, но раздался новый оглушительный удар – напоминавший скорее не звук, а ощущение, – и охваченная паникой толпа, забыв обо всем, вновь качнулась в сторону.

– Держитесь за руки! – крикнула Нора.

Но было слишком поздно: толпа обезумела. Человеческое море подхватило ее и понесло, сдавливая так сильно, что она чуть не задохнулась.

– Прекратите толкаться! – кричала Нора, но никто ее уже не слушал. Рядом Виола Маскелин также призывала людей успокоиться, но ее голос тонул в реве толпы и в низких рокочущих звуках, заполнивших гробницу. Стробоскопы продолжали вращаться, и каждая их вспышка казалась коротким ослепительным взрывом света в тумане. И с каждым таким взрывом Нора словно пьянела, ощущая странную слабость и оцепенение. Это не было обычным страхом. Боже, что творится с ее головой?

Толпа, охваченная безумной, животной паникой, хлынула в Зал колесниц. Нора изо всех сил цеплялась за руку Виолы Маскелин. Внезапно к низкому пульсирующему звуку присоединился другой – очень высокий и пронзительный, напоминающий плач баньши.

Тонкий, как лезвие бритвы, крик разорвал ее сознание подобно пистолетному выстрелу, вызвав странное ощущение одиночества, а следующее резкое движение толпы заставило выпустить руку Виолы. Нора позвала ее, но если та и ответила, ее крик заглушил невообразимый шум.

Неожиданно давление на нее человеческих тело ослабло, словно вынули пробку из бутылки. Нора глубоко вдохнула, набирая в легкие воздуха, и помотала головой, стараясь сбросить оцепенение. Туман, заполнявший гробницу, казался зеркальным отражением пелены, окутывавшей ее сознание.

Внезапно впереди показалась пилястра. Нора обхватила ее руками, узнала барельеф и тут же поняла, где находится – в нескольких шагах от входа в Зал колесниц. Только бы попасть в него и укрыться от этого ужасного тумана! Прижавшись к стене, она стала пробираться вперед,

стараясь держаться подальше от толпы, и через несколько секунд увидела дверной проем. Люди протискивались в него, отталкивая друг друга, царапались, рвали одежду, создавая живую пробку безумия и паники. Эта картина сопровождалась доносившимися из невидимых колонок низкими, похожими на стоны звуками и пронзительными завываниями баньши.

Нора снова почувствовала сильное головокружение и чуть не потеряла сознание: такие приступы у нее иногда случались при высокой температуре. Она пошатнулась и схватилась за стену, изо всех сил стараясь удержаться на ногах: падение сейчас означало конец.

Вдруг Нора услышала крик и сквозь туман увидела лежащую на боку женщину, почти затоптанную толпой. Инстинктивно она наклонилась, схватила протянутую к ней руку и помогла несчастной подняться. Лицо женщины было залито кровью, одна нога неестественно вывернута – очевидно, сломана, – но, к счастью, она была жива.

– Моя нога, – простонала бедняга.

– Обнимите меня за плечи! – крикнула Нора.

Потом, с трудом сделав несколько шагов, она вновь окунулась в человеческий поток, и ее вместе со спутницей втянуло в Зал колесниц. В течение нескольких секунд она ощущала невыносимое, все усиливающееся давление человеческих тел… после чего вдруг стало очень свободно. Люди разбрелись по помещению, не зная, куда идти. Они бродили по залу в разорванной, окровавленной одежде, плача и прося о помощи. Женщина безвольно висела на плече Норы и тихонько поскуливала. По крайней мере здесь они будут в безопасности, подумала Нора.

Но, как ни странно, она ошибалась. В Зале колесниц им не удалось укрыться ни от чудовищных звуков, ни от тумана и слепящего света. Нора смотрела и не верила своим глазам. Белая дымка продолжала быстро заполнять помещение, а под потолком вращались стробоскопы, посылая ослепительные вспышки, каждая из которых все глубже погружала в туман ее сознание.

«Виола была права, – как-то отстраненно подумала Нора. – Это не компьютерный сбой. Сценарий не предусматривал стробоскопы и туман в Зале колесниц – только в погребальной камере».

Это был чей-то план – причем очень тщательно продуманный. В висках у Норы застучало. Одной рукой она взялась за голову, а другой поддерживала раненую женщину, медленно продвигаясь в сторону Второго перехода бога и находившегося за ним выхода из гробницы. Но толпа опять заблокировала узкий проход в дальнем конце помещения.

– Проходите по одному! – собравшись с силами, крикнула Нора.

Прямо перед ней какой-то мужчина пытался прорваться сквозь толпу, орудуя кулаками. Свободной рукой Нора схватила его за воротник смокинга, он не удержался и упал. Поднявшись, мужчина начал дико озираться и наконец увидел Нору.

– Сука! Я убью тебя! – закричал он и занес руку для удара.

Нора в страхе отступила, а он повернулся и начал молотить по спинам идущих впереди. И он был не один: повсюду люди кричали, кипя от злости, и безумно вращали глазами, словно грешники с полотен Босха.

Нора и сама чувствовала, как в ней растет возбуждение, поднимается волна безотчетной, неконтролируемой злобы, ощущение неизбежного конца. А ведь, по сути, ничего ни произошло: не было ни пожара, ни убийства – ничего, что оправдало бы такое массовое безумие.

В толпе Нора заметила директора музея Фредерика Уотсона Коллопи. Он казался измученным и с трудом ковылял к двери, волоча одну ногу и издавая при ходьбе странный звук: вжж-бум, вжж-бум.

Увидев Нору, Коллопи остановился, и глаза его алчно блеснули.

– Нора! Помоги мне! – крикнул он, пробираясь к ней сквозь толпу.

Подойдя, директор схватил раненую женщину за плечо. Нора уже было открыла рот, чтобы поблагодарить его, как вдруг он грубо швырнул несчастную на пол.

Нора в изумлении уставилась на него.

– Черт! Что вы делаете? – Она наклонилась, чтобы помочь женщине, но Коллопи с чудовищной силой вцепился в нее – так, словно он тонул и только Нора могла его спасти. Нора попыталась освободиться, но директор держал ее железной хваткой. В припадке безумия он сдавил ей шею и чуть не задушил.

– Помоги мне! – снова закричал он. – Я не могу идти!

Нора изо всех сил стукнула его локтем в солнечное сплетение, Коллопи согнулся, но не выпустил свою добычу. Вдруг сбоку Нора заметила какое-то движение и увидела, как Виола Маскелин изо всех сил ударила его по голени. Вскрикнув, Коллопи выпустил Нору и упал на пол, извиваясь и изрыгая проклятия.

Нора схватила Виолу за руку, и они вместе выбрались из толпы и направились в дальний конец Зала колесниц. Сзади раздался звон битого стекла – это толпа опрокинула витрину с экспонатами.

– Боже! Моя голова! – простонала Виола, прижимая ладони к глазам. – Я ничего не соображаю!

– Похоже, все вокруг сошли с ума.

– Мне кажется, я сама схожу с ума.

– Думаю, это из-за стробоскопов, – сказала Нора и закашлялась. – И из-за оглушительных звуков… а может, все дело в химическом составе этого тумана.

– Что вы имеете в виду?

И тут над ними образовался вихрь в виде трехмерной вращающейся спирали. Вдруг спираль с глухим стоном растянулась, и раздался еще один звук – гораздо более высокий, потом следующий, на четверть тона ниже. Последовало еще множество нестройных звуков, и все они слились в оглушительную какофонию. Одновременно с этим вращение спирали ускорилось. Нора смотрела на нее словно загипнотизированная. Она понимала, что это всего лишь голографическая проекция, но изображение казалось абсолютно реальным. Она никогда не видела ничего подобного. Спираль очаровывала ее, затягивая в водоворот безумия.

Огромным усилием воли Нора наконец заставила себя отвести взгляд.

– Не смотрите на нее, – сказала она Виоле.

Но та вся дрожала, не в силах оторвать глаз от вращающегося изображения.

– Не смотрите! – крикнула Нора и ударила Виолу по лицу.

Та отшатнулась, но продолжала смотреть на спираль. Ее взгляд стал диким.

– Это шоу! – крикнула Нора, тряся ее обеими руками. – Это шоу делает нас безумными.

– Что? – сонно спросила Виола и посмотрела на Нору. Ее глаза налились кровью – совсем как у Уичерли.

– Я говорю: шоу воздействует на наш мозг. Старайтесь не смотреть и не слушать!

– Я ничего… не понимаю. – Глаза Виолы закатились.

– Лягте на пол, отвернитесь к стене и заткните уши! – Нора оторвала от полы платья длинную полосу и завязала Виоле глаза. Но прежде чем завязать глаза себе, она успела заметить в нише, в противоположном конце зала, странного человека. На нем были белый смокинг и белый

галстук-бабочка, лицо скрывала черная полумаска. Он стоял совершенно спокойно, высоко подняв голову и скрестив на груди руки, словно чего-то ожидая. «Мензис», – пронеслось в мозгу Норы, но она тут же прогнала нелепую мысль, решив, что это всего лишь очередная иллюзия.

– Заткните уши! – крикнула она Виоле и опустилась на пол рядом с ней. Старший куратор выставки и египтолог забились в угол, пытаясь отгородиться от чудовищной, гротескной картины смерти.

Глава 65

Смитбек, задыхаясь, бежал за Пендергастом по пустым залам музея. Луч фонарика специального агента указывал им путь вдоль бархатных оградительных канатов. Через пять минут их шаги застучали по белому мраморному полу: впереди показалась ротонда, и через несколько секунд они уже стояли на покрытых красной ковровой дорожкой ступенях главного входа. На главную подъездную аллею одна за другой сворачивали полицейские машины, воздух наполнял вой сирен и визг тормозов. Услышав вверху глухое жужжание, Смитбек поднял голову и увидел зависшие над лужайкой вертолеты.

Часть полицейских сдерживали толпу, пытаясь расчистить подъездную аллею от впавших в панику гостей, зевак и журналистов; остальные собрались у подножия лестницы и налаживали работу мобильного штаба. Люди толкались, отовсюду слышались крики, вспышки фотокамер напоминали фейерверк.

Пендергаст остановился на верхней ступеньке и повернулся к Смитбеку.

– Нам нужно пробраться ко входу в метро. – Он показал рукой в дальний конец подъездной аллеи, где собралась огромная толпа гостей и зевак.

– Чтобы протиснуться через такую ораву людей, потребуется не менее двадцати минут, – заметил Смитбек. – К тому же по пути кто-нибудь наверняка попытается выбить у вас из рук эту посудину.

– Это совершенно неприемлемо.

«Чертовски глубокомысленное замечание», – усмехнулся про себя Смитбек, а вслух произнес:

– Что же вы предлагаете?

– Нам придется заставить толпу расступиться.

– Каким образом? – Не успел Смитбек задать этот вопрос, как в руке Пендергаста появился револьвер. – Господи, только не говорите, что вы собираетесь им воспользоваться.

– Я – нет. Это сделаете вы. Я не рискну стрелять, держа в руках вот это. Слишком близкий выстрел может спровоцировать взрыв.

– Но я не могу… – начал было Смитбек, но Пендергаст уже сунул ему в руку оружие.

– Стреляйте высоко в воздух, – посоветовал специальный агент. – Например, в небо над Центральным парком.

– Но я не знаком с этой моделью…

– Вам нужно всего лишь нажать на спусковой крючок. Это «кольт» сорок пятого калибра девятьсот одиннадцатого года. Он лягается, как мул, поэтому лучше держать его обеими руками, слегка согнув локти.

– Послушайте, может, я лучше понесу нитроглицерин?

– Боюсь, что это невозможно, мистер Смитбек. А теперь, если вы не возражаете, вперед.

Смитбек неохотно двинулся навстречу толпе.

– ФБР! Дорогу! – кричал он, но голос его звучал не слишком убедительно и никто не обращал на него внимания. – Дорогу, черт возьми! – прорычал он, теряя терпение.

Теперь несколько человек обернулись на крик и посмотрели на Смитбека, но не двинулись с места.

– Чем скорее вы выстрелите, тем скорее привлечете их внимание, – спокойно произнес Пендергаст.

– Дорогу! – Смитбек поднял револьвер. – Немедленно разойтись!

Люди, стоявшие в переднем ряду, увидев оружие, зашевелились, но основная часть толпы, отделявшей их от входа в метро, продолжала стоять неподвижно.

Собравшись с духом, Смитбек нажал на спусковой крючок, но за этим ничего не последовало. Он надавил сильнее – и револьвер дернулся у него в руке, издав оглушительный выстрел.

В толпе раздались испуганные крики, и она расступилась, словно воды Красного моря.

– Что это вы делаете, черт вас побери? – Двое полицейских, сдерживавших толпу, бросились к Смитбеку и Пендергасту, на ходу доставая собственное оружие.

– ФБР! – закричал специальный агент, устремившись в образовавшийся проход. – Важная правительственная операция! Не мешайте выполнению!

– Покажите ваш жетон, сэр!

Ряды людей впереди опять стали смыкаться, и Смитбек понял, что выполнил свою задачу не до конца.

– Дорогу! – заревел он и еще раз выстрелил в воздух.

Послышались новые крики, и словно по волшебству перед ними появился довольно широкий проход.

– Сумасшедший ублюдок! – заголосил кто-то в толпе. – Разве можно так палить!

Смитбек побежал. Пендергаст двигался за ним так быстро, как только позволяла его ноша. Полицейские бросились было в погоню, но толпа уже опять сомкнулась и Смитбек слышал лишь их голоса, когда они, ругаясь, пытались пробиться сквозь скопление людей.

Через минуту они были уже у входа в метро, и здесь Пендергаст пошел первым. Он спускался по ступеням быстро, но с удивительной плавностью, бережно держа в руках сосуд с нитроглицерином. Они пробежали по пустой платформе и нырнули в переход, ведущий к подземному входу в музей. Вскоре впереди показались две фигуры: это были Хейворд и д’Агоста.

– Где место входа в гробницу? – едва приблизившись, выкрикнул Пендергаст.

– Между двумя этими линиями. – Хейворд показала на две вертикальные черты, нарисованные на кафеле губной помадой.

Пендергаст опустился на колени и осторожно поставил стеклянный сосуд с раствором к самой стене между отметками. Потом поднялся и, повернувшись к остальным, сказал:

– А теперь не могли бы вы все отойти за угол? Мистер Смитбек, верните мне револьвер.

Смитбек протянул ему оружие и тут же услышал топот ног: кто-то спускался по ступенькам на станцию. Вместе с Пендергастом он вернулся к платформе и присел на корточки, прижавшись к стене за углом.

– Полицейское управление Нью-Йорка! – раздался громкий голос с противоположного конца платформы. – Бросьте оружие и не двигайтесь!

– Стоять! – крикнула Хейворд и показала свой жетон. – Проводится полицейская операция.

– Назовите себя!

– Капитан Лаура Хейворд, отдел по расследованию убийств.

Полицейские пришли в замешательство.

Смитбек, увидев, что Пендергаст тщательно целится в переход из пистолета, вжался в стену.

– Подойдите, капитан! – крикнул один из новоприбывших офицеров.

– Немедленно покиньте платформу! – прозвучало в ответ.

– Готовы? – тихо спросил Пендергаст. – Считаю до трех. Раз…

– Капитан, я приказываю вам подойти!

– Два…

– А я повторяю вам, идиоты: немедленно покиньте платформу!

– Три…

Прозвучал выстрел, за ним последовал ужасающий грохот, земля содрогнулась, и раздался взрыв. Взрывная волна ударила Смитбека в грудь, и он упал на цементный пол, на минуту потеряв сознание. За несколько секунд вся станция заполнилась цементной пылью. Смитбек лежал на спине, а обломки стены градом падали вокруг.

– Матерь Божья! – послышался голос д'Агосты, но его самого не было видно во внезапно сгустившейся темноте.

С другого конца платформы доносились вопли совершенно сбитых с толку полицейских.

Наконец Смитбек пришел в себя и сел, кашляя, отплевываясь и протирая глаза руками. В голове у него звенело. Вдруг он почувствовал на плече чью-то руку, и у самого его уха раздался голос Пендергаста:

– Мистер Смитбек, пойдемте! Мне нужна ваша помощь! Вы должны остановить шоу любой ценой – перерезайте кабель, срывайте экраны, бейте лампы, но только остановите его. Необходимо сделать это в первую очередь – даже прежде, чем окажем помощь людям. Вы меня поняли?

– Вызывай подкрепление! – послышался задыхающийся голос с другого конца платформы.

– Вы поняли? – нетерпеливо повторил Пендергаст.

Смитбек кивнул и закашлялся. Специальный агент помог ему подняться и шепнул:

– Вперед!

Они свернули за угол, Хейворд с д’Агостой шли за ними не отставая. Пыль немного рассеялась, и они увидели огромное отверстие в стене, из которого вырывались клубы тумана, подсвечиваемые безумными вспышками стробоскопов.

Смитбек задержал дыхание, сжал кулаки и нырнул в проем.

Глава 66

Оказавшись внутри гробницы, они остановились. Густой туман, валивший из пробитой стены, словно река, прорвавшая плотину, быстро заполнял туннель и станцию метро. Однако в самой гробнице он уже опустился ниже уровня глаз, давая возможность видеть верхнюю часть помещения. По описанию Норы Смитбек тотчас узнал погребальную камеру. Во всех четырех углах с ослепительной, болезненной яркостью вспыхивали стробоскопы, и это зрелище сопровождалось чудовищным гулом, на который накладывался бьющий по нервам пронзительно высокий пульсирующий звук.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – спросил подошедший сзади д’Агоста.

Ничего не ответив, Пендергаст двинулся дальше, обеими руками отгоняя завитки тумана. Подойдя к возвышающемуся в центре погребальной камеры саркофагу, специальный агент остановился, посмотрел вверх и прицелился. Раздался выстрел, следом за ним звон разбитого стекла, и вниз посыпался каскад искр. Пендергаст поменял положение и снова выстрелил – и так до тех пор, пока не уничтожил все стробоскопы. Однако через дверной проем были видны яркие вспышки в соседнем помещении, да и источник звука остался неповрежденным.

Они направились дальше. Смитбек вдруг почувствовал холод в желудке: туман немного рассеялся, и он увидел на полу множество слабо шевелящихся человеческих тел. Сам пол был скользким от крови.

– О нет! – Смитбек с ужасом посмотрел на лежавших людей. – Нора!

Но было бы странно что-то услышать сквозь плотную стену звука, пронизывавшего, казалось, все его тело. Смитбек сделал еще несколько шагов, отчаянно размахивая руками, чтобы отогнать туман. Очередной выстрел из револьвера Пендергаста – и послышался глухой треск, потом возникла электрическая дуга, и на пол посыпались части аудиосистемы. Однако оглушительный пульсирующий звук и не думал стихать.

Смитбек заметил свисавшие со стены провода и изо всех сил дернул за них, но ничего не произошло.

Навстречу им, спотыкаясь как пьяный, шел полицейский в штатском. Лицо его было залито кровью, изорванная рубашка свисала клочьями. Полицейский жетон хлопал его по ремню в такт шагам, а табельный пистолет казался нелепым продолжением безвольно болтавшейся руки.

Хейворд нахмурилась.

– Роджерсон! – окликнула она полицейского.

Тот на мгновение задержал на ней взгляд, но тут же повернулся к ним спиной и побрел прочь. Хейворд догнала его и отобрала пистолет, но он, казалось, даже ничего не заметил.

– Господи Иисусе! Что же здесь произошло?! – воскликнул д’Агоста, глядя на разбросанную по полу одежду и обувь, на пятна крови и раненых гостей шоу.

– Нет времени объяснять, – бросил Пендергаст. – Капитан Хейворд, вы с лейтенантом д’Агостой пойдете ко входу в гробницу. Наверняка большинство людей собрались там. Проводите их сюда и помогите выбраться через проем в стене. Но будьте осторожны: у многих из них под воздействием светозвукового шоу произошло расстройство сознания и они могут быть агрессивны. Постарайтесь не допустить паники. – Потом он повернулся к Смитбеку. – А нам нужно найти генератор.

– К черту генератор! Я буду искать Нору!

– Вы не сможете никого найти, пока мы не остановим это адское шоу!

Смитбек замедлил шаг.

– Но я…

– Поверьте мне. Я знаю, что говорю.

Поколебавшись, Смитбек неохотно кивнул.

Пендергаст достал из кармана еще один электрический фонарик, протянул ему, и они вместе направились туда, где туман был еще достаточно густым. Увиденное напоминало последствия настоящего побоища: на усыпанном черепками мраморном полу повсюду лежали и стонали окровавленные люди. По пути они заметили несколько неподвижных тел, распростертых в неестественных позах, – вероятно, эти несчастные были растоптаны толпой. Смитбек судорожно сглотнул и постарался унять сильно бьющееся сердце.

Пендергаст направил луч фонарика на потолок, осветив продолговатую лепнину. Тщательно прицелился, выстрелил, и упавший вниз кусок гипса обнажил задымившийся и извергающий искры кабель.

– Они не могли спрятать кабель внутри стены гробницы, – пояснил Пендергаст, – поэтому нужно искать такие вот фальшивые украшения. – И он медленно повел лучом фонарика по лепнине, искусно заштукатуренной и покрашенной для придания ей сходства с камнем. Она тянулась до угла комнаты, где соединялась с другой, которая, в свою очередь, простиралась за дверной проем в соседнее помещение.

Журналист и специальный агент ФБР перешагнули через лежавшие перед дверью тела и вошли в следующую камеру гробницы. Смитбек поморщился при виде ослепительно сверкающих стробоскопов, а Пендергаст тотчас вырубил их четырьмя точными выстрелами.

Когда эхо последнего выстрела стихло в темноте, из поредевшего тумана появился человек. Он шел, с трудом переставляя ноги и согнувшись, словно под огромной тяжестью. Губы его быстро шевелились, но из-за оглушительного грохота слов слышно не было.

– Берегитесь! – крикнул Смитбек, заметив, что человек вдруг сделал рывок в сторону специального агента.

Пендергаст быстро отступил, а нападавший, не удержавшись на ногах, тяжело упал на пол, перекатился на бок и остался лежать, не имея сил подняться.

Они прошли в третью комнату, направляемые лучом фонарика, которым Пендергаст освещал гипсовую лепнину. Как оказалось, все кабели сходились в фальшивой полупилястре на стене Зала колесниц, под которой стоял большой, покрытый затейливой резьбой позолоченный сундук эпохи Двадцатой династии. Сундук был заключен в стеклянную витрину, которая осталась цела, несмотря на произошедший здесь недавно погром.

– Вот он! – крикнул Пендергаст и, подняв с пола обломок колеса, швырнул его в стекло, потом отступил на шаг и выстрелил в древний бронзовый замок, запиравший сундук. Сунув револьвер в кобуру, специальный агент отбросил в сторону осколки стекла вместе с замком и поднял тяжелую крышку – внутри сундука гудел и вибрировал мощный генератор. Пендергаст достал из кармана нож и перерезал провода. Генератор несколько раз кашлянул и замолк, в гробнице воцарилась тишина.

Но эта тишина не была полной. Теперь Смитбек слышал какофонию криков и воплей, доносившихся со стороны входа, – это была настоящая массовая истерия. Он выпрямился и направил в темноту луч фонарика.

– Нора! – громко крикнул он. – Нора!

Неожиданно в одной из ниш луч высветил полускрытую фигуру человека в белом смокинге. Смитбек с изумлением увидел, что на лице мужчины черная полумаска, а уши прикрыты наушниками. В руке он держал нечто, напоминающее пульт дистанционного управления. Человек в белом стоял абсолютно неподвижно, и Смитбек уже почти решил, что это очередное голографическое изображение, как вдруг тот поднес руку к лицу и сорвал маску.

Пендергаст тоже заметил странную фигуру, и она произвела на него потрясающее впечатление. Он дернулся словно от удара и застыл. Его лицо, обычно бледное, стало пунцовым. Смитбек мог бы поклясться, что реакция человека в смокинге была еще более сильной. Тот инстинктивно пригнулся и весь сжался, словно зверь перед прыжком, но потом, очевидно взяв себя в руки, выпрямился.

– Ты! – сказал он и тут же замолчал. Затем длинной тонкой рукой снял наушники, вытащил из ушей затычки и демонстративно швырнул их себе под ноги.

Смитбек изумился еще больше: перед ним стоял Хьюго Мензис, босс Норы. Только вот выглядел он необычно: дрожал словно в ознобе, глаза горели красноватым огнем. Лицо его было почти таким же красным, как у Пендергаста, – вне всякого сомнения, он пребывал в ярости.

Специальный агент потянулся было к револьверу, но, не донеся руку до кобуры, замер словно парализованный.

– Диоген… – произнес он сдавленным голосом.

Одновременно Смитбек услышал свое собственное имя и, обернувшись, увидел Нору, бредущую из дальнего угла зала под руку с Виолой Маскелин. Пендергаст оглянулся и тоже увидел женщин.

В следующее мгновение Мензис с невероятной скоростью метнулся в сторону и исчез в темноте. Пендергаст сделал непроизвольное движение, словно собираясь броситься в погоню, но потом повернулся к Виоле, явно не зная, как поступить.

Смитбек поспешил к женщинам, Пендергаст кинулся следом и через секунду держал Виолу в объятиях.

– О Господи! – прошептала она, чуть не плача. – О Господи, Алоиз!..

Но Смитбек уже ничего не слышал: он обнимал Нору, одной рукой гладя ее по перепачканному кровью лицу.

– Как ты? – спросил он.

Нора поморщилась:

– Очень болит голова. Есть еще несколько царапин. Это был такой ужас!

– Мы выведем вас отсюда. – Смитбек повернулся к Пендергасту.

Тот продолжал прижимать к себе Виолу, но взгляд его был устремлен туда, где скрылся Хьюго Мензис.

Со стороны погребальной камеры донесся звук шагов, темноту прорезали лучи фонариков, и в Зал колесниц с озадаченным видом вошли около десятка полицейских с оружием на изготовку.

– Что здесь происходит, черт побери? – спросил старший из них, лейтенант. – Что это за место?

– Вы находитесь в гробнице Сенефа, – ответил Пендергаст.

– А что это был за взрыв?

– Он был вызван необходимостью проникнуть в гробницу, лейтенант, – сказала Хейворд, подходя и показывая свой жетон. – А теперь слушайте внимательно. Здесь имеются раненые. А у входа в гробницу их еще больше. Нам понадобится несколько экипажей «Скорой помощи», мобильные пункты первой помощи. Вы все поняли? Лейтенант д'Агоста находится в передней части гробницы и готов провести людей к выходу. Ему нужна помощь.

– Понятно, капитан. – Лейтенант повернулся к своим офицерам и начал отрывисто раздавать приказания.

Несколько полицейских спрятали пистолеты и направились в глубь гробницы, по стенам и полу заплясали пятна света. Вдали послышался шум приближающейся толпы – стоны, плач и кашель, время от времени прерываемые гневными нечленораздельными выкриками. Смитбек подумал, что все это здорово смахивает на передвижной сумасшедший дом.

Пендергаст уже вел Виолу к выходу. Смитбек, обняв Нору, последовал за ними к пролому в углу погребальной камеры, и через несколько мгновений все четверо оказались за пределами гробницы, в ярко освещенном помещении станции метро. По платформе уже бежали санитары с раскладными носилками.

– Мы доставим их наверх, джентльмены, – подойдя, сказал один из них, в то время как остальные промчались мимо и скрылись в гробнице.

Через несколько секунд Нора с Виолой были уложены на носилки, и санитары понесли их вверх по лестнице. Пендергаст возглавлял шествие. Краснота уже сошла с его лица, и оно стало пепельно-серым и

абсолютно непроницаемым. Смитбек шел рядом с женой. Нора улыбнулась и взяла его за руку.

– Я знала, что ты придешь, – прошептала она.

Глава 67

– Мы подаем завтрак начиная с шести утра, сэр, – сказал проводник, обращаясь к красивому, хорошо одетому джентльмену, занимающему отдельное купе.

– Я предпочел бы позавтракать здесь. Заранее вас благодарю.

Проводник посмотрел на двадцатидолларовую купюру, вложенную в его руку.

– Хорошо, сэр, никаких проблем. Могу я сделать для вас что-нибудь еще?

– Да. Принесите охлажденный стакан, немного льда, бутылку холодной минеральной воды и сахар.

– С удовольствием, сэр; вы все получите через минуту. – С этими словами проводник, улыбаясь и кланяясь, вышел из купе и с почти благоговейной осторожностью закрыл дверь.

Диоген видел, как маленький человечек скрылся в коридоре, слышал его удаляющиеся шаги и стук тяжелой двери в конце вагона. Он слышал еще мириады других звуков – звуков Пенн-стейшен, смешавшихся в один сплошной гул, но в голове Диогена звучавших изолированно: приближающиеся и удаляющиеся голоса, монотонные объявления службы информации.

Он отвернулся к окну и от нечего делать стал смотреть на платформу. Открывшаяся перед ним картина состояла из зеленых и серых тонов. Дородный кондуктор что-то терпеливо объяснял молодой женщине с грудным ребенком на руках. Вот мимо окна трусцой пробежал человек, спеша на последний экспресс до Дувра, который должен был отправиться с соседнего пути. Потом подошла худенькая старушка, остановилась, посмотрела сначала на билет, потом на номер вагона и медленно побрела дальше.

Диоген видел всех этих людей, но не обращал на них внимания. Для него они были частью пейзажа, возможностью отвлечься от гнетущих мыслей.

После первых мгновений изумления, отчаяния и слепой ярости он сумел заставить себя не думать о том, что план его провалился. С учетом всех обстоятельств ему еще, можно сказать, повезло. Он всегда готовил несколько путей отступления, и на этот раз выбрал самый лучший.

После бегства из музея прошло всего полчаса, а он уже сидит в ночном пассажирском поезде «Озеро Шамплейн» железнодорожной компании «Армтрек», следующем до Монреаля. Это был идеальный поезд для осуществления его плана: он делал тридцатиминутную остановку в Колд-Спринг, на реке Гудзон, где электрический локомотив меняли на дизельный и пассажиры имели возможность как следует размяться.

Диоген собирался потратить это время на то, чтобы нанести прощальный визит Марго Грин.

Шприц уже был наполнен лекарством и заботливо уложен в перевязанную лентой коробочку в красивой подарочной упаковке, которая находилась в чемодане вместе с другими ценными вещами – блокнотом с газетными вырезками и аптечкой с галлюциногенами и опиоидами. Еще кое-какие безделушки, которые никто ни при каких обстоятельствах не должен был увидеть – тех же, кто нарушал это правило, ожидала неминуемая смерть, – были надежно спрятаны в потайном отделении. В небольшом шкафу возле двери имелось достаточно одежды и разных мелочей, чтобы полностью изменить облик и, когда придет время, вернуться домой. В кармане лежали паспорт и другие документы.

Единственная проблема заключалась в том, как заставить себя поменьше думать о постигшей его неудаче. И Диоген постарался переключить мысли на Марго Грин.

Тщательно готовя светозвуковое шоу, он позволил себе единственную прихоть. И этой прихотью была Марго Грин. Она единственная уцелела после первого этапа реализации плана. Он знал, что Марго никуда от него не денется, и мог позволить себе играть с ней, как кот с мышью: ведь на это тратилось очень мало времени и усилий, да и риска почти никакого.

Она притягивала его больше, чем все остальные – Смитбек, Нора Келли, Винсент д’Агоста или Лаура Хейворд. Он не знал точной причины этого, но полагал, что все дело в ее прочной связи с музеем, в том, что она была одной из этих скучных, ограниченных, наивных, закостеневших ублюдков, считавших себя учеными. Ему пришлось провести среди них слишком много времени, выдавая себя за Хьюго Мензиса. Настолько много, что даже не хотелось об этом думать. Это было настоящей пыткой. От всех остальных он планировал избавиться с помощью светозвукового шоу и потерпел неудачу. Но с ней этого не произойдет.

Ему нравилось навещать Марго и видеть беспомощное состояние, которое он старательно продлевал, удерживая ее на грани жизни и смерти и упиваясь горем ее несчастной матери. Чужие страдания были тем источником, из которого он черпал силы; они поддерживали в нем

желание жить, хотя жизнь Диогена мало чем отличалась от смерти – ведь душа его уже давно умерла.

В дверь постучали.

– Войдите, – произнес Диоген.

Вошедший проводник поставил на стол портативный бар и спросил:

– Что-нибудь еще, сэр?

– Не сейчас. Постель можете постелить через час.

– Хорошо, сэр, заодно я приму ваш заказ на завтрак. – Проводник почтительно поклонился и вышел.

Минуту Диоген сидел неподвижно, глядя в окно, потом медленно достал из нагрудного кармана серебряную флягу. Отвинтив крышку, налил немного ярко-зеленой жидкости – самому ему она казалась серой – в стакан, которых достал из бара. Затем открыл кожаный чемодан и достал из него серебряную ложку с фамильным гербом Пендергастов на ручке, немного оплавленной с одной стороны. С величайшей осторожностью он положил ложку так, что она удерживалась на краях стакана, и пристроил сверху кусочек сахара. Потом, взяв охлажденную воду, стал лить ее на белый кубик каплю за каплей. Вода переливалась через край ложки и сладким водопадом стекала в стакан. Абсент вначале приобрел молочно-зеленый, а потом очень красивый – Диоген наверняка оценил бы его, если бы мог различать цвета, – жемчужно-нефритовый оттенок. Все это было проделано без малейшей спешки.

Он осторожно отложил ложку и поднес напиток к губам, ощутив слегка горьковатый вкус. Закрутив крышку, убрал фляжку в карман. Это был единственный современный абсент с тем же содержанием эссенции полыни, что и в старинных сортах, и он заслуживал того, чтобы пить его, соблюдая традицию.

Он снова пригубил благородный напиток и откинулся на спинку дивана. Что там сказал об абсенте Оскар Уайльд? «Вначале он ничем не отличается от любого другого спиртного напитка. Потом наступает вторая стадия – когда вы начинаете видеть только чудовищную и жестокую сторону жизни. Но если вы проявите упорство и достигнете третьей, то увидите только то, что захотите, – удивительные, восхитительные вещи».

Странно, что Диогену, сколько бы он ни пил, так и не удалось продвинуться дальше второй стадии – правда, он не очень-то об этом жалел.

Из небольшого расположенного под потолком динамика послышался голос кондуктора: «Леди и джентльмены! Я рад приветствовать пассажиров нашего поезда «Озеро Шамплейн». Поезд следует до Монреаля с остановками в Йонкерсе, Колд-Спринг, Поукипси, Олбани, Саратога-Спрингс, Плэтсбурге и Сент-Ламберте. Провожающие, пожалуйста, покиньте вагоны…»

Диоген едва заметно улыбнулся. «Озеро Шамплейн» был одним из двух приличных пассажирских поездов, оставшихся у компании «Армтрек», и он устроил себе роскошный номер, заняв два купе первого класса и попросив оставить дверь между ними открытой. Политики совершили преступление, разорив и почти уничтожив американскую систему пассажирских железнодорожных перевозок, когда-то вызывавшую зависть у всего мира. Но и это можно было считать временным неудобством: скоро он вернется в Европу, где люди знают, что такое путешествовать с комфортом.

По перрону просеменила полная женщина, за ней рысил нагруженный чемоданами носильщик. Диоген поднял стакан и осторожно всколыхнул жемчужно-зеленую жидкость. Он знал, что через минуту поезд тронется, и впервые – осторожно, словно приближаясь к опасному хищнику, – позволил себе вернуться мыслями к тому, что случилось.

Думать об этом было страшно. Пятнадцать лет тщательной подготовки, жизнь под чужим именем, хитроумные планы и изощренные интриги – и все впустую. Сколько сил он вложил в один только образ Мензиса! Не так-то просто было создать легенду, освоить профессию антрополога и получить место в музее. А многолетняя работа, посещение скучнейших собраний и необходимость выслушивать глупые замечания кураторов и хранителей доводила его до бешенства. Кульминацией стало блестящее научное исследование, посвященное влиянию на человеческую психику света и звука. Оказалось, этих двух факторов достаточно, чтобы превратить обычных людей в смертельно опасных психопатов. Лазерные лучи способны разрушить мозговые центры торможения, повредив кору головного мозга и мозжечковую миндалину, и пробудить в человеке первобытные инстинкты. Далее последовала кропотливая работа по созданию собственного светозвукового шоу и встраивание особой мультимедийной программы в вариант, над которым трудились все остальные, тестирование ее на одном из программистов и этом осле Уичерли…

Все шло как нельзя лучше. А слухи о тяготеющем над гробницей проклятии, которые он использовал весьма ловко, лишь добавили изысканности его замыслу и психологически подготовили людей к чудовищному представлению. Его план должен был сработать. И он фактически сработал. Диоген не учел лишь одну деталь, которой никак

не мог предусмотреть. Он не мог предположить, что его брат совершит побег из Херкмора. Интересно, как ему это удалось? Как бы то ни было, Алоиз появился как раз вовремя, чтобы опять все испортить.

Как это на него похоже! Алоиз, будучи менее одаренным из них двоих, всегда с особым мрачным удовольствием разрушал все, что он с такой любовью создавал. Алоиз, который, поняв, что в интеллектуальном плане всегда будет уступать младшему брату, подверг его ужасному испытанию...

Рука Диогена, сжимавшая стакан, задрожала, и он запретил себе об этом думать. Ничего, он сделает своему брату еще один подарок – подарок, который наверняка утешит его и избавит от угрызений совести: смерть Марго Грин.

Послышалось громкое шипение, и кондуктор объявил об отправлении поезда. Лязгнули колеса, состав пополз вдоль платформы. Для Диогена начался обратный путь – через Колд-Спринг в Канаду, а оттуда в Европу и домой.

Дом. Одна мысль о собственной библиотеке, где хранились бесценные сокровища и все было подчинено единственной цели – созданию для него абсолютного комфорта, помогла ему вернуть хладнокровие. Здесь он в течение долгих лет обдумывал свое идеальное преступление. Здесь он сможет начать все сначала. Он еще относительно молод, у него впереди много времени – более чем достаточно, чтобы разработать новый план, который будет еще лучше прежнего.

Он сделал большой глоток абсента. Из-за шока и охватившей его затем ярости он забыл одну вещь. Он все же сумел исполнить задуманное – хотя бы отчасти. Он причинил боль своему брату. Алоиз публично унижен, обвинен в убийстве своих друзей и отправлен в тюрьму. Да, сейчас он находится на свободе, но все равно остается преступником, а побег из тюрьмы лишь усугубляет его положение. Он никогда не сможет расслабиться, вздохнуть спокойно, на него всегда будет идти охота. А для такого человека, как он, тюрьма означает одно – смерть.

Да, ему многое удалось. Он нанес своему брату удар в самое уязвимое, самое больное место. Пока Алоиз томился в тюрьме, он соблазнил его воспитанницу. Какое же это было удовольствие! Удивительно – затянувшееся на сто лет детство, и при этом такая свежесть, невинность и наивность... Каждая нить паутины, которую он плел, каждое слово лжи, которое он произносил, доставляли ему ни с чем не сравнимое наслаждение. Особенно эти длинные рассуждения о цвете. Сейчас она, должно быть, уже мертва и плавает в луже собственной крови. Что бы там ни говорили, а убийство – это одно, а самоубийство, настоящее самоубийство, – совсем другое, потому что ранит гораздо сильнее.

Диоген поднес стакан к губам и посмотрел на проплывающий за окном перрон. Он приближался ко второй стадии опьянения, описанной Оскаром Уайльдом, и начал размышлять о чудовищно жестоких вещах. Особенно ему нравился один образ, и он хотел как можно дольше сохранить его в своем воображении: он представлял себе Алоиза, стоящего у трупа Констанс и читающего его письмо. Эта мысленная картина давала бы ему силы, поддерживала бы его, пока он вновь не окажется дома...

Неожиданно Диоген услыхал стук и, повернувшись, увидел, что дверь в купе открылась. Он сунул руку в карман, чтобы вытащить билет, но в дверном проеме стоял не кондуктор, а худенькая старушка, которую он видел несколько минут назад семенящей по платформе.

Диоген нахмурился.

– Это купе занято, – холодно произнес он.

Однако старая дама, словно не слыша его, сделала шаг вперед. И он моментально ощутил тревогу. Хотя ничего подозрительного, казалось бы, не произошло, шестое чувство тут же предупредило его об опасности. А когда женщина открыла сумочку и сунула в нее руку, он понял, в чем дело: незнакомка вовсе не походила на беспомощную пожилую леди – ее движения были гибкими и быстрыми и подчинялись вполне конкретной цели.

Не успел он пошевелиться, как в руке женщины появился револьвер.

Диоген застыл. Револьвер был старинный, настоящий реликт – грязный, кое-где покрытый ржавчиной. Против собственной воли Диоген скользнул взглядом по фигуре женщины, остановился на ее лице – и тут же узнал эти бездонные глаза, которые без всякого выражения смотрели на него из-под парика. Да, он узнал их.

Дуло револьвера приблизилось, и Диоген вскочил, облив абсентом рубашку. Женщина нажала на спусковой крючок.

Однако выстрела не последовало. Диоген выпрямился, сердце его бешено колотилось. Он понял, что ей никогда в жизни не доводилось стрелять – она не умела правильно целиться и даже забыла снять револьвер с предохранителя. Он бросился к ней, но в тот же миг послышался щелчок, и купе сотряс оглушительный выстрел. В последнюю секунду он успел пригнуться, и пуля вошла в стену.

Он с трудом поднялся на ноги. В облаке пыли и дыма женщина напоминала привидение. Она сделала еще один шаг вперед и снова прицелилась – с удивительным, ужасающим спокойствием.

Диоген бросился к двери в соседнее купе и обнаружил, что проводник не успел ее отпереть.

Раздался следующий выстрел, и крошки гипса взлетели в воздух в каком-то дюйме от его головы. Диоген повернулся спиной к окну и посмотрел на женщину. Возможно, он успеет добежать до двери и оттолкнуть ее… Но она уже поднимала револьвер и прицеливалась – с нарочитой неторопливостью, сводившей его с ума.

Диоген отпрыгнул в сторону, и третья пуля пробила окно, перед которым он только что стоял. Когда отзвуки выстрела стихли, он вновь услышал лязг колес, а через секунду в коридоре раздались громкие возгласы и крики. За окном мелькнул конец платформы. Даже если ему удастся сбить ее с ног или вырвать у нее оружие, все будет кончено. Его поймают и разоблачат.

В следующее мгновение Диоген повернулся к окну, нырнул в разбитое стекло и тяжело покатился по бетонной платформе, поднимая облако пыли, перемешанной с осколками. Наконец он поднялся на ноги, с гулко ухающим сердцем, едва понимая, что произошло, и успел заметить хвост поезда, который тут же исчез в темной пасти туннеля.

Он продолжал стоять оглушенный, испытывая шок, ярость, страх, но прежде всего – изумление. Он вспоминал ужасающее спокойствие, с которым Констанс наводила на него ствол револьвера. В тот миг ее странные глаза были лишены всякого выражения. В них не было никаких эмоций… Ничего, кроме твердой решимости довести дело до конца.

Глава 68

Внимательный наблюдатель наверняка не пропустил бы элегантно одетого джентльмена, проходящего досмотр в терминале E бостонского аэропорта Логан. Он отметил бы, что ему за шестьдесят, у него темные волосы, начинающие седеть на висках, и аккуратно подстриженная бородка с густой проседью. Одет пожилой господин был в голубой блейзер и белую рубашку с распахнутым воротом, из нагрудного кармана выглядывал алый шелковый носовой платок. У него были ярко-голубые глаза и открытое, веселое, румяное скуластое лицо. На руке висело черное кашемировое пальто, которое он положил на ленту транспортера вместе с часами и туфлями.

Пройдя досмотр, джентльмен быстро направился по коридору и остановился у книжного магазина возле выхода номер семь. Войдя внутрь, подошел к полкам с триллерами и обрадовался, увидев новую книгу Джеймса Роллинза. Взял книгу, прихватил еще свежий номер «Нью-Йорк таймс» и, подойдя к кассирше, приветливо поздоровался. Судя по акценту, джентльмен был уроженцем Австралии.

Выйдя из книжного магазина, австралийский гость уселся в кресло возле выхода и развернул газету. Он просматривал международные новости и материалы о событиях внутри страны, переворачивая страницы быстрыми, точными движениями. В разделе, посвященном событиям в Нью-Йорке, его внимание привлекла заметка под заголовком «Выстрелы в поезде компании «Армтрек»».

Пожилой джентльмен быстро пробежал ее глазами, не упустив ни одной детали. Мужчина подвергся нападению в поезде «Озеро Шамплейн», отходившем от вокзала Пенн-стейшен. Свидетели сообщили, что стреляла пожилая женщина, а несостоявшаяся жертва выпрыгнула в окно и скрылась в туннеле. Тщательные поиски не принесли результатов: ни личность нападавшей, ни орудие нападения установить не удалось. Ведется полицейское расследование.

Он перевернул страницу и углубился в чтение редакционной статьи. Время от времени лицо его хмурилось: очевидно, он не соглашался с тем или иным замечанием.

Внимательный наблюдатель – а таковой, несомненно, имелся в этом зале – решил бы, что богатый австралиец просто читает газету в ожидании своего рейса. Однако приятное и несколько рассеянное выражение на лице пожилого джентльмена было не более чем маской. Внутри же у него все кипело от бессильной ярости, смешанной с досадой на самого себя. Весь его мир был перевернут вверх ногами, все тщательно продуманные планы расстроены. У него ничего не получилось: шоу «Дорога в ад» провалилось, Констанс Грин все еще жива.

Улыбнувшись, он раскрыл спортивный раздел.

Выходит, Констанс не покончила с собой. Как же он мог так просчитаться? Она должна была совершить самоубийство: на это указывало все, что он знал о человеческой природе. Она была уродом, к тому же психически неустойчивым. Разве не она несколько десятилетий ходила с завязанными глазами по краю пропасти безумия? А он дал ей толчок – причем весьма ощутимый. Почему она не упала? Он отнял у нее все, на что она опиралась в жизни, лишил ее малейшей поддержки, разрушил все, во что она верила. Он отравил ее существование нигилизмом.

С грубой поспешностью сорвал цветы юности,

Легко овладев ею, хрупкой и нежной.[10]

Всю свою долгую, лишенную событий, проведенную в затворничестве жизнь Констанс плыла по течению, не зная, в чем смысл ее существования. И Диоген вдруг с горечью осознал, что дал ей то, чего не

смог дать никто другой, – цель, ради которой стоило жить. Она поняла, в чем ее предназначение. В том, чтобы убить его.

В другой ситуации это нисколько бы его не обеспокоило. Те, кто хотел помешать ему – а такие люди, несомненно, были, – не успели предпринять вторую попытку. Они смыли свои грехи собственной кровью. Но Констанс была другой. Он никак не мог понять, как она вычислила, что искать его следует в поезде. А может, она шла за ним по пятам от самого музея? И он до сих пор со страхом вспоминал, с каким самообладанием, с каким потрясающим спокойствием она в него стреляла. Она вынудила его выпрыгнуть в окно, трусливо бежать, оставив в купе чемодан с драгоценным содержимым.

К счастью, его паспорта, бумажник и кредитки лежали в кармане. Полиция, конечно, выяснит, что чемодан и другой багаж принадлежат Мензису, но не сможет установить имя, под которым он продолжил путешествие. А это имя было мистер Джералд Боском, проживающий в Сиднее, в районе Саут-Пенрит. Теперь же пора прогнать все посторонние мысли, все сомнения и воспоминания и составить план дальнейших действий. Он закрыл спортивный раздел и открыл раздел, посвященный бизнесу.

Не мысли о добре и зле – слепая ярость

Владеет существом ее, взывая к мести.[11]

Опознать его способна только Констанс Грин. И она представляет для него реальную опасность. Пока она будет его преследовать, он не сможет укрыться в своем убежище и собраться с силами. Но еще не все потеряно. В этот раз он потерпел поражение, по крайней мере частичное, но у него впереди долгая жизнь, он еще успеет придумать новый план и осуществить его. Второй неудачи не будет.

Но пока она жива, он не сможет чувствовать себя в безопасности. Констанс Грин должна умереть.

Мистер Джералд Боском раскрыл новый роман и углубился в чтение.

Ее убийство необходимо тщательно продумать.

Его мысли обратились к бизонам, обитающим на мысе Доброй Надежды, – самым опасным животным, на которых охотится человек. Загнанный бизон, используя особую стратегию, способен из дичи превратиться в охотника.

Он продолжал читать, а в голове его постепенно оформлялся план. Он тщательно обдумал все варианты, отверг их один за другим и, наконец, – на шестой главе – нашел прекрасное, как ему показалось, решение. Его

план обязательно сработает, он обратит ненависть к нему Констанс против нее самой.

Положив в книгу закладку, он закрыл ее и сунул под мышку. В соответствии с первой частью плана он должен себя обнаружить – чтобы понять, удалось ли ей проследовать за ним сюда. Он больше не может полагаться на случай, не может довольствоваться догадками. Он должен знать наверняка.

Он поднялся, повесил пальто на согнутую в локте руку и зашагал по терминалу, вроде бы небрежно поглядывая по сторонам, а на самом деле внимательно всматриваясь в лица пассажиров, которые входили в зал и выходили из него, спеша по своим ничтожным делам, образуя серые волны – целые наслоения серого цвета, серую бесконечность. Когда он проходил мимо книжного магазина, его взгляд задержался на небрежно одетой женщине, покупавшей номер «Вог»: на ней была белая блузка и коричневая шерстяная юбка с африканским орнаментом, шея обмотана дешевым шарфом. Темные немытые волосы небрежно падали на плечи. В руках у женщины был маленький черный кожаный рюкзак.

Диоген медленно прошел мимо входа в книжный магазин и завернул в расположенный по соседству «Старбакс». Он был потрясен тем, что Констанс даже не попыталась изменить свою внешность. Как и тем, что она все-таки сумела его выследить.

Или она за ним не следила? Нет, конечно, следила. Иначе она должна как минимум обладать телепатическими способностями.

Диоген взял маленькую чашку натурального зеленого чая и круассан и пошел за столик, стараясь больше не смотреть на женщину. Он мог бы убить ее прямо здесь – это не составляло никакого труда, – но как потом миновать многочисленные посты безопасности? Интересно, она дорожила собственной жизнью настолько, чтобы предпринять соответствующие меры предосторожности, или поставила ее на службу единственной цели – покончить с ним?

У него не было ответа на этот вопрос.

Джералд Босском допил чай, доел круассан, отряхнул крошки с кончиков пальцев и вернулся к чтению недавно приобретенного триллера. Через несколько минут объявили посадку в салон первого класса. Протягивая служащей билет, он огляделся по сторонам, но женщина исчезла.

– Добрый день! – весело произнес он, забирая корешок билета, и стал подниматься по трапу самолета.

Глава 69

Винсент д’Агоста открыл дверь библиотеки в доме, расположенном по адресу: Риверсайд-драйв, 891, и остановился на пороге. В камине горел огонь, электрическое освещение было включено, а сама комната представляла собой средоточие кипучей деятельности. Стулья были придвинуты к шкафам с книгами, центр помещения занимал огромный стол, заваленный бумагами, возле которого стоял Проктор, разговаривавший по радиотелефону. Рен, еще более всклокоченный, чем обычно, склонился над письменным столом в углу. Этот маленький человечек стал как будто еще меньше ростом и казался настоящим стариком.

– Входите, Винсент, – окликнул д’Агосту Пендергаст и коротко махнул рукой.

Д’Агоста подчинился, пораженный видом специального агента: он впервые видел Пендергаста небритым, в расстегнутом пиджаке.

– Я принес подробный отчет об этом происшествии. – Д’Агоста помахал конвертом из плотной коричневой бумаги и швырнул его на стол. – Скажите спасибо капитану Хейворд.

– Рассказывайте.

– Свидетели утверждают, что стреляла пожилая женщина. Она купила билет первого класса до Йонкерса, заплатила наличными. Назвалась именем Джейн Смит. – Тут д’Агоста фыркнул. – Когда поезд отъезжал от Пенн-стейшен и еще находился под землей, она вошла в купе первого класса, которое занимал пассажир по имени Юджин Хофстейдер, вынула пистолет и выстрелила три раза. Из стены были извлечены две пули сорок четвертого калибра, третья найдена на железнодорожном полотне. Обратите внимание: это старинные пули, выпущенные из револьвера девятнадцатого века, скорее всего «кольта».

Пендергаст повернулся к Рену:

– Пожалуйста, проверьте, не пропал ли из нашей коллекции «кольт-писмейкер» или аналогичный револьвер и патроны к нему.

Ни слова не говоря, Рен поднялся и вышел из комнаты. Пендергаст снова повернулся к д’Агосте:

– Продолжайте.

– Пожилая женщина исчезла, хотя никто не видел, как она сходила с поезда, в котором сразу же после выстрела были перекрыты все выходы. Возможно, она изменила внешность, а потом избавилась от маскарада, но ни одежда, ни парик обнаружены не были.

– Мужчина оставил в купе какие-нибудь вещи?

– Еще бы! Чемодан и огромное количество одежды. Но ни бумаг, ни документов – ничего, что помогло бы установить его личность, – не оказалось. Даже этикетки с одежды были срезаны. Но в чемодане…

– Да?

– Чемодан доставили в комнату опроса свидетелей, и когда был получен ордер на обыск, вскрыли. Офицеру, открывшему чемодан и заглянувшему в него, пришлось давать успокоительное. Была вызвана команда экспертов, и содержимое чемодана увезли. Никто не знает, где оно теперь находится.

– Понятно.

– Думаю, это был Диоген, – продолжил д’Агоста с легким раздражением. Он был уязвлен тем, что, отправляя выполнять поручение, его не снабдили необходимой информацией.

– Совершенно верно.

– Тогда кто же та пожилая леди, которая в него стреляла?

Специальный агент указал на стол в центре комнаты:

– Вернувшись домой прошлой ночью, Проктор обнаружил, что Констанс исчезла, прихватив с собой кое-что из одежды. В ее комнате он нашел ее ручную белую мышку со свернутой шеей. А также это письмо и шкатулку из розового дерева.

Д’Агоста подошел к столу, взял письмо и начал читать.

– Господи Иисусе! Ну и дела!

– Откройте шкатулку.

Д’Агоста осторожно открыл маленькую старинную шкатулку. Внутри было пусто, но на бархатной обивке остался след от какого-то длинного узкого предмета. На выцветшем ярлычке значилось: «Компания по производству хирургических инструментов Швейцера».

– Скальпель? – спросил он.

– Да. Предназначавшийся для того, чтобы Констанс перерезала им себе вены. Но она, похоже, решила использовать его в других целях.

Д’Агоста кивнул.

– Кажется, я начинаю понимать. Эта пожилая женщина и была Констанс?

– Да.

– Надеюсь, она достигла своей цели.

– Мне страшно даже подумать о том, что они могли встретиться, – нахмурившись, ответил Пендергаст. – Я должен найти ее и остановить. Диоген готовил этот побег много лет, и у нас почти нет шансов напасть на его след… если только он сам не пожелает быть обнаруженным. Констанс же, напротив, даже не будет пытаться замести следы. Я должен найти ее… А она, если повезет, выведет нас на него. – Пендергаст подошел к лежавшему на столе раскрытому «ай-буку» и начал печатать. Через минуту он поднял голову и сообщил: – Сегодня в пять часов вечера Констанс вылетела из бостонского аэропорта Логан во Флоренцию. – Он обернулся. – Проктор, пожалуйста, соберите мои вещи и закажите один билет до Флоренции.

– Я полечу с вами, – тут же сказал д’Агоста.

Пендергаст внимательно посмотрел на него, лицо его было пепельно-серым.

– Вы можете проводить меня до аэропорта. Но полечу я один. Винсент, вам нужно готовиться к дисциплинарным слушаниям. А кроме того… это семейное дело.

– Я смогу вам помочь, – возразил д’Агоста. – Я ведь знаю, что нужен вам.

– Все, что вы говорите, – правда. Но все же я должен сделать это один. Я хочу сделать это один.

Он произнес эти слова холодным и решительным тоном, и д’Агоста понял, что спорить бесполезно.

Глава 70

Диоген Пендергаст – он же мистер Джералд Боском – прошел мимо палаццо Антинори и свернул на виа Торнабуони. Вдыхая сырой зимний воздух Флоренции, он ощутил горечь ностальгии. Сколько всего произошло с тех пор, как он был здесь в последний раз – всего-то несколько месяцев назад! Тогда он был полон надежд, строил планы, теперь же у него ничего не осталось – даже одежды и чемодана с бесценным содержимым, которые он оставил в поезде.

Он прошел мимо магазина «Макс Мара», с грустью вспомнив, что когда-то здесь размещалась прекрасная библиотека «Либрерия Сибер». Заглянул в «Пенеидер», чтобы купить письменные принадлежности, потом приобрел кое-какие мелочи в «Белтрами» и выбрал плащ и зонт в «Аллегри». Все покупки он попросил доставить в отель, оставив себе только зонт с плащом, за которые заплатил наличными. Потом он зашел в кафе «Прокаччи», устроился за маленьким столиком и заказал

трюфельный сандвич со стаканом верначчии. Задумчиво потягивая напиток, он через окно внимательно наблюдал за прохожими.

Fourmillante cite, cite pleine de rkves

Ощ le spectre en plein jour raccroche le passant.[12]

Небо набухло дождем, стемнело, и город как будто стал меньше. Возможно, он любил зимнюю Флоренцию именно за то, что она была монохромной: бледные здания, серые холмы с острыми шипами кипарисов, покрытая мелкой рябью тускло поблескивающая река и почти черные мосты.

Оставив на столе деньги, он вышел из кафе и медленно двинулся дальше. У бутика «Валентино» остановился перед витриной и осмотрел отражавшуюся в стекле противоположную сторону улицы. Потом вошел внутрь, купил пару костюмов – светлый шелковый и черный, в широкую полоску, с двубортным пиджаком, в котором был некий гангстерский шик тридцатых годов, – и тоже попросил доставить их в отель.

Выйдя на улицу, он направился к мрачному средневековому фасаду палаццо Феррони – величественного каменного замка с башенками и зубчатыми стенами, в котором теперь размещалась штаб-квартира империи «Феррагамо». Пересек небольшую площадь, миновал римскую колонну из серого мрамора и, прежде чем переступить порог здания, успел заметить небрежно одетую женщину с темными волосами, входящую в церковь Санта-Тринита. Это была она.

Удовлетворенный, он вошел в торговый зал «Феррагамо» и долго разглядывал полки с туфлями. Наконец выбрал две пары и завершил составление своего гардероба, купив носки, несколько сорочек и плавки. Как и прежде, он отправил все это в отель, а сам вышел на улицу, не имея в руках ничего, кроме плаща и сложенного зонта.

Потом он повернул к реке и на некоторое время задержался у лунгарно, любуясь безупречными линиями арок моста Понте-Санта-Тринита, возведенного по проекту Амманати, которые до сих пор ставили в тупик математиков всего мира. Его взгляд скользнул по скульптурным изображениям времен года, венчавшим оба конца моста.

Созерцание этих красот не принесло ему прежнего удовольствия. Ему теперь все казалось бесполезным и бессмысленным.

Река Арно, набухшая от зимних дождей, подрагивала внизу подобно змее, и он слышал, как вода с оглушительным грохотом падала вниз, проходя через пескайя в ста ярдах впереди. Он ощутил на щеке каплю дождя, потом еще одну. В толпе сразу же стали раскрываться черные зонты, которые вскоре покрыли мост подобно множеству черных фонарей...

e dietro le venia si lunga tratta

di gente, ch'i' non averei creduto

che morte tanta n'avesse disfatta.[13]

Он надел плащ, затянул пояс, раскрыл зонт и, испытывая странное удовольствие, влился в толпу людей. Сойдя с моста, постоял на набережной, глядя на реку и прислушиваясь к стуку дождя по ткани зонта. Он не видел ее, но знал, что она рядом, продолжает его преследовать, прячась в движущемся море зонтов.

Он повернулся и зашагал через маленькую площадь, расположенную за мостом, затем свернул направо, на виа Санто-Спирито, а потом сразу же налево и оказался на виа Борго-Теголайо. Здесь он остановился у витрины антикварного магазина, фасад которого выходил на виа Маджио. Витрина была заставлена позолоченными подсвечниками, серебряными солонками и темными натюрмортами.

Он стоял там, пока не убедился, что она его заметила: ее отражение на секунду мелькнуло в витрине. В руке она держала пакет с логотипом «Макс Мара» и ничем не отличалась от других безмозглых американских туристов, которые прилетали во Флоренцию, чтобы целыми толпами бессмысленно таскаться по магазинам.

Констанс Грин явилась именно туда, куда он ее привел.

Дождь стих. Он закрыл зонт, но остался стоять у витрины, с видимым интересом разглядывая выставленные в ней предметы. Он вновь увидел в стекле ее далекое, почти неразличимое отражение и стал ждать, когда она окунется в толпу и на мгновение потеряет его из виду.

Когда это наконец произошло, он бросился бежать. Он мчался по Борго-Теголайо, и полы плаща, раздуваясь, летели за ним. Потом он пересек улицу и нырнул в узкий переулок Сдруччиоло-де-Питти. Оставив его позади, свернул налево и побежал вниз по виа Тосканелла, пересек небольшой дворик и продолжил путь по виа делло Спроне, пока не совершил полный круг. После этого он вернулся на Борго-Теголайо, но на несколько ярдов ниже антикварного магазина, у которого топтался несколько минут назад. Остановившись перед пересечением с виа Санто-Спирито, отдышался.

Крысиная шкура, вороньи перья и перекрещенные посохи

Лежат в поле.[14]

Он постарался прогнать голоса, звучавшие у него в мозгу и не дававшие покоя, и сосредоточиться на стоявшей перед ним задаче. Не увидев его на улице, она решит – должна решить, – что он свернул направо, на виа

деи Коверелли – узкую улочку сразу за антикварным магазином. Она подумает, что он впереди, идет в противоположном направлении ей навстречу. Но он, подобно бизону с мыса Доброй Надежды, изменил их взаимное расположение и в это время будет находиться сзади.

Диоген хорошо знал виа деи Коверелли, одну из самых узких и темных улиц Флоренции. Средневековые здания нависали над ней с обеих сторон, загораживая небо, так что даже в солнечную погоду здесь царил полумрак. Огибая заднюю часть церкви Санто-Спирито, улочка дважды поворачивала на девяносто градусов, после чего соединялась с виа Санто-Спирито.

Диоген учел сообразительность Констанс и ее исследовательские способности. Он был уверен, что она досконально изучила карту Флоренции, отметив точки, где удобнее всего совершить нападение, и не сомневался, что Коверелли показалась ей идеальным местом для засады. Она наверняка решила, что, свернув на эту улицу, он предоставил ей отличный шанс. Все, что ей нужно сделать, это повернуть назад, выйти на Коверелли с другого конца и, спрятавшись за поворотом, дождаться появления Диогена. Человека, притаившегося в темном углу, с улицы заметить невозможно.

Все это Диоген тщательно продумал еще вчера, сидя в кресле самолета, направлявшегося в Италию.

Она не знала, что он заранее просчитал каждый ее шаг. Как не знала и того, что, выбрав это направление, подписала себе приговор. Теперь он будет следовать за ней по пятам: охотник и дичь поменялись местами.

Глава 71

«Роллс-ройс» мчался по верхнему ярусу Трайборо-бридж. Очертания Манхэттена, погруженного в предзакатную дрему, по мере продвижения на юг становились все выше. В четыре дня движение уже было затруднено, но Проктор стремительно перемещался в плотном потоке машин, не обращая внимания на раздраженные сигналы клаксонов.

Пендергаст расположился на заднем сиденье. Ему предстояло сыграть роль инвестиционного банкира, совершающего деловую поездку в Венецию. В кармане у него лежали соответствующие документы – об этом позаботился Глинн. Рядом с ним сидел хмурый д’Агоста.

– Не понимаю, – произнес он. – Не понимаю, почему Диоген назвал это «идеальным преступлением».

– А я понял, но слишком поздно, – с горечью ответил ему Пендергаст. – Я уже объяснял вам вчера, по дороге в музей. Диоген хотел заставить весь мир ощутить ту боль, которую испытал он сам. Он хотел… воссоздать Событие, разрушившее его жизнь. Вы помните, я говорил,

что он стал жертвой садистского устройства – «комнаты ужасов». Гробница Сенефа стала не чем иным, как ее копией. Но несоизмеримо большей по размерам.

«Роллс-ройс» притормозил у выезда на платную дорогу, потом помчался дальше.

– Так что же случилось в гробнице? Что произошло со всеми этими людьми?

– Не могу сказать абсолютно точно, но вы заметили у некоторых из них необычную шаркающую походку? Она напомнила мне нарушение, которое иногда случается у людей с заболеванием мозга. У них ухудшается координация движений, это проявляется и в том, что они не могут плавно опускать ноги на землю. И если вы попросите капитана Хейворд как следует осмотреть гробницу, уверен, она найдет там мощные лазеры, спрятанные за стробоскопами. Не говоря уже об аппаратах нагнетания тумана и усилителях, не предусмотренных первоначальным сценарием. Скорее всего Диоген использовал комбинированное воздействие лазера, стробоскопов и звука, способное повредить определенные участки мозга. Сочетание лазера и низких частот вызвало изменение в вентромедиальных участках коры головного мозга, контролирующих поведение. В результате люди лишились «тормозов» и стали остро реагировать на самые незначительные внешние раздражители.

– Трудно поверить, что свет и звук могли вызвать повреждения мозга.

– Любой невролог скажет, что сильный страх, боль, стресс или гнев способны разрушить клетки мозга, как и крайние формы посттравматического стресса. Диоген просто многократно усилил это воздействие.

– То есть все с самого начала было тщательно спланировано.

– Да. Не было никакого графа де Кахорса. Это Диоген перечислил деньги на восстановление гробницы. А легенда о древнем проклятии создала соответствующую атмосферу. Скорее всего он тайно установил оборудование для собственного шоу и ввел в компьютерную систему соответствующую программу. Он опробовал ее вначале на Джее Липпере, потом на египтологе Уичерли. И не забывайте, Винсент, его конечной целью были не только гости шоу: по национальному телевидению шла прямая трансляция. Могли пострадать миллионы человек.

– Невероятно!

Пендергаст опустил голову.

– Наоборот, вполне логично. Он поставил перед собой цель воссоздать ужасное, незабываемое Событие… вина за которое лежит на мне.

– Только не надо винить во всем себя.

Пендергаст взглянул на д’Агосту, и его серебристо-серые глаза потемнели. Он заговорил очень тихо, словно про себя:

– Это я сделал своего брата таким. И все эти годы находился в неведении. Я не только не искупил своей вины, но даже не попросил у него прощения. И это будет мучить меня всю оставшуюся жизнь.

– Прошу меня простить, но все это полное дерьмо. Я мало что знаю об этом, но уверен, что все случившееся с Диогеном было случайностью.

Пендергаст, словно не слыша, продолжал, и его голос стал еще тише:

– Смысл существования Диогена – я. А смысл моего существования, наверное, он.

«Роллс-ройс» проехал по территории аэропорта Кеннеди и остановился у восьмого терминала. Пендергаст вышел из автомобиля, д’Агоста последовал за ним.

Специальный агент взял чемодан и протянул руку лейтенанту.

– Винсент, желаю вам удачи на слушаниях, – сказал он. – Если я не вернусь, Проктор приведет мои дела в порядок.

Д’Агоста подавил тяжелый вздох.

– Если уж вы об этом заговорили, можно задать вам один вопрос?

– Да.

– Это очень… тяжелый вопрос.

Пендергаст немного помолчал.

– Ну так в чем дело?

– Вы наверняка знаете, что есть только один способ обезвредить Диогена.

Взгляд серебристо-серых глаз помрачнел.

– Вы ведь понимаете, что я имею в виду?

Пендергаст продолжал молчать, но лицо его стало таким холодным, что д’Агоста невольно отвел глаза.

– Если настанет момент, когда нужно будет принять решение и вы не сможете это сделать… он сможет. Поэтому я должен знать, сумеете ли вы… – Лейтенант не нашел в себе сил закончить фразу.

– Так о чем же вы хотели меня спросить, Винсент? – последовал холодный вопрос.

Д'Агоста посмотрел на него и ничего не ответил. Через мгновение Пендергаст повернулся и исчез в здании терминала.

Глава 72

Диоген Пендергаст обогнул угол виа делло Спроне и снова вышел на виа Санто-Спирито. Констанс Грин нигде не было видно – значит, как он и предполагал, она свернула на виа деи Коверелли и сейчас ожидала его, притаившись в засаде.

Чтобы убедиться в этом, он быстро прошел вниз по Санто-Спирито и остановился перед выходом на Коверелли, прижавшись к старинному фасаду какого-то полузабытого дворца. Выждав несколько секунд, он осторожно заглянул за угол.

Превосходно. Ее все еще не было видно – следовательно, она уже миновала первый поворот и поджидала, пока он приблизится с другой стороны.

Диоген сунул руку в карман, достал кожаный футляр и вынул из него скальпель с ручкой слоновой кости – точь-в-точь такой же, как тот, который он оставил под ее подушкой. Прохладная тяжесть инструмента подействовала на него успокаивающе. Еще через несколько секунд он раскрыл зонт и, выйдя из-за угла, уверенно направился вниз по виа деи Коверелли. Его шаги громко стучали по брусчатке, верхняя часть туловища была скрыта под зонтом. Прятаться сейчас не имело смысла: она не станет смотреть, кто приближается с противоположного конца улицы.

Он шел не таясь, вдыхая запахи мочи, собачьих фекалий, рвотных масс и сырого камня – старинная улочка сохранила «аромат» средневековой Флоренции. Сжимая скальпель в руке, затянутой в перчатку, он приблизился к первому изгибу Коверелли, представляя, как нанесет удар. Она будет стоять к нему спиной, он подойдет сбоку, схватит ее левой рукой за шею и нанесет удар в самое лучшее место – под правую ключицу. Длины лезвия как раз хватит, чтобы перерезать легочную артерию – там, где она разделяется на сонную и подключичную. Она даже не успеет вскрикнуть. Она будет умирать, а он будет держать ее на руках, баюкая. Ее кровь прольется на него, как в тот раз… при совсем других обстоятельствах…

…А потом он оставит ее лежать на земле вместе с плащом.

Диоген подошел к месту, где улица делала поворот на девяносто градусов. Пятнадцать шагов, десять, восемь… Пора…

Он свернул за угол и остановился. Никого. Улица была пуста. Он быстро огляделся, посмотрел вперед, назад, но ничего не заметил. Он находился в мертвой зоне: теперь она могла незаметно подобраться к нему с любой стороны.

Диогена охватила паника. Он где-то допустил просчет. Куда она могла подеваться? Неужели она его провела? Это казалось невероятным.

Он застыл, поняв, что оказался в ловушке. Если пойти вперед и выйти на Борго-Теголайо, более широкую и хорошо просматривавшуюся улицу, она – если находится там – обязательно его заметит и он лишится преимущества. То же самое произойдет и если он направится в противоположную сторону.

Диоген стоял неподвижно, лихорадочно соображая. Небо еще больше потемнело, и он понял, что причина не в дожде: это вечер накрывал город своей мертвой рукой. Он не мог оставаться здесь бесконечно: все равно придется выбирать, куда идти – направо или налево.

Несмотря на холод, ему стало жарко в плаще. Судя по всему, придется отказаться от своего плана, обогнуть угол и вернуться туда, откуда он пришел, – отменить маневр, словно ничего не произошло. Так будет лучше. Ничего не случилось. Она свернула в другом месте, и он потерял ее из виду – только и всего. Надо будет придумать что-нибудь еще. Может, поехать в Рим и заманить ее в катакомбы Св. Калликста? Эта популярная среди туристов достопримечательность со множеством ответвлений и тупиков – идеальное место для убийства.

Диоген повернулся и пошел вдоль виа деи Коверелли, осторожно свернул за угол. Улица была пуста. Он прошел еще немного – и вдруг боковым зрением заметил, как что-то мелькнуло над одной из арок. Диоген инстинктивно отпрыгнул в сторону, и в то же мгновение на него набросилась какая-то тень. Скальпель беспрепятственно разрезал ткань плаща и костюма, и бок пронзила жгучая боль.

Вскрикнув, он отпрянул и, уже падая, швырнул в нее собственный скальпель, целясь в шею. У него было гораздо больше ловкости и опыта обращения с холодным оружием. Лезвие, описав сверкающую дугу, коснулось плоти – и тут же хлынула кровь. Но, падая, он понял, что ее голова в последний момент дернулась и скальпель, вместо того чтобы вонзиться в горло, лишь скользнул по щеке.

Он тяжело упал на булыжники, перевернулся и тут же вскочил на ноги, но она уже исчезла – испарилась. И тогда он понял, в чем заключался ее план. То, что она даже не попыталась изменить свою внешность, не было

случайностью. Она хотела, чтобы ее заметили, так же как и он сам. Она почти позволила ему заманить себя в ловушку, а потом использовала ее против него, заранее все просчитав и опередив его. Простота и гениальность этого плана потрясли его.

Он стоял, глядя на возвышающиеся над ним каменные арки. Вне всякого сомнения, она взобралась на осыпающийся край одной из них и оттуда прыгнула на него. Далеко вверху виднелась узкая серая полоска неба, с которого падали капли дождя. Он сделал шаг вперед и покачнулся.

ώμοι, πέπληγμαι καιρίαν πληγήν 'έσω!*

(* Эсхил. Орестея, часть I, Агамемнон.)

Диогена охватила внезапная слабость, жжение в боку усиливалось. Он не решался расстегнуть пальто и осмотреть рану – испачканная кровью одежда могла привлечь к нему внимание, – поэтому лишь потуже затянул пояс, надеясь, что это поможет остановить кровь. «Кровь обязательно заметят», – подумал он.

Когда слабость отступила, а шок, вызванный внезапностью нападения, прошел, он вдруг понял, что у него появилась возможность избавиться от нее. Скальпель рассек ей щеку, и порез наверняка сильно кровоточил, как всегда в подобных случаях. Такую рану невозможно скрыть, даже если обмотать голову шарфом. И она, конечно, не будет бегать за ним по всей Флоренции с окровавленным лицом. Ей придется где-нибудь укрыться, чтобы привести себя в порядок, а это даст ему время, необходимое, чтобы сбить ее со следа – навсегда.

Нужно использовать благоприятный момент. Если ему удастся от нее отделаться, он сможет, снова изменив внешность и имя, добраться до конечной цели своего путешествия. А уж там она его никогда не найдет.

Он как можно более небрежной походкой дошел до стоянки такси в конце Борго-Сан-Джакопо, чувствуя, как кровь, пропитавшая одежду, стекает по ноге. Боль была не слишком сильной, и он решил, что лезвие лишь скользнуло по ребрам, не задев жизненно важных органов.

Нужно было остановить кровь – и как можно скорее. Он зашел в маленькое кафе на углу Борго-Теголайо и Санто-Спирито, подошел к барной стойке и заказал эспрессо и спремута. Выпив по очереди и то и другое, положил на поднос монету в пять евро и прошел в туалет, где, запершись в кабинке, снял пальто. Крови было невероятно много. Он быстро осмотрел рану, убедился, что брюшная полость не задета, и стал промокать кровь туалетной бумагой. Потом, оторвав от рубашки

широкую полоску ткани, обвязал торс, пытаясь остановить кровь. Умывшись, надев плащ и причесавшись, он вышел на улицу.

Вскоре Диоген почувствовал, что кровь стекает в ботинок, и, обернувшись, увидел за собой на тротуаре красные следы. Правда, кровь не была свежей, к тому же он и сам ощущал, что кровотечение стало слабее. Еще несколько шагов – и он уже на стоянке такси. Открыв заднюю дверцу «фиата», он с облегчением опустился на заднее сиденье.

– Говоришь по-английски, приятель? – улыбаясь, спросил он водителя.

– Да, – хрипло ответил тот.

– Молодец! Тогда, будь добр, отвези меня на вокзал.

Такси рвануло с места, и он откинулся на спинку сиденья, чувствуя, как липкая жидкость стекает ему в пах. Внезапно в голове у него завертелся рой мыслей, обрывков воспоминаний, зазвучала какофония голосов:

Между идеей и реальностью,

Между намерением и свершением

Лежит тень.[15]

Глава 73

В монастыре Суоре-ди-Сан-Джованни-Батиста во Флоренции имелись приходская школа, часовня и вилла с пансионом для набожных посетителей, которыми управляли двенадцать монахинь. Было уже совсем поздно, когда сидевшая за стойкой регистрации сестра с удивлением увидела, как в дверь вошла прибывшая утром молодая постоялица. Она вернулась с экскурсии по городу промокшая и продрогшая, съежившись от холода и пряча лицо в шерстяной шарф.

– Синьора желает поужинать? – начала было монахиня, приподнимаясь со стула, но вошедшая оборвала ее таким резким жестом, что она тут же закрыла рот и уселась на свое место.

* * *

В своей маленькой, просто обставленной комнате Констанс Грин яростно сорвала с себя пальто и быстро прошла в ванную. Склонившись над раковиной, заткнула сливное отверстие и включила горячую воду. Когда в раковину набралось достаточно воды, Констанс сняла шарф и посмотрелась в зеркало. Под шерстяным шарфом был еще один – шелковый, насквозь пропитанный кровью. Девушка осторожно его размотала, внимательно осмотрела пораненное место, но почти ничего не увидела: ухо и щека были покрыты запекшейся кровью. Опустив в воду мочалку, она выжала ее и осторожно приложила к щеке, потом

прополоскала и снова приложила. Через несколько минут ей удалось почти полностью оттереть кровь и как следует осмотреть место пореза.

Рана была не такой глубокой, как показалось вначале. Скальпель рассек ухо, но едва задел лицо. Она осторожно коснулась пореза пальцами – края оказались удивительно ровными. Все оказалось не так страшно, хотя крови из нее натекло, как из свиньи. Может, даже шрама не останется.

Шрам! Она чуть не расхохоталась и бросила окровавленную мочалку в раковину. Потом наклонилась и стала рассматривать свое отражение в зеркале. Лицо ее похудело и осунулось, глаза ввалились, губы потрескались.

В романах, которые она читала, погоня описывалась как не слишком обременительное дело. Герои преследовали друг друга по всему миру, успевая отдохнуть, как следует поесть и привести себя в порядок. В действительности же это было чрезвычайно изматывающее занятие. Она почти не спала с тех пор, как напала на его след в музее, почти ничего не ела и выглядела просто страшилищем.

В довершение ко всему внешний мир оказался настоящим кошмаром – шумным, хаотичным, жестоким и враждебным. Он был совсем не похож на уютный, предсказуемый и высоконравственный мир художественной литературы. Большинство людей, с которыми ей пришлось столкнуться, были злыми, корыстными и недалекими – ей просто не хватало слов, чтобы как следует описать всю их порочность. Кроме того, погоня за Диогеном оказалась дорогим удовольствием: из-за отсутствия опыта, из-за постоянно возникавших непредвиденных расходов и из-за того, что ее часто обманывали, сумма ее расходов за последние сорок часов составила почти шесть тысяч евро. У нее осталось всего около двух тысяч, и взять деньги было негде.

Она преследовала его целых сорок часов, ни на минуту не выпуская из виду. Но ему в конце концов удалось ускользнуть. Его рана вряд ли помешает ему двигаться дальше – наверняка она такая же пустяковая, как и у нее. Она не сомневалась, что потеряла его след навсегда – уж он-то об этом позаботится. Он сменит облик и направится в укромное место, которое наверняка приготовил на такой случай много лет назад.

Она чуть не убила его – причем дважды. Если бы у нее было другое оружие… если бы она умела стрелять… если бы на долю секунды раньше нанесла удар скальпелем… он был бы уже мертв.

Но он ускользнул. Она не использовала свой шанс.

Констанс вцепилась в край раковины, пристально вглядываясь в свое отражение в зеркале. Она не сомневалась в том, что его след оборвался.

Он поедет на такси или поезде, полетит на самолете, пересечет десяток границ, исколесит вдоль и поперек всю Европу, после чего осядет наконец в том месте и в том обличье, которое давно уже тщательно приготовил. Констанс была уверена, что он не покинет пределы Европы, но толку от этой уверенности было мало. Чтобы найти его, понадобится целая жизнь – и даже больше.

Жизнь – это все, что у нее осталось. И когда она найдет его, то сразу же узнает. Он прекрасно замаскировался, но никакой маскарад не сможет ее обмануть. Она слишком хорошо его знает. Он может полностью изменить свою внешность – изменить лицо, одежду, голос, жесты. Но две вещи останутся неизменными – его осанка и его запах. Второе было даже более важным. И именно об этом Диоген наверняка не подумал. У него был особый запах, и Констанс прекрасно его помнила – странный, опьяняющий аромат лакрицы, к которому примешивался острый и тяжелый запах железа.

Целая жизнь… Ее охватило такое отчаяние, что она покачнулась и крепче вцепилась в край раковины.

Не оставил ли он перед своим поспешным бегством какой-нибудь ниточки, за которую можно было бы ухватиться? Но чтобы проверить это, придется вернуться в Нью-Йорк, а к тому времени его след окончательно остынет.

Что, если попытаться припомнить какую-нибудь неосторожную фразу, брошенную им в ее присутствии? Нет, это маловероятно – он был слишком предусмотрителен. Но ведь он мог и потерять бдительность, зная, что она все равно умрет…

Констанс вышла из ванной и присела на край кровати. Собравшись с духом, постаралась мыслить предельно четко и вызвала в памяти их первые беседы на Риверсайд-драйв, 891. Это было очень тяжело и так больно, словно отдирали присохшую повязку от свежей раны, однако она заставила себя вспомнить все до мельчайших подробностей – первые фразы, которыми они обменялись, слова, которые он шептал ей на ухо. Но ничего существенного припомнить не удалось.

Затем она перебрала в памяти их последнюю встречу, книги, которые он ей принес, его декадентские рассуждения о чувственной жизни. Опять ничего, ни одного намека на то, где могло находиться его убежище. «В моем доме – моем настоящем доме, который мне очень дорог, – есть библиотека…» – кажется, именно так он говорил ей тогда. Или это тоже было циничной ложью, как и все остальное? А вдруг в этих словах все же есть крупица правды? «Я живу у моря. Я могу сидеть в той комнате, погасив свечи, слушать шум волн и представлять, что я ловец жемчуга…»

Библиотека в доме у моря. Не слишком много. Она несколько раз повторила про себя сказанные им тогда слова, но он оказался очень предусмотрителен и не сообщил о себе ничего конкретного, кроме преднамеренной лжи вроде тех шрамов, которые якобы остались после попытки самоубийства.

Шрамы, самоубийство… Констанс поняла, что все это время старательно избегала воспоминаний о том единственном событии, которое могло хоть как-то помочь установить местонахождение Диогена. Но она ничего не могла с собой поделать. Думать о тех последних часах, которые они провели вместе, о том, как она отдалась ему, было почти так же больно, как в первый раз читать то письмо…

Но Констанс удалось взять себя в руки. Она медленно легла на постель и, глядя в темноту, припомнила каждую мельчайшую деталь.

Она вспомнила, что в тот момент, когда страсть уже почти полностью завладела им, он прошептал ей на ухо стихи. Он прочитал их по-итальянски:

Ei s'immerge de la notte

Ei s'aderge in ver'le stelle.

* * *

Констанс знала, что это стихотворение Карлуччи, но никогда не изучала творчество этого поэта. Возможно, именно сейчас следует наверстать упущенное.

Она села и сразу же сморщилась от неожиданно резкой боли в ухе. Вернувшись в ванную, тщательно обработала рану, нанесла на нее мазь, содержащую антибиотик, и налепила пластырь, постаравшись, чтобы он был не очень заметен. После этого разделась, быстро приняла ванну, вымыла голову и надела чистую одежду, а мочалку, полотенце и испачканное кровью платье сунула в мешок для мусора. Потом убрала в чемодан свои туалетные принадлежности, взяла чистый шарф и повязала на голову, прикрыв порез. Застегнула чемодан, перетянула его ремнями, взяла в руку мешок для мусора и спустилась в холл. Все еще сидевшая за стойкой монахиня взглянула на нее испуганно.

– Синьора, вам что-то не понравилось?

Констанс открыла бумажник.

– Quanto costa? Сколько я вам должна?

– Синьора, если вам не понравилась комната, мы можем предложить вам другую.

Констанс вынула из бумажника мятую купюру достоинством сто евро и положила на стойку.

– Это слишком много, ведь вы даже не переночевали…

Но Констанс Грин уже открыла дверь и скрылась в холодной дождливой ночи.

Глава 74

Два дня спустя Диоген Пендергаст стоял на носу трагетто, рассекавшего вздымающиеся синие воды южной части Средиземного моря. Судно проплывало мимо скалистого мыса Милаццо, увенчанного маяком и разрушенным замком. За ним виднелись огромная выпуклость Сицилии, утопающей в вечернем тумане, и голубой силуэт вулкана Этна с поднимающимся над ним столбом дыма. Справа вздымался темный хребет Калабрии. Место, куда он направлялся, находилось далеко, очень далеко в море.

Огромный оранжевый глаз солнца только что скрылся за мысом, отбрасывая на воду длинные тени и золотя развалины древнего замка. Судно направлялось на север, к Эолийским островам – самым отдаленным из средиземноморских островов, обители четырех ветров, как считали древние. Совсем скоро он будет дома.

Дом. Он несколько раз повторил про себя это слово, испытывая одновременно радость и горечь. Что оно означает? Убежище, место уединения и покоя. Он достал из кармана пачку сигарет, зашел в каюту на палубе, прикурил и глубоко затянулся. Он не курил уже больше года – с тех пор как был дома в последний раз, – и никотин помог ему собраться с мыслями.

Он вернулся к двум последним дням своего безумного путешествия: Флоренция, Милан, Люцерна – там в больнице ему зашили рану, – потом Страсбург, Люксембург, Брюссель, Амстердам, Берлин, Варшава, Вена, Любляна, Венеция, Пескара, Фоджия, Неаполь, Реджо-ди-Калабрия, Мессина и, наконец, Милаццо. Сорокавосьмичасовая пытка путешествия по железной дороге, после которого он ощущал себя вконец измотанным и больным.

Но теперь, глядя на исчезающее за горизонтом солнце, он чувствовал, как к нему возвращаются силы и ясность мысли. Он ускользнул от нее во Флоренции, она больше не преследовала его – не могла преследовать. После того он несколько раз менял облик и имя, запутал свои следы настолько, что ни она, ни кто-то еще не смог бы их распутать. Сначала он направился в Европейский союз, затем пересек швейцарскую границу, потом вновь оказался на территории объединенной Европы –

уже под другим именем. Это могло сбить с толку самого упорного и хитроумного преследователя.

Она его не найдет. Брат тоже его не найдет. Пять лет, десять, двадцать – у него полно времени, чтобы как следует подготовиться и нанести свой следующий, и последний, удар. Он вышел на палубу и вдохнул морской воздух, чувствуя, как душа наполняется блаженным покоем. И впервые за несколько месяцев резкие насмешливые голоса, звучавшие в его мозгу, стихли до шепота и стали почти неслышны за шумом моря:

Спокойной ночи, леди.

Спокойной ночи, милые леди.

Спокойной ночи, спокойной ночи.[16]

Глава 75

Специальный агент Алоиз Пендергаст сошел с автобуса на виале Джаннотти и пешком пересек небольшой парк, где росли преимущественно сикоморы, миновав на своем пути небольшую карусель. Одет он был как обычно – за пределами Соединенных Штатов необходимость в маскараде отпала. Выйдя на виа ди Риполи, Пендергаст свернул налево и остановился перед огромными железными воротами монастыря Суоре-ди-Сан-Джованни-Батиста. На висевшей на них табличке значилось лишь: «Вилла Мерло-Бьянко». За воротами послышались звонкие голоса школьников, отпущенных на перемену.

Пендергаст нажал кнопку звонка, и через минуту ворота раздвинулись, открыв посыпанный гравием двор перед большой виллой. Боковая дверь была распахнута, и, судя по маленькой табличке, за ней находилась комната регистрации постояльцев.

– Доброе утро, – произнес он по-итальянски, обращаясь к маленькой пухленькой монахине за стойкой. – Насколько я понимаю, вы и есть сестра Клаудия?

– Да, это я.

Пендергаст пожал ей руку.

– Рад знакомству. Как я уже говорил по телефону, у вас останавливалась моя племянница – мисс Мэри Улсисор. Она убежала из дома, и семья очень переживает.

Монахиня чуть не задыхалась от волнения.

– Да, синьор, я действительно заметила, что молодая леди была очень встревожена. Когда она пришла, у нее было такое измученное лицо! И

она даже не осталась ночевать – прибыла утром, потом вернулась в тот же вечер и ушла, несмотря на мои уговоры…

– Она уехала на автомобиле?

– Нет, она пришла и ушла пешком. Вероятно, села в автобус, потому что такси всегда въезжают в ворота.

– Во сколько она ушла?

– Она вернулась в восемь вечера, синьор, вся мокрая и продрогшая. Думаю, она даже заболела.

– Заболела? – резко переспросил Пендергаст.

– Я, конечно, не уверена, но она шла как-то съежившись и прикрывала лицо.

– Прикрывала? Чем?

– Темно-синим шерстяным шарфом. А потом через два часа она спустилась вниз с багажом, заплатила слишком много за комнату, в которой не ночевала, и ушла.

– Одета она была так же?

– Нет, она переоделась, и в тот раз на ней был уже красный шарф. Я пыталась ее остановить, честное слово.

– Вы сделали все, что могли, сестра. Могу я теперь осмотреть комнату? Вам не стоит беспокоиться – я сам открою.

– Комнату уже убрали, там нечего смотреть.

– Я бы все же предпочел взглянуть, если вы не возражаете. На всякий случай. После этого в ней кто-нибудь останавливался?

– Пока нет, но завтра супружеская пара из Германии…

– Будьте добры, дайте ключ.

Монахиня протянула Пендергасту ключ. Он поблагодарил ее, пересек холл и быстро поднялся по лестнице. Комната, в которой останавливалась Констанс, располагалась в конце длинного коридора. Она оказалась совсем небольшой и очень просто обставленной. Заперев дверь изнутри, Пендергаст тут же опустился на колени и осмотрел пол, заглянув под кровать, но, к его великому разочарованию, комнату тщательно убрали. Он поднялся и задумчиво огляделся, потом открыл тумбочку. Она оказалась пуста, но, приглядевшись, Пендергаст заметил в дальнем углу маленькое темное пятно. Он протянул руку и,

коснувшись пятна, поцарапал его ногтем. Это была кровь – уже подсохшая, но еще довольно свежая.

Когда Пендергаст спустился вниз, сестра Клаудия казалась еще больше встревоженной.

– Девушка была очень взволнована. Не понимаю, куда она могла отправиться в десять часов вечера. Я пыталась с ней поговорить, синьор, но она…

– Уверен, вы сделали все, что было в ваших силах, – повторил Пендергаст. – Еще раз большое спасибо за помощь.

Он покинул монастырь и в глубокой задумчивости вышел на виа ди Риполи. Констанс ушла ночью, под дождем… Но куда?

Войдя в небольшое кафе на углу виале Джаннотти, Пендергаст заказал эспрессо и продолжил свои размышления. В том, что Констанс встретилась во Флоренции с Диогеном, у него не было никаких сомнений. Между ними произошла потасовка, и она была ранена. Казалось невероятным, что этим все ограничилось: как правило, люди, которых затягивало на орбиту Диогена, не покидали ее живыми. Вероятно, тот недооценил Констанс, как, впрочем, и сам Пендергаст. В этой женщине вдруг открылась неожиданная, бездонная глубина.

Пендергаст допил кофе, купил у бармена транспортную карту и, перейдя улицу, стал ждать автобуса, следующего в центр города. Когда автобус наконец появился, Пендергаст вошел последним. Подойдя к кабине, он протянул водителю пятьдесят евро.

– Мне платить не нужно, просто пробейте свой билет, – раздраженно сказал водитель, резко трогаясь с места и энергично выкручивая руль толстыми руками.

– Мне нужна информация.

Водитель даже не взглянул на деньги.

– Какая информация?

– Я ищу племянницу. Она ехала в этом автобусе в десять часов вечера два дня назад.

– Я работаю в дневную смену.

– Вам известно имя водителя ночной смены и номер его мобильного телефона?

– Если бы вы не были иностранцем, я бы подумал, что вы из полиции.

– Это дело не имеет отношения к полиции. Я просто дядя, разыскивающий свою племянницу. – В голосе Пендергаста послышались просительные нотки. – Пожалуйста, синьор, помогите мне. Семья буквально сходит с ума.

Водитель притормозил на повороте и сказал, уже мягче:

– Его зовут Паоло Бартоли, номер три-три-три-шесть-шесть-два-ноль-три-семь-шесть. И уберите деньги, они мне не нужны.

Пендергаст сошел на пьяцца Ферруччи, вынул из кармана сотовый телефон, купленный уже во Флоренции, и набрал номер. Бартоли оказался дома.

– Как я мог ее забыть? – воскликнул водитель в ответ на вопрос, помнит ли он молодую особу, ехавшую в его автобусе поздно вечером два дня назад. – Голова у нее была обмотана шарфом, поэтому лица я рассмотреть не смог, а голос звучал очень глухо. Она говорила на давно устаревшем итальянском, которого я не слышал со времен Муссолини, и казалась каким-то призраком из прошлого. Я даже принял ее за сумасшедшую.

– Не припомните, где она сошла?

– Она попросила остановить у Национальной библиотеки.

Путь от пьяцца Ферруччи до Национальной библиотеки занял довольно много времени. Библиотека находилась на другом берегу Арно, ее сдержанно-элегантный коричневый фасад в стиле барокко возвышался над грязной площадью. В холодном гулком читальном зале Пендергаст нашел библиотекаря, также хорошо запомнившего Констанс.

– Да, я работал в ночную смену, – сказал он. – В эти часы не бывает много читателей. А она казалась такой одинокой, такой потерянной. Я то и дело на нее поглядывал. Она заказала одну книгу и читала ее больше часа. Причем смотрела на одно место, не переворачивая страницу, и все бормотала что-то про себя словно сумасшедшая. Время приближалось к полуночи, и я уже было хотел попросить ее идти домой, чтобы закрыть читальный зал, но она неожиданно встала и взяла еще одну книгу.

– Какую?

– Географический атлас. Она рассматривала его примерно десять минут, быстро записывая что-то в маленький блокнот, потом вскочила и убежала, словно за ней гнались все черти ада.

– Что это был за атлас?

– Я не обратил внимания. Он стоял на полке со справочной литературой, и, чтобы посмотреть его, не нужно было заполнять регистрационную карточку. Подождите-ка, кажется, у меня осталась карточка книги, которую она брала перед этим. Минутку, сейчас я ее принесу.

Через несколько минут Пендергаст, расположившись на том самом месте, где два дня назад сидела Констанс, смотрел на ту самую книгу. Это был тонкий сборник стихов Джозуэ Кардуччи, итальянского поэта, в 1906 году получившего Нобелевскую премию по литературе.

Закрытая книга лежала перед Пендергастом на столе. С величайшей осторожностью он перевернул ее, надеясь, что она, как это иногда бывает, сама раскроется на той странице, которую читали последней. Но это было старое издание, отпечатанное на плотной бумаге, и оно раскрылось на заднем форзаце.

Тогда Пендергаст сунул руку в карман пиджака, вытащил увеличительное стекло и чистую зубочистку и начал переворачивать все страницы подряд, каждый раз проводя зубочисткой у самого корешка, а потом внимательно рассматривая осевшие на ней пылинки и ворсинки в увеличительное стекло.

Спустя примерно час, на сорок второй странице, он нашел то, что искал: три красных волнистых шерстяных волокна, которые вполне могли упасть с вязаного шарфа.

Стихотворение, занимавшее целый разворот, называлось «Легенда о Теодорихе». Пендергаст начал читать:

Su ‘l castello di Verona

Batte il sole a mezzogiorno,

Da la Chiusa al pian rintrona

Solitario un suon di corno…[17]

Стихотворение повествовало о загадочной смерти короля остготов Теодориха. Пендергаст прочитал его один раз, потом второй, но так и не понял, почему Констанс придала ему особое значение. Потом пробежал глазами строчки в третий раз и припомнил древнюю легенду.

Теодорих, один из великих правителей варваров, создал на руинах Римской империи могущественное королевство. Среди множества жестокостей, которыми ознаменовалось его правление, было убийство выдающегося государственного деятеля и ученого Боэция. Сам Теодорих умер в 526 году. Согласно легенде, некий отшельник, живший в одиночестве на Эолийских островах у побережья Сицилии, поклялся, что видел, как в момент смерти Теодориха его душа с криком исчезла в

жерле вулкана Стромболи, который первые христиане считали входом в ад.

Стромболи. Дорога в ад. Пендергаст все понял. Взяв с полки атлас Сицилии, он вернулся на место и открыл его на той странице, где были изображены Эолийские острова. Самый крупный из них назывался Стромболи и представлял собой верхушку действующего вулкана, отвесно поднимающуюся из воды. На его подтачиваемых морскими волнами берегах расположилась единственная деревушка. Остров был отдаленным и труднодоступным, а сам вулкан Стромболи считался наиболее активным в Европе: его регулярные извержения происходили на протяжении по крайней мере трех тысячелетий.

Пендергаст осторожно протер страницу атласа сложенным вчетверо льняным носовым платком и поднес к нему увеличительное стекло. На белой ткани виднелось еще одно красное шерстяное волокно.

Глава 76

Диоген Пендергаст стоял на террасе своей виллы с бокалом шерри в руке. Внизу, спускаясь к широкому, покрытому черным песком пляжу, белели маленькие оштукатуренные домики деревни Присцита. Налетавший с моря соленый ветер доносил до него аромат цветущей гинестры. Спустились сумерки, и примерно в миле от острова, на огромной скале Стромболиччо, зажегся и начал мигать маяк.

Потягивая шерри, Диоген прислушивался к доносящимся снизу далеким звукам – голосам матерей, зовущих детей ужинать, лаю собак, шуму мотора «апе» – трехколесной автоматической повозки, единственного пассажирского транспорта на острове. Ветер усиливался, поднимая волны, – сегодняшняя ночь обещала быть неспокойной.

Сверху слышался низкий рокот вулкана. Здесь, на краю земли, Диоген чувствовал себя в безопасности. Констанс никогда не сможет сюда добраться.

Это был его дом. Он впервые приехал сюда двадцать лет назад и с тех пор каждый год наведывался на остров, тщательно готовясь сначала к приезду, а потом к отбытию. Три сотни постоянных жителей считали его эксцентричным вспыльчивым британцем – профессором классических языков, который периодически появляется здесь, чтобы поработать над книгой, и не любит, когда его беспокоят. Диоген редко приезжал сюда летом, в разгар сезона, хотя остров, находившийся в шестидесяти километрах от материка и иногда по нескольку дней недоступный из-за шторма и отсутствия порта, не пользовался особой популярностью у туристов.

Снова послышался низкий гул – сегодня вулкан был активен, как никогда. Диоген обернулся и посмотрел на его крутые темные склоны. Клубы дыма рассерженно вырывались из кратера, возвышавшегося более чем в полумиле от виллы, и ему хорошо были видны оранжевые вспышки в зубчатом конусе, похожие на мигание неисправной электрической лампы.

На Стромболиччо погасли последние отблески солнца, и море стало почти черным. Огромные пенистые волны одна за другой набегали на черный пляж, расчерчивая его белыми полосами, и их шум сливался с глухим монотонным рокотом вулкана.

В последние двадцать четыре часа Диоген почти не думал о недавних событиях: огромным усилием воли ему удалось вытеснить из сознания болезненные воспоминания. Пройдет немного времени, и он обязательно все как следует обдумает, а сейчас ему нужен отдых. В конце концов, он дома, впереди у него еще уйма времени, чтобы как следует все рассчитать и нанести следующий удар.

Но за спиной я постоянно слышу

Бег колесницы времени крылатой.[18]

Диоген так сильно сжал тонкий бокал, что тот треснул. Раздраженно швырнув осколки на землю, он пошел на кухню за новым. Шерри был из старых запасов, сделанных несколько лет назад, и Диоген старался не расходовать зря ни капли.

Сделав маленький глоток, он немного успокоился и вернулся на террасу. Деревня готовилась к ночному отдыху: снизу доносились приглушенные голоса и детский плач, где-то стукнула дверь. Шум мотора слышался теперь уже гораздо ближе, на одной из извилистых улочек, ведущих к его вилле.

Диоген поставил бокал на перила террасы, закурил, глубоко затянулся и выдохнул дым в темный воздух, напряженно вглядываясь в сторону деревни. «Апе» определенно поднимался по склону горы, скорее всего по виколо Сан-Бартоло… Заунывное жужжание мотора приближалось, и Диоген впервые почувствовал тревогу. Поздний вечер – неподходящее время для поездок на «апе», особенно в верхней части деревни. Разве что кто-то приехал на такси… Но было начало весны, для туристов рановато: паром, на котором он прибыл из Милаццо, доставил на остров только продовольствие и другие товары. К тому же с тех пор прошло уже несколько часов.

Диоген усмехнулся про себя: он слишком вымотался, вот и лезет в голову всякая ерунда. Эта дьявольская погоня, последовавшая непосредственно за чудовищным провалом, совершенно выбила его из

колеи, лишила присутствия духа. Ему нужен отдых – чтение, интеллектуальные занятия, способствующие восстановлению сил. Сейчас самое время приступить к переводу «Золотого осла» Апулея, которым он уже давно хотел заняться.

Диоген снова затянулся, спокойно выпустил дым, посмотрел на море и вдруг заметил огни какого-то судна, огибающего мыс Пунта-Лена. Вернувшись в дом, взял бинокль и, наведя его на судно, увидел, что это старый деревянный рыбацкий ялик, направляющийся от острова в сторону Липари. Увиденное озадачило его: вряд ли кто-то решил порыбачить в такую погоду и в такое время суток. Вероятно, на судне доставили какой-нибудь груз.

Шум мотора послышался совсем близко, и Диоген понял, что повозка взбирается по узкой тропинке, ведущей к его вилле, окруженной высокой стеной. Двигатель заглох у самых ворот. Диоген положил бинокль на перила, а сам поспешил на боковую террасу, с которой тропинка просматривалась лучше всего. Но когда он подошел, «апе» уже исчез из виду, а его пассажира, если таковой имелся, нигде не было видно.

Диоген замер. Сердце его билось так сильно, что он слышал, как кровь шумит в ушах. В этой части острова не было других жителей, кроме него. Значит, на рыбацком ялике прибыл не груз, а человек. И этот человек доехал до самых ворот его виллы.

Диогена охватила паника. Он бросился в дом и, перебегая из комнаты в комнату, закрыл окна. Потом выключил свет и запер двери. Вилла, как и большинство жилищ на острове, напоминала настоящую крепость: с тяжелыми деревянными ставнями на окнах, коваными замками на дверях и каменными стенами почти в метр толщиной. Кое-что он усовершенствовал сам. В этом доме ему ничто не грозит – по крайней мере, у него будет достаточно времени, чтобы обдумать сложившееся положение.

Через несколько минут все входы и выходы были надежно заперты. Тяжело дыша, Диоген стоял в темной библиотеке. У него опять мелькнула мысль, что это лишь приступ острой паранойи. Сходить с ума из-за того, что он увидел лодку, услышал звук подъехавшего такси? Смешно. Она никак не могла его найти – к тому же так быстро. Он прибыл на остров только вчера вечером. Предполагать такое – полный абсурд.

Он вытер вспотевший лоб носовым платком и задышал ровнее. Нельзя быть таким идиотом. Все эти неприятности расшатали ему нервы даже больше, чем он думал.

Диоген уже шарил по стене в поисках выключателя, как вдруг раздался неторопливый стук в большую деревянную дверь – как ему показалось, издевательски неторопливый, – и каждый удар эхом разнесся по всей вилле.

Он замер, сердце его снова бешено заколотилось.

– Chi c’и?[19] – спросил он.

Ответа не последовало.

Дрожащими пальцами он провел по ящикам книжного шкафа, нащупал нужный, открыл и достал из него «беретту». Повернул магазин, убедился, что он полон, и вытащил из соседнего ящика большой электрический фонарь.

Как? Как это могло произойти?! Он чуть не задыхался от переполнявшей его ярости. Неужели это действительно она? А если нет, то почему на его вопрос никто не ответил?

Диоген включил фонарь и посветил по сторонам, стараясь представить себе, в каком месте она попытается войти. Скорее всего выберет боковую террасу, которая ближе всего к тропинке и через которую легче проникнуть в дом. Тихонько приблизившись к двери, он бесшумно отпер замок и осторожно положил ключ на кованую дверную ручку. Потом отступил на середину комнаты, опустился на одно колено, а когда глаза привыкли к темноте, прицелился и стал ждать. Единственным звуком, доносившимся до него сквозь толстые стены виллы, был низкий рокот вулкана. Диоген замер, напряженно прислушиваясь. Прошло пять минут, десять. Наконец ключ, звякнув, упал на пол, и Диоген тут же начал стрелять. Четыре пули прошили дверное полотно, образовав правильный ромб. Для девятимиллиметровой «беретты» даже самая толстая часть двери не представляла серьезного препятствия, и у заряда оставалось еще достаточно смертоносной силы. Он услышал сдавленный вскрик, стук падающего тела и странный царапающий звук. Потом еще один вскрик – и все стихло. Приоткрывшаяся дверь скрипнула под порывом ветра.

Судя по звукам, она мертва, но все же у Диогена оставались сомнения. Констанс слишком умна и вполне могла его разыграть. Или не могла? И вообще, действительно ли это была она? Вдруг он подстрелил какого-нибудь незадачливого грабителя или посыльного? Низко согнувшись, Диоген направился к двери, а подойдя поближе, опустился на пол и последние несколько футов прополз на животе. Замерев, стал вглядываться в узкую щель над порогом. Чтобы убедиться, что все это не розыгрыш и на ступеньках действительно лежит мертвое тело, нужно

было открыть дверь еще хотя бы на дюйм. Он немного подождал и, когда налетел очередной порыв ветра, быстро выглянул на террасу.

В ту же секунду один за другим раздались два выстрела, пробившие дверь в нескольких дюймах от головы Диогена и осыпавшие его градом щепок. Задыхаясь, он перекатился на бок. Дверь была открыта уже на фут, и с каждым порывом ветра распахивалась все шире. Констанс намеренно стреляла очень низко, и если бы он не распростерся на полу, то был бы уже мертв.

Диоген посмотрел на пулевые отверстия. Похоже, ей удалось достать среднекалиберный полуавтоматический пистолет – судя по звуку, это скорее всего был «глок», – а также освоить по крайней мере основы стрельбы.

Новый, гораздо более сильный порыв распахнул дверь, и она ударилась о стену, а потом с громким скрипом начала закрываться. Осторожно приблизившись, Диоген одним резким движением захлопнул ее и, сев, быстро задвинул засов. Едва он успел откатиться в сторону, как снова раздался выстрел. На этот раз пуля прошла всего в паре дюймов от его уха, и несколько острых щепок впились в шею.

Диоген, лежа на полу, тяжело дышал. Он понимал, что, запершись в доме, сделал свое положение заведомо проигрышным. Он не видел, что происходит снаружи, не знал, откуда она появится в следующее мгновение. Конечно, дом укреплен и в него не так-то легко проникнуть, но все же это не подземный бункер. В свое время Диоген счел неразумным привлекать излишнее внимание местных жителей чрезмерными мерами предосторожности, и вот результат: выстрелом из пистолета можно сбить любой замок на любом окне или двери. Нет, лучше сразиться с ней за стенами виллы, где он сможет с выгодой для себя использовать свое физическое превосходство, свое непревзойденное умение стрелять и отличное знание местности.

В деревне наверняка слышали стрельбу. Местные жители вызовут полицию, а это совсем ни к чему. Но с другой стороны, ветер дует с моря, и громкий шелест листвы фиговых и оливковых деревьев вполне мог заглушить выстрелы. Не говоря уже о непрерывном рокоте проснувшегося вулкана. Вполне возможно, что за всеми этими звуками никто не обратил внимания на выстрелы. А что касается полиции, то в зимнее время органы правопорядка на острове были представлены единственным карабинером, коротавшим вечера за карточной игрой в баре у Фикогранде.

Диоген задрожал от вновь охватившей его ярости. Она проникла в его дом, его убежище, его последнее пристанище. По правде говоря, у него не было другого укрытия, как не было и возможности еще раз сменить имя. Изгнанный отсюда, он будет обречен на вечные скитания, будет

жить, как бездомный пес. Даже если ему удастся незаметно улизнуть, пройдут годы, прежде чем он почувствует себя в безопасности, обретет новое имя. Нет, он должен покончить с этим раз и навсегда.

Три выстрела прозвучали один за другим, и Диоген услышал, как ставня на кухонном окне распахнулась и с оглушительным стуком ударилась о стену. Он вскочил и, пригнувшись, бросился к невысокому каменному простенку, отделяющему кухню от столовой. Ветер, завывая, врывался в открытое окно.

Удалось ли ей проникнуть в дом? Он обогнул простенок, выскочил на середину кухни и посветил фонариком – никого. Бегом вернулся назад, проскользнул в столовую и прижался к стене. Единственный выход – постоянное движение, оставаться на месте нельзя ни в коем случае...

Прогремели еще три выстрела, на этот раз со стороны библиотеки, и Диоген услышал, как хлопнула и стала раскачиваться на ветру следующая ставня. Так вот каков был ее план – одну за другой пробить бреши в его обороне, пока дом не лишится последней защиты. Но он не станет играть в эту игру. Необходимо перехватить инициативу. Он, а не она выберет место последней, решающей схватки.

Он должен выбраться наружу. И не только выбраться, но и подняться на гору. Он знает каждый изгиб ведущей вверх крутой и очень опасной тропы. Физически Констанс не слишком сильна, а после долгой изматывающей погони наверняка ослабла еще больше. Наверху у него будут все преимущества – в том числе и умение метко стрелять в темноте. Но Диоген тут же напомнил себе, что однажды уже совершил ошибку, недооценив ее. Это ни в коем случае не должно повториться. В ее лице он столкнулся с самым непоколебимым и, возможно, самым опасным противником.

Мысленно он уже взбирался на гору. Древняя тропа была проложена почти три тысячелетия назад греческими жрецами, совершавшими жертвоприношения Гефесту. Примерно посередине она разветвлялась на две части: более новая вела к вершине вдоль гребня Лисционе. Древняя же греческая тропа сворачивала на запад, к гребню Бастименто, где много веков назад ее пересекла Сциара-дель-Фуоко, легендарная Огненная лавина. Сциара представляла собой непрерывный поток раскаленной лавы, которая, стекая из кратера вулкана, заполняла собой огромное ущелье в милю шириной и триста футов длиной и в конце пути низвергалась в море, поднимая клубы пара. Стоя на скалистом краю Сциары, обдуваемый поднимающимся от лавы обжигающим воздухом, человек испытывал ни с чем не сравнимые ощущения: казалось, внизу перед ним разверзся сам ад.

Сциара-дель-Фуоко. Идеальное решение проблемы. Попавший в нее человек бесследно исчезнет в буквальном смысле этого слова.

Самая трудная задача – незаметно выбраться из дома. Но в конце концов, не может же она быть повсюду одновременно. А даже если и подстережет его у выхода, то вряд ли сумеет попасть в темноте в быстро движущуюся фигуру. Чтобы научиться так стрелять, нужны долгие годы тренировок.

Диоген подкрался к боковой двери и замер. Одним резким толчком распахнув ее, бросился в темноту. Как он и ожидал, грохнул выстрел, пуля пролетела всего в нескольких дюймах. Упав на землю, Диоген несколько раз выстрелил в ответ. Потом вскочил, выбежал из ворот, повернул направо, достиг конца тропинки и помчался вверх по высеченным в застывшей лаве ступеням, которые вели к древней тропе, поднимавшейся по склону вулкана Стромболи к Огненной лавине.

Глава 77

Специальный агент Пендергаст выпрыгнул из рыбацкой лодки на причал Фикогранде. Моторка дала задний ход, тщетно пытаясь укрыться от высоких волн, набегавших на открытый берег. Пендергаст постоял у растрескавшегося бетонного парапета, глядя на остров, который круто поднимался вверх, напоминая огромную черную колонну на фоне темного неба, освещаемого лишь неверным сиянием месяца. Сквозь окутавшие вершину горы облака он видел красноватые вспышки, слышал гул и рокот вулкана, смешивавшийся с шумом волн и завыванием налетавшего с моря ветра.

Стромболи был маленьким, всего около двух миль в диаметре, островом конической формы, неприступным и бесплодным. Даже деревня – несколько десятков открытых всем ветрам обветшалых оштукатуренных домишек, разбросанных вдоль береговой линии на полосе примерно в милю шириной, – выглядела странно сурово.

Пендергаст вдохнул влажный, пахнущий морем воздух и плотнее запахнул пальто. В дальнем конце причала, на противоположной стороне улочки, протянувшейся параллельно береговой линии, лепились друг к другу несколько покосившихся строений. Одно из них, вне всякого сомнения, было баром, хотя облупившаяся вывеска не имела электрической подсветки и буквы на ней невозможно было разобрать.

Специальный агент быстро прошел вдоль причала, пересек улицу и открыл дверь. В помещении висели сизые клубы табачного дыма. За столом расположилась группа мужчин – один из них в форме карабинера, – куривших и игравших в карты. Перед каждым на столе стоял стакан с вином.

Пендергаст подошел к барной стойке и заказал эспрессо.

– Сегодня вечером на остров в рыбацкой лодке прибыла молодая женщина, – произнес он и замолчал, ожидая вопросов.

Но бармен молча протер стойку мокрой тряпкой, налил эспрессо и добавил в него граппы. Казалось, он не был расположен поддерживать беседу.

– Молодая женщина, стройная, голова повязана красным шарфом, – добавил Пендергаст.

Бармен кивнул.

– Вы не знаете, куда она пошла?

После минутной паузы бармен ответил с заметным сицилийским акцентом:

– Наверх, к профессору.

– Понятно. А где живет профессор?

Ответа не последовало. Пендергаст почувствовал, как игроки у него за спиной прервали свое занятие, прислушиваясь к их разговору. Специальный агент знал, что в таком месте информацию нельзя получить, не предложив что-то взамен.

– Это моя племянница, – попытался он разжалобить бармена. – Моя сестра чуть с ума не сошла, когда ее дочь убежала из дома и отправилась в погоню за этим никчемным человеком, так называемым профессором, который соблазнил ее и теперь отказывается сделать то, что в подобных случаях делают порядочные люди.

Его слова возымели желаемый эффект. В конце концов, эти люди были сицилийцами – представителями древнего народа с древними понятиями о чести. Сзади скрипнул стул, и Пендергаст, обернувшись, увидел, что человек в форме карабинера вышел из-за стола и направляется к нему.

– Я слежу за порядком на Стромболи, – хмуро произнес карабинер. – Я отведу вас к дому профессора. – Повернувшись, он окликнул одного из своих товарищей: – Стефано, подгони «апе» для синьора, и следуйте за мной. Я поеду на мотоцикле.

Смуглый волосатый мужчина поднялся из-за стола и кивнул Пендергасту. Специальный агент вышел следом за ним на улицу. У крыльца стояла трехколесная повозка с мотором, и Пендергаст тут же забрался в нее. Немного впереди карабинер уже заводил свой мотоцикл. Через несколько секунд они тронулись с места и поехали по дороге вдоль пляжа. Справа доносился ни на секунду не стихающий шум волн, которые заливали песок, такой же черный, как сама ночь.

Спустя некоторое время они свернули с дороги, направляясь в глубь острова, и запетляли по немыслимо узким тропинкам, круто поднимавшимся вверх по склону горы. Чем дальше от моря, тем тропинки становились круче. Теперь они вились между виноградниками, оливковыми рощами и огородами, обнесенными стенами из скрепленного известковым раствором вулканического камня. Наконец показалось несколько вилл, раскинувшихся на верхних склонах вулкана. Последняя из них, окруженная высокой оградой, резко выделялась на фоне круто поднимавшейся вверх горы. Света в окнах не было видно.

Карабинер заглушил мотор у ворот, «апе» остановился рядом с ним. Пендергаст спрыгнул на землю и, подняв голову, посмотрел на виллу. Она казалась огромной и неприветливой, больше напоминая крепость, чем человеческое жилище. К ней было пристроено несколько террас; ту, что выходила на море, украшали толстые мраморные колонны. За высоким забором из вулканического камня раскинулся огромный роскошный сад с тропическими деревьями, на ветвях которых распевали райские птицы, и гигантскими экзотическими кактусами. Это был последний дом на горном склоне, и Пендергасту снизу казалось, что вулкан угрожающе навис над ним, издавая низкий рокочущий звук и подсвечивая низкие облака зловещими кроваво-красными вспышками.

Забыв обо всем – даже о том, что нельзя медлить ни минуты, – Пендергаст продолжал смотреть на виллу, повторяя про себя: «Вот дом моего брата».

Уверенной походкой облеченного властью человека карабинер подошел к воротам и нажал кнопку звонка. Пендергаст стряхнул с себя оцепенение, вошел в ворота и, пригнувшись, побежал к боковой террасе.

– Постойте, синьор! – окликнул его сзади карабинер.

Пендергаст не оборачиваясь скользнул на террасу, достал из кармана «кольт» 1911 года выпуска и прижался к стене. Порыв ветра прикрыл дверь, Пендергаст поймал ее рукой и увидел в дверном полотне четыре пулевых отверстия. Посмотрев по сторонам, он заметил, что ставня на кухонном окне тоже открыта и раскачивается на ветру.

Карабинер остановился рядом, тяжело дыша и не сводя глаз с двери.

– Матерь Божья! – воскликнул он и вынул из кармана пистолет.

– Что случилось, Антонио? – послышался голос водителя «апе». Он шел к ним по дорожке, и огонек от его сигареты плясал в темноте.

– Назад, Стефано. Тут дело серьезное.

Пендергаст включил фонарик и вошел в дом. Пол был усыпан щепками. Луч света выхватил из темноты большую гостиную в средиземноморском стиле – с оштукатуренными стенами, выложенным плиткой полом и тяжелой старинной мебелью. Просторная комната казалась удивительно неуютной. За следующей дверью находилась очень необычная библиотека – высотой в два этажа, отделанная в сюрреалистических жемчужно-серых тонах. Пендергаст отметил про себя, что и здесь одна ставня на окне была открыта. Однако никаких следов борьбы ему обнаружить не удалось.

Специальный агент вернулся на террасу, где карабинер все еще рассматривал пулевые отверстия. Увидев Пендергаста, тот выпрямился.

– Синьор, это место преступления, и я прошу вас незамедлительно его покинуть.

Пендергаст вышел на террасу и, прищурившись, посмотрел на темный склон горы.

– Что это за тропа? – спросил он водителя «апе», который продолжал стоять на месте, переводя изумленный взгляд с одного на другого.

– Она ведет на гору. Но вряд ли они пошли туда, тем более ночью.

Через секунду к ним подошел карабинер, держа в руке рацию. Он пытался связаться с полицейским участком на острове Липари, находящемся в тридцати милях от Стромболи.

Пендергаст вышел из ворот и зашагал по тропинке. Там, где она заканчивалась, начиналась полуразрушенная каменная лестница, которая взбиралась по склону горы и немного выше соединялась с более широкой древней тропой. Пендергаст присел и посветил на землю. Не увидев ничего интересного, выпрямился и поднялся еще на десяток ступеней, освещая себе путь лучом фонарика.

– Не ходите туда, синьор! Это очень опасно! – послышались крики снизу.

Пендергаст снова присел и на тонком слое пыли, защищенном от ветра каменной ступенькой, увидел отпечаток каблука – очень тонкого каблука. Отпечаток был свежим.

Немного выше он разглядел едва заметный маленький след, наложившийся на гораздо более крупный. Диоген, преследуемый Констанс…

Пендергаст поднялся и, запрокинув голову, посмотрел на почти отвесный склон вулкана. В темноте было практически невозможно

разглядеть что-либо, кроме слабого мерцания оранжевого пламени у самой вершины, окутанной низкими облаками.

– Эта тропа ведет к вершине? – крикнул Пендергаст, обращаясь к карабинеру.

– Да, синьор. Но повторяю: она очень опасна, по ней могут взбираться лишь опытные скалолазы. Уверяю вас, девушка не могла туда пойти. Я позвонил карабинерам на Липари, но они прибудут только завтра. И то если погода позволит. Я больше ничем не могу вам помочь, разве что поискать их в деревне… Ваша племянница с профессором наверняка там.

– В деревне вы их не найдете, – ответил Пендергаст и, повернувшись к своим провожатым спиной, стал подниматься дальше.

– Синьор, не ходите по этой тропе! Она ведет к Сциара-дель-Фуоко! – Но порыв ветра заглушил последние слова карабинера.

Пендергаст продолжал свой путь наверх со всей скоростью, на какую только был способен, сжимая в одной руке фонарик, а в другой – револьвер.

Глава 78

Диоген Пендергаст медленно поднимался по открытому уступу, образованному застывшим потоком лавы на высоте двух с половиной тысяч футов от подножия горы. Ветер с громкими стонами пригибал к земле густые кусты гинестры, росшие по обе стороны древней тропы. Внизу смутно виднелась темная поверхность моря, отмеченная более светлыми пятнами – гребнями волн. Одиноко возвышающийся на скале Строммболиччо маяк, окруженный серым кольцом воды, с бессмысленным упорством посылал сигналы в пустую равнину моря.

Диоген перевел взгляд на сушу. С того места, где он стоял, хорошо просматривалась почти треть поверхности острова, в том числе большой участок изрезанной береговой линии от Присциты до изогнувшегося в виде полумесяца пляжа ниже Ле-Счиоччолле. Море там бушевало особенно сильно, образуя широкую полосу белой пены. Выше виднелись тусклые, слабо мигающие огни – это была деревня, небольшое скопление жалких человеческих жилищ, прильнувших к суровой, негостеприимной земле. Сзади величественно возвышался вулкан, словно ребристый ствол гигантского мангрового дерева, образованный несколькими параллельными гребнями, каждый из которых имел собственное название: Сера-Адорно, Роиза, Ле-Мандре, Рина-Гранде…

Диоген повернулся и посмотрел вверх. Прямо над ним нависал огромный темный гребень Бастименто, за которым скрывалась Сциара-дель-Фуоко – Огненная лавина. Этот гребень доходил до самой

вершины вулкана, окутанной низкими облаками, сквозь которые виднелись огненные вспышки, сопровождавшие каждый новый выброс лавы вместе с сотрясающим землю оглушительным грохотом.

Диоген знал, что через несколько сотен метров тропа разделялась надвое. Левое ответвление уходило на восток и, изгибаясь, поднималось к кратеру по широким, засыпанным пеплом склонам Лисционе. Правое, более древнее, вело на запад, взбиралось по гребню Бастименто и резко обрывалось в месте пересечения со Сциара-дель-Фуоко.

Она отстала, и у него в запасе по меньшей мере пятнадцать, а то и двадцать минут. Он старался изо всех сил, взбираясь на гору так быстро, как только мог. Она просто физически не могла двигаться с такой же скоростью. И это давало ему время как следует обдумать и спланировать свой следующий шаг – теперь, когда она была там, куда он ее завел.

Диоген присел на раскрошившуюся от старости каменную стену. Первое, что пришло ему в голову, – устроить засаду в густых, почти непроходимых зарослях, обрамлявших тропу. Это очень просто: он спрячется за кустом гинестры в одном из изгибов и, когда она появится в поле зрения, выстрелит. Но такой план имел один серьезный недостаток: он слишком очевиден, и Констанс наверняка его предусмотрела. К тому же заросли были слишком густыми, и ему вряд ли удастся пробраться сквозь них, не поломав веток, что не укроется от внимательного глаза. А она, как оказалось, дьявольски наблюдательна.

С другой стороны, Констанс ничего не знала, не могла знать, о тропе: высадившись на острове, она сразу же направилась к вилле. Ни одна карта не способна передать всю крутизну и опасность этой неровной каменистой дороги. Немного впереди, перед самым разветвлением, есть участок, где тропа проходит под отвесным выступом, потом резко поворачивает и взбирается на него же. Это место со всех сторон окружено скалами, и деться Констанс будет некуда. Он дождется ее, спрятавшись на выступе, и ей придется пройти прямо под ним – другого пути нет. А поскольку она не знакома с тропой, то не сможет догадаться, что та потом возвращается на выступ.

Да. Пожалуй, это то, что нужно.

Диоген продолжил подъем и через десять минут достиг последнего изгиба тропы. Оглядываясь по сторонам в поисках укрытия, он обнаружил еще более удобное место – почти идеальное для засады. В конце концов, поднимаясь, она может заметить выступ и догадаться, где именно он прячется. Но прямо перед ним, глубоко в тени и наполовину прикрытая скалами, была расселина, которая не так бросалась в глаза, – точнее, ее совсем не было видно с нижнего участка тропы.

При мысли о том, что скоро все будет кончено, Диоген ощутил ни с чем не сравнимое облегчение и, затаившись, приготовился ждать. Действительно, лучшее место для засады невозможно себе представить: густая тень и окружающие скалы делали это убежище абсолютно невидимым.

По его расчетам, Констанс должна была появиться минут через пятнадцать. Он застрелит ее, а тело бросит в Сциара-дель-Фуоко, где оно исчезнет навсегда. После этого он вновь станет свободным. Следующие пятнадцать минут показались ему самыми длинными в его жизни. Когда они превратились в двадцать, он ощутил легкое беспокойство. Потом прошло двадцать пять минут… тридцать…

Диоген не знал, что и думать. Он был уверен, что ничем не выдал своего присутствия. Она никак не могла догадаться, где он находится. Наверное, с ней что-то случилось.

Вероятно, она слишком ослабла, чтобы подняться так высоко на гору. Диоген, правда, был уверен, что ненависть придаст ей сил, но, в конце концов, она всего лишь женщина. Она преследовала его много дней, наверняка почти ничего не ела и очень мало спала. К тому же потеряла немало крови. Как можно после всего этого взобраться на высоту почти трех тысяч футов по практически отвесной, незнакомой и очень опасной тропе, да к тому же ночью?.. Скорее всего эта задача оказалась для нее невыполнимой. А может, Констанс поранилась… Тропа была очень старой, часть камней выпала из нее или едва держалась. А в наиболее крутых местах, там, где древние греки соорудили ступени, многие из которых осыпались, она была еще и очень скользкой – настоящая смертельная ловушка.

Смертельная ловушка… Что же, вполне возможно – и даже наверняка – она поскользнулась и сильно ударилась, или упала и вывихнула ногу, или даже разбилась насмерть. Интересно, у нее есть фонарик? Вряд ли.

Диоген посмотрел на часы: прошло уже тридцать пять минут. Он не знал, что делать. Наиболее вероятным ему представлялся вариант со сломанной ногой. Он решил спуститься вниз и проверить. Если она лежит там, не в силах пошевелиться от боли или усталости, убить ее будет совсем нетрудно.

Но в последнюю секунду он остановился. Нет, так не пойдет. А вдруг именно в этом и заключается ее план: убедить его, что она поранилась, и тем самым вынудить спуститься вниз, заманить в ловушку? Он горько усмехнулся. Вот как все, оказывается, просто. Она ждет его в засаде, ждет, пока он спустится. Но он на это не купится. Он сам будет ее ждать. В конце концов ненависть заставит ее подняться на гору.

Прошло еще десять минут, и Диогена вновь одолели сомнения. А что, если ждать придется всю ночь? Что, если она не хочет, чтобы местом последней схватки стала гора? Что, если она вернулась в деревню и затаилась там, что-то замышляя? А может, она вообще обратилась в полицию?

Ему была невыносима мысль о том, что пытка может затянуться. Он этого не вынесет. Все должно кончиться сегодня же ночью… Если она не захочет подняться к нему, он ускорит события, спустившись к ней.

Но как это сделать? Диоген лежал на камнях, вглядываясь в темноту. Охватившее его возбуждение еще больше усилилось. Он попытался поставить себя на ее место, предугадать ее действия. Он не мог позволить себе недооценить ее еще раз.

«Я выбегаю из дома и взбираюсь по склону горы, а она стоит внизу, решая, стоит ли ей подниматься следом, – лихорадочно думал он. – Как бы я поступил на ее месте?» Констанс знала, что он побежит на гору, и знала, что он будет ждать ее там. Она была уверена, что он захочет сражаться с ней на своей территории и на своих условиях.

«Так как бы я поступил на ее месте?» И он тут же нашел ответ. Она решила воспользоваться другим, более коротким, путем и зайти ему в тыл. Но ведь никакого другого пути не было…

И тут Диоген, похолодев, неожиданно вспомнил старую историю, которую слышал от местных жителей. В восьмом веке Стромболи захватили сарацины. Они высадились возле Пертузо – пещеры на другом конце острова, и совершили дерзкий и отважный переход через гору, взобравшись на вулкан и спустившись с противоположной стороны. Они не воспользовались для спуска греческой тропой, а проложили собственный маршрут, чтобы неожиданно напасть на деревню.

Могла она подняться на гору там же, где спустились с нее сарацины? Его мозг напряженно работал. Тогда он не обратил внимания на эту историю, сочтя ее лишь красивой старинной легендой, одной из многих, связанных с островом. Сегодня никто даже не знает, где проходит еще одна тропа. Да и существует ли она вообще? И как могла узнать о ней Констанс? Во всем мире наверняка наберется не более пяти человек, которым известен точный маршрут.

Выругавшись, Диоген напряг память, пытаясь припомнить все подробности. Где же проходила сарацинская тропа? В легенде что-то говорилось о том, как несколько турок упали в Фило-дель-Фуоко, узкое ущелье, отходящее от Сциара-дель-Фуоко. Если это соответствовало действительности, тропа должна огибать Огненную лавину и спускаться – или подниматься, кому как нравится, – по гребню Бастименто.

Диоген вскочил. Теперь он знал – знал! – что задумала Констанс. Она была превосходным исследователем и наверняка раздобыла какие-нибудь старые географические атласы с описанием острова. Она изучила их, все запомнила. Потом выкурила его из дома, как лисицу из норы, и погнала вверх по хорошо знакомой ему тропе. Она заставила его думать, что этот план с самого начала принадлежал ему, а сама тем временем свернула на запад и поднялась вверх по тайной тропе, обойдя его с фланга, пока он сидел в засаде, теряя драгоценные минуты. Она была впереди и ждала его.

Холодный пот выступил у него на лбу. Он оценил потрясающую простоту и хитроумность ее плана. Она все предусмотрела, все продумала заранее. Она знала, что он постарается выбраться из дома. Была уверена, что он затаится где-то наверху у тропы, поджидая ее, и тем самым даст ей – более слабой из них двоих – время, чтобы взобраться по сарацинской тропе на гребень Бастименто…

Диоген внезапно отшатнулся, объятый ужасом, и неподвижно уставился на темный хребет Бастименто, безмолвно и угрожающе нависший над ним. Облака, наползая друг на друга, быстро проплывали мимо вершины, гора стонала и содрогалась при каждом извержении. Вдруг облака расступились, гребень осветился отблесками, отбрасываемыми расплавленной лавой, и в этот момент Диоген увидел женский силуэт – фигуру в белом, танцующую в зловещих отсветах адского пламени. И он мог поклясться, что сквозь завывания ветра и рокот вулкана до него донесся пронзительный, безумный смех…

В приступе ярости он вскинул пистолет и стал стрелять, посылая пули одну за другой и сам ослепленный вспышками выстрелов. Через несколько секунд он опустил пистолет и выругался. Сердце его бешено колотилось. Гребень был пуст – фигура исчезла.

Пора покончить со всем этим. Сейчас или никогда. Он бросился вверх по тропинке, стараясь двигаться как можно быстрее и надеясь, что в темноте она не сможет в него попасть. Впереди показалось разветвление тропы. Более новая часть уходила налево, а правая была перегорожена гремящей на ветру ржавой металлической оградой, на которой болталась табличка с полустертой надписью на двух языках – итальянском и английском:

Впереди поток лавы!

Опасно для жизни!

Проход воспрещен!

Диоген перелез через ограду и, спотыкаясь, продолжил взбираться вверх по древней тропе к вершине гребня Бастименто. У них нет другого

выхода. Один из них вернется вниз, другой будет сброшен в Огненную лавину.

Осталось только узнать, кто в конце концов победит.

Глава 79

Алоиз Пендергаст стоял в том самом месте, где тропа разделялась надвое, и напряженно прислушивался. Менее чем пять минут назад он отчетливо слышал выстрелы – общим числом десять, – донесшиеся до него сквозь рокот вулкана. Присев на корточки, Пендергаст посветил на землю и сразу же понял, что человеком, перелезшим через ограду и продолжившим путь по правому ответвлению тропы, мог быть только Диоген.

Многое в этой загадочной, таинственной ситуации оставалось ему неясным. Следов было слишком мало – они обнаружились только в выбоинах между камнями, куда ветер нанесет песок и пыль. К тому же следы Констанс обрывались почти в самом начале тропы, а те, что принадлежали Диогену, нашлись гораздо выше. Почему? Пендергаст оказался перед выбором – продолжить поиск следов Констанс или отправиться за Диогеном. Правда, выбором это можно было назвать лишь с большой натяжкой: поскольку опасность исходила от его брата, найти в первую очередь следовало именно его.

Пендергасту не давали покоя выстрелы. Кто из них стрелял? И почему столько раз? Только охваченный паникой человек мог выпустить десять пуль подряд. Специальный агент перелез через ограду и стал взбираться по древней тропе, которая вскоре превратилась в руины, угрожавшие обвалиться при следующем шаге. До вершины гребня оставалось примерно четверть мили, и дальше виднелось только небо, подсвечиваемое зловещим оранжевым заревом. Нужно было двигаться быстро и при этом очень осторожно.

Достигнув самого крутого участка гребня, тропа превратилась в лестницу, высеченную в застывшей лаве. Но ее ступени были сильно разрушены, и Пендергаст продолжил подъем, помогая себе обеими руками, для чего пришлось сунуть «кольт» в кобуру. У самой вершины он прижался к склону горы, достал револьвер и внимательно прислушался, но без какого-либо успеха: грохот и рев вулкана здесь были еще громче, а завывания ветра – еще пронзительнее.

Пендергаст подполз к самому краю гребня, подставив лицо обжигающим порывам ветра, и огляделся. Хорошо просматривавшаяся теперь тропа поднималась выше, затем резко поворачивала и исчезала за острым выступом застывшей лавы. Он вскочил, быстро пересек открытое место и укрылся за нагромождением вулканических камней. Потом осторожно выглянул и посмотрел вперед. Справа от него

виднелась глубокая расщелина – скорее всего Сциара-дель-Фуоко. Поднимавшееся от нее красноватое зарево представляло собой прекрасный фон, на котором можно было отчетливо разглядеть человеческую фигуру.

Пендергаст приблизился к острому выступу и тут же увидел Огненную лавину. Крутая скала отвесно уходила вниз, а за ней, словно огромная рана в боку острова, открывалось глубокое ущелье шириной не меньше полумили. Оно отвесно спускалось к морю, бушующему и кипящему в нескольких сотнях футов внизу. Разогретый воздух с шипением поднимался вверх и переваливал через край гребня, неся с собой обжигающие частицы золы и облака сернистых испарений. В следующее мгновение Пендергаст услышал еще один звук: грохот и треск огромных раскаленных кусков лавы, которые вылетали из кратера вулкана и, сталкиваясь и подпрыгивая, неслись вниз по ущелью, после чего падали в море, на поверхности которого расцветали гигантские белые цветы.

С трудом держась на ногах, преодолевая бешеное сопротивление ветра, отталкивающего его от края скалы, Пендергаст осмотрел землю, но ничего не увидел: если здесь и были какие-либо следы, то их уже давно засыпало пылью и пеплом. Он начал быстро взбираться по неровной тропе, пригнувшись к земле и прячась за блоками остывшей лавы. Тропа продолжала подниматься по склону гребня. Вверху он увидел нагромождение огромных вулканических камней – последствие камнепада. Тропа огибала его, резко уходя вправо, к краю обрыва. Спрятавшись за камнями, Пендергаст достал револьвер. Если на тропе кто-то есть, этот человек находится прямо перед ним, у самого ущелья.

Пендергаст вышел из своего укрытия, держа револьвер двумя руками, и его глазам открылась чудовищная картина.

На самом краю ущелья, освещенные призрачным оранжевым сиянием, стояли две фигуры, слившиеся в тесном, почти страстном объятии. Но это были не влюбленные, а враги, сошедшиеся в смертельной схватке, не чувствующие порывов ветра, не слышащие рева вулкана и не видящие, что стоят на самом краю пропасти.

– Констанс! – крикнул Пендергаст и бросился вперед.

Но они уже начали терять равновесие и из последних сил хватали друг друга, увлекая за собой в бездну. А потом в полном молчании, которое было страшнее самого отчаянного крика, исчезли.

Пендергаст кинулся к краю обрыва, подталкиваемый в спину мощными порывами ветра. Упав на колени и прикрыв глаза рукой, всмотрелся в глубь ущелья. Внизу, отделяемые от него несколькими сотнями футов, раскаленные куски лавы размером с небольшой дом неслись вниз, поднимая тучи оранжевых искр и подскакивая, как маленькие камушки.

Дувший со склонов вулкана ветер стонал, словно тысячи обреченных на адские муки грешников. Пендергаст по-прежнему стоял на коленях, в глазах у него нестерпимо резало, по щекам катились соленые слезы.

Он никак не мог осознать увиденного. Ему казалось невероятным, что Констанс – хрупкая, нежная, требующая постоянной заботы – проследовала за его братом на край света, вынудила его взобраться на вершину вулкана и вместе с ним бросилась вниз. Пендергаст яростно потер глаза и снова стал вглядываться в дьявольское ущелье в тщетной надежде увидеть хоть что-нибудь. Вдруг в нескольких футах от себя он заметил окровавленную руку, отчаянно, с нечеловеческой силой цепляющуюся за крохотный выступ в скале. Диоген… И тут в голове его зазвучали слова д'Агосты: «Вы наверняка знаете, что есть только один способ обезвредить Диогена. Если настанет момент…»

Не раздумывая, Пендергаст бросился на помощь брату, схватил его одной рукой за запястье, другую просунул под мышку и изо всех сил потянул вверх, прочь от разверзшейся под ними преисподней. Над краем скалы показалось измученное, безумное лицо. Но это было лицо не Диогена, а Констанс Грин.

Через несколько секунд она лежала на спине у края ущелья, широко раскинув руки. Ее грудь тяжело вздымалась, разорванное белое платье трепетало на ветру. Пендергаст наклонился над ней и с трудом выговорил:

– А Диоген?..

– Его больше нет. – С ее окровавленных губ сорвался хриплый смех, тотчас же унесенный порывом ветра.

Глава 80

Зона ожидания зала заседаний В представляла собой небольшой участок коридора на двадцать первом этаже Полис-плаза, 1, с кое-как расставленными скамейками, чудом уцелевшими с семидесятых годов прошлого века. Д'Агоста сидел на одной из них, вдыхая спертый воздух, насыщенный разнообразными запахами – хлорки и аммиака, доносившимися из соседнего мужского туалета, духов, а также застарелого табачного дыма, настолько въевшегося в стены, что избавиться от него было уже, наверное, невозможно. Но самым сильным, так сказать, основой всего, был неистребимый острый запах страха.

Но как раз страх меньше всего беспокоил д'Агосту. Ему предстояли слушания, от результатов которых зависело, сможет ли он когда-нибудь в будущем служить в правоохранительных органах, и единственное, что он сейчас испытывал, – это ощущение изнуряющей пустоты. Ожидание

процедуры несколько месяцев висело над ним дамокловым мечом, но скоро все будет позади – хоть он и не знал, с каким результатом.

Сидевший рядом Томас Шоулдерс, назначенный профсоюзом адвокат, спросил тонким голосом:

– Вы ничего не хотите посмотреть еще раз? Может быть, ваши показания или вопросы обвинения?

Д’Агоста покачал головой:

– Нет, спасибо.

– Сейчас будет выступать адвокат полицейского управления Нью-Йорка – от него не стоит ждать неприятностей: Кейджелмен человек жесткий, но справедливый, представитель старой школы. Самая лучшая тактика – прямота и искренность. Никаких уверток и нападок. Отвечайте на вопросы односложно: «да» или «нет». Не вдавайтесь в подробности, пока вас об этом не попросят. Старайтесь вести себя так, как мы договорились: вы честный коп, попавший в сложную ситуацию, и делали все от вас зависящее, чтобы обеспечить торжество справедливости. При условии, что нам удастся выдержать эту линию, наши перспективы внушают мне определенный оптимизм.

«Определенный оптимизм». Эти слова, произнесенные пилотом, хирургом или собственным адвокатом, не очень-то воодушевляют. Д’Агоста вспомнил день, когда он встретил Пендергаста в поместье Гроув, где тот бросал хлеб плававшим в пруду уткам. С тех пор прошло всего шесть месяцев, но сколько случилось за это время…

– Готовы? – спросил Шоулдерс.

Д’Агоста посмотрел на часы.

– Скорее бы уж покончить со всем этим. Как мне надоело сидеть здесь, дожидаясь, пока топор наконец упадет.

– Не следует так к этому относиться, лейтенант. Дисциплинарные слушания ничем не отличаются от любого другого судебного заседания в Америке: вы считаетесь невиновным, пока не доказано обратное.

Д’Агоста, вздохнув, устроился поудобнее и в этот момент заметил Лауру Хейворд. Она шла к ним своей обычной деловой, собранной походкой, одетая в серый кашемировый свитер и шерстяную синюю юбку в складку. Ее появление волшебным образом оживило мрачный коридор. И все же он меньше всего хотел, чтобы она видела его таким – сидящим на скамье, словно школьник, ожидающий наказания. А вдруг она пройдет мимо, как в тот день в полицейском участке возле Медисон-сквер-гардена?

Но Лаура не прошла мимо. Она остановилась у скамьи и небрежно кивнула ему и Шоулдерсу.

– Привет, – с трудом выдавил д’Агоста, покраснев от смущения и тут же разозлившись на себя за это.

– Привет, Винни, – ответила она своим низким грудным голосом. – У тебя есть время?

Последовало секундное колебание.

– Конечно. – Д’Агоста повернулся к Шоулдерсу: – Я могу отойти на минуту?

– Только не уходите далеко, нас скоро вызовут.

Д’Агоста проследовал за Лаурой в ту часть коридора, где было потише. Она остановилась и посмотрела на него, одной рукой машинально разглаживая юбку. При взгляде на ее красивые ноги сердце у д’Агосты забилось быстрее. Он лихорадочно соображал, что бы такое сказать, но ничего не смог придумать.

Хейворд тоже выглядела смущенной, что было для нее совсем нехарактерно. На ее мрачном лице отражалась внутренняя борьба. Открыв сумочку, она порылась в ней, потом закрыла и сунула под мышку. Они постояли молча, дожидаясь, пока несколько офицеров полиции, лаборантов и судейских пройдут мимо.

– Ты будешь выступать в суде? – наконец спросил д’Агоста.

– Нет, я дала письменные показания еще месяц назад.

– Значит, тебе нечего добавить?

– Нечего.

От д’Агосты не ускользнул смысл ее ответа, и его охватило небывалое волнение. «Значит, она молчала о моей роли в организации побега Пендергаста, – с облегчением подумал он. – Она никому ничего не сказала».

– Мне позвонил один знакомый из департамента юстиции, – сказала Хейворд, – и сообщил кое-что интересное. Он слышал, что федералы официально сняли с агента Пендергаста все обвинения. Отдел по расследованию убийств, со своей стороны, направил его дело на пересмотр, и, похоже, мы тоже откажемся от всех обвинений. Кроме того, недавно был выписан ордер на арест Диогена Пендергаста – в связи с обнаружением в принадлежащем ему чемодане определенных улик. Я думала, тебе будет интересно об этом узнать.

Д’Агоста вздохнул с облегчением:

– Слава Богу! Значит, теперь он абсолютно чист.

– Только в том, что касается уголовных преступлений. Но это, мягко говоря, не добавило ему любви со стороны сотрудников Бюро.

– Пендергаст никогда не гнался за популярностью, – усмехнулся д’Агоста.

Хейворд едва заметно улыбнулась в ответ.

– Ему дали шестимесячный отпуск – по его ли просьбе или по инициативе Бюро, не знаю.

Д’Агоста задумчиво покачал головой.

– Я подумала еще, что тебе будет интересно узнать и о судьбе специального агента Спенсера Коффи.

– Что же случилось с ним?

– Помимо неприятностей с делом Пендергаста, Коффи оказался замешанным в каком-то скандале, связанном с Херкмором. Вроде бы сначала его перевели в патрульную службу и объявили официальное порицание, а потом отправили в Северную Дакоту, в участок Блэк-Рок.

– Теперь ему придется купить еще одну пару теплого белья.

Хейворд улыбнулась, и вновь повисло неловкое молчание. Со стороны лифтов к ним приближались помощник комиссара и назначенный полицейским управлением обвинитель. Пройдя мимо д’Агосты и Хейворд, они кивнули и скрылись в зале заседаний.

– Если обвинения сняты с Пендергаста, тебя тоже оправдают, – ободряюще произнесла Лаура.

Д’Агоста посмотрел на свои руки.

– Это совершенно разные бюрократические процедуры.

– Да, но когда... – начала было она, но вдруг резко остановилась.

Д’Агоста поднял голову и увидел идущего по коридору Глена Синглтона, одетого, как всегда, с безупречной элегантностью. Капитан Синглтон до сих пор официально считался боссом д’Агосты и, совершенно очевидно, явился, чтобы дать показания. Увидев Хейворд, он остановился.

– Капитан Хейворд, что вы здесь делаете? – сухо поинтересовался он.

– Я решила присутствовать на заседании.

Синглтон нахмурился.

– Судебное заседание не такое уж интересное зрелище.

– Мне это известно.

– Вас ведь уже опросили. И то, что вы явились лично, хотя вас никто не вызывал и не требовал представить новую информацию, может означать… – Синглтон замялся.

Поняв намек, д’Агоста покраснел и украдкой посмотрел на Лауру. То, что он увидел, очень его удивило. Ее лицо больше не казалось мрачным. Оно стало удивительно спокойным, словно после долгой напряженной борьбы Хейворд наконец приняла решение.

– Так что же это может означать? – мягко спросила она.

– Отсутствие беспристрастности с вашей стороны.

– А разве вы, Глен, – невинно произнесла Лаура, – не желаете Винни удачи?

Теперь настала очередь Глена краснеть.

– Конечно. Конечно, желаю. Именно потому я и пришел – чтобы донести до сведения обвинения новые подробности, которые нам стали известны. Я просто не хочу никаких намеков на неподобающее, так сказать… влияние.

– Слишком поздно, – резко ответила Хейворд. – Я уже попала под это влияние. – И она демонстративно взяла д’Агосту за руку.

Несколько секунд Синглтон молча смотрел на них. Потом открыл рот, но тут же закрыл, явно не находя слов. Наконец он неожиданно улыбнулся д’Агосте и положил руку ему на плечо.

– Увидимся в суде, лейтенант, – сказал он, произнеся последнее слово с особым нажимом, повернулся и пошел дальше.

– Что бы это значило? – с удивлением спросил д’Агоста.

– Насколько я знаю Глена, это значит, что у тебя появился сторонник в суде.

Сердце у д’Агосты снова сильно забилось, и он, забыв о предстоящем испытании, вдруг почувствовал себя совершенно счастливым. Казалось, с души его свалилась огромная тяжесть, о которой он даже не подозревал. Он резко повернулся к Хейворд.

– Послушай, Лаура…

– Нет, это ты послушай. – Она легонько сжала его ладонь другой рукой. – То, что произойдет в этой комнате, совершенно не важно. Ты понял меня, Винни? Потому что все, что здесь произойдет, будет иметь отношение к нам обоим. Мы вместе, что бы ни случилось.

Он проглотил подступивший к горлу комок.

– Я люблю тебя, Лаура Хейворд.

В этот момент дверь зала заседаний открылась и секретарь произнес его имя. Томас Шоулдерс поднялся со скамьи, поймал взгляд д'Агосты и кивнул.

Хейворд в последний раз сжала его руку.

– Пора, молодой человек, – сказала она улыбаясь. – Ваш выход.

Глава 81

Послеполуденное солнце бросало бронзовые отблески на вершины холмов долины Гудзона, превращая медленно несущую свои воды реку в бескрайнее море ослепительного аквамаринового сияния. Лес, покрывавший Сахарную гору и Брейкнек-Ридж, только что оделся новой листвой, и казалось, что на холмы набросили пушистую светло-зеленую мантию.

Нора Келли сидела в шезлонге на широкой веранде больницы Фивершэм, глядя вниз, на Колд-Спринг, реку Гудзон и видневшиеся вдали красные кирпичные здания Уэст-Пойнта. Ее муж ходил взад-вперед по краю веранды, время от времени посматривая на открывающийся с нее вид или бросая взгляд на невысокие корпуса частной клиники.

– Мне так тяжело опять здесь находиться, – произнес он вполголоса. – Знаешь, Нора, я ведь не показывался здесь с тех пор, как сам был пациентом Фившэма. О Господи! Не помню, говорил я тебе или нет, но у меня до сих пор болит спина при перемене погоды – в том месте, где хирург…

– Ты говорил мне об этом, Билл, – с театральным отчаянием ответила Нора. – Тысячу раз.

В этот момент повернулась ручка, послышался тихий скрип пружин, и дверь, ведущая на террасу, приоткрылась. Показавшаяся за ней сестра в белом накрахмаленном халате негромко сказала:

– Она ждет вас в западной гостиной.

Нора и Смитбек проследовали за сестрой по длинному коридору.

– Как она себя чувствует? – спросил Билл.

– К счастью, намного лучше. Мы все очень за нее беспокоились. Ведь она такая милая. Теперь ей, слава Богу, с каждым днем становится лучше. Но она все еще быстро устает, поэтому вам придется ограничить свое посещение пятнадцатью минутами.

– Милая! – прошептал Смитбек на ухо Норе, а она шутливо ткнула его в бок.

Западная гостиная оказалась большой полукруглой комнатой, напомнившей Норе жилища в Адирондаке: беленый потолок, сосновые панели и мебель из березы. На стенах висели написанные маслом картины с изображением лесных пейзажей. В массивном камине весело плясал и потрескивал огонь. В центре комнаты, в кресле на колесиках, сидела Марго Грин.

– Марго!.. – позвала ее Нора, но тут же замолчала, потрясенная увиденным.

Стоявший рядом Смитбек едва сдержал изумленный возглас. Марго Грин, которую они увидели, казалась бледной тенью некогда цветущей женщины, соперницы и коллеги Норы по работе в музее. Пугающе худая, с тонкой прозрачной кожей, сквозь которую просвечивали вены, она говорила и двигалась очень медленно и сосредоточенно, словно заново училась это делать. Однако ее темные волосы были все такими же густыми и блестящими, а глаза все так же сияли, напомнив Норе прежнюю Марго. Диоген Пендергаст отправил ее в далекое и опасное путешествие – ему почти удалось оборвать ее жизнь, – но теперь она возвращалась.

– Привет! Рада видеть вас обоих, – проговорила Марго слабым сонным голосом. – Какой сегодня день?

– Суббота, – ответила Нора. – Двенадцатое апреля.

– Хорошо. Я хотела, чтобы сегодня была суббота. – Марго улыбнулась.

Вновь появившаяся сестра захлопотала вокруг нее, усаживая поудобнее, потом обошла комнату, отдергивая шторы и поправляя подушки на диванах, и, наконец, покинула гостиную. Потоки солнечного света ворвались в комнату, позолотив волосы и плечи Марго, так что она стала похожа на ангела, и Нора подумала, что это сравнение не так уж далеко от истины: ведь она столько времени находилась на грани жизни и смерти благодаря лекарственным коктейлям, которыми угощал ее Диоген.

– Марго, мы тебе кое-что принесли, – сказал Смитбек, сунул руку в карман и вынул пакет из плотной коричневой бумаги. – Мы подумали, что тебя это обрадует.

Марго взяла пакет и медленно его открыла.

– Надо же! Первый номер моей «Музеологии»!

– Открой его. Там стоят подписи всех сотрудников отдела антропологии.

– И даже Чарли Прайна? – Глаза Марго сверкнули.

Нора рассмеялась.

– И даже Прайна.

Они подвинули к креслу два стула и присели.

– В музее без тебя очень скучно, – сказала Нора. – Так что придется тебе поторопиться с выздоровлением.

– Верно, – улыбаясь, поддержал ее Смитбек, к которому уже вернулось его обычное хорошее настроение. – Эта старая развалина нуждается в том, чтобы ее время от времени хорошенько встряхивали, не то она совсем зарастет пылью.

Марго тихо засмеялась.

– Из того, что я прочитала, можно сделать противоположный вывод: это как раз последнее, что сейчас нужно музею. Правда, что в давке на открытии гробницы погибли четыре человека?

– Да, – ответила Нора. – И еще шестьдесят были ранены, причем более десяти из них тяжело. – Она переглянулась со Смитбеком.

Согласно официальной версии, опубликованной через две недели после открытия, в программном обеспечении, управлявшем светозвуковым шоу, произошел сбой, в результате чего компьютерные системы вышли из-под контроля и вызвали панику. То, что произошло на самом деле, было известно лишь нескольким избранным из числа сотрудников музея и представителей правоохранительных органов.

– И директор тоже пострадал? – снова спросила Марго.

Нора кивнула.

– С Коллопи случился какой-то припадок, и сейчас он наблюдается в психиатрическом отделении нью-йоркской больницы. Врачи говорят, что он скоро поправится.

В этих словах, конечно, была правда, но далеко не вся.

Коллопи, как и еще несколько человек, стал жертвой светозвукового шоу Диогена и чуть не сошел с ума из-за воздействия лазера в сочетании со звуковыми волнами очень низкой частоты. То же могло бы случиться и с Норой, если бы она не закрыла глаза и не заткнула уши, – в результате ей удалось отделаться неделей ночных кошмаров. Пендергаст и остальные остановили шоу прежде, чем оно достигло своей кульминации и его последствия стали необратимыми, поэтому прогноз для Коллопи и других пострадавших, в отличие он несчастного Липпера, был вполне оптимистичным.

Нора задумчиво откинулась на спинку стула. Когда-нибудь она расскажет Марго обо всем. Но не сегодня: той еще предстоит проделать долгий путь к выздоровлению.

– А как, по-твоему, все это отразится на музее? – спросила Марго. – Ведь трагедия на открытии случилась сразу же после кражи алмазов.

Нора покачала головой.

– Вначале все подумали, что это будет последней каплей, особенно потому, что среди пострадавших была жена мэра. Но случилось прямо противоположное. Из-за всех этих неприятностей выставка «Гробница Сенефа» стала самым крутым шоу в городе. Спрос на билеты растет с невероятной скоростью. Сегодня утром я даже видела на Бродвее одного парня в майке с надписью «Я избежал проклятия».

– Значит, гробницу откроют? – вновь спросила Марго.

Смитбек кивнул.

– И очень скоро. Большинство артефактов уцелело. Предполагается, что через месяц все будет готово.

– Этим занимается новый египтолог, – добавила Нора. – Она использует оригинальный сценарий, но удаляет из него сомнительные спецэффекты. А в целом светозвуковое шоу будет почти таким же, как задумывалось изначально. Виола – замечательная женщина, остроумная и очень простая. Нам с ней повезло.

– В газетах сообщалось о каком-то агенте ФБР, который помог спасти людей, – вставила Марго. – Не Пендергаст ли, случайно, имелся в виду?

– Как ты догадалась? – удивилась Нора.

– Просто ему почему-то всегда удается оказываться в самой гуще событий.

– Это уж точно, – согласился Смитбек, и улыбка исчезла с его лица.

Нора заметила, что он невольно начал поглаживать руку, обожженную кислотой.

В дверях появилась сестра.

– Марго, я отвезу вас в палату через пять минут.

– Хорошо. – Марго снова повернулась к Норе и Смитбеку. – Наверное, теперь он все время проводит в музее, задает вопросы, смущает чиновников? Одним словом, постоянно всем надоедает?

– Как ни странно, нет, – ответила Нора. – Он исчез сразу после открытия, и с тех пор его никто не видел и ничего о нем не слышал.

– В самом деле? Очень странно.

– Да, – согласилась Нора. – Действительно, очень странно.

Глава 82

В конце мая двое – мужчина и женщина – сидели на террасе чистенького оштукатуренного домика на острове Капрайя, с которого открывался захватывающий вид на Средиземное море. Терраса находилась почти у самого края обрыва. Далеко внизу волны набегали на подножие черной вулканической скалы, над которой кружили неугомонные чайки, а еще дальше, насколько хватало глаз, простиралась синяя бесконечность.

На террасе стоял старый деревянный стол с незатейливым угощением: круглый крестьянский хлеб, копченые колбаски, бутылка оливкового масла, тарелка оливок, два бокала белого вина. Воздух наполнял аромат цветущего лимона, к нему примешивалось благоухание дикого розмарина и запах соленой морской воды. Над террасой, на горном склоне, виднелись ряды виноградной лозы с устремленными вверх закручивающимися усиками. Единственными доносившимися до них звуками были едва слышные крики чаек да шепот легкого бриза, игравшего пурпурными листьями бугенвиллеи.

Они сидели, потягивая вино и переговариваясь вполголоса. На женщине были поношенные холщовые брюки и старая рабочая рубашка, резко контрастировавшие с ее тонким благородным лицом и рассыпавшимися по спине блестящими темно-рыжими волосами. Насколько неформальной казалась одежда женщины, настолько строго был одет мужчина – в черный итальянский костюм, накрахмаленную белую сорочку с галстуком, узел на котором, правда, был слегка ослаблен.

Эти двое смотрели на третьего члена их маленькой компании – красивую молодую женщину в бледно-желтом платье, с задумчивым видом прогуливавшуюся по оливковой роще возле виноградника. Время

от времени она останавливалась, срывала цветок, вертела его в руках и рассеянно бросала на землю лепесток за лепестком.

– Кажется, я наконец все поняла, – произнесла женщина, сидевшая на террасе. – Но вот одну вещь вы мне не объяснили: как вам удалось избавиться от электронного браслета и не поднять тревогу?

Мужчина небрежно махнул рукой:

– Это детские игры. Внутри пластикового браслета имеется проволока, по которой проходит ток. Предполагается, что браслет невозможно снять, не разрезав проволоку. В этом случае происходит короткое замыкание и включается сигнал тревоги.

– И как же вам удалось этого избежать?

– Я расцарапал пластик в двух местах, обнажив проволоку, потом прикрепил к этим участкам концы проволочной петли, сделал разрез между ними и снял браслет. Элементарно, моя дорогая Виола.

– Какой вы хитрец! А где же вы раздобыли проволоку?

– Сделал из оберток от жевательной резинки. К несчастью, я был вынужден тщательно разжевать жвачку, поскольку мне нужно было закрепить концы петли.

– А жвачка? Где вы взяли ее?

– У моего знакомого из соседней камеры. Очень талантливый молодой человек. Он открыл мне целый новый мир – мир ритма и ударных инструментов. Он подарил мне одну драгоценную упаковку жевательной резинки из своих запасов в обмен на небольшую услугу.

– Какую же?

– Я должен был его слушать.

Женщина улыбнулась:

– За все приходится платить.

– Вероятно, вы правы.

– Раз уж мы заговорили о тюрьме… Не могу передать вам, как я была счастлива получить вашу телеграмму. Я уже боялась, что вас не выпустят из страны.

– В чемодане Диогена нашлось достаточно улик, чтобы снять с меня все обвинения в убийствах; в результате осталось лишь три более-менее серьезных преступления: кража «Сердца Люцифера», похищение специалиста по драгоценным камням по фамилии Каплан и побег из

тюрьмы. К счастью, ни музей, ни Каплан не стали настаивать на обвинении, а что касается тюрьмы, то ее начальство было лишь радо поскорее забыть о том, что их система безопасности оказалась уязвимой. Поэтому я здесь. – Он замолчал и сделал глоток вина. – А теперь позвольте и мне задать вопрос. Как вышло, что вы не узнали в Мензисе моего брата? Вам ведь уже приходилось видеть его в маскараде.

– Я и сама думала об этом. Да, мне приходилось видеть его в образе двух разных людей. Но ни один из них не был Мензисом.

Повисло молчание. Виола перевела взгляд на молодую женщину в оливковой роще.

– Какая необычная девушка.

– Да, – ответил мужчина. – И даже более необычная, чем вы думаете.

Они молча смотрели на молодую женщину, словно призрак, бродившую между деревьями.

– Как получилось, что вы стали ее опекуном?

– Это очень длинная и запутанная история. Когда-нибудь я вам обязательно ее расскажу. Обещаю.

Женщина улыбнулась и поднесла бокал к губам. Они снова замолчали.

– Что вы скажете о вине нового урожая? – через некоторое время спросила женщина. – Я достала его из погреба специально к вашему приезду.

– Оно такое же восхитительное, как и старое. Насколько я понимаю, оно с ваших собственных виноградников?

– Да. Я сама собирала виноград и даже сама его давила – своими собственными ногами.

– Даже не знаю, чувствовать ли мне себя польщенным или прийти в ужас. – Он взял колбаску и разрезал ее на четыре части. – Надеюсь, для этого вам не пришлось собственноручно подстрелить кабана?

Виола улыбнулась:

– Нет, где-то же я должна была остановиться. – Она посмотрела на него, и ее лицо стало серьезным. – Алоиз, вы делаете героические усилия, чтобы меня развеселить.

– Но, как видно, мне это не слишком удается, раз вы заметили только усилия. Что ж, очень жаль.

– Вы чем-то обеспокоены. И плохо выглядите. Дела у вас идут не очень хорошо, или я ошибаюсь?

Поколебавшись секунду, он медленно кивнул.

– Жаль, что я ничем не могу вам помочь.

– Виола, одна ваша компания оказывает на меня тонизирующее воздействие.

Она улыбнулась, и ее взгляд вновь вернулся к молодой женщине.

– Как странно, что убийство – а ведь это было именно убийство, не правда ли? – подействовало на нее так умиротворяюще.

– Да. Но несмотря на это, мне иногда кажется, что она навсегда останется ущербной. – Он помолчал. – Теперь я понимаю, что было неправильно держать ее в четырех стенах в Нью-Йорке. Она должна была увидеть мир. Ведь Диоген сыграл как раз на этом ее желании. Я допустил ошибку и сделал ее уязвимой перед ним. И теперь меня до конца жизни будут преследовать раскаяние и чувство вины.

– Вы говорили с ней об этом? Я имею в виду, о ваших чувствах? Это может помочь вам обоим.

– Я пытался, и не один раз. Но она категорически отказывается обсуждать эту тему.

– Возможно, со временем она изменится. – Виола поправила волосы. – Куда вы отправитесь дальше?

– Мы уже побывали во Франции, Испании, Италии – кажется, ее заинтересовали развалины древнего Рима. Я делаю все возможное, чтобы она не вспоминала о том, что случилось. Но она все равно чем-то озабочена и целиком погружена в себя. Да вы и сами видите.

– Думаю, Констанс в первую очередь нуждается в том, чтобы вы ее направили.

– В каком смысле?

– Вы все прекрасно понимаете. Чтобы вы ее направили, как отец направляет свою дочь.

Пендергаст заерзал на стуле.

– У меня никогда не было дочери.

– А теперь есть. И знаете что? Думаю, от всего этого затеянного вами путешествия не будет никакого толку.

– Мне уже приходила эта мысль.

– Вам нужно исцелиться – обоим. Вы должны пережить это вместе.

Немного помолчав, Пендергаст тихо произнес:

– Я начал подумывать о том, чтобы на некоторое время удалиться от мира.

– Вот как?

– Поселиться в монастыре, где я уже жил какое-то время. Это очень уединенное место в западной части Тибета, почти недоступное. Думаю, нам стоит отправиться туда.

– Сколько времени вы там пробудете?

– Столько, сколько потребуется. – Он отпил вина. – Думаю, несколько месяцев.

– Это может оказаться чрезвычайно полезным. Но я должна спросить вас еще кое о чем. А что ждет… нас?

Он поставил бокал на стол.

– Все.

Повисла короткая тишина.

– Что вы хотите этим сказать? – очень тихо спросила она.

– У нас впереди вся жизнь, – медленно ответил Пендергаст. – После того как я устрою Констанс, придет наша очередь.

Она коснулась его руки.

– Я помогу вам с Констанс. Привозите ее зимой в Египет. Я буду снова работать в Долине царей, а она сможет мне помогать. Работа археолога тяжелая, но очень интересная.

– Вы это серьезно?

– Конечно.

Пендергаст улыбнулся.

– Превосходно. Думаю, ей эта идея понравится.

– А вам?

– Думаю… думаю, тоже.

Подошла Констанс, и они замолчали.

– Как вам нравится Капрайя? – спросила Виола, когда девушка поднялась на террасу.

– Здесь очень красиво. – Она подошла к перилам, сбросила на пол поломанный цветок и, положив руки на теплый камень, стала смотреть в море.

Виола улыбнулась и незаметно толкнула Пендергаста:

– Расскажите ей о моем предложении. А я пока пойду в дом.

Пендергаст поднялся из-за стола и подошел к Констанс. Она все еще стояла неподвижно, глядя в морскую даль, и ветер играл ее длинными волосами.

– Виола предложила взять тебя с собой в Египет этой зимой, помочь ей проводить раскопки в Долине царей. Ты смогла бы не только лучше узнать историю, но и прикоснуться к ней собственными руками.

Констанс отрицательно покачала головой, продолжая смотреть на море. Повисла тишина, нарушаемая только криками чаек и шорохом прибоя.

Пендергаст подошел ближе.

– Пора перестать об этом думать, Констанс, – сказал он. – Теперь ты в безопасности. Диоген мертв.

– Я знаю.

– Тогда ты должна знать, что тебе больше нечего бояться. Все в прошлом. Все кончилось.

Констанс ничего не ответила, и в ее голубых глазах отразилась лазурная пустота моря. Наконец она повернулась к нему.

– Нет, не кончилось.

Пендергаст посмотрел на нее и нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

Она молчала.

– Что ты имеешь в виду? – снова спросил он.

Наконец Констанс ответила, и в голосе ее прозвучала такая усталость, такая отчужденность, что Пендергасту стало холодно под лучами теплого майского солнца:

– Я беременна.

Примечания

1

Имеется в виду газета «Нью-Йорк таймс». – Здесь и далее примеч. пер.

2

У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», II акт. Пер. Е. Савич.

3

В пер. с англ. darling – милый, очаровательный.

4

Персонаж романа Вудхауса «Дживс и Вустер».

5

Успокойтесь. Успокойтесь (фр.).

6

Герцог (фр.).

7

Маркиз (фр.).

8

Опускается ночь, восходят звезды (ит.).

9

Сметаны (фр.).

10

Овидий. Метаморфозы.

11

Овидий. Метаморфозы.

12

Шарль Бодлер. «Les Fleurs du Mal».

13

Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад.

14

Т.С. Элиот. Полые люди.

15

Т.С. Элиот. Полые люди.

16

Уильям Шекспир. Гамлет.

17

Над величественным замком Вероны

Нещадно палит полуденное солнце.

У гор Чиузы трубят рога судьбы,

И их звук разносится по равнине… (ит.)

18

Эндрю Марвелл. Его застенчивой госпоже.

19

Кто там? (ит.)